This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile
printed by microfilm/xerography on acid-free paper
in 1982 by
UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

СОЧИНЕНІЯ

ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

c. 2

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 4 Февраля 1847.

Цензоръ С. Куторга.

ТИЛЕМАХІДА

ИЛИ

СТРАНСТВОВАНІЕ

ТИЛЕМАХА СЫНА ОДУССЕЕВА

ОПИСАННОЕ

ВЪ СОСТАВѢ ПРОІЧЕСКІЯ ПІИМЫ

ВАСІЛІЕМЪ ТРЕДІАКОВСКИМЪ

Надворнымъ Совѣтникомъ

ЧЛЕНОМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ІМПЕРАТОРСКІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СЪ ФРАНЦУЗСКІЯ НЕСТІХОСЛОВНЫЯ РѢЧИ

СОЧИНЕННЫЯ

ФРАНЦІ́СКОМЪ ДЕ САЛІНЬЯ́КОМЪ ДЕ-ЛА-МО́ТОМЪ

ФЕНЕЛО́НОМЪ

АРХІЕПІСКОПОМЪ-ДЮ́КОМЪ КАМБРЕ́ЙСКИМЪ

ПРІНЦОМЪ СВЯЩЕННЫЯ ІМПЕРІИ.

БИБЛІОТЕКА 8 XI

№

ПРЕДЪПЗЪЯСНЕНІЕ

ОБЪ

ИРОІЧЕСКОЙ ПІИМѢ.

Проіческая, [1]) инако [2]) Эпіческая Піима, и [3]) Эпопіа, есть крайній верьхъ, вѣнецъ, и предѣлъ высокимъ произведеніямъ разума человѣческаго. Она и глава, и совершеніе конечное, всѣхъ преизящныхъ подражаніи Естеству, изъ которыхъ ніедино не содѣлываетъ бо́льшія сладости человѣкамъ, съ природы любоподражателямъ, коль сіе, толикаго превосходства, Эпіческое подражаніе Живонапису́ющее искусство, какъ превесьма въ тѣсныхъ находящееся границахъ, не можетъ отнюдъ произвесть равнаго сердцу удовольствія, коликое бываетъ отъ Проіческія Піимы: въ томъ все нѣмо; въ сей же, напротивъ, словесно все и все изобразительно. Сія едина уловляетъ хитро, что есть са́мое нѣжное въ чувственнос-

---

[1] Героіческая.

[2] Отъ ἔπος, Сказаніе; а сіе отъ ἐπω, Сказую: отъ чего ἐπικὸν ποίημα, есть Сказательное твореніе, въ которомъ (Χρὴ ἑπεσθαι τὰς Φάσεις ἀλλήλαις) должно слѣдовать Стопа́мъ взаимственно, тоесть, сцѣпляясь между собою.

[3] ἐποποία, Стіхотворство (по превосходству).

тахъ, а тонкое и живое въ мыслахъ. Едина сія входитъ и въ глубину внутренностей нашихъ, возбуждая въ ней преутаенные душевные пружины въ подвижность. Соединяя въ себѣ, дивнымъ счетаніемъ, всѣ пріятности [1]) Зографства и [2]) Мусікіи, имѣетъ, сверьхъ сихъ, еще неизреченные, коихъ нигдѣ инде не заемлетъ, и которые вѣдомы ей токмо единой. Пінма Ироіческая, подаетъ и твердое наставленіе человѣческому роду, научая сей любить Добродѣтель, и быть, съ удивленіемъ ей, Добродѣтельну: научаетъ же не угрюмымъ нахмурившаяся взоромъ, или властительскимъ оглушающая въ надменіи гласомъ; но, въ добролѣпотномъ и умильномъ лицѣ, забавляющая и увеселяющая Пѣснми. Она вѣщаетъ то самое, что сущее Нравоучительное Любомудріе, и есть Нравственная истиною Філософія; однако, не суровымъ Рубищемъ и темнымъ одѣянная, но свѣтло, богато, и стройно наряженная, къ Учительствуемымъ предъисходитъ. Съ другія страны, коль есть ни пріятна Історія, и многополезна; но Ироіческая Пінма, пригвождая къ единой точкѣ сію самую Історію, даетъ ей быть въ видѣ весьма привлекающемъ болѣе, а сіе, какъ убавленіемъ отъ нея огромнаго Пространства, такъ и прибавленіемъ къ ней Окольностей веселѣйшихъ: симъ самымъ и приводитъ ея въ лучшее состояніе, къ произведенію бо́льшихъ содѣятельностей и плодовъ, въ разсужденіи наставленія и сего сладости. Історія есть обширная Страна, измѣряемая всѣмъ разстояніемъ мѣстъ, и многочисленіемъ лѣтъ;

[1] Живописство. — [2] Музыка.

но Эпопіа, Поле токмо предлежащее, распещренное цвѣтáми, и окруженное благосѣнолиственными рощами: такъ что, та посылаетъ въ далекое и долгое путешествіе, а сія изводитъ на не многовременное токмо гуляніе въ прохладу. Вкратцѣ, Проіческая единственно Піима изобрѣла средство, преподавать Истину, красующуюся убранствомъ багрянозарнымъ, сіяющую удобреніемъ благоприличнымъ, и высящуюся величіемъ сановнымъ; да и каждаго въ почтеніе къ себѣ и въ преданность приводящую, никогожъ. и цѣломудраго самаго, отъ себя не отвращающую, да видитъ ея всю, и да наслаждается ею: ибо не нагая представляется, но облеченная въ преиспещренные оные Рíзы [1]), и тѣ хитроистканные, дабы, единымъ воззрѣніемъ вдругъ созерцаемая, не привела къ сытости зрѣнія, по человѣковъ непостоянству и слабости, да удержавалабъ долго на себѣ взоръ велелѣпность разсматривающій, какъ ненасытно дивящійся въ любопытствѣ, и чрезъ то вперилась бы и впечатлѣлась въ разумъ на всѣ вѣки незабвенно.

Вымыслившій презнаменитое и благодаровитое сіе Изобрѣтеніе, да и вдругъ первый до верьховнаго совершенства приведшій, какъ то нѣкоторыи мнятъ, есть [2]) Омиръ, родившійся за 884 года, по счисленію Уссеріеву, прежде Рождества Хрістова. Но весьма вѣроятнѣе, что онъ не самоначальныій и единственный Піитъ Ироіческій въ [3]) Елладѣ, да намъ токмо изъ всѣхъ предревнихъ [4]) Еллинскихъ Піи-

[1] Ризы, одежды. — [2] Гомеръ. — [3] Грецiя. — [4] Греческихъ.

товъ, вѣдомый есть первый. Великое былобъ диво или паче чудо, ежелибъ Омиръ вразъ пресовершенную сію изобрѣлъ Піиму, не имѣя прежде ніединаго ей и не совершеннаго образца: человѣческаго разума такое всеконечно есть свойство, что долго онъ какъ будто пе́рстами ощущаетъ, прежде нежели прямо огорсти́тъ, что есть Добро́ и что Красно́ есть. Ктомужъ, сіе достовѣрно, что прежде Омира были въ Елладѣ Піиты, именножъ, Орфе́й, коего [1]) Маро́нъ нарицаетъ Ѳракійскимъ, а [2]) Флаккъ Священнымъ; Мусе́й, о которомъ Лаертіевскій, въ Книгѣ 1. свидѣтельствуетъ произрекшемъ, «Отъ тогожъ единаго все есть происходяще, и въ тожъ едино разрѣшающеся все»; Лінъ, самого [3]) Праклія писменамъ и игранію на Лѵрѣ обучавшій. Какъ же то ни есть; однако имѣемъ мы нынѣ единственно, отъ са́маго перваго Омира, двѣ Піимы сего преверьховнаго рода, тоесть Ироіческіе, на Еллинскомъ языкѣ: да и въ толикомъ тѣ совершенствѣ по всему составу своему, что Омиру приписанъ зиждительный въ семъ разумъ, «и самъ онъ возвеличенъ Источникомъ разумовъ»: Fons ingeniorum Homerus. [4]) Изъ сихъ одна именуется *Іліа́да*, воспѣвающая Ахіллеевъ [5]) гнѣвъ подъ Троею; а другая *Одѵссія*, повѣствующая Странствованіе Одѵссе́ево, [6]) по взятіи Еллинами града онаго Фрѵгійскаго Трои, именуемаго собственно *Іліо́нъ*: обѣжъ онѣ соде́ржатъ въ себѣ по дватцати по четыре [7]) Книги, точное число Еллинскаго Алфа-

[1] Віргілій. — [2] Горацій. — [3] Геркулесъ. — [4] Плін. кн. XVII гл. 5. — [5] Ахіллесовъ. — [6] Улѵссово, или Улѵксово. — [7] *Ῥαφωδίαι.*

вíта, отъ Алфы по Омегу включительно, такъ что каждая Книга, въ той и другой Пíснѣ, именами писменъ, вмѣсто числительныхъ, означается. Сіе впрочемъ достойно примѣчанія, коль много Древніи истощали себя на похвалы Омиру. Сверьхъ, что онъ Источникъ Разумовъ, по Плíнію; есть онъ же и «Сладкопѣсненныхъ [1]) презящный, по Θеокріту»; и «божественный [2]) суще Проповѣдникъ Добродѣтели, «по Дíону Хрυсостому»; и «велíй [3]) Пророкъ Истины и Правды, по Лукíану»; а изъ Новыхъ по Англичанину Вáрнису [4]), Онъ есть ужé не токмо сей «Пророкъ, какъ пренесравненный Пíитъ, но и Про«рокъ [5]) Богодухновенный». Однако, послѣднее сіе развѣ токмо такъ, какъ [6]) Насóнъ о Пíитахъ вобще разумѣетъ утверждая:

Есть [7]) богъ въ насъ; его сотрясеніемъ мы пламенѣемъ:
Сѣмя священна ума имать стремленность сія.

Инако, можноб почéсть Вáрниса, Профессора Еллинскаго Языка, въ одномъ изъ Університетовъ Великобрíтанскихъ 1711 года, за превосшедшаго праведную мѣру, Хрíстіанина бывша, а не Язычника.

---

[1] Οὗτος (Ὅμηρος) ἀοιδῶν λῷστος.

[2] Τὸν μὲν Ὅμηρον ἐνόμιζε θεῖον τῷ ὄντι ἥρωα τῆς ἀρετῆς.

[3] Ὅμηρος ὁ μέγας ἀληθείας καὶ παῤῥησίας προφήτης.

[4] Барнесъ.

[5] Homerum non modo Poëtam praestantissimum, sed et Prophetam Θεόπνευστον.

[6] Овидій.

[7] Est Deus in nobis, agitante calescimus illo:
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Но, не уважая Ва́рниса, доношу, что Любопытство, возведшее очи свои на Омирову картину Іліа́ды, и вперившее вниманіе въ ту, узритъ и познаетъ все Предначертаніе, Начертаніе, Очертаніе, Добро́ту, и Изящность живописанія его не въ сей токмо Пѣснѣ, но и въ Одуссіи второй егожъ, да и во всѣхъ ктому, подражавшихъ потóмъ исправно зиждительному своему Началоводцу, и списывавшихъ съ его [1]) Героевъ, да своихъ преукрашенно подобныхъ содѣлаютъ.

Вопервыхъ, избралъ Омиръ въ основаніе своей Іліадѣ, изъ Бытій Исторіи, но не просто Исторіи, да Исторіи Героическихъ временъ, баснословныхъ тѣхъ и мрачныхъ, [2]) ГНѢВЪ Ахіллесовъ, толь смертоносенъ бывшій [3]) Ахе́ямъ, какъ вещь, могущую поля́ть Наставленіе и усладить Украшеніями. Потóмъ, удовольствовался онъ токмо единымъ ДѢЯНІЕМЪ изъ всѣхъ дѣяній Ахіллесовыхъ, коего Началу, Продолженію, и Окончанію далъ распространеніе не преобширное, такое привелобъ въ скуку, но довольно распротяженное, дабы удовлетворить любоиспытанію: восхотѣлъ предложить нѣкое благоискусное Изображеніе своими Красками. Итакъ, распредѣлилъ тутъ и расположилъ порядокъ весь, и всѣ сразмѣрности, какъ во всецѣломъ написаніи, такъ и въ частяхъ его, по мѣрѣ осяженія очами человѣческими: а да не утрудитъ зрѣнія, соединилъ Цѣлость и Ча́сти

---

[1] Героевъ.

[2] *Οργὴ Αχιλλέως, ὀργίλος Αχιλλίνς.*

[3] Грекамъ.

сличіями оными тонкими и точными, кои одно Естество наблюдаетъ прилѣжно во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Пінтъ есть [1]) Зографъ Естества. Уразумѣлъ Омиръ, что Гнѣвъ Ахиллесовъ приноситъ ему Вещь великую, Вещь простую, Вещь привлекающую, и которыя Цѣль сія, дабы произъявить Читателямъ, увеселяя ихъ, что Несогласіе между Главными, есть всегда пагубно Обществу. Не семужъ одному Наставленію, для Благонравія, быть тутъ стало должно. Надобно было всегда пригвождать Читателей вещами, имѣющими наиболѣе соединенія съ ихъ Понятіями: чего ради разсѣялъ онъ по всей Книгѣ твердое Нравоученіе, глубокое Любомудрствованіе, и ликовствующее Добродѣтелей, по чувствительныхъ претерпѣніяхъ, Торжествованіе; а понятія сіи воспріяты всякимъ родомъ человѣковъ, еще и самыхъ порочныхъ.

Наблюдалъ паче всего, да Дѣйство будетъ вѣроятно и подобно Правдѣ въ шествіи, какъ то оно есть истинно въ самомъ существѣ: вѣроятность Басни обольщающія, соединенная съ истиною Исторіи удостовѣряющія, сугубое содѣлываетъ впечатлѣніе; а остроумныя по естественной сообразности лжесловія, имѣютъ тогда всю важность Правды, со всѣми пріятностями заблужденія, да обмануты будутъ человѣки въ свою пользу. Къ сей ВѢРОЯТНОСТИ, господствующей всюду, присовокупилъ ЕДИНСТВО, какъ часть оныя: ибо еслибъ соединить совокупно многія Дѣйства, не зависящія одно отъ другаго; тобъ

[1] Живописецъ.

X.

Пѣснь его не была уже́ одна большáя Картина, но здѣлалось бы множество маленькихъ Образкóвъ, не могущихъ составить единыя пріемлющыя Всецѣлости. Итакъ, держался единаго и всюду владычествующаго Дѣйства; а присовокуплявшіяся къ сему не большія по необходимости, были такъ сопряжены съ нимъ, что не можно тѣхъ отнять отъ сего, не приведъ всего Дѣла въ безобразіе: рáвно какъ не возможно ничего отторгнуть отъ человѣческаго тѣла, не повредивъ стройности, надобности, и сразмѣрности. Симъ сáмымъ Дѣйствіе его Главное и стало ЕДИНОЕ, ЦѢЛОЕ, и СОВЕРШЕННОЕ. Въ семъ Дѣйствіи, ПРОДОЛЖЕНІЕ ВРЕМЕНИ зависитъ у него не токмо отъ числá приключеній, сходственно съ Вѣроятностію, но еще и отъ постиженія Читателей, долженствовавшихъ быть въ такомъ прицѣлѣ, чтобъ имъ осмотрѣть однимъ воззрѣніемъ, и безъ труда, все ядрó, и весь окладъ Дѣйствія. Сіе точно есть Прáвило на Продолженіе Времени: а Прáвило сіе предписывается Пѣнту сáмымъ Разумомъ.

Итакъ, не представилъ Омиръ своего Героя, то-есть, Главнаго и первенствующаго Лицá Дѣйствію, во всемъ распространеніи, да опишетъ Житія его дѣянія: былъ бы Пѣнтъ чрезъ сіе Исторікъ, или просто Стіхописецъ. Удовольствовался токмо единымъ Гнѣвомъ его на Агамемнона, восхитившаго у него Плѣнницу, фрутійскую Отроковицу, именемъ [1]) Врісѝиду. Да еще и сего приключенія не нáчалъ превесьма издалéка; но, при сáмыхъ почти градскúхъ

[1] Брiзеiда.

стѣнахъ, предложилъ вдругъ Распрю, между обоими тѣми Государями, загремѣвшую въ Станѣ, не остановившись ни на мало при описаніи Троянскія Брáни, которой данó мѣсто въ Послѣдованіи, да явится съ бóльшимъ сіяніемъ. Распря сія, есть Первая Часть Піимы, и дверь къ приключеніямъ, долженствовавшимъ слѣдовать. Вторая состоитъ въ Битвахъ между Еллинами и Троянами, въ отсутствіе раздраженнаго Ахиллея. Сія есть точно, которая называется УЗЕЛЪ, или ЗАВЯЗАНІЕ, или ЗАПЛЕТЕНІЕ. [1]) Зевсъ на вѣсáхъ своихъ вѣситъ въ ней участь обоихъ Народовъ. Онъ содéржитъ или разрываетъ Равновѣсіе по предѣламъ Судьбы, и по домогательству Богóвъ, иныхъ благопріятствующихъ, а иныхъ враждующихъ. Ахéи [2]) иногда Побѣдители, но частѣе Побѣжденные, почувствовали наконецъ крайнюю нужду въ Ахиллеѣ. Сей пребываетъ непреклóненъ; и неумолимо отказываетъ имъ отъ своея пóмощи, даже до того времени, какъ другъ его Патроклъ, убитый Ектóромъ, воспламеняетъ его къотмщенію: такъ что попускается сей въ предпріятіе по досадѣ, въ которое не хотѣлъ попуститься по справедливости. Итакъ, устремился на Битву съ Ектóромъ, и сего убилъ. Въ семъ сáмомъ и состоитъ РАЗВЯЗАНІЕ, или РАСПЛЕТЕНІЕ, или ОКОНЧАНІЕ всего Дѣйствія.

Піитъ разсудилъ за благо употребить во всей своей Піимѣ, разныя Народы, разныхъ Военачальниковъ, и Богóвъ сопротивляющихся другъ другу, какъ сказано выше; сіежъ и основательно: ибо Че-

[1] Юпітеръ. — [2] Греки.

ловѣки поражаются внутрь изображеніемъ Страстей, и возбуждаются въ подвижность Чудесностями. Сердце человѣческое, не имѣющее другаго Предводителя кромѣ Самолюбія, охотно любитъ находить само себя во всемъ, и слѣдовательно видѣть въ другомъ дѣйство болѣзнованія, радости, страха, ненависти, и еще любви, коея чувствуетъ въ себѣ сильное волнованіе. Человѣкъ, съ природы суетенъ, безпокоенъ, любопытенъ къ будущему, и любитель Чрезвычайнаго, ищетъ насытить себя мечтаніями, согласными его Пожеланіямъ. Посему, надобны ему вымышленныя Дива, и Пристрастія вымышленныя, однако имѣть бы имъ видъ Истины: что ему кажется Невѣроятно, или Чудовищно, отъ того съ досадою и омерзѣніемъ отвращается. Удовлетворилъ Омиръ обѣимъ симъ Склонностямъ; а какъ? Оживотвореніемъ всего безчувственнаго Естества, Одушевленіемъ всѣхъ Вещей бездушныхъ, и Приведеніемъ въ Пристрастіе Боговъ и Человѣковъ, Божественности его, Цари, и Народы, дѣйствуютъ и говорятъ по воспріятымъ мнѣніямъ. Не-было ему нужды разсмотрѣвать, Нравоученіе его Хорошо или Худо въ себѣ: было оно общее подтвержденное; а сего съ него и довольно стало. Превеликое и претвердое Основаніе! Оно долженствовало его оправдить, и оправдило, предъ сими позными Потомками, когда сіи припоминаютъ, что вѣки, въ кои онъ писалъ, были весьма различны отъ нынѣшнихъ нашихъ. Чтожъ до Характировъ; то различилъ сіи смотря по дѣйствующимъ своимъ Особамъ: но такъ тѣ означилъ въ Каждой, и въ Каждой умѣлъ тѣжъ удержать до самаго конца толь силь-

но, не взирая на разныя ихъ состоянія, что не можно о немъ отнюдъ сказать, какъ о не улучившемъ въ Естество, или отъ сего удалившемся.

Сей же первородный изъ вѣдомыхъ Творецъ своея Іліады такимъ, какъ предложено, устроеніемъ, обогатилъ ея ктому и глубокими Размышленіями, а тѣми какъ пространно и ясно разверстыми, такъ и едва за тонкость ощущаемыми. Дивна въ ней и быстрота его, дивно и стремленіе, и непрерывность; дивенъ и порядокъ Повѣствованія: обильно различіе, также и благополучное смѣшеніе Сказаній съ Рѣчами; свѣтозарен пламень, каковъ сіи разливаютъ въ Піимѣ; превосходна сладость, находящаяся въ нечувствительныхъ связаніяхъ; сановита пышность, и непритворна простота описаній; добровидна привлекающая пріятность изображеній, то благородныхъ и велелѣпныхъ, то какъ играющихъ и смѣющихся, а иногда пасмурныхъ и грозныхъ. Омиръ преходитъ часто отъ громкаго Гласа къ тихому, отъ высокаго къ нѣжному, отъ умиленнаго къ Проіческому, а отъ пріятнаго къ твердому, суровому, и нѣкакъ свирѣпому. Сравненій и уподобленій пренесчетное въ немъ богатство; и сіе коль ни разнородное, но всегда приличное и свойственное. Коликожъ любомудраго Нравоученія? колико краткихъ оныхъ и сильныхъ Разумѣній? Наконецъ, ничто не можетъ Стіховъ его быть гладчае, и плавнѣе, а Реченій въ нихъ пристойнѣе, изобразительнѣе, и достойнѣе верьховныя сея Піимы. Такова есть *Іліада*, начало, источникъ, матерь, и образецъ достоподражаемый всѣмъ Піимамъ Проіческимъ!

Не инако и *Одиссія*, вторая Омирова Эпопіа, создана имъ и устроена. «Въ сей вводитъ онъ Царя [1]) «благомудраго, возвращающагося отъ Иноплеменныхъ бра́ни, а показавшаго на той преславныя Дѣянія благоразумія своего, и мужества. Бу́ри останов-ляютъ плаваніе его, и мещутъ въ разные Страны, «гдѣ всюду пріобрѣтаетъ познаніе нравовъ, законовъ, «и полі́тическаго Правительства. Но вѣдая, коль многимъ безпорядкамъ небытность его есть причиною «въ Царствѣ собственномъ, преодолѣваетъ всѣ сладости жизни; са́мое безсмертіе, приносимое себѣ, «пренебрегаетъ: словомъ, отрицается отъ всего крайняго блаженства, да подастъ токмо отраду Народу «своему, и да увидится паки съ Кровными и Сердечными». [2])

Надобно всеконечно Омиру, быть Разуму первоначальному, и способному къ наученію другихъ. Ніединъ, изъ са́мыхъ просвѣщенныхъ Народовъ, ничего потомъ не вымыслилъ подобнаго: всѣ почерпаютъ въ немъ примѣръ, заемлютъ у него пра́вила, и пріемлютъ его себѣ въ Учителя; да и толь больше получаютъ въ томъ успѣха, коль болѣе къ нему приближаются. Колико ни было са́мыхъ великихъ и ра-

---

[1] *Ἄνδρα πολύτροπον*: многообратившагося, прошлеца.

[2] Подробнѣйшее Описаніе Одиссіи зри въ Изъясненіяхъ моихъ на Аргеніду, въ части V на страницѣ 937. Сію Одиссію Алкідамъ Елеатскій Філософъ называетъ «изрядным зерцаломъ Человѣческія жизни» *Τὴν Ὀδύσσειαν καλὸν ἀνθρωπίνης ζωῆς κάτοπτρον*; а Авсоній «хотящему знать все, совѣтуетъ ея прочитать»· Perlege Odysseam omnia nosse volens.

зумныхъ людей, отъ премногихъ вѣковъ, въ [1]) Елладѣ и въ Римѣ, конхъ Писаніямъ повинѣ дивимся, и которыи научаютъ насъ мыслить, разсуждать, собесѣдовать, сочинять, всѣ сіи признаваютъ Омира за превеликаго Піита, а Піимы его за конечный верьхъ добраго вкуса.

По прошествіи ужо́ многихъ Столѣтій, Маро́нъ, [2]) Піитъ Римскій, бывшій во времена Августа Кесаря, сочинилъ Эпіческую Піиму на Латінскомъ языкѣ; но *Еніидою* своею, такъ именуется сего Твореніе, подражалъ точно Одуссіижъ и Ілíадѣ Омировымъ. Коль ни кажется впрочемъ, что Римлянинъ сей восхотѣлъ препираться о [3]) Вáіи Иροіческія Піимы съ Елладою; однакожъ у Соперника своего занялъ оружіе къ противоборному на него ратованію. Выразумѣлъ онъ, что должно ему всеконечно повéсть своего Иροя отъ брегóвъ Скамандры, и потому слѣдовать Одиссíи, какъ содержащей премножество путешествій и сказаній. Но когда надобно того стало представлять сражающагося, да помѣстится и поселившійся да окоренится въ Італіи; то нужно Стіхотворцу было имѣть непрестанно предъ очами своими Ілíаду, исполненную дѣяній, битвъ, и всѣхъ пособій отъ Богóвъ, коихъ требуетъ высокое Стіхотвореніе. Еній странствуетъ какъ Одуссей, а какъ Ахіллéй сражается. Маро́нъ вмѣстилъ сóрокъ осмь Книгъ Омировыхъ въ свои токмо двенатцать. Въ первыхъ шести, всюду почитай находится у него Одуссíя, такъ какъ въ послѣднихъ шестижъ повсюду Ілíада.

---

[1] Греція. — [2] Віргілій. — [3] Пальма.

«Ирой благочтивный [1]) и храбрый, да предложу плоскій чертежъ всея Еніиды, оставшійся по паденіи сильнаго Царства, опредѣленъ Богами, къ соблюденію въ падшемъ Царствѣ томъ Богослуженія, и къ возстановленію индѣ Державы бо́льшія и славнѣйшія, нежели была первая. Сей Князь, избранный въ Царя злочастными останками Согражданъ своихъ, странствуетъ скитаясь долговременно по разнымъ Странамъ, гдѣ научается всему, что нужно есть Царю, Законодавцу, и Священноначальнику. Наконецъ, изобрѣтаетъ себѣ прибѣжище въ далекихъ земляхъ; откуду произошли его Пре́дки. Побѣждаетъ онъ многихъ сильныхъ Непріятелей, противившихся его Поселенію, и полагаетъ основаніе Царству, кое нѣкогда будетъ владычествовать надъ всею Вселенною».

Не́-было съ тысячу съ седмь сотъ лѣтъ по́слѣ Маро́на, кромѣ трехъ Ироіческихъ Піимъ, двухъ на Еллинскомъ языкѣ, да одноя на Латінскомъ. Іліа́да и Одуссія на первомъ, а Еніида на второмъ, были вся и единственная сладость Читателей благоискусныхъ. Но Фенело́нъ, Мужъ какъ Просвѣщенный [2]), такъ и Преосвященный [3]), когда Лудовікомъ XIV, Коро-

[1] Pius Aeneas. Еніидѣ пространнѣйшее Описаніе зри въ Изъясненіяхъ моихъ на Аргеніду въ ча́сти V, на страницѣ 943. О сей то Еніидѣ Пропертій воспѣлъ: «Не знаю что пораждается бо́льшее Іліады»; Nescio quid maius nascitur Iliade. Но Насонъ (Овідій) и прорицаетъ, что «дотолѣ Еніово оружіе читаемо будетъ, доколѣ побѣжденному Міру Римъ пребудетъ Главою»: Aeneiaque arma legentur, Roma triumphati dum caput Orbis erit.

[2] *Πεπαιδευμένος.* — [3] *Πανιερὸς.*

лемъ Французскимъ, данъ въ Учителя старшему его Внуку Дюку [1]) Бургонскому, снабдилъ Общество Ученое четвертою Эпопіею, хотѣвъ его просвѣтить и усладить тожде своего Ученика. Снабдилъ онъ то Общество, говорю, четвертою Эпопіею, сочиненною имъ на Французскомъ своемъ языкѣ; да какою сею снабдилъ? По самой сущей правдѣ, превосходнѣйшею несравненно и Первыхъ двухъ, и Третіея послѣднія, а сіе Истиною и Твердостію нравоучительнаго Христіанскаго Наставленія, хотя и всемѣрно подражалъ всему прочему, по Естеству великому, благородному, и велелѣпному, находящемуся въ Омировой особливѣ Одиссіи, да въ Мароновой Енѣидѣ, такъ что и раздѣлилъ всю свою Пѣснь на-двапать на четыре Книги, по числу Книгъ въ Одиссіи. Впрочемъ, первыя самыя Изданія, вышедшія противъ воли Авторовы, и напечатанныя съ неправыхъ Списковъ и выкраденыхъ, были раздѣлены на-десять Книгъ, какóвъ есть Выходъ и Адріана Мутіенса въ Гагѣ, отъ 1706 года. Однако Наслѣдники, по смерти ужé Авторовоіі, сообщили Свѣту точный рукописный Подлинникъ, состоящій въ дватцати четырехъ Книгахъ раздѣленіемъ. Назвалъ онъ ея *Странствованіемъ*, или *Путешествіемъ*, или просто *Похожденіями* [2]) Тилемаха [3]) сына Одиссеева, которую мы, прелагая на нашъ языкъ Героическими Стіхами, съ Авторовы нестіхословныя Рѣчи, преименовали *Тилемахíдою*, по примѣру Іліады и Енѣиды.

Пишся сея Тилемахíды, или Авторова Тилемаха, какъ то всѣ обще и вездѣ нынѣ ся именуютъ, пе-

[1]) Герцогъ.—[2]) Les Avantures.—[3]) Телемаха или Телемака.

речнѣвая Сила состоитъ вся въ слѣдующемъ. «Юный «Царевичъ (сей есть Телемахъ, сынъ Одиссеевъ), «возбужденный [1]) любовію къ Отечеству и Отцу, от- «былъ изъ Дому, и отправился моремъ искать, не «возвратившагося отъ Брани Троянскія, своего Ро- «дителя, коего отсутствіе было причиною многихъ «и великихъ несчастій Домочадству его и Царству. «Подвергается путешествующій Сынъ всякороднымъ «бѣдствіямъ; отмѣняетъ себя, и въ славу приводитъ «Героическими Добродѣтелями: да и отрицается отъ «Царствованія, и отъ Престоловъ знаменитѣйшихъ «природнаго. Въ томъ проходя многіе незнаемые и «чужіе земли, научается всему, что потребно къ «Державствованію нѣкогда, по благоразумію Одис- «сееву, по благочтивости Енеевой, и по мужеству «обоихъ, какъ мудрому Политіку, Государю боголю- «бивому, и какъ Герою совершенному».

Въ Училищахъ опредѣляется Описаніемъ внутреннее Существо Эпопіи такъ: *Есть бась, основанная на Исторіи Героическихъ временъ, а повѣствуемая Піитомъ на возбужденіе въ сердцахъ Удивленія и Любви къ Добродѣтели, представляющимъ едино токмо Дѣйство изъ [illegible]я Жизни Героя, поспѣшествуемаго свыше, исполняющаго нѣкое великое Намѣреніе, не взирая на всѣ препоны, сопротивляющіеся тому Предпріятію.* Явствуетъ по сему, «что Эпическая Баснь, то есть, «Вымыслъ правдѣ подобный, или подражающій Ес- «теству, имѣетъ въ основаніе себѣ *Исторію*, живетъ «дышетъ *Дѣйствіемъ*, наставляетъ *Нравоученіемъ*, а

[1]) Φιλοπάτωρ Τηλέμαχος.

«увеселяетъ услаждая *Теченіемъ Слога и Слова Піи-*
«*тіческаго*». Того ради:

I.

Історія, служащая основаніемъ Эпіческой Піимѣ, долженствуетъ быть или Истинная, или уже́ за Истинную издревле преданная. Однако, Історіческому сему Бытію не сродно отнюдъ быть взяту, ни Древнихъ, ни Среднихъ, а толь меньше еще Новыхъ вѣковъ въ Історіи, да и ниже́ всеконечно въ Священной, но единственно въ оной преудаленной, коя есть временъ Баснословныхъ, или Ироіческихъ; по чему Піима сія и называется [1]) *Ироіческая*, какъ воспѣвающая дѣянія [2]) Ироевъ, бывшихъ въ басненныя тѣ времена, каковы всѣ напримѣръ Аргона́вты, каковъ Лаомедонтъ, Пріамъ, Агамемнонъ, Екторъ, Ахіллей, Троілъ, Одѵссе́й, Еній, Тилемахъ, и премножество другихъ подобныхъ. Стіхотвореніе о дѣяніяхъ Ироя Іулія, основанное на Історіи почитаіі уже́ средняго вѣка, или объ Ироѣ Генрікѣ, изъ Історіи новыхъ нынѣшнихъ временъ, или также объ Ироѣ Адамѣ изъ Бытій святаго Писанія, есть повсему не Ироіческая Піима, но нѣкій [3]) Піѳикъ [4]) ея: а буде которое изъ помянутыхъ Стіхотвореній, не имѣетъ еще и надлежащаго теченія Рѣчи, о коемъ ниже;

---

[1] Богатырская. — [2] Богатырей.

[3] Обезьяна.

[4] *Τῶν πιθήκων εὐμορφότατος. δύσμορφος ἐςὶ.*

тоесть:

Изъ Обезьянъ преблагообразная, есть пребезобразная.

Ираклітъ у Платона.

то оно не токмо Піеикъ есть Героическія Піимы, но и безобразный ктомужъ Піеикъ.

•Вѣдомую [1]) Повѣсть, по́слѣ Омира создавшаго •Эпическую Піиму, какова́ Троянская, и послѣдова •нія изъ нея, всякъ исправнѣе представлять можетъ, •нежели предлагать прежде не описанное. Общее •Вещество имѣетъ быть собственное Піиту, когда •онъ, въ пространномъ его Округѣ, искусно обра•щаться станетъ•. Сіе твердое и основательное Пра́вило есть [2]) Фла́ково. Но Боало́ Депре́о, въ подобной же Наукѣ [3]) Стіхотворенія, порицаетъ зѣльно, однако праведно, всѣхъ Піитовъ, •производящихъ •въ дѣйство Бога, Пророковъ его, и Святыхъ, ра́вно •какъ вымышленныхъ оныхъ Бого́въ Піитическихъ. •Называетъ онъ Богопреступствомъ, данный видъ •Басенъ Правдѣ. Таинства Вѣры, плѣняющія Разумъ •въ послушаніе, отстоятъ далече отъ мірскихъ удо•бреній: Писаніе, Ученіемъ своимъ Богодухновен•нымъ, возбуждаетъ къ покаянію Людей согрѣши•шихъ, или грозитъ имъ осужденіемъ вѣчнымъ. Да •и что́, говоритъ между прочимъ, за красота, какъ •оный Діаволъ, который всегда противится Вышне•му, рыгаетъ мерзостію на небеса, и въ Проѣ свя-

[1] Rectius Iliacum carmen deducis in actus,
Quam si proferres ignota indictaque primus.
Publica materies priuati iuris erit, si
Nec circa vilem patulumque moraberis orbem.
de Art. Poët. v. 129. cet.

[2] Гораціево.

[3] Зри Піесь III. моего перевода съ Стіховъ его Французскихъ Ремическихъ Стіхами. Въ Сочинен. и Перевод. Томъ I, стран. 31.

•щенномъ славу уничижаетъ, или истребить ея ста•рается? Баснь единственно, по его, подаетъ Уму •премножество свѣтскихъ украшеній: въ ней всѣ •имена какъ нарочно содѣланы для Эпическихъ Сті•ховъ: •ибо жестокое, дикое, и новое въ сей Пінмѣ •имя, приводитъ всю ея въ осмѣяніе, и даетъ сей •видъ грубый и варварскій•. Такъ то дѣльно благоразумный Боало́ наставляетъ Піитовъ!

Чтожъ Автора моего Ирой Телемахъ, сынъ Одиссеевъ, и составъ Пінмы его есть Послѣдованіе не токмо Троянскія Бра́ни, но и са́мыя еще Одиссе́и Омировы, какъ нѣкій сея прекрасный и пресовершенный Эпісодій; о семъ никто не сомнѣвается, и къ сомнѣнію, за сущую Достовѣрность, слѣда не имѣетъ.

Посему, всякъ вникну́вшій нѣсколько въ Стіхотвореніе Эпическое, не можетъ не призна́ть удобно сея Правды, какъ въ семъ дѣлѣ коренныя и очень важныя, что Фарсалія Луканова, и Пу́ническая Война Сі́лієва на Латінскомъ языкѣ, также Избавленный Іерусалимъ Тассовъ на Італіанскомъ, Лузіада Камоенсова на Португалскомъ, Потерянный Рай Мілтоновъ на Англінскомъ, а наконецъ и Генріа́да Волтерова на Французскомъ, по времени Исторій своихъ и по Ироямъ, большая́жъ часть изъ нихъ и по теченію Сло́ва, суть токмо то, что онѣ Сочиненія нѣкія Стіхами сихъ Народовъ, а отнюдъ и всеконечно не Ироическіе Пінмы; такъ что сею препрославленною Тітлою всемѣрно величаться имъ нѣтъ Права. Не имѣетъ подлинно Ученый Свѣтъ по сіе время, какъ то дано знать выше, кромѣ Омировыхъ, Маро́новы, и

Фенелоновы, Проіческихъ Пінмъ точныхъ и существенныхъ: всѣ прочіе, колико ихъ ни обносится, суть токмо [1]) Псевдопінмы такіе.

II.

Дѣйство Эпіческое долженствуетъ быть *Великое, Единое, Цѣлое, Чудесное, и Продолжающееся нѣсколько времени.* Тилемахъ Фенелоновъ, а моя Тилемахіда, имѣетъ всѣ сіи качества Перечневое Описаніе, спесенное съ двумя первобытными Образцами Эпіческой Пінмѣ, Омировыми, и съ Мароповымъ, показываетъ ясно, коликаго есть Величія Дѣйство въ Тилемахідѣ.

Сіе дѣйствіе Эпопіи долженствуетъ быть *Единое.* Пінма Эпіческая есть не Історія, какъ Фарса́лія Луканова, и Брань Пу́ническая Сі́лія-Італікова; ни Житіе также цѣлое Героя, какова́ Ахіллеіда Ста́тіева: Единство Героя, не содѣлываетъ Единства въ Дѣйствіи. Жизнь человѣческая исполнена есть неравностей. Человѣкъ премѣняетъ непрестанно намѣренія, или то по непостоянству страстей своихъ, или отъ нечаянныхъ и внезапныхъ приключеній себѣ. Кто восхощетъ описать всего Человѣка; тотъ изобразитъ Картину дикую, съ несходствомъ страстей, сопротивляющихся дру́шка дру́шкѣ, сіежъ безъ связанія и безъ всякаго порядка. Эпопія есть не Похвала Герою, представляемому въ Образецъ; но Повѣствованіе Дѣйствія Великаго и Знаменитаго, въ примѣръ предлагаемаго. Того ради, не должно слѣдовать въ семъ, да оставлю Сі́лія и Ста́тія, Лукану: онъ не достоинъ подражанія въ Эпіческой Пінмѣ. Квінті́ліанъ «при-

[1] Лжепінмы.

«своетъ [1]) его болѣе къ Риторамъ, нежели къ Пи-«тамъ». Равнять [2]) Лукана Марону, какъ то умству-«етъ Роллінъ; то тѣмъ не превозноситъ перваго, но «показывать въ себѣ самомъ малое знаніе силы въ «дѣлѣ». Нѣкто безъименнный Писатель изобразилъ живыми красками, все Луканово несовершенство въ Фарсаліи говоря, «что [3]) онъ ни прямо есть Історікъ, «ниже по правдѣжъ Піитъ, но нѣкоторый утѣшный «Родъ Ермафродіта, дятого что состоитъ между обо-«ими, а ни тотъ ни другій, да и отъ обоихъ удаленъ «такъ; что мнится предвосприявый толикое дѣло съ ума «сшедши». Явствуетъ изъ сего, коль тщеславно самъ Луканъ о Фарсаліи своей воспѣлъ, «что [4]) она пре-«будетъ всегда, и ни въ какое время забвенія тьмою «не помрачится». Подлинно живутъ, и свѣтятся по-«нынѣ Вѣдомости [5]) его сіи въ Стіхахъ; но не Образцомъ достоподражаемымъ Ироіческой Піимѣ, но въ

---

[1] Magis Oratoribus, quam Poëtis adnumerandus.
Lib. X. cap. 1.

[2] Egaler Lucain à Virgile, . . . ce n'est pas relever Lucain, mais faire voir, qu'on a peu de discernement.
des Poëtes Latins.

[3] Lucanus in Pharsalia sua, nec Historicus vere, nec etiam iure Poëta, sed est quoddam lepidum genus Androgyni, cum sit inter vtrum, nec vterque, et vtrinque remotus: adeo vt tantum opus mentis vitio ingressus mihi videatur.

[4] — — — — — — Pharsalia nostra
Viuet, et a nullo tene bris damnabitur aeuo.

[5] Gazette en vers. Такъ Училища Парижскія Фарсалію величаютъ.

ясное показаніе всѣмъ будущимъ временамъ, колико онѣ чужды высокія сея Тітлы.

Какъ въ Живописаніи, такъ и въ Эпическомъ Стіхотвореніи, Единство Главнаго Дѣйствія не препятствуетъ быть многимъ особеннымъ Впаденіямъ. Намѣреніе предобъявленно́ съ са́маго нача́ла Піимы; Ирой достигаетъ оному благополучнаго Окончанія, преодолѣніемъ всѣхъ Препятствій. Повѣсть о такихъ сопротивностяхъ, составляетъ такъ называемыи *Эпісо́діи* (прибавочныя Приключенія): но всѣ сіи Эпісо́діи зависятъ отъ главнаго Дѣйствія, и такъ съ нимъ связаны, да и сами между собою сопряжены толь, что все то представляетъ одну токмо Картину, составленную изъ многихъ Изображеній въ нарядномъ расположеніи, и въ точной сразмѣрности.

Авторъ Тилемаха, подражалъ повсюду правильности Мароновой въ разсужденіи сего. Всѣ его Эпісо́діи непрерывны, и толь искусно вплетены одинъ въ другій, что изъ предъидущаго происходитъ слѣдующій. Главныя его Ли́ца не сникаютъ съ очей; а Прехожденія отъ Эпісодія къ Главному и Коренному Дѣйствію, даютъ всегда чувствовать Единство Намѣренія. Въ первыхъ шести Книгахъ, гдѣ Тилемахъ говоритъ, и сказываетъ приключенія свои Калипсѣ, сіи долгопротяжный Эпісодіи, по подражанію въ Маронѣ Дідонину, сказанъ съ толикимъ искусствомъ, что Единство первенственнаго Дѣйствія пребыло совершенно. Читатель тамъ задержанъ на взвѣсѣ, и чувствуетъ съ са́маго нача́ла, что Пребываніе того Ироя въ ономъ Островѣ, и все тамъ происходящее, есть токмо Препятствіе, кое преодолѣть должно. Въ

третіей надесять и въ четвертой надесять Книгахъ, гдѣ Менторъ наставляетъ Идоменея, Тилемахъ тутъ не присутствуетъ, онъ въ Войскѣ находится: но то Менторъ, какъ одно изъ начальнѣйшихъ Лицъ въ Поэмѣ, который дѣлаетъ все въ пользу Тилемаху, и въ собственное сему наставленіе; такъ что сей Эпісодій совершенно сопряженъ съ коренным намѣреніемъ. Авторъ мой превесьма искусенъ, влагать въ свою Поэму такіи Епісодіи, которыи не слѣдуютъ изъ главныя его Басни, а однако тѣми не пресѣкаютъ Единства и непрерывности въ дѣйствіи. Сіи Эпісодіи вмѣщаются не токмо какъ важныя Наставленія юному Царевичу, въ чемъ состоитъ главное Намѣреніе Поэтово, но и какъ Повѣствованія Трою во время его досуга, да пустое наполнится мѣсто. Такъ Адонъ научаетъ Тилемаха, о Нравахъ и Законахъ [1]) Ветіческія Страны, во время тишины морскія; а Філоктитъ ему сказываетъ о своихъ злоключеніяхъ, когда тотъ юный Царевичъ находится въ Станѣ у Союзниковъ, ожидаяй дня къ сраженію.

Дѣйство Эпіческое долженствуетъ быть *цѣлое*. Цѣлость сія содержитъ три вещи: ПРИЧИНУ, УЗЕЛЪ, и РАЗВЯЗАНІЕ. Причинѣ Дѣйства надобно быть достойной Героя, и сходствующей съ его характеромъ. Таково есть Намѣреніе Тилемахово, о которомъ уже изъяснено.

Узлу достоитъ заплестаться естественно, и взяту быть въ самой внутренности Дѣйствія. Въ Одиссеи Омировой завязывается оный [2]) Посидономъ. Въ Ма-

---

[1]) *Бетическія.* — [2]) *Нептунъ.*

роновой Ениидѣ, Гнѣвомъ [1]) Ирінымъ. Въ Тилемахідѣ Ненавистію Афродітиною [2]). Узелъ Одуссіинъ есть природенъ, длятого что нѣтъ опаснѣе препятствія Плавающимъ въ Морѣ, кромѣ самого Мо́ря. Сопротивленіе Иры, какъ Непріятельницы Троянамъ, есть прекрасный Мароновъ вымыслъ. Но ненависть Афродітина къ юному Князю, презирающему Страстолюбіе по любви къ Добродѣтели, и препобѣждающему свои Стра́сти помощію Мудрости, есть Баснь, произведенная изъ са́маго Естества, и совокупно содержащая въ себѣ превысокое Правоученіе.

Развязанію надлежитъ быть также природну, какъ и Узлу. Въ Одуссіи, Одуссъ пріѣзжаетъ къ Феакіанамъ, разсказываетъ имъ свои злоключенія; а сіи Обыватели островскіи, Любители повѣстей, усладившись Сказаніями его, даютъ ему Судно, на коемъ бы возвратиться онъ могъ въ Домъ свой: Развязаніе сіе просто есть и природно. Въ Ениидѣ, Турнъ единственна есть препона Поселенію Ениеву. Сей Ирой щадя кровь Троянъ своихъ и Латінянъ, коимъ онъ вскорѣ будетъ Царь, окончаваетъ Брань, и получаетъ побѣду самоборнымъ Сраженіемъ. Сіе Расплетеніе благородно. Но Совершеніе Тилемахово совокупно и Естественно есть и Велико. Юный сей Ирой, повинуясь Выспреннимъ повелѣніямъ, преодолѣваетъ любовь свою къ Антіопѣ, и Дружество съ Ідоменеемъ, обѣщавшимъ ему Престолъ свой и Дщерь. Приноситъ онъ въ жертву са́мыя гарячія Пристрастія и всѣ сладости беспорочные, чистой любви къ Добро-

[1] Юнона. — [2] Венера.

дѣтели. Отплываетъ въ Іеаку на Судахъ, данныхъ ему Идоменеемъ, которому явилъ толь многіе услуги. Приплывшаго въ близость къ своему Отечеству, Паллада высаживаетъ на нѣкоторый пустый Островокъ, гдѣ ему и открываетъ свое Божество. Препровождавшая невѣдающаго его по бурнымъ Моря́мъ, по чужимъ и незнаемымъ Странамъ, также бывшая съ нимъ и на кроволитныхъ Сраженіяхъ, да и во всѣхъ бѣдствіяхъ, могущихъ испытать сердце человѣческое, Мудрость, наконецъ, приводитъ на уединенное мѣсто. Здѣсь то Она́ съ нимъ собесѣдуетъ, возвѣщаетъ ему конецъ трудовъего, и благополучную участь; пото́мъ оставляетъ онаго. Какъ скоро приспѣло время къ вступленію ему въ блаженство и спокойствіе; такъ то́тчасъ Божество удаляется отъ него, Чудесность престаетъ, а Дѣйство Героическое и оканчивается. Въ трудностяхъ Человѣкъ показывается Геро́емъ; претерпѣвающему нужно ему Божественное Пособіе: по испытаніи уже́ бѣдствій можетъ онъ шествовать единъ, предводительствовать самъ себя, и править другими. Въ Телемахидѣ наблюденіе наималѣйшихъ пра́вилъ Піимы, возслѣдуемо есть всегда глубокимъ Нравоучительствомъ.

Сверхъ заплетенія въ коренномъ Дѣйствіи, и Расплетенія ему всеобщаго, каждый Эпісодій имѣетъ свой Узелъ и собственное Развязаніе. Должно имъ всѣмъ имѣть тѣжъ са́мыя Сво́йства. Эпопе́а не требуетъ Завязаній паче чаянія, каковы бываютъ въ Сказкахъ, называемыхъ Рома́нцами: Нечаянность одна производитъ внутреннее возмущеніе преносовершенное и скоропреходное. Высота состоитъ въ

подражанiи простому Естеству, въ пріуготовленiи приключенiй способомъ такъ тонкимъ, чтобъ не можно было ихъ предвидѣть, и въ веденiи тѣхъ съ толикимъ искусствомъ, что все на́все казалось бы естественно. Никто не беспокоится, не задерживается, не совращается отъ первенствующiя Цѣли въ Героическомъ Твореніи, которая есть Наставленіе, старанiемъ о басненномъ Развязанiи и Завязанiи мечтательномъ. Сіе изрядно, когда намѣреніе токмо чтобъ *Увеселить*: но въ Эпической Пiимѣ, коя есть Родъ Правоучительныя Фiлософiи, такія Заплетенія почитаются игрою Разума, и они суть ни́же важности и благородности.

Авторъ Телемаха, удалившись отъ Узловъ, обыкновенныхъ нынѣшнимъ Романцамъ или Повѣстямъ вымышленнымъ, не погрязъ равножъ и въ чрезвычайную *Чудесность*, какою порицаются Древніи. Не говорятъ у него Кони, не ходятъ Триножныя Столы [1]), не раждаютъ и Кумиры; нѣтъ также и ни Палицъ нашихъ боевыхъ во́-сто пудъ, возметаемыхъ въ облаки, и отъ высоты тоя упадающихъ на Героическую голову, да или ламающихся, буде онѣ худыя доброты, или прегибающихся токмо. Дѣйствіе Эпическое долженствуетъ быть *Чудесно*, но *Вѣроятно*: мы не дивимся тому, что намъ кажется быть невозможно. Пiитъ не долженствуетъ никогда досаждать Разуму, хотя и преходитъ онъ иногда за предѣлы Естества. Древніи ввели Боговъ въ свои Пiимы, не токмо к совершенiе ихъ пособiемъ, великихъ Дѣлъ, и на с

[1] Тагань.

пряженіе *Вѣроятности* съ *Чудесностію*, но и въ Наставленіе человѣкамъ, что са́мыи храбрыи Мужи и премудрыи, не могутъ ничего содѣять безъ по́мощи Вышнихъ. Въ нашей Піимѣ, Паллада всюду руководствуетъ Тилемаха. Симъ Піитъ содѣлываетъ возможно Все своему Прою, и даетъ чувствовать, что Человѣкъ ничего не можетъ совершить безъ Божественныя Мудрости. Но искусство его не состоитъ въ единомъ семъ токмо: высота въ томъ, что онъ укрылъ Богиню образомъ человѣческимъ. Въ семъ уже́ не едина токмо Вѣроятность: въ семъ *Естественное* соединяется *съ Чудеснымъ*. Все есть Божественное; а все Человѣческое является. И не толькожъ того еще. Еслибъ Тилемахъ зналъ, что руководствуется Божествомъ; тобъ достоинство его и заслуга не велики были: Божествомъ бы онъ преизбыточно былъ поспѣшествуемъ. Омировы Ирои вѣдаютъ почитай всегда, что Безсмертныи онымъ пособствуютъ. Нашъ Піитъ, утаевая отъ своего Ироя чудесный вымыслъ, приводитъ въ удивленіе намъ Добродѣтель его и Мужество.

Эпіческая Піима *долговременнѣе продолжается*, нежели Трагедія. Въ сей [1]) Стра́сти господствуютъ: ничтожъ наглое не можетъ быть долговременно. Но [2]) Добродѣтели и всѣ Имства, кои не получаются вдругъ, свойственны и приличны Эпіческой Піимѣ, и слѣдовательно, Дѣйствіе ея долженствуетъ имѣть бо́льшее продолженіе времени. Эпопіа можетъ содер-

---

[1] *Φόβος καὶ ἔλεος*. Страхъ и жалость.

[2] *Φιλαρετέα καὶ Φαῦμα* Добродѣтелелюбіе и удивленіе.

жать Дѣйствія, совершающіяся во многія лѣта: но, по мнѣнію Крѣтиковъ, время Коренного Дѣйствія, отъ мѣста гдѣ Поэтъ начинаетъ свое Повѣствованіе, не можетъ быть долѣе Годичнаго, какъ то время Дѣйствія Трагическаго долженствуетъ быть, по большой мѣрѣ, обыденное. Впрочемъ, Аристотель и Флаккъ не говорятъ о семъ ничего. Омиръ и Маронъ не наблюдали никакова въ семъ постояннаго Правила. Дѣйствіе всецѣлыя Иліады совершается въ пятдесятъ дней. Одиссѣя же, отъ мѣста гдѣ Поэтъ начинаетъ свое Сказаніе, состоитъ оно почитай въ двухъ Мѣсяцахъ. Въ Енеидѣ продолжается оно же цѣлый годъ. Одна только Напольности, тоесть, меньше Полугодичнаго времени, довольно стало Телемаху отъ Отбытія его съ Калипсина острова, даже до возвращенія въ Іеаку. Нашъ Поэтъ взялъ средину между стремительною зѣльностію, съ какою Еллинскій Поэтъ бѣжитъ къ Окончанію, и величественнымъ шествіемъ Латинскаго, который является иногда медленъ, и кажется предлишно длинъ свою Повѣсть.

Когда Дѣйствіе Эпическія Поэмы есть долгопротяжно и прерывно: то Поэтъ раздѣляетъ свою Басню на-двѣ Части. Одна, въ которой Троянъ говоритъ и разсказываетъ прошедшія себѣ приключенія. Другая, въ коей одинъ Поэтъ продолжаетъ Сказаніе о случающемся потомъ своему Трою. Симъ точно образомъ Омиръ начинаетъ свое Повѣствованіе послѣ, какъ уже Одиссей отбылъ съ острова Огигіи, иначе Калипсіи; а Маронъ свое послѣжъ, какъ Энеи прибылъ въ [1]) Карѳагенъ. Авторъ Телемаха слѣдовалъ

[1] Карѳагенъ.

исправно обоимъ симъ великимъ образцамъ. Раздѣляетъ онъ Дѣйствіе свое, какъ и они, на-двѣжъ Части. Главная содержитъ повѣствуемое Имъ; а начинается она тамъ, гдѣ Тилемахъ оканчаетъ Сказаніе о своихъ Приключеніяхъ Калипсѣ. «Употребляетъ [1]) онъ не много припасовъ, но пространно тѣ «состроеваетъ сочиненіемъ»: всѣ они въ осмнатцати включены Книгахъ. Другая пространнѣйшая множествомъ Случаевъ, и долготою времени; но весьма болѣе сжата Обстоятельствами: содержитъ она токмо шесть Книгъ. Раздѣленіемъ симъ на Повѣствуемое Піитомъ, и на Сказаніе Тилемахомъ, отсѣкаетъ онъ время *бездѣйственности*, какъ то плѣненіе его въ Египтѣ, заключеніе въ Турѣ, и прочая. Не преизлишно распространяетъ продолженіе Повѣствованія своего; но присовокупляетъ къ нему различіе и непрерывность Приключеній: въ Піимѣ его все, что ни есть, движется, и все также дѣйствуетъ. Нѣтъ у него ніединаго праздная Лица; да и его Герой никогда изъ глазъ не пропадаетъ.

III.

Добродѣтель препоручается *Примѣрами* [2]) и *Наставленіями*: тоесть, *Образомъ благонравія* и *предписаніемъ Правилъ*.

Мы одолжены Омиру богатымъ Изобрѣтеніемъ представленія въ Лицахъ свойствъ Божественныхъ, страстей Человѣческихъ, и Естественныхъ причинъ: сей неисчерпаемый Источникъ къ преизящнымъ

[1] Ὀλιγόυλος μὲν, ἀλλὰ πάνυ καλῶς εἰργασμένος ἀγρός.
[2] ἐκ τῶν Λοιπῶν καὶ Δογμάτων.

вымысламъ, одушевляющимъ и оживотворяющимъ все въ Стіхотвореніи. Но егожъ Θеологія (Богословія) токмо есть збродъ Басенъ, не имѣющихъ ничего достойнаго ни къ чествованію, ни къ любленію Божества. Характиры Богóвъ его суть еще нíже характировъ, означающихъ егожъ собственныхъ Проевъ. Пѳагоръ, Платонъ, и Θілострáтъ, Язычникижъ какъ и онъ, не могли не похулить онаго, что уничижилъ онъ такимъ образомъ Божіе существо, подъ предлогомъ сказуемаго о томъ Аллигóріею (иносказаніемъ), иногда Естественною, а иногда Нравственною. Ибо сверьхъ того, что не природно есть Басни, употреблять Дѣйствія Нравственныя, на означеніе содѣяній Естественныхъ, показалось имъ весьма пагубно, представлять сраженія Стіхій и Явленій (феномены) Естества, дѣяніями порочными, присвояемыми Силамъ небеснымъ, и научать Благонравію Аллигóріями, коихъ Содержаніе, по словамъ, изображаетъ токмо одни Пороки и безстыдія.

Мнится, что можно нѣкакъ уменьшить погрѣшность Омирову, тьмою и обычаями Вѣка его, также и малымъ успѣхомъ въ тѣ времена въ Любомудріи. Однакожъ, съ другія страны, коль ни развращенныя пóразнь даны дѣйствія Божеству у Омира; но вобще все нáвсе Провидѣніемъ стрóится и хранится. Свидѣтельствуютъ сіи Стіхи его изъ Іліады, Книги XI, 163, 164, минуя пренесчетныи другіи повсюду;

Ектора [1]) Зевсъ и-отъ-стрѣлъ укрой, и-отъ-пúльнаго праха,

[1] Ἕκτορα δ' ἐκ βελέων ὕπαγε Ζεύς, ἐκ τε κονίης,
Ἐκ τ' ἀνδροκτασίης, ἐκ θ' αἵματος, ἐκ τε κυδοιμοῦ.

И отъ-убійства Мужей, отъ-пролитія крови, отъ-Скопа. Свидѣтельствуетъ и 65 стіхъ I Книги Одиссіи, кой есть самого Зевса (Юпітера) слово:

Какъ [1]) позабуду когда божественна я Одиссея?

Не ясноль, что коль ближае были времена къ началу Міра, толь всеобщественнѣе исповѣдуемо было Божество промышляющее все, пекущееся о всемъ, правящее всѣми, и хранящее всѣхъ. Да гибнетъ же посему Епікуръ, далекій отъ Омира, и удалившійся вѣкомъ отъ всѣхъ Началобытства Вещей, съ праздполюбцемъ своимъ Богомъ, тоесть, съ хитрымъ непризнаніемъ Бога.

Но не вступая въ разобраніе, отвлекающее въ Даль, довольствуюсь здѣсь симъ токмо Наблюденіемъ: Авторъ Тилемаха, подражая всему, что есть изрядное въ Баснях Еллинскаго Піита, уклонился отъ двухъ главныхъ погрѣшностей, приписываемыхъ тому. Онъ представляетъ Лицамижъ, какъ и тотъ, Божія свойства, и содѣлываетъ изъ нихъ Божественности подчинные; но являетъ ихъ токмо въ такіи случаи, кои достойны тѣхъ Присущія. Онѣ у него вѣщаютъ и дѣйствуютъ способомъ достойнымъ Божества. Соединяетъ онъ искусно Стіхотвореніе Омирово съ Любомудріемъ Пиѳагоровымъ. Не говоритъ ничего, кромѣ что и Язычники моглибъ говорить; но въ уста ихъ влагаетъ все что есть превысокое въ Христіанскомъ Правоученіи, и чрезъ то показалъ, что сіе Правоученіе, написано есть незагладимыми письменами на Человѣческомъ сердцѣ, кои ощутитъ всякъ неложно, когда будетъ повиноваться гласу Чис-

[1] Πῶς ἂν ἔπειτ' Ὀδυσῆος ἐγὼ θείοιο λαθοίμην;

таго и Простаго Разума, дабы предаться всесовершенно Верьховной той и Повсемственной Истинѣ, просвѣщающей Умы, какъ Солнце осіяваетъ Тѣла всѣ, безъ которыя всякъ Умъ есть токмо густый мракъ и заблужденіе.

Понятія, какія нашъ Пінтъ подаетъ намъ о Божествѣ, не токмо суть достойны Божества, но и вселюбезны для Человѣка. Все вдыхаетъ Надежду и Любовь: Благочестіе смиренномудрое, Поклоненіе благородное и свободное, должное притомъ крайнему Совершенству беспредѣльнаго Существа, а не суевѣрное Служеніе, сумрачное, и рабское, кое хититъ сердца и низвергаетъ въ подлый трепетъ, представляя Бога не Отцемъ но Мучителемъ.

Богъ намъ у него предъизъявляется какъ Человѣколюбецъ: но котораго Любовь и Благость не подвержены Судьбамъ слѣпымъ, и Участи необходимой; не бываютъ онѣ также заслуживаемы пышными видами внѣшняго Богочтенія, и ниже́ такъ самонравны и злосерды, какъ Божественности Языческіе. Всегда у Автора премірная и вездѣсущная Сила, дѣйствуетъ порядочно по непреложному Закону Премудрости, не могущему любить кромѣ Добродѣтели, и не награждающему человѣковъ за множество Животныхъ, ими заклапныхъ въ жертву, но за число Страстей умерщвленныхъ.

Можно способнѣе оправдить характиры Омировы, данныи отъ него своимъ Героямъ, нежели кои приписываетъ онъ Богамъ своимъ. Правда, изображаетъ человѣковъ просто, сильно, различно, и многострастно. Незнаніе наше Обыкновеній Страны,

Обрядовъ богослужительныхъ, и Свойствъ языка употребляемаго; также Порокъ во многихъ изъ насъ, разсуждать о всемъ по вкусу нашего вѣка и народа; а притомъ Любовь Пышности и ложнаго Велелѣпія, повредившая чистое Естество и первобытное: все сіе можетъ насъ обманывать, и заставить да пріемлемъ за Негодное, что достопочитаемо было въ древней Елладѣ.

Хотяжъ и кажется быть естественнѣе и любомудрѣе, различать Трагедію отъ Эпопіи разностію взаимнаго ихъ Нравственнаго Состоянія, тоесть, по елику та Страстію пылаетъ, а сія дышетъ и красуется Добродѣтелію; однако помышляется, впрочемъ не опредѣляется точно, не можноль быть, какъ то Арістотель и умствуетъ, двумъ Родамъ Эпопіи, одной *Пафитической* (страстной), а другой *Ѳетической* (нравственной): первой, въ которой большіе владычествуютъ Страсти, во второй, въ коей великіе Добродѣтели торжествуютъ. Іліада и Одиссія могутъ быть примѣрами обоихъ сихъ Родовъ. ВъІліадѣ Ахиллей представленъ природно со всѣми своими пороками: иногда какъ звѣронравный толико, что не хранитъ никакія достойности въ своемъ гнѣвѣ; иногдажъ какъ неистовый толь, что приноситъ Отечество свое въ жертву Досадѣ. Но хотя Иной Одиссія правильнѣе поступаетъ юнаго Ахиллея, кипящаго и строптельнаго; однако мудрый Одиссъ есть часто лживъ и обманчивъ: ибо Піитъ изображаетъ Человѣковъ просто, и такъ, каковы они обыкновенно. Мужество его многажды бываетъ сопряжено съ местію яростною и звѣрскою, а Політіка почитай всегда соедине-

на съ лестію и укрывательствомъ. Списывать съ Естества точно, есть писать такъ, какъ Омиръ!

Не пекусь помногу въ разсужденіи различныхъ намѣреній въ обѣихъ сихъ Піимахъ: довольно да объявлю разные Красоты на удивленіе Искусству, какимъ нашъ Авторъ сочетаваетъ у себя оба тѣ Рода Эпопіи, Паѳитіческія тоесть, и Иѳіческія. Зрится смѣшеніе и пречность удивительная, какъ Добродѣтелей, такъ и Страстей, на предивной его Картинѣ. Не предъявляетъ онъ ничего преизбыточно великаго въ Человѣкѣ; но представляетъ ра́вно Изящность и Подлость Человѣческую. Бѣдственно, показывать намъ одну безъ другія; да и ничто такъ полезно, какъ чтобъ видѣть обѣ тѣ совокупно: ибо Правда и Добродѣтель совершенная требуютъ, чтобъ намъ себя любить и ненавидѣть; почитать себя и презирать по долгу. Нашъ Піитъ не превозноситъ Тилемаха выше Человѣчества: онъ даетъ ему упадать въ Слабости, кои могутъ быть содружно съ искреннею любовію къ Добродѣтели; а Слабости тѣ, служатъ ему къ егожъ Исправленію, вдыхая въ него Недовѣриваніе самому́ себѣ, и Ненадѣяніе на собственные силы. Не содѣлываетъ Авторъ подражанія ему невозможнымъ, и сіе тѣмъ са́мымъ, что не даетъ тому совершенства беспорочнаго; но возбуждаетъ наше Ревнованіе, представленіемъ предъ очи Юношу, съ тѣмижъ са́мыми несовершенствами, кои всякъ въ себѣ чувствуетъ, содѣвающаго дѣла́ са́мыя благородныя и добродѣтельныя. Соединилъ онъ вкупѣ, въ характирѣ своего Ироя, Мужество Ахіллеево, Благоразуміе Одуссеево, и Еніеву благочтивость. Тилемахъ

есть гнѣвливъ, какъ первый, но безъ свирѣпства; Політікъ какъ вторый, но безъ плутовства; чувствителенъ какъ третій, но безъ любострастія.

Другій способъ Нравоученія, бываетъ *Предписаніемъ Правилъ*. Авторъ Тилемаха сочетаваетъ великія Наставленія съ Іроическими примѣрами; тоесть, Нравоучительность Омирову съ Добронравіемъ Мароновымъ. Однако Нравоученіе его имѣетъ три Качества, каковыхъ нѣтъ у Древнихъ и Пінтовъ, и Філософовъ. Оно есть у него *Высокое* въ своихъ Основаніяхъ; *Благородное* въ Поощреніяхъ; а *Повсемстенное* въ Употребленіяхъ.

1) Высокое въ Основаніяхъ: ибо происходитъ отъ глубокаго знанія Человѣка. Сей вводится въ собственную свою внутренность; показываются ему тайныя пружины Страстей его, сокровенныя заплетенія Самолюбности, и различіе ложныхъ Добродѣтелей съ твердыми. Отъ познанія Человѣка полагается восходъ къ самому Богу. Дается знать всюду, что безпредѣльное Существо дѣйствуетъ въ насъ непрестанно, да благи будемъ и блаженны. Что сіе Существо, есть не посредственный Источникъ всего нашего [1]) Просвѣщенія, и всѣхъ Добродѣтелей. Что отъ него

[1] Язычники всеобще мнили, что внѣшняя блага намъ богъ подаетъ, а Мудрость и Добродѣтель нами самими снискиваются, когда восхотимъ. Мнѣніе видомъ великое, но вещію прегордое. Да зрится Флакъ въ Эпіст. 18. Кн. I. Лівій въ Кн. XXXVII. въ Числ. 45. и Туллій въ Кн. II, объ Естествѣ боговъ, въ Числ. 86. 87. Посему, или Язычники прежде Пелагія пелагіанствовали, или Пелагій по Язычникахъ язычествовалъ.

мы имѣемъ по толикужъ Разумъ, по колику и Жизнь. Что верьховная Истина его, долженствуетъ быть единственный нашъ Свѣтъ; а превыспреннее Благоволеніе, въ порядокъ приводить всѣ наши Дѣянія, основанныя на Любви разумной. Что безъ совѣта отъ сея Премудрости повсемественныя и непреложныя, Человѣкъ видитъ токмо лестныя призраки; безъ повиновеніяжъ ей, слышитъ онъ единъ глухій шумъ своихъ пристрастій. Что твердые Добродѣтели приходятъ къ намъ какъ нѣчто Чужестранное, вложенное въ насъ; и что не содѣлываются онѣ отъ собственныхъ стремительствъ нашихъ, но суть дѣло Могущества Вышняго, нежели человѣческое, а Мощь сія дѣйствуетъ въ насъ, когда мы сами не творимъ ей Препоны, однако не всегда ощущаемъ дѣйствіе Ея, за прекраїнюю Оныя нѣжность. Наконецъ показывается намъ, что безъ сея первенствующія и верьховныя Силы, возносящія Человѣка выше Человѣчества, Добродѣтели сáмые блистательные суть токмо хитрованія Самолюбія, заключающагося въ самóмъ себѣ, содѣлывающаго самого себя Божествомъ своїмъ, и предстающаго совокупно Идолопоклонникомъ и Идоломъ Ничто такъ удивительно, какъ изображеніе онаго Філософа, коего Тилемахъ видѣлъ въ Тартарѣ, и котораго преступленіе состояло токмо въ томъ, что онъ былъ Идолослужитель собственной своей Добродѣтели.

Симъ точно образомъ Правоученіе Авторово приводитъ насъ въ забвеніе собственнаго нашего Существа, да воспримемъ сіе все и цѣлое Выспренней Сущности, и да будемъ Ей поклонники: рáвно какъ Цѣль

Политіки его вся въ томъ, чтобъ мы предпочитали Общее Благо Собственному, и любили бъ всѣхъ обще Человѣковъ. Вѣдомъ [1]) Махіавѣлъ и [2]) Оввѣсій : сіи оба, подъ суетнымъ и ложнымъ предлогомъ, что будто польза Общества, не имѣетъ ничего общаго съ существеннымъ Добромъ Человѣка, тоесть, съ Добродѣтелію, полагаютъ за Правила Державствованія, одну только Хитрость, Коварство, Обманъ, Тираннію, Неправду, и Злочестіе. Но Авторъ Тилемаха соединилъ самую совершенную Політіку съ прекрайнею Добродѣтелію. Большое Основаніе его, на коемъ все утверждается, есть сіе, что весь Міръ, токмо едино Общество, и что каждый Народъ, какъ великое нѣкое Домочадство. Отъ сего изряднаго и яснаго Понятія раждаются *Законы Естества и Народовъ*, праводушныи, милосердыи, человѣколюбивыи. Не почитается уже каждая Страна, не зависящею отъ другихъ; но родъ человѣческіи пріемлется за нѣкое *Всецѣлое и Нераздѣлимое*. Не довольно ктому любви къ единому Отечеству : сердце разширяется, становится безмѣрное, и повсемственнымъ Дружелюбіемъ объемлетъ всѣхъ Человѣковъ. Сіе самое и производитъ Любовь къ Чужестраннымъ, взаимное Надѣяніе между сосѣдними Народами, добрую Вѣрность, Правду и Миръ между Предержащими во Вселенной, равно какъ и между Подчиненными въ каждой Державѣ. Нашъ Авторъ показываетъ намъ еще, что слава Царствованія состоитъ въ томъ, да Подданныи будутъ добрыи и благополучныи Люди ; что власть Царская тогда токмо тверда, когда укрѣпляется лю-

[1] Махіавель. — [2] Гоббезъ.

бовію Подвластныхъ, и что истинное Богатство ест
отверженіе всѣхъ ложныхъ Потребъ въ жизни, даб
довольствоваться токмо самымъ нужнымъ, простым
и неповиннымъ. Симъ являетъ, что Добродѣтель п
собствуетъ не токмо пріуготовляться Человѣку
будущему Блаженству, но и содѣлываетъ Общест
дѣйствительно Блаженнымъ въ сей жизни, сколь
оно быть можетъ Блаженно.

2) Правоученіе Тилемахіды есть Благородное
своихъ Поощреніяхъ. Большое и Коренное Автор
Основаніе въ семъ, что должно предпочитать *Изя*
нов Сладостному, какъ то говорятъ Сократъ и Пл
тонъ; или *Честное Пріятному*, по Туллієву [1]) из
браженію. Сей точно есть Источникъ Умственност
благородныхъ Великодушія, и всѣхъ Героически
Добродѣтелей. Сими конечно Понятіями, чисты
и высокими, опровергаетъ онъ сразительнѣе всяка
Стязанія ложную Філософію, поставляющихъ въ *Сл*
ти единственную Пружину сердца человѣческа
Нашъ Пінтъ показываетъ, презящнымъ Правоу
ніемъ, какое полагаетъ въ уста своихъ Героевъ, и
ликодушными Дѣяніями, кои даетъ имъ содѣлыва
колико имѣетъ силы *Изящное* и *Совершенное* въ бл
городномъ сердцѣ, да предпочитаетъ оно, многотру
ные должности Добродѣтели, своимъ Услажденія
Вѣдаю, что сія Героическая Добродѣтель, почитае
отъ подлыхъ сердецъ за Привидѣніе, и что одерж
мыи Любострастіемъ, востаютъ на сію верьховнук
твердую Истину, поражая ея многими вымышлен
цами Мечтанія безадѣльнаго, пустаго, и презрае

[1] Цицеронову.

го. Чегожъ ради? Ибо, не находя въ себѣ ничего, могущаго сравниться съ сими великими чувственностями, заключаютъ, что они Человѣчеству невозможны. Но то суть Карлы, судящіи о силахъ Гігантовъ (Исполиновъ) по своимъ. Души ползающіе непрестанно въ тѣсныхъ границахъ Самолюбія, возмогутъ ли когда понять мощь и распространеніе Добродѣтели, возносящія Человѣка выше его Самого? Хотяжъ нѣкоторыи Філософы, изобрѣтшіи впрочемъ много изрядныхъ Вещей для Філософіи, и ослѣпились Предувѣреніями своими такъ, что не могли различить явственно *Любовь благочинія*, съ *Любовію услажденія*, и утверждали, что *Воля* не можетъ приведена быть въ толикожъ сильное движеніе *Видомъ Истины*, въ коликое приводится *слѣпымъ чувствованіемъ Сладости*: однако, не можетъ никто читать Тилемаха безъ того, чтобъ ему не быть увѣрену твердо о сей великоій Правдѣ. Зрятся въ немъ Умственности великодушные благороднаго сердца, не посмѣющаго ничего, кромѣ *Великаго*, сердца некорыстолюбиваго, забывающаго самого себя непрестанно: вкратцѣ, зрится въ немъ Мудрецъ, не ограничивающіи себя ни собою самимъ, ни своими единоплеменными, ниже чемъ другимъ собеннымъ, но возносящіи все къ общей пользѣ Человѣческаго Рода, а весь Родъ Человѣческій къ Превыспреннему Существу.

3) Правоученіе Тилемаха есть Повсемественное въ своихъ Употребленіяхъ; пространное, обильное, приличествующее всѣмъ Временамъ, всѣмъ Народамъ, и всѣмъ Состояніямъ. Видимы суть въ немъ Должности Предержащаго, который есть совокупно и Царь, и

Воинъ, и Мудрецъ, и Законодавецъ Видимо въ немъ
же искусство править различными Племенами; видимо
но средство къ соблюденію Мира внѣ съ своими Ок-
рестными, а однако къ содержанію всегда, внутри
Обладанія, храбраго Юношества, готоваго защищати
Государство; видимъ есть и способъ, какъ обогащати
Державу, не упадая въ Роскошь, какъ изобрѣтати
средину между излишествами могущества *Деспо́ти-
ческаго* (самопресобладающаго), и бесчисленіями *Анар-
хическими* (не имѣющими Начальствующаго). Препо-
даются здѣсь же Пра́вила о Земледѣліи, о Купечес-
твѣ, о Художествахъ, о Наукахъ, о Благоучрежденіи
Гражданскомъ, и о Дѣтей Воспитаніи. Авторъ пред-
ставляетъ въ Цѣлѣ своей, не токмо Добродѣтели
Героическіе и Царственные, но и приличествующіе
всякому Людей Званію: вразумляя Князя, не меньше
наставляетъ и каждаго Подчиненнаго Князю, о Долж-
ности.

Іліада имѣетъ себѣ въ Цѣль, да покажетъ смер-
тоносныя воспослѣдованія изъ Несогласія между Во-
начальниками. Одиссе́я предъявляетъ, колико есть
сильно въ Царѣ Благоразуміе, сопряженное съ Му-
жествомъ. Въ Ене́идѣ изображаются дѣйствія Про-
Благочтивнаго, Набожнаго, и Храбраго. Но всѣ
сіи частные Добродѣтели, не содѣлываютъ благо-
получія всему Человѣческому Роду. Телемахъ идетъ
далѣе сихъ предначертаній, великостію, множест-
вомъ, и пространствомъ Нравственныхъ своихъ
Намѣреній; такъ что можно сказать преутвердп
тельно, нѣкоего смысленнаго Мужа словами, что

«*Даръ* [1]) *самый полезный, каковымъ Мусы возмогли обо-*
«*гатить Человѣковъ, есть Тилемахъ: ибо еслибъ бла-*
«*женство Рода Человѣческаго могло произрасти отъ*
«*Піимы, тобъ произрасло оно отъ сея Тилемахіды.*»

Не чуждель, посему, или паче дико, что нѣкоторыи у насъ, и не безъ нѣсколькихъ талантовъ люди, запрещали порицая съ Каѳедры, какъ говорятъ, Чтеніе Тилемаха и Аргеніды, обѣихъ же Піимъ несравненныхъ? Видно, не уразумѣли они, или уже́ не потщались уразумѣть, что первая Книга есть *Иѳіческая Філософія* са́мая совершенная, а другая *Філософіяжъ Політіческая* са́мая превосходная, какихъ не́ было понынѣ въ ученомъ Обществѣ.

IV.

Хотя Сказанію продолжаемому Проіческою Піимою, Стіхъ есть и несущественъ, по мнѣнію Арістотелеву, Діонѵсія Алікарнасскаго, и Стравонову, для того что можно Эпопію, какъ подражательницу Естеству, писать Рѣчію и нестіхословною, которая, по первоначалію своему, естественнѣе Стіха есть; Однакъ Омиръ, Зиждитель сея Піимы, употребилъ на Повѣствованіе свое Стіхъ, и Стіхъ *Ексаметръ*, то-

---

[1] Le don le plus utile, que les Muses aïent fait aux hommes, c'est le Telemaque: car si le bonheur du genre humain pouvoit naître d'un Poëme, il naîtroit de celui-là.

Аббатъ *) Террасонъ.

*) Сей Г. Аббатъ Террасонъ, бывъ пронзенъ и проникнутъ удивленіемъ Тилемаху, восхотѣлъ быть и подражатель сей Піимѣ. Сіе точно Ревнованіе его произвело Сиѳа, повѣсть Проіческую, коя уже переведена и на нашъ языкъ.

есть шесть Мѣръ или Стопъ имѣющій. Сей Стихъ во всѣ первыя четыре мѣста пріемлетъ Стопу Да́ктуля или Спондія, а въ пятое всегда Да́ктуля, кромѣ нѣкоторыхъ не многихъ случаевъ, такъ какъ въ шестое всегдажъ Спондія или Хорія, по Количеству состоящему не въ возвышеніи и пониженіи *Тона* (гласа), но въ продолженіи и сокращеніи *Хро́на* (времени); и онъ же отнюдъ не допускаетъ въ послѣднее свое мѣсто *Согласія* съ слѣдующимъ Стихомъ, называемаго у насъ нынѣ не право по Еллински *Ремою* (числомъ), вмѣсто праваго *Окончателѣта* (подобнаго окончанія). Чтожъ Омиръ употребилъ на Слово свое Стихъ; то всеконечно въ отмѣну отъ простонароднаго и общаго всѣмъ глаголанія, какъ въ отмѣнномъ и благородномъ Сочиненіи, или какъ въ Священномъ по нѣкоторому сразсужденію. Но что избралъ онъ предпочтительнѣе Стихъ Ексаметръ, и Дактулоспондіаческій; то сему не иная мнится быть причина, какъ токмо что первое, шесть Стопъ есть посредственная длина, измѣряющая духъ Человѣческій въ произношеніи, и состоящая между самою сокращенною, и продолжительною самою; а второе, что какъ Дактуль имѣетъ въ шествіи быстроту плавную, гладкую, равностепенную, и стройную, такъ Спондій сраствряетъ оную Скорость его природною себѣ важностію, чемъ Стихъ сей являетъ въ себѣ такую осанку, которая соотвѣтствуетъ точно благородному величію Проіческія Пѣсны, и которая чувствуется болѣе, нежели можетъ изобразиться: ибо когдабъ употребилъ Пѣтъ Анапестоспондіаческій Стихъ, то порывистая Анапестова стремительность, сопряженная съ мед-

ленностію Спондіевою, могласъ непремѣнно обезобразить ступаніе Стіха, тремя непосредственными [1]) Монотóніями долгими по двухъ краткихъ.

Но какъ то ни есть; токможъ Омиръ употребилъ Стіхъ Ексаметръ, и Ексаметръ Дактулоспондіаческій, (несоглашающійся притомъ отнюдъ никогда и нигдѣ съ слѣдующимъ Стіхомъ Рѵѳмою) на теченіе въ Пѣсняхъ своихъ Слóва. Сему вобще надлежитъ имѣть смѣлыя Узоры Реченій и цѣлыхъ Рѣчей; быть благолѣпну, и различну óбразами; ясну, пламенну, стремительну, сильну, сразмѣрну чувственностямъ изображаемымъ, тоесть съ скорымъ дѣйствомъ вещей спѣшну, а съ медленнымъ косну; иногда грозну, иногда любезну, всегда сладостну, и нѣчто такое содержащу въ знакахъ мыслей и въ мысляхъ самихъ, которое однимъ токмо Естествомъ преподается. Никогда оно да не будетъ преизбыточно надменное, напыщенное преизлишно, идущее какъ на Ходýляхъ, или какъ Гігантовское и Колоссальное, подобящееся стуку Тѵмпанному или Сопищному крику, но да восклицаетъ рѣзкою Трубы проразностію, или какъ Лебединымъ, ярко напряженнымъ, гласомъ. Должно ему имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ Сложныхъ и Пресложныхъ, какъ полтара и полтретья аршинныхъ, Существительныхъ Именъ и Прилагательныхъ, да и не упадать никогда въ Повторенія; а предлагающу тѣжъ самые вещи, не представлять отнюдъ тѣхъ же самыхъ видовъ, и еще меньше тѣмжъ самымъ [illegible] іями. Всѣмъ его Періодамъ

[1] Одногласіями.

или Округамъ, надобно слухъ наполнять, при опредѣленномъ ономъ числѣ Стоп, плавнымъ, гладкимъ, и сцѣпляющимся паденіемъ, преносящимъ же иногда Смыслъ изъ Стіха въ Стіхъ, да и прелагающимъ, свойственно Языку, Чинъ[1]) Сочиненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ начáла въ средину и въ конецъ, изъ средины въ конецъ и начáло, и изъ сáмаго конца въ начáло и средину цѣльныя Рѣчи. Притомъ, ничегобъ въ немъ досаждающаго, жестокаго, и притворственнаго не́-было; но да течетъ описуемое сіе Слово, не единственныя Словесности ради, нижé просто для угодности токмо: каждой бы Рѣчи заставлять мыслить, а мыслямъ всѣмъ клонитьсябъ только къ содѣланію насъ Добрыми.

Вкратцѣ, съ начáла сáмаго до конца, достоитъ Теченію Слóва Проíческаго литься всекопечно непресѣкаемымъ никдѣ и ни отъ чего Потокомъ. Оно есть Рѣка, но Рѣка подобная Волгѣ: снéрва несется Струею, потóмъ Ручíемъ, потóмъ Рѣчкою, вскорѣ пóслѣ Рѣкою; возрастаяжъ впáдающими съ сторонъ Водáми, влечетъ ужé Токъ свой быстрый, глубокій, обширный, полный, превеликимъ и предолгимъ Ни-

[1] Омировъ Стіхъ 535, изъ X Книги Іліады, Ἵππων μ᾽ὠκυπόδων ἀμφὶ κτύπος ἔπτατο χαλκῷ, точный есть примѣръ сему, ибо онъ гласитъ рѣчь въ рѣчь такъ: «Коней «мнѣ быстроногихъ оба тóпотъ слуха поражаетъ». Но грамматическій чинъ требуетъ сего Сочиненія: «тóпотъ Коней быстроногихъ поражаетъ оба слуха мои. Мароновъ 596, изъ Енéиды VIII Книги, Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum: «Четвероножія Копыта тóпотомъ поле ражится», есть подражаніе тому Омирову.

ломъ, даже до са́маго своего Устія въ Море, тоесть, до Окончанія. Сей многоточный Евфратъ, иногда есть видомъ крустальный и прозрачный, чистый и свѣтлый; а иногда шумящій, пѣнящійся, и возносящійся выспрь, въ обоемъ же случаѣ, многажды, отъ осіянія зареносныхъ Лучей, распещряющійся въ капляхъ своихъ Ра́дужными всепріятными различно Цвѣтами, но всегда непрерывно къ Предѣлу катя́щійся: ничто его удержать не можетъ, ни са́мые Катара́кты или Поро́ги, сквозь и на днѣ, и на срединѣ, и на верьху проницаемые отъ Струй онаго: нигдѣ не заста́ивается, не плѣснѣетъ, ни горкнетъ, всегда и всюду протекаетъ, отъ всего чистится, и всякаго медвенною своею и млечною Сладостію напаяетъ. И да на отрѣзъ скажу, Тече́ніе Сло́ва въ Ироіческой Піимѣ, долженствуетъ быть всеконечно и всемѣрно *ба́харское*.

Комужъ изъ Читателей, Свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ Силу, не чувствительно, что Стіхи, оканчавающіися *Рѵѳмами*, отнюдъ неспособны къ произведенію тако́ва, какое теперь описано, Теченія въ Словѣ? Рѵѳміческіи Стіхи, состоящіи впрочемъ и *Стопа́ми* двусложными, отнюдъ не могутъ продолжать непрерывнаго тако́ва шествія, каковаго требуетъ Ироіческая Піима, кольмижъ паче Стіхи не имѣющіи Стопъ, кромѣ Рѵѳмы, какъ то Італіанскіи, Аглинскіи, Ішпанскіи, Французскіи, и Польскіи. Ибо каждый Стіхъ сего Состава, не терпя *Переносовъ* изъ предъидущаго Стіха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается, и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіи Стіхи суть не Рѣка, текущая съ верьху въ

низъ, непрестанно и безпреломно, къ удаленному своему Предѣлу: они Студенецъ нѣкій, бьющій съ низу въ верьхъ, и дошедшій до своея блискія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки; такъ что всякій Стіхъ, свой Порогъ собственный имѣетъ, и шумитъ на оном. Коль бы Стіхи съ Рѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною Трубою; но на концѣ писчатъ токмо и врещатъ дѣтинскою Сопѣлкою. Согласіе Рѳмическое, Отроческая есть Игрушка, недостойная Мужескихъ Слуховъ. Вымыслъ сей оледенѣлый есть Гоѳическій, а не Еллинское и Латінское, благорастворенным жаромъ блистающее и согрѣвающее Окончательство.

Сія есть одна изъ первенственныхъ и главнѣйшихъ причинъ, что Мудрый Авторъ Телемаха сочинилъ его свободнымъ, а не заключеннымъ Словомъ, на Французскомъ природномъ своемъ Языкѣ. Вѣдая совершенно, что Теченіе Героическія Піимы, долженствуетъ быть не удержаваемое никакихъ препонъ обузданіемъ, да такъ скажу, а Французскіи Стіхи и безстопныи суть и Рѳмическіи; слѣдовательно, какъ подобострунаго Теченія не имѣющіи, такъ и преламывающіися своими ктомужъ Рѳмами еще и брячащіи оными, какъ будто на утѣшеніе Младенцевъ: того ради, восхотѣлъ быть лучше своей Піимѣ идущей пѣше безъ остановленія, нежели чтобъ ристать ей на бескрильномъ [1]) Пигасѣ, по каждыхъ двенатцати шагахъ претыкающемся, и въ тожъ время ржущемъ визгомъ нелѣпымъ.

[1] Пегазъ.

Да опредѣляется-ль теперь, ежели угодно, основательноль Авторъ Генріады (по многимъ впрочемъ Тітламъ между Французскими знаменитѣйшими Писателями занимающій мѣсто) жаловался не однократно на письмѣ всему Ученому Свѣту, что Однородцы его Французы не восхотѣли отнюдъ призна́ть сея егожъ Пінмы за Эпіческую. Мнѣ мнится, а мнѣніе мое не можетъ никому быть въ указъ, хотя и на многихъ основанное твердостяхъ, что Опредѣленіе всего Французскаго Ученаго Общества, отказавшее Автору отъ Права Эпіческія Пінмы такъ, чтобъ ему уже́ о томъ никогда не бить челомъ, и *Праведно*, и *Дѣльно*, и *Сильно*. Основаніе Історіи, взятыя Авторомъ въ Бытіе и Дѣяніе Пінмѣ своей, есть не токмо не самоудаленныхъ Героическихъ временъ, единственно служащихъ грунтомъ Героической Пінмѣ, но и са́маго Новаго Вѣка; Герой его есть не *Ахомедо́нтъ* или *Пріамъ*, но [1]) *Генрікъ*, поражающій наши слухи не знаю чемъ Говіческимъ и не пріятнымъ, *для*того что Герой *Шілбрандъ*, осмѣянный отъ Боало́-Депре́о, и *Гакъ* Герой, суть одного по́ля, да такъ сравню, Ягоды.

И не знаю, не большель Односемцы Автору Генріады имѣютъ Права негодовать на него, что онъ хотѣлъ всячески преподать сію Генріаду свою́ за Эпіческую Пінму, нежели чтобъ ему жаловаться на нихъ, не восхотѣвшихъ оныя призна́ть за такую, а не восхотѣвшихъ ея призна́ть такою, не токмо по

[1] Авторъ чувствуя непристойность сего Имени въ Эпіческой Пінмѣ, и убѣгая отъ сего въ ней дикаго звона, именовалъ его почитай всюду мягче ВАЛОА, когда еще слово было о Генрікѣ III.

самой сущей Справедливости, но и по истинному и претвердому Благоразумію. Ибо, что Эпическая Поэма? есть Баснь, вымышленная на возбужденіе любви къ Добродѣтели: тоесть, Герой сея Поэмы долженствуетъ быть баснословный. Но Генрікъ IV, Король Французскій, Герой Генріады его, былъ Монархъ, въ XVI Вѣкѣ одинъ изъ самыхъ славныхъ и изъ самыхъ великихъ: слѣдовательно, крайнее былобъ безславіе Французскому Народу, и нестерпимая обида, когдабъ толикому Государю его быть нѣкоторымъ Родомъ *Бовы Королевича* въ Эпической Поэмѣ: ибо и Величавности и Славѣ его противно, находить баснепную чудесность въ простотѣ Лѣтописей своихъ. Сверьхъ того, новыя сіи стремительства къ препрославленному Эпічеству, отъемлютъ всю достовѣрность у Історіи по основаніямъ сихъ самыхъ Господъ: ибо утверждаютъ они, что несомнительность Історіи начинается съ XV вѣка по воплощеніи Спасителевѣ; а Генрікъ IV началъ королевствовать съ 1589 года. Слѣдовательно, Генріадѣ надлежитъ быть истинною Історіи. Но понеже она Поэма: того ради есть Баснь,[1]) и нѣтъ въ ней прямыя Истины; а потомужъ, Історіи ея тверды о Дѣяніяхъ Генріковыхъ и съ XV Вѣка долженствуетъ быть также ложная, какъ и самоудаленная Древнія, по ихъ же, Історіи. Чтожъ будетъ уже сія самая Історія, по прошествіи тысячи, или двухъ тысячъ лѣтъ? И сіе толь наипаче, что Генріадѣ должно пребыть и тогда, какъ Поэмѣ, Баснію, хотя Історія ея, и по XV Столѣтіи? И какъ, съ другія стороны, преблагосмысленный Боало-Депрео, назы-

[1] Наше присловіе: Пѣсня быль, а Сказка Небылица.

ваетъ *Богопреступствомъ* данный видъ Касет ъ *Правдѣ Священной*; такъ сей самый видъ данный *Правдѣ Содѣянiй Предержавшаю*, можно наименовать, по самой же сущей Истинѣ, *Оскорбленiемъ Величества*.

Но, да возвратився къ Теченiю Слова, совершу о немъ представленiе, такову и толику быть должно ему въ Героической Пiимѣ, каково оно и колико лiется у Омира и Марона шестимѣрными Стiхами безъ Рѵемы, а у Фенелона Прозою, за непристойность Французскихъ Стiховъ. Сегожъ самаго Теченiя жизнь одушевляется еще у Пiитовъ *Живописанiемъ*, *Сравненiемъ*, *Уподобленiемъ*, *Очертанiемъ*, и *Любомудрствованiемъ*. Живописать, есть не токмо описывать просто вещи, но и представлять Окрестности ихъ, способомъ толь живымъ и тѣльнымъ, что всякъ мнитъ ихъ въ Лiцахъ видѣть. Авторъ Телемаха какъ Теченiемъ Слова вобще есть непрерывенъ и сладостенъ; такъ и живописными своими Образами совершенъ. Онъ представляетъ Страсти краiнимъ искусствомъ: ибо превесьма прилѣжалъ къ познанiю Сердца человѣческаго и всѣхъ его Пружинъ. Всякъ, читая Пiиму Авторову, не видитъ ничего инаго, кромѣ что онъ показываетъ; и также не слышитъ другаго, какъ токмо что въ немъ изглашается. Онъ разогрѣваетъ, возбуждаетъ, прекланяетъ, и влечетъ за собою; такъ что чувствуются всѣ Страсти имъ изображаемые.

Въ семъ точно Живописанiи, Пiиты обыкновенно употребляютъ упомянутыя *Сравненiя*, *Уподобленiя*, и *Описанiя*. Сравненiя въ Телемахѣ суть точны, исты, и благородны. Авторъ не воскрилятъ преизбыточно Разума, выше Подлежащаго своего Дѣла *Метафора*

ми (пренесеніями отъ свойственнаго къ несвойственному) чрезвычайными: онъ также и не приводитъ его въ затрудненіе многимъ различіемъ Изображеній. Подражалъ онъ всему Великому и Изящному въ Описаніяхъ Древнихъ, какъ то Сраженіямъ, Потѣхамъ, Кораблекрушеніямъ, Жертвоприношеніямъ, и прочему, не распространяясь въ Мѣлочахъ, приводящихъ въ Дряхлость и въ Томность Повѣствованіе, и не уничижая величія въ Шимѣ, Очертаніемъ вещей подлыхъ и непріятныхъ. Вступаетъ иногда въ Подробность: но ничего не предлагаетъ, что недостойнобъ вниманія было, и что не поспѣшествовалобъ ясности Вразумленія, имъ преподаемаго. Слѣдуетъ Естеству по всѣмъ его различіямъ. Зналъ онъ твердо, что всякой Рѣчи должно имѣть свои Неравности: иногда надлежитъ ей быть Высокой, но не Напыщенной; а иногда Простой, но не Подлой. Ложный то вкусъ, чтобъ вездѣ и всегда украшать, распещрять, и роскошествовать. Описанія его суть велелѣпны, токможъ природны; просты, а однако пріятны. Картины у него не токмо списаны съ Естества, но еще и съ Естества любезнаго. Сочетаваетъ онъ исправность Рисунка съ живостію Красокъ; тоесть, стремительность Омирову съ Мароновою благодарностію. Не все еще тутъ: Описанія сея Шимы не токмо опредѣлены услаждать но и наипаче наставлять. Когда Авторъ говоритъ о Пастушеской жизни; то предлагаетъ ея для того, чтобъ одобрить и препоручить любезную Простоту Нравовъ. Когда описываетъ Потѣхи и Сраженія; то не для почести Другу или Отцу, какъ то въ Иліадѣ и въ Енѣидѣ, но да изберется

Царь превосходящій всѣхъ силою Разума и Тѣла, и способный рáвно къ снесенію трудовъ, полагаемыхъ тѣмъ и другимъ. Когда представляетъ намъ страхъ Кораблекрушенія; то да вдохнетъ въ своего Героя твердость сéрдца, и преданіе себя Богамъ въ наивеличайшихъ бѣдствіяхъ. Могъ бы я пробѣжать по всѣмъ его Описаніямъ, и найти въ нихъ подобныежъ красоты: но довольствуюсь наблюденіемъ, что Рѣзьба непроражаемаго Нагрудника, или Брони, или Доспѣха, который Паллада даровала Телемаху, есть преисполнена Искусства, и заключаетъ въ себѣ сіе высокое Нравоученіе, что Щитъ Государю и Подпора Государству суть единственно Науки и Земледѣліе; и что Царь вооруженный Мудростію, ищетъ токмо Мира, и находитъ изобильныя пособія на все зло Браней въ Народѣ наученномъ и трудолюбномъ, коего Разумъ и Тѣло рáвно пріобучены къ трудоположенію.

Напослѣдокъ, не можетъ Пѣнма быть сильна́ и точна́ безъ [1]) Любомудрія. Въ Телемахидѣ хотя видимо повсюду Образованіе богатое, живое, острое, пріятное, а однако при всемъ томъ Разумъ твердый, точный, и глубокій. Сіи оба качества находятся рѣдко въ одной и той же Особѣ. Надобно быть душѣ въ непрестанномъ почитай движеніи да изобрящетъ, да пристраститъ, да подражаетъ, и совокупно въ совершенномъ спокойствіи, да разсудитъ производимое, и да изберетъ изъ премноженства предстающихъ Мыслей, приличные токмо. Должно Образованію претерпѣвать нѣкоторый Родъ огненнаго Восторга, а

[1] Філософія.

Разуму пребывающему въ Тишинѣ, воздерживать оное и обращать по своему изволенію. Безъ сея жаркія стра́сти, любящія все, Рѣчи кажутся хладны, косны, слабы; а безъ сего разсужденія, распредѣляющаго и направляющаго всежъ, онѣ суть ложны и неправдивы.

Огнь Омировъ, особливожъ въ Іліадѣ, есть стремителенъ и жарокъ, какъ пламенный вихрь, пожигающій все. Огнь Мароновъ, имѣетъ болѣе свѣтлости, нежели жара: онъ свѣтитъ всегда лучезарно и ра́вно. Но огнь Тилемаховъ грѣетъ и свѣтитъ совокупно, смотря по надобности къ преклоненію, или къ возбужденію. Когда сей пламень сіяетъ; то даетъ чувствовать пріятную теплоту, отнюдъ не вредящую. Таковы суть собесѣдованія Менторовы о Політікѣ, и Тилемаховы о Разумѣ Законовъ Міноевыхъ. Сі́и чистые Іде́и наполняютъ Разумъ тихимъ свѣтомъ: сіи ѳусіа́смъ (огнедыханіе) и жаръ Піитіческій былибъ тутъ вредны, какъ то солнечныя Лучи, преизлишне яркіи, ослѣпляютъ. Когдажъ нѣтъ нужды въ Мудрствованіи, но вся потреба есть въ многообратномъ Дѣйствіи; когда уже́ Истина зрится ясно, и когда не бываетъ подвижностей отъ единаго токмо нерадиваго коснѣнія: тогда Піитъ возбуждаетъ огнь, и возбуждаетъ пристрастіе подвигоположное, восхищающее слабую Ду́шу, какъ не имѣющую доблести повинуться Истинѣ. Эпісодій о любви Тилемаховой, на Островѣ Калѵпсіномъ, наполненъ есть симъ жаромъ. Итакъ, презнаменитый Піитъ соединилъ въ своей Піимѣ са́мыя лучшія Изящества Древнихъ. Онъ имѣетъ все Огнедыханіе и Обильность Омирову; и

всежъ Велелѣпіе и Правильность Маронову. Какъ Еллинскій оный Творецъ, начертаваетъ сильно, просто, живо, различно въ Басни, и разно въ Характирахъ: размышленія его нравоучительны, описанія одушевленны, вымышленія многоплодны. Всюду въ немъ оный яркій пламень, кой единымъ подается Естествомъ. Но какъ Латінскій тотъ, наблюдаетъ совершенно Единство Дѣйствія, единообразность характировъ, порядокъ, и правила. Разсужденіе его глубóко, а Мысли вознесенны, когда сочетаваетъ Естественное съ Благороднымъ, съ Высокимъ же Простое. Вездѣ Искусство становится Природою. Чтожъ до Ироя его; то сей есть совершеннѣйшій обоихъ, Еллинскаго и Латінскаго: ибо Умственности Телемаховы суть просвѣщеннѣйшіе, но Чувственности благороднѣйшіе, нежели Ахіллесовы, Одиссеевы, и Енéевы.

Сіе впрочемъ срастореніе Свѣтлости съ Яркостію, и различаетъ нашего Піита отъ онаго Омира и того Марона. Енеусіасмъ перваго приводитъ иногда къ забвенію Искусства, къ пренебреженію порядка, и къ тому, что онъ преходитъ за Предѣлы Естества. Была то сила и стремительство великаго его природнаго Разума, восхищавшаго того по неволѣ. Пышное велелѣпіе, разсужденіе зрѣлое, и осанистое шествіе Мароново, прераждаются иногда въ правильность преизлишно порядочную, чемъ онъ кажется быть болѣе Історікъ, нежели Піитъ. Симъ послѣднимъ любуются вящше Піиты Філософствующіи и Пышнѣшніи, нежели Первымъ. Не происходитъ ли, мню, сіе отъ ихъ чувствованія, что можно удобнѣе подражать

**Искусствомъ великому разсужденію Латінскаго Ст
хотворца, нежели преизящному огнедыханію Елли
скаго Пінта, которое единымъ токмо Естествомъ
преподается?**

Мой Авторъ долженствуетъ любимъ быть всяка
Рода Пінтамъ, какъ Любомудрствующимъ, такъ и Д
вящимся огнедыханію. Онъ сопрягъ свѣтъ Разума
сладостію Образованія. Доказываетъ Истину ка
Філософъ твердымъ и глубокимъ разсужденіемъ;
приводитъ въ Любовь доказанную ту какъ Пінт
сладостнымъ возбужденіемъ Чувственностей. Все
немъ праведно и прилично къ преклоненію: нѣ
играніи Разума, ни такихъ блистающихъ Мысле
кои заставляютъ дивиться Писателю. Слѣдуетъ о
въ семъ великому наставленію Платона предлага
щаго, что сочиняя должно укрываться, сникать
очей, и себя самого позабывать, дабы произвес
токмо Истины, которымъ желается научить, и Стр
сти, кои хочется очистить.

Въ Телемахѣ, словомъ, господствуетъ всюду Р
аумъ, и красуется Чувственность. Отъ сего точ
Пінма сія, есть Пінма всѣхъ Родовъ, Племенъ, С
стояній, и Вѣковъ. Телемахъ соблюдетъ всегда,
всѣхъ Языкахъ, силу свою, благородство, душу,
сущную красоту: ибо Пінма сія состоитъ въ выс
комъ проявленіи Истины, въ Чувственностяхъ бла
родныхъ и возвеселныхъ, да и въ способѣ приро
номъ, нѣжномъ, и разсудномъ, какимъ та и дру
предлагаются. Такія добродѣпотствія суть всѣхъ Яз
ковъ, всѣхъ Временъ, всѣхъ Странъ, и приводи

ра́вно въ любленіе къ себѣ острым Разумы, и великіе Ду́ши во всей Вселенной.

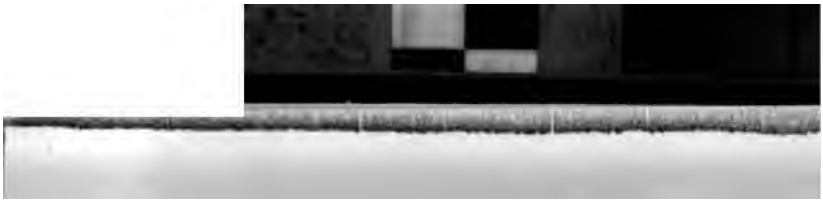
Только есть всего, что я могъ выбрать изъ разныхъ мѣстъ объ Ироіческой Поэмѣ вобще, и о Телемахѣ изъ Телемаха особливости. Осталось теперь объявить причину, побудившую меня къ преложенію Телемаха, и способъ, ка́къ я обращался продолжая Дѣло. Не приведу, чаю, Читателя моего симъ въ скуку; а сообщеніемъ ему обстоятельнаго Извѣстія о всемъ, что касается до Телемахіды и услужить уповаю.

Уже́ извѣстно, что Телемахъ и на нашъ Языкъ преведенъ, какъ то Книгѣ сей необходимо должно читаемой быть всѣми Народами, хотящими нелицемѣрно просвѣтить свой Разумъ, а Сердце исправить, тому́жъ и другому пріобрѣсть услажденіе такое, кое отъ чтенія Книги произойти въ верьховной степени возможетъ. Но Телемахъ нашъ переведенный и напечатанный токмо Тѣнь, или еще и та, истиннаго есть Телемаха. Коль ни благоразумный и ни добронравный переводилъ его Мужъ, и Языкъ разумѣвшій Французскій; однако, не обратившійся ни мало въ Словесныхъ Наукахъ, не могъ произвесть перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было. Списки, съ недостаточнаго его во всецѣломъ Содержаніи Перевода, еще безпредѣльно недостаточнѣе произникли; а обносясь повсюду, расплодили и сами Списки́жъ съ себя, но толь прелесовершенный, что Телемаха въ нихъ по заглавному токмо почитай Имени узнавать стало можно. Изъ такихъ точно Списковъ одинъ достался Академіческой Типографіи, которая

Тилемаха и произвела печатнымъ Тисненіемъ. Правда, видѣли тогда Знающіи Люди всѣ недостатки въ томъ Спискѣ, съ коего такъ называемый Наборъ въ Тѵпографіи той производи́мъ былъ, и могли оныи всѣжъ прежде чистаго тисненія исправить; но крайнее понужденіе къ скорости напечатанія не допустило до того: такъ что каковъ былъ Тилемахъ въ ономъ Спискѣ, таковъ подлинно и въ Свѣтъ изданъ. Жаль; но «что [1]) здѣлано, то уже́ не можетъ быть «не здѣлано»!

По прошествіи времени, предпріяли нѣкоторыи Рачители дать намъ Тилемаха не токмо исправнѣйша въ Содержаніи, но и въ Теченіи Сло́ва сходственнѣйша съ Стіхотворнымъ Слогомъ: уразумѣли они твердо, что Ироіческая Піима не стройна́ всеконечно безъ приличнаго себѣ, и потокомъ ліющагося, Изглашенія: чего ради нѣсколько Книгъ и совершили дѣломъ, со временемъ всѣ прочіи до са́маго конца совершить хотящіи. Учинена́ мнѣ честь сообщеніемъ, тогда еще, къ прочтенію сихъ нѣсколькихъ Книгъ съ Тилемаха, въ новомъ томъ и исправнѣйшемъ произведенныхъ видѣ. Не можно не похвалити достодолжно Слога, и сего не льстивно, да и по са́мой Справедливости: Преложеніе сіе Метафра́стіческое, сходствуетъ всесовершенно съ Авторовою Прозаіческою Рѣчеточивостію, такъ что Французское Слово измѣнилось токмо въ Россійское; развѣ сіе одно

[1] Factum, infectum fieri nequit.
Terent. Phorm. V. 8. 4.
Factum est illud, fieri infectum non potest.
Plaut. Aul. IV. 10. 15.



можетъ о Россійской Рѣчи сказаться, что она въ немъ, какъ не Стопáми опредѣленно шествующа, ліется *Історіческаю* а не *Ироіческаю*. Повѣствованія Рѣкою, точно какъ у Автора, которому впрочемъ необходимо было нужно, лишенному всемѣрно Кроіческаго Стіха, прозаічествовать; но что намъ, обогащеннымъ таковымъ Стіхомъ отъ природныя благоплодности, въ текущей плавно, пылающей жарко, и на всѣ извивающейся страны способно и высокопарно Словесности нашей, не приличнобъ, мнится, было тотъ пренебрещи, и самоизвольно не Имущими являться въ Изобиліи, рáвно какъ стоя́щимъ въ Водѣ по уста, а напиться не могущимъ. Наконецъ, мы имѣемъ высокій сей Ироіческій Стіхъ издревле; а Тилемахъ и есть Эпіческая Піима, которая требуетъ Омирова или Маронова ристательнаго Бѣга.

Другіи напротивъ, въ нынѣшнее точно время, зная что всякой Піимѣ, по превосходствужъ (*κατ' ἐξοχὴν*) первенствующей предъ всѣми Ироіческой, должно тещи́ опредѣленною мѣрою, потщались прелагать Тилемаха, ещé вновь, Стіхами, и сими Іамвіческими, да и съ такъ именуемою окончательною Рѵѳмою. Сообщены мнѣ были три первые Книги и сего Рѵѳміческаго Преложенія, да просмотрю оные. Понравилось начинаніе: похвалилъ я стремительство, еще и поострилъ ободреніемъ Трудоположника къ продолженію Дѣла. Подлинно, и сей Трудъ есть достохваленъ. Но видѣли мы ужé выше, что Ироіческія Піимы Теченію не свойственны какъ Рѵѳмы, такъ и Стóпы мѣръ Іамвіческихъ. Первые въ семъ Теченіи всюду содѣлываютъ *Катарáкты*, тоесть,

пречныя Пороги и Преломы; ктомужъ, брячатъ онѣ, можетъ быть, хорошо въ краткихъ Пѣснмахъ, а въ долгопротяжныхъ и важныхъ, какова Ироическая, отнюдъ терпимы быть не могутъ, вторыежъ, прилично и основательно употреблены Древними, на Теченіе Слова въ Драмахъ, но Эпопія всеконечно требуетъ Дактило-спондіаческаго, или, по нашему Тоническому Количеству, Дактило-трохаическаго Шествія. Сверьхъ того, Русскій Переводъ больше не обходимо есть *Парафрасісъ* (произложеніе), отнюдъ же не *Метафрасісъ* (Преложеніе). Слѣдовательно, Парафрастическій Переводъ съ Телемаха, не знаю коль попремногу удалится отъ точнаго Содержанія Телемахова.

Не почитая ничего болѣе и первенственнѣе, въ Должностяхъ моихъ согражданскихъ, Ревности къ услуженію Отечеству, и желая всесердечно, «оста-«вить [1]) по себѣ живое засвидѣтельствованіе сея, «пламенѣвшія во мнѣ всегда, Ревности, а въ памяти «Соотечественниковъ моихъ, не умереть нѣкакъ и по «смерти», отнюдъ же не Простата онаго Ефесскаго подобіемъ, принялся и я за сіе Преложеніе Телемаха, когда уже изданный тисненіемъ Телемахъ нашъ не весьма исправенъ, пріуготовляемыйжъ оба еще суть въ ожиданіи, а можетъ быть и остановлены на долго или важнѣйшими Перваго, или Втораго должнѣйшими упражненіями. Впрочемъ, принялся я за сей трудъ не съ такимъ о себѣ тщеславнымъ само-

[1] Ergo etiam, cum me supremus adusserit ignis,
Viuam, parsque mei magna superstes erit.
Насонъ Элег. XV. Кн. I.

мнѣніемъ, что Преложеніе моé токмо достигнетъ на верьхъ цѣлаго Совершенства: далеко, свидѣтель Совѣсть моя́ Истинѣ, отстою отъ ненавистнаго сего Θрасонíема (самохвальства). Есть моя́ Тилемахíда, но при поспѣшествованіи свыше, безъ чего ни нача́ла себѣ не положила, Есть, говорю, Тилемахíда моя́, нѣкакъ изданныя исправнѣе Разумомъ Преложенія, а уготовляемыхъ двухъ не́гли благообразнѣе Теченіемъ Сло́ва, ибо всеконечно сроднымъ и единственнымъ Эпíческой Пѣснѣ. Не стремитъ она у меня Водъ своихъ Историческимъ Моремъ, но лíется быстрою и чистоструйною Героíческою Рѣкою; не бíетъ Тока своего съ низу въ верьхъ, ни пресѣкаетъ его вскорѣ Согласованíемъ нѣкимъ окончательнымъ: но бѣжитъ свыспрь долу Потокомъ всюду доброгласно гремящимъ, и повсюду глубокимъ отъ впадшихъ въ него другихъ Струй обильныхъ: тоесть, Тилемахíда моя́ не сочинена́ Про́зою, какъ называютъ, нижé и двустопными съ Рѳмою Стíхами; но Стíхами Дактилотрохаíческими, какъ то требуетъ того наше То́ническое Количество, и тѣми всеконечно безъ побрякивающія на концахъ ва́рварскія Рѳмы.

Симъ образомъ Источникъ оный Разумовъ Омиръ, составилъ двѣ свои зиждительные Пѣсны, Іліаду и Одуссíю; симъ и верьховный Маронъ благородную и осанистую свою Енíиду, какъ то ужé изъяснено выше: симъ точно быть должно на нашемъ Языкѣ и превелелѣпной и всякихъ тíтлъ вышшей Тилемахíдѣ. Сíежъ толь пристойнѣе, что са́мое природное и первенствующее наше Стíхосложеніе было всеконечно безъ Рѳмъ, хотя и состояло Стопа́ми какъ Двуслож-

ными, такъ и Трисложными, по То́ніческому Количеству (Рѵѳміческіи Стіхи, безстопныи отъ Поляковъ, а Іамвіческіи пришли къ намъ отъ Германцовъ): что, мню, доказалъ я весьма вѣроятно, въ Разсужденіи моемъ о Древнемъ, Среднемъ, и Новомъ Стіхотвореніи нашемъ, положенномъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіи въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 1755 года. Итакъ сей родъ Стіховъ, начатый мною отъ нѣсколькихъ уже́ лѣтъ, а нынѣ препоручаемый всеобщему Употребленію въ Піимѣ сей важной, не долженствуетъ казаться намъ ни Новымъ ни Дикимъ: онъ есть Возвратъ отъ Стіхотворенія Страннаго, Дѣтскаго, и Непра́вильнаго, къ Древнему нашему Сановному, Свойственному, и пристойно Совершенному; Возвратъ, говорю, точно подобный Возвращенію отъ Гоѳіческія Архітектоніки, пребывавшія съ XIII, по XVI вѣкъ, къ изрядству паки Еллинскія Самоначальныя, единственно благолѣпныя, и всею сразмѣрностію превосходныя. «Нили́ [1]) то истинно посему, что Естество само «собою клонитъ къ Стройности оной Простой, къ «которой толикій есть трудъ возвращаться, когда «Вкусъ къ исправной Изящности поврежденъ, раз«вращенныхъ Новостей Строптивостями»?

Но впрочемъ правда, Авторъ ея воспѣлъ на Французскомъ своемъ Языкѣ свободною Рѣчію: однако

[1] N'est-ce point, que la Nature porte d'elle-même à cet air simple, auquel on a tant de peine à reuenir, quand le goût a été gaté par des nouveautés et des hardiesses bizarres?

Боссюэт. Разглаголств. о Всеміри. Істор. Ч. III. Гл. 3 стр. 493.

воспѣта она Прозою, за неспособность Французскаго Языка къ Ироическому Еллинолатинскому Стиху; а такъ называемый на томъ Языкѣ *Александровскій Стихъ*, есть не Стихъ, но Прозаическая простая Строчка, Рѵѳмою токмо на концѣ въ ладъ гудущая, которая ужѳ и всего нестройнѣе примѣшается къ Теченію Слова въ Нѣмѣ Самопачальной. Чтожъ до нашего Языка; то онъ столькожъ благолѣпно воскрыляется Дактилемъ, сколько и самъ Еллинскій и Римскій: и также преизящно употребляетъ пренесеніе Рѣчей съ мѣста на другое, не пригвождаясь къ одному опредѣленному, какъ и оный Еллинскій съ Латинскимъ: Природа ему даровала все изобиліе и сладость языка того Еллинскаго, а всю важность и сановность Латинскаго.

На чтожъ намъ претерпѣвать добровольно скудость и тѣсноту Французскую, имѣющимъ всякородное богатство и пространство Славенороссійское? Достохвальнѣе пѣть Омировымъ и Мароновымъ доброгласіемъ, а толѣ и напаче, что непринужденно можемъ, нежели дѣтскимъ нѣкакимъ Рѵѳмъ звенѣніемъ: да и есть ктомужъ, мнится, благодаровито, дать здѣсь чувствовать, не читавшимъ изъ нашихъ ни Омировыхъ Нѣмъ ни Мароновы, истиннаго по теченію Слова Омира, и истиннаго по томужъ Марона въ Славенороссійской сей Тилемахидѣ.

Я толь далеко отрѣваю отъ долгопротяжнѣйшихъ Нѣмъ Оміотелевтъ (подобное окончаніе) оный Гоѳическій, что хотѣлъ бы его отвергнуть и отъ Стиха Драматическихъ Сочиненій, тоесть, отъ Трагедій и Комедій. Сіе достовѣрно, что усильствіе къ непре-

станной ръчи, умаляетъ безпредѣльно жаръ и рвеніе Піимы Драматическія. На совершенное возбужденіе Страстей, часто надобно отставать и отъ природнаго порядка и связанія въ Сочиненіи, не то что отъ притворнаго и всегда маловажнаго звука въ подобномъ окончаніи. По сей точно причинѣ Аѳиняне и Римляне, Писавшіи все остро, живо, и прилично, помѣщали свои Слова такъ, какъ хотѣли (а сіе свойство и господствуетъ свободно въ нашемъ Языкѣ), и ръчи къ Драматическимъ своимъ Піимамъ не допустили, составляя сіи впрочемъ Іамвическихъ мѣръ [1]) Стопами. Возможетъ ли статься, чтобъ тѣмъ Древнимъ народамъ, достигшимъ на самый верьхъ Совершенства въ обоемъ Краснорѣчіи, не выразумѣть, что, для совершеннѣйшія Красоты, должно быть на концахъ Стіховъ Ръчами? Итакъ, лучше намъ послѣдовать въ семъ [2]) Софоклу, Еврипіду, и Терентію,

[1] Зри о семъ Древнія Исторіи Томъ V Членъ IV. §. II. стр. 89.

[2] По разуму, Достовѣрнѣйшаго должно держаться, и предпочитать Честнѣйшее. По всякій Подлинникъ достовѣрнѣе Списка есть, и потому честнѣе. Впрочемъ два мнѣнія, въ разсужденіи сего, и понынѣ въ самой Франціи подъ жаркимъ Стязаніемъ продолжаются. Первое есть, что Древніи Писатели, каковъ напримѣръ Омиръ, Димосѳенъ, Платонъ, Маронъ, Туллій, суть такіи Писатели, коихъ за верьховное и единственное Правило всего добраго вкуса Новѣйшимъ намъ почитать должно. Сіи утверждаютъ, «что между Новѣйшими нами нѣтъ ни Словесника «равнаго Туллію или Димосѳену; ни Піита подобнаго «Омиру, Марону, Піндару, Флакку, Ѳеокріту: ... а Древніи сіи не для того суть дивны, и достопоражаемы,

нежели Корнилію, Расіну, и Моліеру. Французы всякое Стіхотвореніе составляютъ Стіхами, или правдиве, Прозаическими строчками, съ Рѳмами для того, что не имѣютъ Стіховъ состоящихъ Стопами,

---

«что они Древніи, но что Превосходныи изъ Древнихъ». Ceux, qui admirent les Anciens, croient, que dans le Moderne il n'y a ni Orateur, qui égale Ciceron, ou Demosthene; ni Poëte qui approche d'Homere, de Virgile, de Pindare d'Horace, de Theocrite: . . . car les partisans des Anciens n'estiment pas les Poëtes, parce qu'ils sont Anciens, mais parce qu'ils sont Bons (Предисл. Г. Дасіера при изданіи его Стіхотвореній Флакковыхъ). Другіи твердятъ, что и Омиръ, и Маронъ, и Піндаръ, и Флакъ были такіежъ люди, какъ и мы, и что Природа и намъ не Матчиха; слѣдовательно, Древнихъ мы и превзойти можемъ, не то что съ ними сравниться; а сіе сáмое и подтверждаютъ такимъ уподобленіемъ: «Буде Древá, кои расли въ прежнія времена у насъ на поляхъ, «были больше нынѣшнихъ; то съ Омиромъ, съ Платономъ, «съ Димосѳеномъ, не можно сравниться въ нынѣшніи вѣ«ки: но понеже нынѣшнія наши Древá суть столькожъ «велики, сколько и старинныя; того ради можемъ мы «быть рáвны Омиру, Платону, Димосѳену». En cas que les arbres, qui étoient autrefois dans nos campagnes, aient été plus grands que ceux d'aujourdhui, Homere, Platon, Demosthene, ne peuvent être égalés dans ces derniers siecles: or nos arbres sont aussi grands, que ceux d'autrefois; nous pouvons donc égaler Homere, Platon et Demosthene. (Отступлен. Г. Фонтенеля о Древ. и Нов.)

Однако, сколько сіе второе Мнѣніе ни Сильно и ни Хитро есть въ Созерцательности (въ Ѳеоріи); но первое оное въ сáмой дѣятельности (въ Практикѣ) превозмогаетъ. Ибо понынѣ еще, всюду въ ученой Европѣ, тѣ едини-

тоесть, нѣтъ у нихъ всеконечно никакихъ Стіховъ, и потому употребляютъ рѵѳму, да утаятъ сю безобразный родъ Прозы, ибо опредѣленнымъ числомъ Складовъ состоящія, въ ложныхъ своихъ Стіхахъ. Не бѣдность ли то, и мѣлочь?

И поистинѣ, Драматіческому Стіхотворенію надлежитъ быть, въ Теченіи слова, всеконечно сходственну съ Естествомъ. Что есть Драма? Разговоръ. По природѣ есть то Собесѣдованіе, кое непрестанно оканчивается женскою Рѵѳмою, какъ на *горе море*, а мужескою какъ на *увы вдовы*, сочетаваясь попремѣнно? Я, въ особенности моей, читая иногда, отдохновеній во время, Комедіи Французскіе, больше всегда чувствую сладости (преднамѣренная польза исправленія Нравовъ, едвалъ когда и гдѣ происходила отъ Драмъ, но вездѣ напротивъ поврежденіе

ственно изъ Новыхъ Пінты, Риторы, и Історіки препохваляются, кои наближае подошли токмо къ Древнимъ опымъ, а ихъ не то что не превзошли, но и не сравнились съ нимн. Такъ мнѣ сіе видится въ разсужденіи Словесныхъ Наукъ. Но спо́рю, Фѵсіка нынѣшняя и Геометрія, особливожъ называемая Высокою (sublimis), несравненно превзошли древнюю Геометрію и Фѵсіку. Да и Народъ, который чемъ болѣе будетъ когда Геометръ или Фѵсікъ; тѣмъ меньше имѣетъ въ немъ оказаться красныя Словесности Пінтическія, Риторскія, и Історическія, по наблюденію Даціерову въ томъ же Предисловіи, какъ то и весьма, мнится, основательно, а сіе и по са́мымъ опытамъ, развѣ что, по моему, «нѣтъ Пра́вила безъ Изъятія»: Nulla est regula sine exceptione.

бо́льшее и [1]) неминуемое, да притомъ и Личные обиды, коимъ примѣръ у злодушнаго Шпыня́ и Кощу́на Арістофа́на благонравному оному Сократу, отъ Драматістовъ, и отъ бра́тениковъ имъ Сатѵріковъ, какъ то и сіе нѣкто [2]) изъ Французовъ наблюдаетъ основательно) отъ чтенія *Арлекіна Дикаго*, нежели отъ препрославленнаго Моліерова *Тартюфа*. Чегожъ ради? Тартюфъ сей въ Стіхахъ своихъ имѣетъ рѵѳмы, и потому отъ природнаго теченія сло́ва весьма удалился; а Дикій Арлекінъ идетъ Прозою, слѣдовательно, сходствуетъ съ са́мымъ чистымъ Естествомъ. Не сомнѣваюсь, чтобъ и прочіи Читатели у насъ не такоежъ имѣли присемъ чувствіе: «Природу [3]) по Флак-

[1] Sed tu praecipue curuis venare theatris:
Haec loca sunt votis fertiliora tuis.
de art. amand. I. 89. 90.
тоесть:
Но лови на-излу́чистыхъ ты особливѣй Ѳеатрахъ:
сихъ на-мѣста́хъ тебѣ есть изобильнѣйшій Ловъ.
Spectatum veniunt, veniunt spectentur vt ipsae:
Ille Locus casti damna pudoris habet.
de art. amand. I. 99. 100.
тоесть:
Зрить притекаютъ онѣ, притекаютъ сами да-зря́тся:
Въ мѣстѣ семъ Чистоту Пагуба вкругъ обстоитъ.

[2] Quoi, Monsieur, n'est ce pas cet homme à la Satire,
Qui perdroit un Ami plûtôt, qu'un mot pour rire?
тоесть:
Не сей ли Человѣкъ Сатѵріческа Круга?
Надъ Другомъ смѣхъ кому сто кратъ есть лучше Дру́га?

[3] Naturam expellas furca, tamen vsque recurret.
Lib. I. Epist. 10.

«ку, хотя вилами изъ себя изринь, но она вскорѣ «тажъ къ тебѣ возвратится». Изганяю впрочемъ Рѵѳмы отъ Драмъ не для того́, что я къ нимъ, возразитъ либо кто, мало самъ способенъ; хотя и могу напротивъ, безъ вертопрашнаго тщеславія, сказать, что пріобрѣлъ я въ пріисканіи себѣ ихъ, не грызя ногтей и безъ пораженія ладонію чела́, нѣкоторый на́выкъ, такъ что чаще, можетъ быть, находится у меня Богатая Рѵѳма, нежели Полузвонкая: о семъ засвидѣтельствовать могутъ не ложно *Псалтирь* и моя́жъ *Ѳеоптія*, не упоминая другихъ многихъ Стіхотвореній. Но отрѣшаю ихъ отъ Ироіческія и Драматіческія Піимы (отрѣшаюжъ впрочемъ совѣтуя) для сего, что онѣ симъ Піимамъ отнюдъ и всеконечно не природны; такъ что мужественную ихъ рѣчь въ отроческое нѣмотствованіе (ὑποκοριςικὸν) премѣняютъ: Оміотеле́втъ первенственнѣе и родился для такихъ Стіховъ, каковы *Я малинкій Юночикъ, божій червочикъ*, и подобныи.

Но да не волнуются пристрастившіися къ Рѵѳмамъ, что отъемлются мною у нихъ два Помѣстія, чтобъ такъ сказать, въ нашемъ Стіхотвореніи: Отчина ихъ еще въ немъ останется довольно пространна, и многоземельна, именножъ, Эпіграммы, Сатѵры, Элегіи, Эпістолы, Оды: могутъ Любители Ладо́въ окончательныхъ, довольствоваться ими всегда до сытости въ сихъ, и въ премногихъ другихъ, Піимахъ. Итакъ, да любуются тѣми во всѣхъ тѣхъ и да наслаждаются Рѵѳмочтители; однако притомъ не возмогутъ же не призна́ть непристойности Рѵѳмъ еще

и въ Одахъ, длятого что въ нихъ утаевается [1]) она отъ слуха столько, сколько возможно, когда сочетавается то чрезъ Стіхъ, то чрезъ два, а иногда чрезъ три и четыре. Счастіе наше, что въ Одахъ можемъ ихъ скрывать и скрадывать такъ отъ важнаго слуха, а въ Героіческой, не говоря уже́ о Драматіческой, Пінмѣ, ежели Рѵѳміческую допустить нелѣпость, должно Омиотелевтамъ симъ быть всеконечно непрерывнымъ. Чтожъ бы то за утѣшное, толь въ сановномъ Твореніи, было Дѣтинство!

Сверьхъ нѣкоторыхъ не многихъ *Вольностей*, употребляемыхъ нами въ Стіхотворствѣ, имѣемъ мы двѣ токмо, существенные са́мому составленію Стіха нашего, шествующаго Стопа́ми по такъ именуемому *То́ническому Количеству*. Первая: Односложныя Реченія (по естеству своему всегда Долгія, какъ не могущія отнюдъ произнестись безъ напряженія голоса, и слѣдовательно безъ возвышенія, или, по обычному Имени, безъ Ударенія) надлежитъ почитать *Общими*, тоесть, и Долгими и Краткими, смотря по надобности и нуждѣ; инако, превесьма трудное и едва возможное будетъ составленіе Стіха нашего, То́нічес-

[1] Не токмо въ Одахъ, но и въ басенкахъ Французскихъ, сочиняемыхъ неравными Стіхами, утаеваютъ Авторы рѵѳму, чему нынѣ и у насъ есть Послѣдователь. Но Англичане и Італіанцы пишутъ уже́ и Драмы конечно безъ Рѵѳмъ Стіхами. Такіи Стіхи у Італіанцовъ называются Sciolti, тоесть, Несвязанные. Сего домогался и у Французовъ основательно нѣкто знаменитый Писатель. Но ему воспротивился всѣми силами Г. Волтеръ; впрочемъ не знаю дѣльно.

кимъ хожденіемъ высящагося и ни́зящагося. Вѣдомо сіе довольно Обращающимся въ нашемъ Стіхосложеніи. Итакъ, при воспріятыхъ мною Односложныхъ Реченіяхъ за Краткія, на различеніе отъ положенныхъ Долгими, начертавалъ я здѣсь всюду [1]) *чубен* (Единитную по нашему названію), тоесть, орізонтальную палочку, иногда справа, а иногда слѣва. Симъ Правомъ *Обоюдности*, или Краткости и Долготы, пользуются Односложныя, особливѣжъ Предлоги, и во всѣхъ Сложныхъ: однако въ сложномъ Реченіи изъ двухъ непосредственно Предлоговъ, какъ то *Преукрашéнный*, первому сáмому не вольно ужé имѣть *Обоюдности*, да быть всегда, по природѣ своей, Долгому, если только онъ, и въ семъ случаѣ, третій будетъ слогъ клѣву отъ Ударяемаго исключительно. Но вторая: за Двусложные Стóпы Хорія и также Іамва, употребляемъ мы, по необходимой нуждѣ, Стóпу Пурріхія, безъ чего превесьма часто цѣлаго Стіха составить невозможно. Посему за Хорія и здѣсь Пурріхій оный употребленъ есть мною, гдѣ требовала надобность. И какъ Стіхъ Іроíческій мой не однимъ Хоріемъ продолжаетъ свой Ходъ, да напаче и первенственѣе Дáктулемъ, трисложною Стопóю: того ради, по равномужъ праву и нуждѣ, помѣщалъ я иногда, за Дáктуля, и Трівráхія трисложнуюжъ Стóпу. Сей Вольности Предводителя въ примѣръ имѣю: самъ Маронъ, оный верьховный Стіхослагатель Латінскій, въ *Предложеніи* Енеиды своея, во второмъ Стіхѣ, начинающемся рѣчію *Италіи* (Italiam), употребилъ Стóпу Трівráхія за Дáктуля. При-

[1] N. B.

томъ, егожъ Мароново procumbit humi bos (падаетъ долу волъ) и ruit Oceano nox (валится на Океанъ нощь) и многое множество индѣ въ немъ, и во всѣхъ другихъ, еще и въ самóмъ Омирѣ, какъ то ἕλικας βοῦς (криворогихъ воловъ) и πατέρι ὦ (при отцѣ своемъ) и индѣ на премногихъ мѣстахъ, дало мнѣ власть, не смотрить на нѣжность Училищныхъ излишнихъ престереженій, да нѣгдѣ также окончавать мой Стіхъ и односложнымъ Реченіемъ. Наконецъ, составляемъ былъ иногда мною Стіхъ и такъ, что въ пятомъ мѣстѣ его не преобладающій всегда тѣмъ Дактуль, но Хорій нашъ, вмѣсто Латіноеллинскаго Спондія, употребленъ, на важное замедленіе Стіха, по примѣру Мароновыхъ же славныхъ, magnum Iouis incrementum (веліе Зевса племя), и agmina circumsprexit (полкú очми окинулъ). Сей Стіхъ въ Училищахъ называется *Спондíйскій*, по пятому въ немъ Спондію; но я проименовалъ его *Трохеíскимъ*, по Трохéю въ немъ или Хорію нашему пятомужъ, да и всядѣ, гдѣ онъ не находится у меня, означалъ его на-полѣ симъ Именемъ.

Положенъ сей весь Параграфъ, въ единственное предъизвѣщеніе умѣющимъ ходить по Стопáмъ Еллинскаго и Латінскаго Стіха *Екса́метра:* все прочее Общество Читателей да не заботится о семъ, но да чтетъ каждый Стіхъ обыкновеннымъ Рядомъ, наблюдая токмо Препинанія; *Ударéніе по Силамъ*, гдѣ его сей Стіхъ долженствуетъ имѣть, и безъ ихъ труда содѣлается сáмо.

За должное нахожу, увѣдомить и еще Читателей, что Тилемахида моя́ начинается не Авторовымъ

вдругъ Повѣствованіемъ, Calypso ne pouvoit se consoler du départ d'Ulysse, «Калипса не могла утѣшить-ся объ Отшествіи Улиссовѣ», кое Изображеніе у меня гласитъ такъ:

Въ крайней тоскѣ завсегда уже́ пребывала Калипса,
И не-могла́ ничемъ своего внутрь се́рдца утѣшить,
По́слѣ какъ-про́чъ отъ-ней отторгся Одиссъ невозвратно.

Предваренó сіе Нача́ло двацатію съ однимъ Стіхами, предложенными мною, а содержащими такъ называемыя *Предложеніе* (Propositio) и *Взываніе* (Inuocatio), по примѣру Омирову и Маронову въ Проіческихъ Пѣснмахъ. Предложеніе мое хотя и состоитъ токмо въ не многихъ Стішкахъ; но всея Тилемахіды Содержаніе въ себѣ пресокращенно замыкаетъ: онó притомъ, къ чему приложилъ я крайнее потщаніе, не превозносится ни величавною Пышностію, ни Напыщеніемъ пру́жащимся, ни высокопареніемъ съ перваго вспорха, ниже́ и зіяетъ громогласіемъ оглушающимъ, боясь привлещи себѣ Флакково оное, въ Наукѣ о Стіхотвореніи, наемѣяніе:

Не [1]) начинай такъ, какъ полюкру́жный древле Писатель:
Я воспою Фортуну Пріама, и-бра́нь благородну.
Чтожъ достойное дастъ Обѣщатель зѣва толпка?
Пы́шутся Го́ры родить, а-смѣшны́й родится Мышонокъ?

Въ Еллинскихъ Именахъ и другихъ Реченіяхъ,

[1] Nec sic incipies, vt scriptor cyclicus olim,
Fortunam Priami cantabo et nobile bellum.
Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus. ст. 36. 37. 38. 39.

Употребленіе [1]) Правописи нашей ради ока, и выговора для слуха, сугубое, мнится, утвердилось по причинѣ двойственнаго Діалекта, Россійскаго и Славенороссійскаго, обоегожъ происшедшаго отъ кореннаго Славенскаго; такъ что первый сему Славенскому Внукомъ, а вторый Сыномъ праведно можетъ наименоваться. Званія внѣшнихъ или гражданскихъ Наукъ, гласятъ у насъ нынѣ обыкновеннѣе по выговору *Западныхъ*. На примѣръ, пишемъ и произносимъ мы *Базісъ*, а не *Васісъ*; *Балсамъ*, а не *Валсамъ*; *Беллерофонтъ*, а не *Веллерофонтъ*; *Босфоръ*, а не *Восфоръ*; *Трагедія*, а не *Трагодія*; *Академія*, а не *Акадимія*; *Гіеронъ*, а не *Іеронъ*; *Горацій*, а не *Оратій*; *Віргілій*, а не *Уіргілій*; *Валенсъ* или *Валентъ*, а не *Уалентъ*; *Экономія*, а не *Ікономія*; *Эллада*, а не *Еллада*;

[1] Проважная сія Задача, правѣель Орѳографіи быть по Кореню, или по Произношенію, и понынѣ еще не рѣшена, а можетъ быть, что и во вѣки разрѣшена не будетъ. Разумъ побораетъ по Выговору, и доказательства его всѣ превосьма тверды: но мудрованіе Грамматіковъ стоитъ такъ-сякъ за Корень. Изъ Древнихъ Августъ Кесарь, по свидѣтельству Светоніеву, слѣдовалъ разуму. На семъ же основаніи крѣпко стоитъ и Квінтиліанъ говоря: Sic scribendum quidque iudico, quo modo sonat. Hic enim vsus literarum, vt custodiant voces, et, v luti depositum, reddam Legentibus. «Такъ должно, по моему мнѣнію, писать «все, какъ оно гласитъ: ибо на сіе самое здѣлано и введено употребленіе буквъ, да хранятъ голосы, и да отдаютъ тѣ, какъ залогъ нѣкій, Читателямъ». Такъ и Церковные наши Книги Фарісея, Ікону, Фінікса, изображаютъ по Выговоружъ, а не по характиру Писменъ: ибо по симъ должнобъ писать Фарісаій, Еікона, Фоініксъ.

Цесаревичъ, а не *Кесаревичъ*; *Цілліконъ*, а не *Кілліконъ*; *Ціклопъ*, а не *Кѵклопъ*; *Математіка*, а не *Маѳиматіка*; *Тронъ*, а не *Ѳронъ*; *Театръ*, а не *Ѳеатръ*; и прочее подобное и премногое Сей точно Западныхъ выговоръ употребленъ мною, по самой большой части, при такихъ чужестранныхъ Именахъ, Реченіяхъ, Званіяхъ, въ обѣихъ Історіяхъ, Древней оной и Римской: ибо сіе обое Дѣло есть по самой природѣ своей Гражданское, и по всѣмъ своимъ же Основаніямъ Свѣтское, или Внѣшнее.

Но въ Сочиненіяхъ, пишемыхъ или всеконечно Славенскимъ языкомъ; или уже [1]) Славенороссійскимъ, непосредственно проистекающимъ отъ того; тоесть, когда Содержаніе Пишемаго или прямо возносится къ Святилищу Божества, или принадлежитъ токмо до Священаго Обиталища Любомудрыя Мусы: тогда употребляется благопристойнѣе и лѣпотнѣе нами Правописаніе и Произносъ *Восточныхъ*. Я мню, въ особенности моей, что сіе обыкновеніе долженствуетъ нынѣ быть единственно и Правиломъ на оба различія въ Орѳографіи нашей, что касается до Еллинскихъ или реченій [2]) Латінскихъ; такъ что, въ

[1] Когда нѣкоторыи изъ Нашихъ (привыкшихъ къ Французскому и Нѣмецкому Языкамъ, не имѣющимъ кромѣ гражданскаго употребленія, а въ нашемъ Гражданскомъ Сочиненіи увидѣвшихъ два, три, реченія Славенскія, или Славенороссійскія) восклицаютъ какъ будто негодуя, ЭТО НЕ ПОРУССКИ: то жалоба ихъ не въ томъ, чтобъ тѣ реченія были противны свойству Россійскаго Языка, но что оныя положены не Площадныя, не Рыночныя, и словомъ, не Подлыя, да и знающимъ знаемыя.

[2] Правило Грамматіческое, въ Смотритскаго Грамматі-

Гражданскомъ языкѣ писать бы по *Западныхъ* Выговору, а въ Церковнѣйшемъ нѣсколько по *Восточныхъ* и Правописанію для взора, и Произношенію для слуха.

Сія есть причина, что въ Тилемахідѣ нашей (Книгѣ, по Содержанію своему и Языку, высящейся толико надъ Градскою Площадію, колико святый Холмъ Аѳона превышаетъ подлежащую себѣ дебелобренную въ низостяхъ земныхъ основу), *Тилемахъ* написанъ есть и произнесенъ *Тилемахъ*, а не *Телемахъ*, или не право *Телемакъ*; *Одуссей* или *Одуссъ*, а не *Улуссъ* или *Улуксъ*; *Менторъ* (*Μέντωρ*) а не всемѣрно ложно, *Манторъ*. *Омиръ*, а не *Гомеръ*; *Ирой*, *Ироіческій*, а не *Герой*, *Героіческій*; *Піима*, а не *Поема*; *Зеесъ*, а не *Зеевсъ* и не *Юпітеръ*; *Посідонъ*, а не *Нептунъ*;

кѣ, нѣкоторыми изъ нашихъ же исполняемое и твердимое, «Писать Греческое по Греческому, Латінское по Ла«тінскому, а Еврейское по Еврейскому Правописанію», есть прекословно и Церковному, и Гражданскому Употребленію: Ибо Латінское имя ЦЕСАРЬ, по Церковному есть Кесарь, и прочая-прочая, а греческое ВІВЛІА множественно, по нашему съ Латінскаго множественнагожъ есть БІБЛІА единственно, и прочаяжъ-прочая. Не спо́рю, Нікита есть точно, по Смотритскаго Пра́вилу, НІКИТА, ибо онъ Греческій: да для чегожъ ТЕРЦІЙ Римскій есть ТЕРТІЕМЪ Греческимъ, и ЛУЦІЛЛІАНЪ ЛУКІЛЛІАНОМЪ? Чегожъ ради и ВАРЪ ІОНА (сынъ Іонинъ), а не БАРЪ ІОНА? ибо сіе слово Еврейское, и написано оно чрезъ Б, а не чрезъ В? Или Письмя наше Б, для названія токмо Еврейскія буквы БЕѲЪ, а не и прочихъ всѣхъ именъ? Да почто́ и сіе БЕСЪ есть не ВИѲЪ, когда Беѳанія Виѳаніею, и Беѳсаіда Виѳсаідою, и прочая?

Ира, а не *Юнона*; *Артемида*, а не *Діана*; *Ермій*, а не *Меркурій*; *Арисъ*, а не *Марсъ*; *Салантъ*, какъ Талантъ отъ *τάλαντον*, а не *Салентъ*, какъ Талентъ отъ talentum; *Тарантъ*, отъ *Тарасъ* создателя, а не *Тарентъ* отъ Tarentum; *Еѳмениды*, а не *Фуріи*; *Гимитра* (за не весьма правое мнится *Димитра*), а не *Церера*; *Персефона*, а не *Прозерпіна*; *Паллада*, а не *Мінерва*; *Иха*, а не *Еха*; *Аполлонъ*, а не *Аполлінъ*; *Фівъ*, а не *Фебъ*; *Муса*, а не *Муза*; *Афродіта* а не *Венера*; *Тухія*, а не *Фортуна*; *Акестій*, а не *Ацестъ*; *Еній*, а не *Эней*, *Еніида*, а не *Энеіда*: да и все прочее, усмотрѣваемое здѣсь, и касающееся до Еллинскихъ именъ, подобнымъ же начертано образомъ, по употребленію *Восточныхъ*.

Впрочемъ, буква наша (ѵ), употреблена здѣсь мною, по Еллинскому Правописанію токмо въ тѣхъ Именахъ, гдѣ она за (і); но гдѣ полагается за (в), тамъ не употреблялъ я оныя, но писалъ всюду букву (в). За обратное (Э) находящееся въ Славенской, такъ называемой,[1]) *Глаголитіческой* Азбукѣ, можетъ быть не токмо съ Четвертаго Вѣка, какъ приписанной Славянину Блаженному Іеронуму, но прежде-либо и перваго Столѣтія, (всеконечножъ старѣе Кѵрілловскія нашея, данныя намъ Еллинскимъ начертаніемъ въ концѣ Девятаго Вѣка), а употребляемое нынѣ въ Гражданской нашей Печати весьма основательно, на изглашеніе отверстаго звона, потеряннаго въ (е), полагалъ я вездѣ Кѵрілловское (Е), выключая слова, *Эпопія*, *Эпіческая*, *Этна*, и подобныя не

[1] Зри грыдорованный Листокъ при разговорѣ моемъ объ Орѳографіи, напечатанномъ 1748 года.

многія; причину сему всякій цѣломудрый слухъ не подтвердить, одобреніемъ своимъ не можетъ.

Сихъ точно исполнь мнѣній, обращался я въ трудоположеніи надъ Тилемахідою, «попуская [1]) Оглашающимъ, и противомудрствующимъ, да и нѣкій «Лучъ чужаго Таланта, умаленіемъ своей лишшезарности мечтающимъ», пылать даже до седмеричнаго разженія, образомъ Халдейскія оныя древле Пещи.

Но да Общество Читателей Россійскихъ сею, толикія высоты и важности Книгою, воспользуется съ удовольствіемъ; и да возревнуетъ ею по всѣмъ предѣйствительнымъ Поощреніямъ, къ любленію прекрасныя Добродѣтели, онаго преизящнаго Имства, котораго свойства суть какъ преполезны Человѣкамъ, такъ и препохвальны, именножъ искреннее Чистосердіе, непоколебимое Постоянство, и мудрое благоразуміе. Купножъ, и да возвещуетъ твердо, что какъ «нѣтъ [2]) ничего полезнѣйшаго «Добродѣтели, изъ всего прочаго правымъ употребленіемъ пользу содѣлывающія; такъ равно нѣтъ «же ничего вреднѣйшаго Злотворства, тлящаго присутствіемъ своимъ премногая благая». И поистинѣ, все другое есть Ничто, или малое Нѣчто, или

[1] Strepunt, obtrectant, alienam famam suum dedecus existimant.

Саллуст. Рѣч. II. объ учрежден. Республік.

[2] *Τί ὠφελιμώτατον; ἀρετή καὶ γὰρ τ' ἄλλα τῶ χρῆσθαι καλῶς ὠφέλιμα ποιεῖ. Τί ζλαζερότατον; κακία· καὶ γὰρ τὰ πλεῖστα ζλάπτει παραγενομένη.*

Плутарх. въ Пир. VII. мудрец. Том. II. стр. 153. издан. Ксіландр.

и Злодѣяніе сáмое безъ Добродѣтели: она едина промышляетъ истинную здѣсь Честь, предобрую Славу, и по толику сладкое Блаженство, по колику въ сей многопревращной Юдоли быть можетъ стяжаваемо. Сего преимущества единственнѣе и первенственнѣе на пріобрѣтеніе всѣмъ, положилъ я сей мой трудъ не малый и не легкій (въ тѣжъ сáмыя времена, по премѣнно въ каждый день, трудясь и надъ Римскою Исторіею), возмнивъ быть съ себя самого довольно, что симъ средствіемъ возведу Читателей на степень, на которой поставленныи, могутъ собою они видѣть, коликаго достоинъ есть удивленія и почитанія Еллинскій Пінтъ Омиръ, и Латінскій Маронъ: ибо Тилемахъ Фенелоновъ всю сихъ красоту, сановность, и дѣльность въ себѣ имъ представляетъ, а Тилемахіда моя и всюжъ оныхъ гладкость, пріятность, съ сáмою сладостію проливаетъ, подобнымъ суще Теченіемъ Слóва. Авторъ, вкратцѣ, насыщаетъ ихъ Амвро́сіею, тоесть твердою Любомудрія пи́щею подъ Пінтіческою; но я медоточнымъ Не́ктаромъ, питіемъ онымъ Твóрческимъ сáмымъ угощаваю. И хотя сея Книги не долженствуютъ отнюдъ устраняться всякаго состоянія, чина, по́ла, и возраста Люди, на вящшее просвѣщеніе Ума, на дѣйствительнѣйшее исправленіе Се́рдца, на совершеннѣйшее умягченіе Нравовъ, и на всеконечно нѣжное услажденіе внутреннія Чувственности; однако да прилѣжитъ, желаю, къ ней съ бóльшимъ напряженіемъ гарячести Юношество, доколѣ способно есть къ воспріятію глубочайшаго впечатлѣнія отъ спасительныхъ Наставленій, пред-

ложенныхъ въ ней о Правдѣ, о Честности, и о Достолѣпности, безъ которыхъ жизнь наша не можетъ быть добра, какъ не сообразующаяся Естеству, и по тому Злость будетъ она, Мерзость, и скверная Пустота всякаго Блага. Напослѣдокъ, Менторъ здѣсь, оное Лице небесныя Премудрости и Благости, научая юнаго Телемаха, подкрѣпляя его, споспѣшествуя ему, содѣйствуя въ немъ, и слѣдуя во всѣ путешествія съ нимъ, всѣхъ нравоучительныхъ своихъ Правилъ, пространно, дѣльно, и чисто объясняемыхъ, преподаемыхъ же удобопонятному Разуму, а вперяемыхъ въ глубину сердца мягкаго, ограничиваетъ цѣлое Содержаніе, возглашая немолчно, хотяжъ коль и ни разнымъ составословіемъ, однако по силѣ, единымъ точно и токмо симъ Мароновымъ Стіхомъ изъ Енінды тако:

Disce, Puer, virtutem ex me [1]) propriumque laborem.
Должности, Отрокъ, учись отъ-меня, и стяжи Добродѣтель.

[1] Нѣкоторыи читаютъ verumque.

[illegible]

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ препровождаемый Палладою, подъ образомъ Ментора, пристаетъ, по разбитіи Корабля своего, къ острову богини Калипсы, печалящейся еще объ отшествіи Одиссеевѣ, богиня восприемлетъ его благосклонно, разгарается страстію къ нему, приноса ему безсмертіе, и вопрошаетъ того объ его приключеніяхъ. Онъ доноситъ ей повѣствованіемъ о путешествіи своемъ въ странахъ Пилосъ и въ Лакедемонъ; о разбитіи Корабля своего при брегахъ Сикелійскихъ; о бѣдствіи, что едва не заклятъ въ жертву тѣнямъ Анхисіевымъ; о помощи, какову Ментор и онъ подали Акестію, во время нашествія варварскаго; и о благодѣтности сего Царя за ихъ услугу, дарованіемъ имъ Тирійскаго Судна на возвращеніе въ страну природну.

Древня размѣра Стіхомъ пою Отцелюбнаго Сына,
Коіи, отъ-природныхъ брегóвъ поплывъ, и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ [1]) Палладою Ментора въ видѣ:
Многожъ коль ни-страдалъ отъ гнѣвныя онъ [2]) Афродіты,
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзѣными;
Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ-всѣхъ бѣдъ избавляла,
И возвратившуся въ домъ даровала Рождшаго видѣть.
Странноль, быть Добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
Муса! повѣждь д-вину [3]), и-конéцъ путешествіи Сыновскихъ,

[1] Мінерва.—[2] Венера.—[3] Причина.

Купно, въ времѣнѣ Царствъ и-Людéй, приключенія разны;
Рцы, коль-безъ-крóтости, Юноша [1]), пыщъ, безъ скромности дерзокъ;
Безъ направленіи стремглавъ, чуждъ-искýства безъ нáвыковъ дѣльныхъ;
Внѣ постоянства превратенъ [2]), и-твéрдости внѣ легкомысленъ;
Коль есть мéдленъ ко-Блáгу, творúть-Зло, Игрýтщу, пристрастенъ;
Чаять всего отъ-себя́, но безъ-пóмощи рѣяться [3]) въ бездны:
Всежъ и-сіé, и то, украси́ Примышленій убранствомъ.
А воскрилія Сама́, утверди парúть за-Омúромъ;
Слогъ [4]) Одиссéи веди Стопóй въ Фенелоновѣ слогѣ:
Я не-сравнúться хощу прославленнымъ толь Стіхопѣвцамъ:
Слуху Россíйскому тѣнь подобія токмо представлю,
Да громогласныхъ въ Насъ изощрю достигать Совершенства.

Въ крайней тоскѣ завсегда ужé пребывала Калúпса;
И не-могла́ ничемъ своего внутрь сéрдца утѣшить,
Пóслѣ какъ-прóчь отъ-ней отторгся [5]) Одиссъ невозвратно.
Въ горести той себя пренесчáстливу симъ почитала,
Что Естества была нетлѣніемъ въ вѣки безсмертна.
Щедра Пещеры ея ни Пѣснями ктому не-гласúли:

[1] Дýтикъ.— [2] Вертýшка.— [3] Порываться.— [4] Омирова Пѣсня объ Улиссѣ.— [5] Улиссъ.

Нимфы, служебницы ей, ни словажъ не-смѣли про-
молвить.
Часто Сама одна по-Лугамъ ходила цвѣтущимъ,
Коими Островъ тотъ опушала Весна вѣковѣчна.
Но такія прекрасны мѣста не токмо болѣзни
Въ ней утолять не-могли, еще на-печальную память
Болѣй Одусса, тольми совершаннаго, ей приводили.
Многажды Та на брегъ морскомъ, стояла недвижно,
Кой орошала, какъ-дождь проливая, своими слезами,
И непрестанно смотря туда, гдѣ-Корабль [1]) Одусссевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ-очей ушелъ, и-сокрылся.
Со вдругъ-узрѣла Она Корабля разбитаго Доски,
Лавки Гребецки почти на Дницы преломаны, Весла
Также туда и-сюда по-песку разметаны, купно
Щеглу [2]), Кормило [3]) одно, и Верви при-брегъ
пловущи.
Тутъ издалека потомъ увидѣла двухъ Человѣковъ,
Въ конхъ одинъ собой казался вѣка довольна;
Лѣты другіи хоть младъ, но былъ Одусссю подобенъ:
Онъ миловидность имѣлъ сего, имѣлъ и-осанку;
Въ немъ и-таковъ же станъ, и-величественъ ходъ, и-
обратность.
Уразумѣть возмогла Богиня, что-то Тилемахъ есть,
Сынъ Ирою тому, по коемъ Она сокрушалась.
Но человѣковъ хотя превышаютъ знаніемъ Боги;
Токможъ Та познать не-могла, кто оный Почетный,
Юному кой сему Тилемаху былъ Провожатый:
Ибо вышніи Боги все отъ-нижайшихъ скрываютъ,
Что восхотятъ отъ нихъ укрыть, когда-имъ угодно.
Такъ и- [4]) Лѳйна тогда, возслѣдствуя за Тилемахомъ,

[1] Улуссовъ.—[2] Машта.—[3] Руль.—[4] Мінерва.

Благоизво́лила быть не-позна́на отнюдь отъ-Калипсы.
Впрочемъ, Сія корабля веселилась разбитіемъ цѣлы-
ным,
Кое на-о́стровъ къ Ней привело Одиссе́ева сына,
Сына Отцу своему совершенно подобнаго взорозъ.
Идетъ къ нему Она́ какъ-не-зна́я того всеконечно:
Ты съ чего, рекла, воспріялъ толикую дерзость,
Что, къ моему приваливъ такъ-острову, вышелъ на-
сей же?
Знай, Пришлецъ, что-въ-мою́ нѣтъ входа безъ-ка́зни
Державу.
Тщалась въ себѣ утаить, сихъ словъ жестокихъ гро-
зя́ми,
Радость сердечну на-всем̀ъ лицѣ проліянну неволей.
О! Ты ктобъ ни-была́, Телемахъ возотвѣтствовалъ
оной,
Смертная́ль Ты Жена, изъ-Боги́нь ли нѣкихъ едина,
Въ видѣ твоемъ хотя Божества не-призна́ть-же не-
мо́жно:
Бу́дешь-ли толь нечувствительна внутрь къ несча-
стію сына,
Кой, ища Отца и-пусти́вшись по-вѣтрамъ и-мо́рю,
Видѣлъ разбившійся свой Корабль о бре́гъ твой
ря́стый.
Ктожъ твой и́щемый есть отецъ, предпріяла Богиня?
Именемъ тотъ Одиссе́й, сказалъ Телемахъ вопро-
шенный.
Онъ единъ изъ-Царе́й, которы, всѣ осаждавши
Десять цѣлыхъ лѣтъ, опровергли слову́тую Тро́ю.
Славно Имя его въ [1]) Елла́дѣ всей, и-въ-Асіи,

[1] Греціи.

Въ битвахъ за-му́жество коль, а больше за-му́дрость въ совѣтахъ.
Нынѣ, скитаясь по-всей ширинѣ и-простра́нствамъ пучинныхъ,
Всѣ препла́ваетъ мѣста́ многопагубны онъ содрогаясь.
Кажется, что отъ-него́ убѣгаетъ Отечество далѣй.
Ужъ Пинело́па, супруга ему, и я совокупно,
Мы лишились всея надежды увидѣться съ о́нымъ.
Рыщу по-бѣ́дствамъ таки́мъ-же, да-гдѣ́ онъ, точно позна́ю:
Что говорю? теперь и-погря́зъ въ преглубо́кихъ-чай безднахъ.
Смилуйся, слыша сіе таково злоключеніе наше!
Ежелижъ, о! Богиня, тебѣ есть вѣдомо суще,
Что Судьбы рѣшили, спастись погуби́ть-ли Одусса;
То удостой объявить мнѣ сыну его Тилемаху.
Зѣльно удивлшись Калипса, и вся́ въ умиленіи ставши,
Въ юности что таковой толикъ и разумъ и-сло́во,
Зряжъ на-него́ не-могла́ притомъ Сама́ насмотрѣться;
Въ семъ не-своди́ла очей съ того, и-стоя́ла молчащи.
Но наконецъ парекла ему: Тилемахъ обнадежся;
Мы разскажемъ тебѣ, что съ-отцо́мъ твоимъ приключилось.
Токможъ Повѣсть долга́ о семъ. А должно, и-вре́мя,
Здѣсь отдохнуть тебѣ отъ всѣхъ трудовъ понесенныхъ.
Впиди въ Чертоги мои, гдѣ-приму́ тебя какъ-бы-сына.
Впиди, ты-бу́дешь утѣха мнѣ въ моемъ одиначествѣ;
Яжъ конечно твое содѣлаю счастіе твердо:

Только́бъ оны́мъ ужѣ́лъ ты самъ при мнѣ́ наслаж-
даться.
Слѣ́довалъ въ томъ Тилемахъ за-Бога́нею прямо
стопа́ми.
Та окруже́нна была Нимфъ юныхъ множествомъ
стройнымъ,
Коихъ, шествуя такъ посреди превышала главою:
Ра́вно какъ-ро́слый Дубъ, стои́ въ Дубравѣ зеленой,
Вѣтви густы́е свои надъ всѣ древеса превозноситъ
Вкругъ обстоящи тотъ, и-въ-прикло́нъ-ихъ казистѣй
бываетъ.
Тутъ Тилемахъ дивился ея Красотѣ свѣтозарной,
Рясну [1]) багрецу [2]), и воскри́лій бора́мъ влачащимся пышно;
Узлу власо́въ позади безъ-наро́чна прибранства вися́щихъ,
Токможъ вдоль по-хребту́ лежащихъ вельми благолѣпно:
Также искрамъ очей, и-умильности пламы хладящей.
Ментеръ долу зря, самъ въ кротости шелъ съ Тилемахомъ.
Прибыли къ дверямъ уже́ Вертепа Калипсина
шедши,
Гдѣ Тилемахъ удивился зряй, въ простотѣ полесельной,
Все что можетъ вельми усладить веселіемъ очи.
Даромъ что-не́было тамъ ни-сребра́, и-ни-зла́та, ни-ма́рмра,
И ни столно́въ, ни-[3]) зографы́хъ лицъ, ни-[4]) ваянныхъ кумировъ:

[1] Ризы.—[2] Пурпуръ.—[3] Живописныхъ.—[4] Рѣзныхъ статуй.

Но Вертепъ весь былъ насѣченъ кубисто въ камнѣ;
Своды исполнь камешковъ поздреватыхъ и-раковинъ
дикихъ.
Стѣны одѣты кругомъ зеленисто младымъ Виногра-
домъ,
Гибкіе отрасли тамъ свои распускающимъ всюду.
Тутъ жизнотворны блюли [1]) Зефиры, отъ-солнечна
зноя,
Коль пламенисть ни былъ лучами, нѣжну прохладу.
Тихо журча текли Ручьи по-Поляхъ цвѣтоносныхъ,
И представляли струи водъ чисты такъ, что-кри-
стальны.
Множество разныхъ цвѣтовъ распещряло зелены по-
стели,
Кои видомъ ковровъ лежали окрестъ Пещеры.
Зрился и-Лесъ изъ-древесъ плодящихъ Яблока златыя,
Коихъ цвѣтъ въ четвертяхъ годовыхъ возраждается
паки,
И аромать свой льетъ душистѣе всѣхъ благовоній.
Роща казалась сія какъ-вѣнецъ, тѣмъ сличнымъ По-
лянкамъ;
Въ ней отъ-густынь ея пребывали вечерніе ночи,
Тѣмъ что-лучи туда не-могли отъ солнца проникнуть.
Слышимо было всегдажъ въ ней токмо пѣніе пти-
чекъ;
Слышимъ или единъ шумъ также быстра потока,
Кой устремлялъ свой бѣгъ съ верьховъ многопѣни-
сто [2]) врья,
И по-лугамъ и по-полямъ пресмыканіемъ въ даль
убѣгая.

[1]) *Вѣтръ теплый и прохладный.* — [2]) Кипя.

Былъ стоя́й Богининъ Вертепъ на-средѣ Косогора.
Съ хо́лма того всегда открыто зрѣнію Море;
Чистое то иногда какъ-стекло́ и гладкое въ тихость,
А иногда ярясь при камняхъ бурное было:
Тѣми приливы свои разсѣкая грозно ревѣло,
И воздымало во́лны кати́ огромны что-го́ры.
Какъ на-другу́ю страну возришь, рѣку́ предувидишь;
Были на-се́й островки́ съцвѣтущими Липами окрестъ,
Были Топо́ли древа́ только вершинами горды,
Что досягали они возвышеніемъ даже до-о́блакъ.
Разные то́ковъ бразды, островки составлявшіе оны,
Зрились, какъ-бу́дто на-тѣхъ поля́хъ играли взаимно.
Тѣ стремили своихъ водъ стержень прозрачно и-быстро;
Сіи струю́ несли какъ-въ-засто́ѣ спящу не-му́тножъ:
Тѣ, изъ-другихъ, кружа разлитіемъ вспять возвращались,
Будто хотя востещи́ къ свои́мъ источникамъ пречно,
И не-можа́ оставить брего́въ сихъ толь узорочныхъ.
Падали горъ и-холмо́въ верьхи́ предъ взоромъ мѣлька́ли;
Дикость ихъ Орізонтъ очамъ представляла пріятный.
Но на ближнихъ горахъ зеленѣли кусты́ виноградны,
Конхъ листвія какъ вѣнки́ и-цѣпо́чки висѣли;
Гро́здьі красныи́ Багреца́ не могли́ подъ ли́стомъ укрыться,
Такъ что [1]) ва́га плодо́въ вѣтвь кажду лозы нагибала.
Древо [2]) Смоко́внично тамъ, и Ма́слично, и Сѣмени́чно:
Также и-вся древа́ тѣхъ поле мѣстъ занимали,

[1] Тягость. — [2] Фігово. Оливково. Гранатово.

И сочреждали тутъ рядами Садъ превеликій.
Тѣ показавши ему красоты природны Калѵпса,
Такъ рекла: отдохнижъ, мокра́ на-тебѣ вся-оде́жда;
Время уже́ настоитъ, да ты ея перемѣнишь;
Мы пото́мъ, и-не-вдо́лгѣ, повѣрь, увидимся паки:
Я повѣмъ тебѣ, чемъ сердце твое усладится.
Въ тотъ же часъ впустила его, и съ Менторомъ купно,
Въ нѣкій та́йный Вертепъ, отстоя́щъ отъ-ея́ не-далеко.
Нѵмфы ужъ-о́гнь возгнѣли́ дровами Кедро́выми въ Го́рнѣ,
Кои дыхали свои́мъ горя́ благовоніемъ всюду;
Та́мъ-же онѣ, для новыхъ Госте́й, оставили Ризы.
Зря Тилемахъ Подпла́щникъ себѣ изъ тонкія Ше́рсти,
Коя своей бѣлизно́й превышала снѣжную бѣлость,
Да багряни́чный Плащъ по-края́мъ полъ вкругъ златошвенный,
Съ радостью такъ, какъ Юношѣ есть природно младому,
Самъ созерцалъ на то велелѣпіе льстивное о́ку.
Менторъ ему тогда говорилъ такъ голосомъ важнымъ:
Сіиль, о! Тилемахъ, помышленія, коими долженъ
Сынъ Одѵссовъ свой-у́мъ забавлять, и въ нихъ упражняться.
Паче старайся ты здержать Родительску славу,
И побѣдить [1]) Тѵхію, тебя которая гонитъ.
Всякъ молодый человѣкъ, любяй какъ-жена́ украшаться,

[1] Фортуна.

Есть недостоинъ совсѣмъ ни Мудрости, также ни
Славы.
Слава сердцу должна́, терпѣть навыкшему трудность,
Да и-нога́ми попрать всю Роскошь, всяку и-Нѣгу.
На таковы словеса́ Тилемахъ отвѣчалъ воздохнувый:
Лучше да-Бо́ги меня потребятъ, я нежель поддамся,
Чтобъ завладѣла сердцемъ моимъ страстолюбная Сла-
бость.
Нѣтъ, нѣтъ; сынъ Одуссе́евъ быть побѣжденъ не-
имѣетъ,
Тожъ никогда отнюдъ, женонравною жизнію подло.
Но отъ Неба сія и-Превыспреннихъ что́-то за-Бла́-
гость,
Коя насъ привела, Корабля по-разби́тіи Моремъ,
Къ сей Богинѣ, или къ сей Смертной, котора толико
Всякое Благо намъ подаетъ, и всѣмъ снабдѣваетъ?
Бойся, Менторъ еще, да-не-е́ю низвергнешся въ
Злая.
Бойся преле́стныхъ ласкъ ея, и тѣхъ наипаче,
Нежели́ камней морски́хъ, Ладію твою сокрушив-
шихъ.
Знай, умреть и-погря́знуть въ вода́хъ, не толь смер-
тоносно,
Пагубны сла́сти коль востающіе на Добродѣтель.
Зѣльно блюдись повѣрить тому, что сказывать ста-
нетъ.
Юность лѣтъ по-приро́дѣ своей весьма самомнѣнна:
Все отъ-себя́ самыя себѣ она́ обѣщаетъ.
Коль ни-безси́льна, мечтаетъ однакъ себя много-
мощну,
И никакихъ никогда не-имѣющу Золъ устрашаться.

И ввѣряетъ себя безъ опасностей и легкодушно.
Ты не слушай словъ Калѵпсиныхъ сладкихъ и льстивныхъ:
Внѣдрятся въ сердце твое, и будутъ какъ Змій подъ цвѣтами.
Яда сего блюдись, утаеннаго медвеннымъ сокомъ.
Самъ на-себя не-надѣйся, всегдажъ отъ-меня жди совѣтовъ.
Послѣ сего возвратились къ Калѵпсѣ, ихъ ожидавшей.
Нѵмфы, имѣя власы заплетены и-въ-бѣлыхъ одеждахъ,
Тотчасъ накрыли Столъ, и-поставили Пищу простую;
Но преизрядную вкусомъ ту, и-оздобъ чистотою.
Небыло Брашенъ другихъ, кромѣ сѣтейны Дичины;
Также или Звѣрковъ, прободенныхъ имижъ на-Ловдѣ.
Нектара слаждше віно лилось, изъ сребряныхъ [1]) горнцевъ,
Въ [2]) чванцы златыи, вскрай увѣнчаны бывши цвѣтами.
Въ [3]) кошницахъ ягодный плодъ принесенъ, что Весна обѣщаетъ,
И что Есень богатой рукой раздаетъ Земнороднымъ.
Въ самое время тожъ, четыре Нѵмфы младые
Начали тамъ воспѣвать согласно, нѣжно и-зычно.
Пѣли сперва Боговъ ратоборство противу [4]) Гігантовъ;
Послѣ, сердечну Любовь у [5]) Зевса бывшу съ Семелой,

[1] Крушка.— [2] Стаканъ.— [3] Корзина.— [4] Исполины.— [5] Юпітеръ.

И [1]) Діонѵса отъ-нéй рождество съ воспитаніем
купно,
Коему въ дѣтствѣ Сілúнъ мужъ [2]) Пéстуномъ был
престарѣлый:
Бѣганье и Аталáнты еще въ залогъ съ Іппомé
номъ,
Кой одолѣлъ ея посредствомъ Яблокъ златистыхъ,
Сóрванныхъ съ древъ, приносящихъ тѣ въ Саду Ес
перúдскомъ,
А наконецъ [3]) Іліóнская Брань воспѣта отъ-нúхъ же
Битвы Одѵссовы всѣ, и-егóжъ Искусство и-Му
дрость,
Хвально Рѣчúй вознесены до сáмыхъ Небесъ звѣздо
носныхъ.
Старúна изъ-óныхъ Нѵмфъ, именуема та Левкоѳóя,
Звукъ своея сопрягла́ и Лѵры съглашеніемъ прочихъ
Лишь Телемахъ тогда услышалъ Рождшаго имя;
То, потекшіе вдругъ изъ-очéй капперóсные слéзы,
Придали тѣмъ его красотѣ свѣтлозрачіе ново.
Но Калѵпса уврѣвши тотчáсъ, что-вкушáть не-мог
мóгъ онъ,
И что былъ объя́тъ и-пронзéнъ остротою болѣзни,
Нѵмфамъ тайный знакъ подала къ премѣненію Пи
сней.
Сежъ и-запѣли Бой онѣ Кентáвровъ съ Лапúѳы,
И сходъ въ Тартаръ Орфéевъ, да-óнъ извлечет
Евридíку
Пиръ какъ сей окончáнъ, Богиня взяла Телемаха
Да и такъ вѣщала ему: ты видишь изрядно,

---

[1] Бахусъ.—[2] Дядька.—[3] Троянская.

О! великаго сынъ Одусса, съ какимъ добросердствомъ
Я воспріемлю тебя, котора есмь изъ-Безсмéртныхъ;
Смертный всякъ вступить въ сей островъ не-мóжетъ безвреденъ,
За продерзость свою; и-тебя́ разбитія бѣдство,
Отъ моего не-могло́бъ защи́тить яростна гнѣва,
Еслибъ, съ другія страны, тебя ужъ я не-люби́ла.
Твой Отецъ имѣлъ, какъ-и-ты, такоежъ Блаженство:
Но, ахъ горе! симъ наслаждаться былъ не-умѣй.
Долго его при-себѣ въ семъ островѣ я содержала:
Отъ самого́ зависѣло жить со мною безъ-смéрти.
Токможъ, пристрастенъ бывъ возвратиться въ малу Отчизну,
Онъ отринулъ всѣ преимущества сіи велики.
Видишь ты, что онъ потерялъ для ни́щи Іѳа́ки,
Коея впрочемъ не-мóгъ же паки увидѣть желанны.
Онъ восхотѣлъ оставить меня; прочъ отплылъ; и-Бу́ря
Вскорѣ ему, за-меня́ огорченную, должно отистила.
Судно его, игралищемъ бывъ долговременно вѣтрамъ,
Къ дну погрязло. А ты научись отъ-печа́льна примѣра!
По́слѣ напасти сего тебѣ не-оста́лось надежды,
Ни ко-свида́нію съ нимъ, ни-по-не́мъ въ Іѳа́кѣ къ Державству.
Долгъ тебѣ, что-его́ лишился, себя́-ужъ утѣшить,
Тѣмъ что-нашёлъ себѣ Божество, хотящее сдѣлать
Счастлива вполнѣ тебя, и-тебѣ приносящее Скипетръ.
Много Богиня къ симъ словамъ приложила вѣщаній,
Чтобъ изъяснить, Одуссъ колико блаженствовалъ съ Оной.

Случай въ пещерѣ тому у-Кикло́па весь Полифе́ма,
И кой у Анти́фата Царя Лестрито́новъ, сказала:
Бывша всего не-забылажъ у-Кирки Солнцевы дщери,
Также и-сме́ртныхъ бѣдъ межъ Скиллой, между и-Харибдой.
Тутъ возвѣстила сему, послѣднюю опому Бу́рю,
Кою воздвигъ на-него́ [1]) Посидо́нъ морередержнымъ Трезу́бцемъ,
Тѣмъ внушая, что-о́нъ погибъ въ потопленіи Судна,
А умолчавши, что-въ-о́стровъ пото́мъ Феакійскій пріѣхалъ.
Спѣшно вельми Тилемахъ попустившійся въ радость велику,
Былъ что-изря́дно толь чествуемъ тогда отъ-Калипсы,
Самъ, наконецъ, призналъ ея ухищренія точно,
А премудрость совѣтовъ себѣ отъ Ментора данныхъ.
Онъ по многимъ ей на все возотвѣтствовалъ словомъ:
О! Богиня, моля́ извинить мнѣ внутренню горесть.
Я теперь не-могу́, какъ токмо зѣльно крушиться.
Можетъ быть, что-пото́мъ возъимѣю болѣе силы,
Чтобъ мнѣ чувствовать счастіе все, приносимо Тобою.
Въ часъ-сей изволь, прошу, попустить да-рыда́ю по-Ро́ждшемъ:
Знаешь лучше меня, коль-досто́инъ опла́куемъ быть онъ.
Спе́рва нудить его Калипса болѣй не-смѣла;
Та притворилась еще и-въ-болѣзнь входящею ра́вно,
И прослезилась Сама́ по-Одиссѣ внутрь умилившись.

[1] Нептунъ.

Но да лучшія средства увѣсть, въ немъ къ сердцу кос-
нуться,
Явѣ спросила его, претерпѣлъ какъ бѣдство на-Морѣ,
И каковымъ къ ея брегáмъ приключеніемъ прибылъ.
Повѣсть Несчастій моихъ, сказалъ, долгá пребез-
мѣрно.
Нѣтъ, нѣтъ; Та предпріяла, мнѣ-знáть ихъ хочется
въ сей часъ:
Ты не медли сказать теперь мнѣ оны подробно.
Пудила же его къ начатію долгое время.
Онъ, наконецъ, не-возмóгъ ужъ ей противиться
больше;
Да и нáчалъ свое Сказаніе сими словами.
Послылъ я отъ-Іѳáки спросить у-возврáщшихся
прочихъ
Изъ подъ Трои Царей, о-моéмъ Родителѣ вѣсти.
Матерни всѣ Женихи о сей дивились отлучкѣ:
Я походъ-мой отъ-нихъ утаилъ, завсегда Вѣролом-
ныхъ.
Нéсторъ, котораго я на островѣ Пилонѣ видѣлъ,
И Менелáй, меня воспріявшій дружески въ Спáртѣ,
Не возмогли дать Вѣдомость мнѣ, Родúтель-мой
живъ ли.
Скучшійся жить, и-не-знáя, и-мрáкомъ сомнѣній за-
держанъ,
Я вознамѣрился плыть въ [1]) Сікелію, куда, какъ-то-
слышалъ,
Мой Отецъ занесенъ былъ Бурей и-нáглыми Вѣтры.
Но благомудрый Менторъ сей, котораго видишь,

[1] Сіцілія.

Не попускалъ моему произволу въ томъ состояться.
Онъ представлялъ, съ одной стороны, Кукло́повъ-
инѣ лютыхъ,
Тѣхъ Гига́нтовъ и-Чуд̀ъ, людей пожираютъ что-
вжи́вѣ;
А со-другой [1]) мореходный Строй Ениа съ Троя́ны,
Кои были тогда у-бего́въ тѣхъ въ близости са́мой.
Сіи [2]) Дарда́нцы, вѣщалъ, ненавидятъ [3]) Гра́іевъ
обще;
Но особливо скоря́й кровь про́льютъ Одиссова сына.
Такъ возвратись же, онъ продолжалъ, ты лучше въ
Іѳа́ку:
Не́гли [4]) Оте́цъ-твой тудажъ, люби́мый Богами, при-
будетъ.
Если судьба Бого́въ, погибнуть ему, и-предѣлъ же,
Да никогда не-уви́дитъ онъ Отечества паки;
То, на ме́ньшій конецъ, тебѣ находи́ться-тамъ должно,
Мстить за-Отца́ твоего, избавить горестну Матерь,
Мудрость и-кро́тость твою изъявить Народамъ раз-
личнымъ,
И показать Елладѣ всей толикожъ достойна
Скиптродержа́вца въ себѣ, колико самъ и-Одиссъ
былъ.
Сіи слова́ его весьма спасительны были;
Но благосмысленъ толь я не́былъ, тѣмъ повинуться:
Слушалъ токмо стра́сти моей какъ-младый Своеволь-
никъ.
Толь благомудрый Ментор̀ любилъ меня всесер-
дечно,

[1] Флотъ.— [2] Трояне.— [3] Греки.— [4] Вослибо.

Что и-въ-продéрзостный путь восхотѣлъ онъ слѣдо-
вать вмѣстѣ,
Кой я предпріимáлъ его въ противность совѣтамъ:
Богижъ сему попустили быть покрѣщенію мною,
Коему впредь послужить. моегобъ Самоумства къ
исправѣ.
Рѣчь Тилемаху и-вéдшу, адѣжъ и-престáвшу на-
мáло,
Пристально зрила весьма Калупса на-Мéнтора токмо;
Вся изумлялась, и-въ нéмъ ощущала Божественно
нѣчто.
Помыслюмъ быстрымъ своíмъ вотъ и-тó и-сіé пре-
бираетъ;
Наразно оный дѣлитъ, и-трудúтъ чрезъ все обра-
щая:
Но не можетъ проникнуть ни-блúзъ гаданіемъ смят-
нымъ.
Такъ, пребывала исполнь страхованія и опасеній,
Зря на-Незнáема суща того себѣ Человѣка;
Да показать свое и-смущéніе толь убоялась,
Что Тилемаху рекла: изволь-же досказывать повѣсть,
И любопытство сею мое до-концá удоволить.
Всѣ молчали тогда, и слухомъ внемлющи были.
А Тилемахъ, предпріявъ рѣчъ-и-пáки, такъ начи-
нается.
Нѣтъ, Богиня, словъ изрещи, возновляя, напасти!
Впрочемъ, долгое время стоялъ намъ вѣтръ благо-
спѣшенъ,
Плывшимъ уже́ въ Сікелію; потóмъ черномрачная
Бýря
Небо отъяла нашимъ очáмъ, и мы всеконечно

Стали объяты всѣ глубокою нощію влáясь [1]):
День свѣтозарный померкъ, тьма стелется по Океану!
Но при-сверкáніи молній мы увидѣли тамже,
Въ обуревáніи томъ, другія Суда, и-познáли
Вскорѣ, что-были то Корабли Ениевы точно.
Страшны не-мéньше казались намъ тѣ камней глубúнныхъ!

Я вразумился тогда, но поздо весьма вразумился,
Вѣтрена юность чего разсудить не-далá-мнѣ прилѣжно.
Ментóръ явился въ бѣдѣ-сей не-тóкмо бодръ и-безстрашенъ,
Но и-ещéе веселúй, былъ нежель каковъ обычайно.
Онъ меня ободрялъ единъ: я чувствовалъ прямо,
Что онъ крѣпость и-сúлу въ меня вдыхалъ не-сразúму.
Онъ приказы Самъ отдавалъ спокойно; а-Кóрчій
Весь находился притомъ въ превеликомъ смятеніи бѣдный.
Яжъ ему говорилъ: почтó, дражáйшій-мой Ментóръ,
И не-хотúмъ твоимъ послѣдовать мудрымъ совѣтамъ?
Не злополýченъ-ли я, что-себѣ повѣрилъ Младому,
Въ комхъ лѣтахъ нѣтъ ни Будущу впредь Прозорливства,
Нѣтъ ни-Прошéдшему въ нихъ отнюдъ никакихъ Испытаній,
Нѣтъ и-ни-Мѣрностеи, нѣтъ, ублюдать Настоящее въ пользу?
О! вѣрь, ежели мы отъ-грозы спасемся не-врéдно;
То я буду себя стрещись, какъ-врага пренапастна:

[1] Волнуясь.

Только, Ментор, тебѣ отдавать послушаніе стану.
Ментор мнѣ отвѣщалъ [1]) ослабляясь: я не-порочу
Здѣсь за-погрѣшность твою тебя: довольно что-
Самъ ты
Чувствуешь, ту иногда тебѣ послужить возмогущу,
Быть уже въ твоихъ изволеніяхъ мѣрнѣй отнынѣ.
Но какъ-минетъ напасть, Самоумie [2]) негли восста-
нетъ.
Должно теперь укрѣпляться силою бодрости тверды.
Прежде нежели быть уже въ бѣдѣ всеконечно,
Долгъ предвидѣть напасть, и-тоя послѣдствій бо-
яться:
Сущему въ ней, ея презирать всю токмо осталось.
Будешь ты по-всему достойнымъ сыномъ Одусса;
Большую крѣпость являй всѣхъ золъ, что-тебѣ угро-
жаютъ.
Тихость и-твердость, въ Ментор'ѣ сущи, меня
усладили.
Но я болѣй еще удивился, когда-ужъ увидѣлъ,
Онъ искусствомъ какимъ избавилъ насъ отъ-Троянцовъ.
Въ самый часъ, какъ-уже быть начало небо свѣтлѣе,
И какъ [3]) Фрутiане насъ, тамъ види въ близости
самой,
Не возмогли бъ не-признать, усмотрѣвъ одно изъ-Судовъ яхъ,
Кое было почти подобное нашему Судну,
Да и-которое буря отъ-всѣхъ другихъ отлучила,
Что Корма его была увизена цвѣтами,
Тотчасъ и-онъ увѣнчалъ таковыми-жъ нашего Корму.

[1] Улыбаясь.— [2] Вослибо.— [3] Троянцы.

И привязалъ всѣ Самъ Лопостка́ми схожими съ оныхъ.
Всѣмъ повелѣлъ Гребцамъ наклоняться больше какъ-
можно,
Чтобъ не быть имъ-отно́дъ Непріятельми при́знанымъ тѣми.
Такъ прошли́-мы срединою ихъ Мореходнаго [1]) Стро́я.
Радостнымъ гласомъ тѣ, насъ видя, всѣ восклицали,
Зря какъ-Дружи́ну свою́, которую мнили погибшу:
Наглость морска́я принудилажъ плыть насъ съ оными долго.
Но наконецъ, отъ нихъ отставали мы по-не-мно́гу:
И какъ-стреми́тельный вѣтръ валилъ насъ къ Афрікѣ сильно;
Мы напрягли всѣ силы свои, чтобъ ка́къ-нам прибиться,
Тожъ на гребли́ одной, къ ближа́йшимъ брега́мъ [2] Сіканійскимъ.
Прибыли мы туда, по-жела́нію нашему, точно;
Но вожделѣнное намъ не меньше было смертельно,
Коль и Строй Мореходный, отъ-ко́его мы побѣжали
Мы нашли Другихъ, на брегѣ томъ [3]) Трінакрійскомъ
Также [4]) Пеласгамъ всѣмъ Непріятелей, злыхъ Ілію́нянъ:
Тамъ престарѣлый Аке́стій Царь былъ, крови Тро́адски.
Мы едва на землю сошли, какъ жители тѣхъ мѣстъ
И вообразили, что мы Народъ иный ополченный,

---

[1] Флотъ. — [2] Сіцілійскимъ. — [3] Сіцілійскомъ. — [4] Грекамъ.

Острова рáнно, тотожъ, исплошúть-ихъ внезапу на-
шедшій,
Иль Пришельческій, тѣхъ завладѣть хотѣвшій зем-
лями.
Вдругъ сожигаютъ Корáбль нашъ въ своемъ устре-
мленіи первомъ;
Всѣхъ потребляютъ они Товарищей, ѣхавшихъ съ
нами;
Токмо со-мнóй оставляютъ Ментора вживѣ нарочно,
Да предъ-Царя́ Анéстія насъ самолично представитъ,
Самъ бы онъ допросилъ, мы пó-что пришли, и-от-
кýду.
Входимъ во-Грáдъ, назадъ имѣя завязаны рýки;
Отложенáжъ была намъ смерть единственно только,
Въ зрѣлищебъ прежде быть тому звѣроправну На-
роду,
Нежель позналъ о насъ какъ-[1])Ахéяхъ родоначáльно.
Были представлены мы тотчáсъ Анéстію тамо,
Съ скитетромъ кой въ рукахъ златымъ сидѣлъ на-
Судúщѣ,
И приносить потóмъ готовился жертву велику.
Голосомъ насъ спросилъ суровымъ, отколь, и-за-
чéмъ мы?
Менторъ дать поспѣшилъ отвѣтъ, и-сказýя донесъ
такъ:
Мы плывемъ отъ-брегóвъ [2]) Есперíи большíя, и-
нáше
Есть отъ-страны сея не-далéко Отечество само.
Симъ уклонился сказать, что были-мы [3]) Еллины
родомъ.

[1]) Греки. — [2]) Італія. — [3]) Греки.

Но Акéстій, тогда не-хотя́ насъ болѣе слушать,
А воспріемля въ себѣ за-Пришéльцевъ таящихъ свою́ мысль,
И повелѣлъ отослать насъ въ ближнюю не-мéдля Дубраву,
Гдѣбъ намъ-въ-рабáхъ служить егожъ Стадá-всѣ Пасущимъ.
Мнѣ показалось сіе жесточае сáмыя смерти.
Я возопилъ: о! Царь, умертвить насъ лучше изволи,
Нежели такъ поступить недостойно всячески съ нами.
Знай, что-я сынъ Тилемахъ Одусса Царя Іеакійска;
Я ищу моего Отца по разнымъ пучинамъ.
Будежъ не-мóжно мнѣ ни-егó сыскать, и-ни-тáкже
Въ землю природну мою возвратиться; да и-при-всéмъ томъ
Ни рабóты избыть: то-лишúй меня живота здѣсь,
Мнѣ который ужé отнюдъ быть сносенъ не-мóжетъ.
Лишъ сіе услышалъ Народъ, то-вскричáлъ возмущенный:
Должно погибнуть сыну того лютѣйша Одусса.
Коего хитрость градъ Іліóнъ съ землею сравнила.
О! ты сынъ Одусссевъ, сказалъ мнѣ самъ и-Акéстій,
Я не-могу́ не-отдáть твоея вседолжныя крови
Въ жертву, толикому падшихъ множеству тѣней [1])
Тевкрійскихъ,
Коихъ отéцъ-твой низвергъ къ брегáмъ премрачна [2])
Кокута;
Ты, и-тебѣ кто есть Провожатый, вы-згúбнете оба.
Сверьхъ того, Царю предложилъ одинъ изъ-Старéйшинъ,

[1]) Троянскихъ. — [2]) Адская Рѣка.

Насъ заклать и-пожéрть на-гробнúцѣ Анхúсія точной:
Крóвь-ихъ пріятна, вѣщалъ, сему пролúется Ирою.
Самъ Енúй, когда услышитъ жертву такую,
Будетъ сердечно тебѣ благодаренъ, видя колико
Любишь ты ему Любезное сáмое въ Свѣтѣ.
Весь Народъ восплескалъ на-сіé предложеніе вкупѣ;
И не-старáлись больше всѣ, какъ токмо заклать насъ.
Се и-ведéмся уже́ къ Анхúсія оной гробницѣ,
Тамъ межъ тѣмъ сугубый жертвенникъ былъ уготовáнъ,
Гдѣ священный огнь пламенѣлъ у насъ предъ-глазáми;
Насъ и-цвѣтáми притомъ они обоихъ увѣнчали:
И спасти не-могла́ живота намъ жалость ни-кáя.
Были мы тогда почитай Погибшими вѣрно,
Ментóръ когда, попросивъ себѣ позволенія къ Слóву,
Нáчалъ такъ говорить Акéстію въ кроткомъ спокойствѣ:
О! Царь, если напасть въ ничто Телемаха младаго,
Кой отнюдь никогда Вóителемъ былъ на-Троúнцовъ;
То поне́ [1]) тебѣ да будетъ собственна въ нѣчто.
Свѣденій точность моихъ, о-предзнáкахъ и-бóжеской волѣ,
Знáть-мнѣ даетъ, что цѣлыи три дня прежде непрóйдутъ,
Какъ нападетъ на-тебя́ Народовъ вáрварскихъ Сила,
Коя подобно съ горъ Потоку быстро катится,
Да наводни́тъ твой Градъ, и Землю всю да-разгрóмитъ:

[1] Хотя́ уже́.

Такъ поспѣшимъ самъ ихъ предварить; твоихъ Подчиненныхъ
Ты ополчи, и-нижé не медли, на-мáлое время,
Съ Нóля взять въ ограду Стѣнъ Стадá пребогаты,
Кои тамъ у-тебя́ жируютъ на-пажитяхъ тучныхъ.
Буде мое сіе Предсказаніе станется ложно;
То свободно тебѣ заклать насъ послѣ и-трéхъ дней:
Еслижъ оно́, напротивъ, собудется, то́-ужъ воспóмни,
Тѣхъ не-лишáть живота, отъ коихъ сей возымѣешь.
Былъ удивленъ Акéстій рѣчмй отъ Ментора тѣми,
Кои сей говорилъ съ такимъ увѣрéніемъ твердымъ,
Что толикаго тотъ не-видалъ ни-въ-какóмъ человѣкѣ.
Вижду, отвѣтствовалъ онъ, о! ты Пришлецъ иностранный,
Что, не давши тебѣ Небожители счастія въ жребій,
Мудрости вещь удѣлили едину избыткомъ премногимъ,
Какъ изряднѣйшій Даръ изъ всѣхъ преспѣяній въ Свѣтѣ.
Рекъ, и остановúлъ онъ жертву, и-то́ повелѣлъ все,
Спѣшно чему исполнену быть тогда надлежало,
Предупредúть-бы напасть, грозилъ которою Ментор.
Видимы только Жены со всѣхъ странъ трепетны были;
Сóрблены тожъ Старики, да-и-мáлы съ рыданіемъ Дѣти,
Всѣ прибѣгавшіи въ Градъ, отъ блискаго бѣдства толпами.
Вотъ и-волы́ мычáщи, и-óвцы купно блеющи,
Кормную Паству свою́ оставляли; а-въ-Гóродѣ оном

Не находяли себѣ довольныхъ Стойлъ и-Конюшенъ
Шумъ отвсюду Людей былъ слышимъ въ смятности глухо,
Кои пхали одни другихъ себя не-разслушавъ,
И въ мятежѣ томъ Незнакомаго брали за-Друга,
Всѣжъ и-бѣжали не-зная куда ихъ ноги стремились.
Но изъ-Старѣйшинъ, мня о-себѣ что смысленнѣй прочихъ,
Думали Ментора быть Лестца и-Обманщика точна,
Ложно прорекша то, на-спасеніе собственны жизни.
Третіи еще не-скончился день, какъ, думая тако,
И усмотрѣли они на-горѣ вихрь пыли густыя;
А потомъ не вдолгѣ и-Варваровъ тмы ополченны.
Были Имеряне то, Народъ весь дикосвирѣпый,
И съ Племенами, которы живутъ на-горахъ тамъ Невродскихъ,
Также и на-хребтѣ горы Аграгая всезимна,
Кой никогда отнюдъ Зефирами былъ умягчаемъ.
Всѣ презрѣвшіи, что предсказано Менторомъ было,
Какъ Рабовъ своихъ, такъ Стадъ тѣ скотскихъ лишились.
Царь же Ментору рекъ: забываю что-[1]) Граіи здѣсь вы;
Наши враги вы, стали намъ ужъ вѣрныи други;
Боги послали васъ сюда на-спасеніе наше:
Я весьма твоего не меньше отъ-Мужества чаю,
Коль и-отъ-мудрыхъ себѣ получилъ твоихъ-же Совѣтовъ;
Ты поспѣши подать теперь намъ добрую помощь.
Менторъ въ очахъ своихъ являетъ смѣлость такую,

[1] Греки.

Са́мыхъ храбрыхъ Бойцовъ котора вельми удивляет
Онъ щитъ емлетъ, и-шле́мъ, онъ мечъ, копіе сов
купно;
Стро́итъ и-во́иновъ онъ у-Аке́стія, имъ Предводите.
Онъ въ порядкѣ уже́ и-поше́лъ къ непріятелю пря
Но Аке́стій, хотя исполненъ Мужества бо́дра,
Слѣдуетъ, въ старости той своей, за нимъ издале́
Я поближе иду; но доблестью преудале́нный.
Въ битвѣ брони́ его была подобна [1]) Егіду.
Смерть изъ-рядо́въ въ ряды́ металась того поражены
Какъ Нумідійскій Левъ, побужденный гладомъ и
стокимъ,
А забѣжавшій въ стадо Овецъ всѣхъ рѣжетъ, те
заетъ,
И самъ плаваетъ тутъ въ крови́; но Пастыри бѣд
Ужъ не токмо что не-даю́тъ пособія оны́мъ,
Да прочъ сами бѣгутъ отъ ярости въ страхѣ спасая
Ва́рвары сіп, Градъ испроши́ть внезапу надѣясь
Сами нечаянно тѣмъ предзастиженны стали и-смя́т
Всѣ, въ Подданствѣ своемъ Аке́стію кои служили,
Бывши примѣромъ Ментора и рѣчьми́ ободре́ны,
Храбро сражались такъ, какъ сами не-ча́яли биты
Я повергъ копіе́мъ изъ-врагово́въ тѣхъ Царскаго Сы
Лѣтами равнаго мнѣ, но возрастомъ бо́льшаго мно
Ибо тотъ Народъ происшелъ отъ-Гига́нтски пород
Былъ и-тогожъ одного нача́ла съ Кукло́пами вѣр
Царскій онъ-Сынъ презиралъ во мнѣ непріятеля сла
Я-жъ, не-боя́сь отнюдъ ни силъ его пребезмѣрныхъ
И ни вида егожъ какъ дикаго, звѣрскаго также,
Въ [2]) Пе́рси того поразилъ ударомъ мѣтно и-цѣлы

[1] Нагрудникъ Мінервинъ. — [2] Грудь.

Тóтчасъ и-хлынулъ потокъ мясообáгръ изъ-него́ не-
дыхавша:
Онъ и-меня́ самого едва не-задави́лъ [1]) ницъ верг-
шись.
Палъ сей такъ Супостатъ; а-изъ-я́звы кровь-съ-па́-
ромъ хлыста́ла,
И какъ шаръ головúща его разразилась о-Ка́мень.
Стукъ на-горáхъ раздался́ отъ-оружíй его и-доспѣ́-
ховъ.
Снявъ Корысти съ него, къ Акéстію я возвратился.
Менторъ вконецъ разбивъ Супустатовъ, посѣкъ-ихъ
на-ча́сти;
И преслѣдствіемъ въ Лѣсъ загналъ всѣхъ ятшихся
бѣгу,
Такъ за-хребты обратившими тѣми стремленно го-
ня́сь, какъ
Злобная Львица за-Во́лкомъ бѣжитъ, иль-самъ-Во́лкъ
за-Козля́темъ.
Толь за-нечая́нный сей успѣхъ, сталъ быть по-
читаемъ
Менторъ, и любимый Богами, и вдохновенный.
Самъ Акéстій тогда, исполнь благодарности въ
сердцѣ,
Намъ возвѣстилъ, что-бойтся для-на́съ несчастія
гро́зна,
Буде Енíйски Суда въ Сíкелію опять возвратятся.
Далъ Онъ намъ Корабль, немедленно въ До́мъ-бы
отъѣхать;
Насъ притомъ надѣлилъ довольства щедротна Да-
рами;

[1] Трохéйскій.

И неотступно всегда понуждалъ отправиться вскорѣ,
Да предваримъ злоключенія всѣ, которы предвидѣлъ.
Не восхотѣлъ-же ни-Ко́ричія дать, ни-Гребцо́въ тождеродныхъ,
Злубъ имъ-не-быть на-бре́гахъ Елладскихъ подверженнымъ лишшу.
Спутниковъ всѣхъ посадилъ онъ съ нами Купцовъ Фінійкійскихъ,
Кои, общаясь вездѣ со всѣми Народами въ Свѣтѣ,
Не имѣли причины, чегобъ имъ нѣгдѣ страшиться,
Да кото́рымъ - бы вспять и - приве́сть къ Аке́стію Судно,
По́слѣ-какъ высадятъ насъ на-наме́ренный островъ Іеа́ку.
Токможъ Боги, Людски́мъ помышленіямъ всѣмъ посмѣваясь,
Насъ берегли еще другихъ къ претерпѣнію бѣдствій.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ВТОРАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ разсказываетъ, что онъ взятъ на Кораблѣ Турскомъ, Мореходнымъ Сесостріевымъ Строемъ, и отведенъ Плѣнникъ въ Египетъ. Описываетъ красоту Египетскія земли, и мудрость въ правительствѣ Царя ея. Присовокупляетъ, что Менторъ посланъ Невольникъ въ Ефіопію; что самъ онъ, Тилемахъ, принужденъ былъ пасти Стадо въ пустынѣ Оасіи; что Ѳермосірідъ, Жрецъ Аполлоновъ, утѣшилъ его наставленіемъ подражанія Аполлону, бывшему нѣкогда Пастыремъ у Царя Адмита; что Сесострій наконецъ увѣдомленъ о всемъ, дѣлаемомъ отъ него давномъ между Сопастырями; что его возвратилъ къ себѣ, бывъ удостовѣренъ о неповинности онаго, и обѣщалъ отпустить въ Іоаку, но смерть сегожъ Царя вверила его въ новыя злоключенія; что заключенъ онъ въ темницу въ нѣкоей баннѣ, стоявшей на брегѣ морскомъ, съ коея видѣлъ новаго Царя Вокхоря, погибшаго на сраженіи противъ своихъ Подданныхъ забунтовавшихъ, а подкрѣпленныхъ помощію отъ Турянъ.

Турянъ надменіемъ Царь Сесо́стрій на-гнѣвъ преподвигся,
Царствовалъ кой тогда въ Пілоте́чномъ и-пло́дномъ Египтѣ,
Да и-себѣ покорилъ воюя премногія Царства.
Какъ не смѣтное тѣхъ Богатство, притекшее Куплей,
Такъ и-Твердыни всѣ неприступнаго гра́да-ихъ Тура,
Стѣны свои возносящаго тамъ на-глубо́кой Пучинѣ,
Сердце Народовъ сихъ привели въ напыщеніе странно.
Не восхотѣли Они платить Сесо́стрію дани,
Онъ котору на-ни́хъ положилъ изъ-похо́довъ идущій.
А ктомужъ и Брата его снабдили Полка́ми,
Кой возмечталъ убить того возвратившася въ Домъ свой,

Тожъ совершить среди пированій торжественныхъ
самыхъ.
Царь Сесóстрій пріялъ мысль тверду, да-Гóрдость
низложитъ,
Дѣлать препоны Купечеству ихъ вездѣ на-Морáхъ
всѣхъ:
Всюду Суда его, ища Фінікіанъ, ходили.
Строй Мореходный тогда Егупетскій встрѣтился съ
нами,
Какъ лишъ стали отъ-нáсъ Сікелійскіе гóры скры-
ваться.
Прíстань и-вся́ земля убѣгать созади́-насъ казалась,
И какъ будто всѣжъ пропадать въ облакáхъ верьхо-
плывныхъ.
Мы и видимъ тогдажъ Корабли Егупетски блиско;
Были они весьма подобны плов[illegible]щему Граду.
Ихъ Фінікійцы признавши хотѣли отъ-тѣхъ уда-
литься:
Понектому такъ-уже́ убѣжать прочъ врéмя-имъ было.
Парусы были у-тѣхъ весьма исправнѣе нашихъ;
Да и вѣтръ настоялъ, въ нихъ дуя, благопоспѣшный:
Ихъ и-гребцы притомъ находились во-многóжествѣ
бóльшемъ
Се вдругъ къ намъ пристаютъ, насъ въ рýки берутъ,
и-отвóзятъ
Всѣхъ же насъ, удобно толь поплѣненныхъ, въ Егу-
петъ.
Тщéтно-я сказывалъ имъ, что нéбыли мы Фіні-
кійцы:
Тѣ и слушать меня едва удостоить хотѣли.
Приняли насъ они за-Рабóвъ и Невóльниковъ подлыхъ

Конни такъ, какъ-и-всѣмъ; Фінікійцы вездѣ торго-
вали;
Въ томъ о-прибыткѣ себѣ отъ-добычи и-думали
только.
Мы примѣчаемъ ужо́ морски́хъ водъ пра́зелень тонку,
Всю забѣлѣвшуся тамъ отъ-сиѣше́нія Ніловыхъ то-
ковъ;
Мы и-Егупетскій кряжъ почитай зримъ въ равенствѣ
съ Моремъ.
Къ острову мы пото́мъ пристываемъ, именемъ Фа́ру,
Въ близости кой лежитъ отъ города тамъ [1]) Но-Ле-
бита.
Идемъ оттуду въ верьхъ по Нілу до Ме́мфія прямо.
Еслибъ болѣзнь и-печа́ль тогда о плѣне́нін нашемъ,
Насъ не-лиши́ли ко-всѣмъ веселіямъ чувствій природ-
ныхъ;
Тобъ услади́лись наши глаза́ Егупта землею.
Коя подобна весьма изъ-прекра́сныхъ прекрасному
Саду,
Саду, несчетнымъ множествомъ водъ напаяему тамо.
Мы куда ни-возри́мъ на брега́ Егупетски оба;
Видимъ всюду на-тѣхъ стоя́щи богатыи Грады,
Сельныя Домы вездѣ пріятно разставлены видимъ,
Нивы на-ка́ждыіі годъ желтѣющи жатвой обильной,
А никогда, отдохну́ть-бы себѣ, не-хотя́щіе Зе́мли:
Зримъ Поля́ исполнены Стадъ и-Люде́й Земледѣль-
цовъ,
Всѣхъ не-могу́щихъ убрать плодовъ отъ-земли́ изне-
сенныхъ,

[1] По́слѣ Александрія.

Множество Пастырей зримъ, на-Свирѣлях своихъ и-Цѣвни́цахъ,
Сладкимъ гласомъ играющихъ Пѣснь, и-по-[1]) Ликамъ поющихъ,
Звои́ть-же-ихъ зыкомъ своимъ повторяли [2]) Ихни окрестны.
Счастливъ, Ментор вѣщалъ, Народъ при-Царѣ благомудромъ!
Онъ изобилемъ, блаженъ, и-Виновника любитъ своихъ Благъ.
Такъ-то, сщемъ тотъ, о! Телемахъ, ты царствовать долженъ,
Быть веселіемъ Людемъ твоимъ, и-любо́вію оныхъ.
Ежели Боги дадутъ тебѣ Родительско Царство.
Ты ихъ-люби́ какъ Чадъ, красуйся любимъ-быть отъ-ихъ же,
И пренотщись, да чувствуютъ Миръ и внутренню Радость;
Припомнивая всегда, что-то-Царь совершеннѣйше Добрый.
Кой ихъ всѣхъ надѣлилъ богатыми тѣми Дарами.
Всѣ Цари, хотящіи быть престрашными токмо,
И единственно всѣхъ утѣснить себѣ Подчиненныхъ,
Да содѣлаютъ ихъ Работнѣйшихъ по всепокорству.
Суть не и́но что, какъ Коса́ человѣческу Роду.
Правда, боятся ихъ всѣ, по-жела́нію точному Оныхъ:
Но ненавидятъ всѣхъ-тѣхъ, и-всеча́сно внутрь проклинаютъ:

---

[1]) По хо́рю. — [2]) Эха богини.

Больше боязни Царямъ сынъ, нежели По́дданнымъ страха!
Ментору я говорилъ: ахъ! время́ль теперь разсуждать намъ,
Царствовать должно какъ? Ужъ-для-на́съ нѣтъ болѣй Іоаки;
Мы никогда не-уви́димъ уже́ Отечества больше,
И ниже́ притомъ сладчайшія мнѣ Пинело́пы:
Да хотябъ и-Одиссъ возврати́лся-въ-домъ славы исполненъ,
Радости, видѣть ему меня никогда ужъ-не-бу́детъ,
И ни мнѣ, какъ слышать его, отъ-не́го такъ-учи́ться.
Умремъ, Менторъ драгій, другóе намъ мыслить не [1] лѣ́ть есть;
Умремъ, затѣмъ что-въ-Богáхъ нѣтъ къ намъ милосердія во́вся.
Такъговоря, прерывалъ всѣ рѣчи мои воздыханьми.
Ме́нторъ-же, кой Зла-бо́ялся пре́жде-то даже не-при́детъ,
Всяко не-зна́лъ уже́ что-то-бы́ло Бѣдъ устрашаться,
Тѣ какъ скоро въ своей остротѣ и-всей-си́лѣ настанутъ.
О! недостойный сынъ, вопіялъ онъ, му́дра Одиссса:
Какъ? ты-дае́шся твоимъ злополучіемъ быть побѣжденный!
Зна́й, что-уви́дишь Іоаку ты и мать Пинелопу;
Ты увидишь еще, въ его всей пе́рвѣйшей славѣ,
И Одиссса, тобой никогда не видѣна бывша,
Кого преодолѣть [2]) Тухія злорадна не-мо́жетъ,

[1] Достоитъ. — [2] Фортуна.

И который въ своихъ Несчастіяхъ, бо́льшихъ твоихъ сихъ,
Тѣмижъ тебѣ подаетъ Наставленіе въ нихъ че-крушѝться.
О! когдабъ увѣдать онъ-мо́гъ въ земляхъ удаленныхъ,
Бу́ря въ которы его занесла метнувши пресильно,
Что родный сынъ-его́ совсѣмъ подражать не-умѣетъ,
Ни Терпѣливости, и ни-его́жъ всей Крѣпости болрой;
Тобъ таковая вѣсть со-стыда́ того низложила,
И смубъ была жесточае всѣхъ-Зо́лъ и-Напа́стей,
Кои отъ-да́вныхъ временъ толь онъ въ мученіи страждетъ,
Ментóръ потóмъ сказалъ мнѣ радость также обильность,
Бывшу на-всѣхъ поля́хъ и нивахъ плодѝста Егупта,
Въ коемъ счислялось Градо́въ съ двѣмя двѣ тысящи ра́вно.
Онъ дивился въ Града́хъ-тѣхъ чиновнымъ и-добрымъ Порядкамъ:
Дѣемой Правдѣ противъ Богата Убогому въ пользу;
Чадъ воспитанію, что послушными быть обучали,
Что трудолюбными тамъ, что трезвыми всѣхъ непрестанно,
Что наставляли Искуствамъ, или Словеснымъ Наукамъ;
Купно дивился онъ обрядамъ Закона побожнымъ,
Всѣхъ бескорыстію, всѣхъ и-жела́нію Честности до́бры,
Вѣрности къ Людямъ притомъ, и страху къ Бога́мъ несмертельнымъ,
Кои каждый Отецъ вдыхалъ во все Домочадство.

Не преставáлъ-онъ дивиться сему нарядному Чину,
Счáстливъ, мнѣ-тáкъ говорилъ немолчно, оный Народъ весь,
Кой премудрымъ Царемъ въ такомъ есть óбразѣ правимъ!
Счáстливѣй же самъ Царь, который толь-мнóгимъ Народамъ,
Въ точномъ дѣлѣ собою есть сладчайше блаженство,
И который свое въ Добродѣтели токмо имѣетъ!
Онъ связýетъ Людей подвластныхъ Узломъ взаимнымъ,
Сто кратъ крѣпшимъ нежели Страхъ, а-сей-Узелъ Любовь есть,
Онъ не слушаемъ токмо, Ему быть любятъ послушны.
Царствуетъ онъ во всѣхъ сердцáхъ единъ предержавно;
Каждый, не-тó чтобъ-хотѣлъ его избыть и-стараéтся,
Въ страхѣ есть завсегда, тогобъ ему не-лишúться;
Да и всякъ за-него́ живóтъ-свой положитъ охотно.
Я примѣчалъ то все, говорилъ что-мнѣ-Мéнторъ словами,
Чувствовалъ и притомъ, что бодрость во-мнѣ возражалась,
Болѣе чемъ сей мудрый Другъ представлáлъ-мнѣ вѣщая.
Прибыли мы едва въ градъ Мéмфiй богатый и-крáсный,
Какъ Правúтель и приказалъ намъ слѣдовать въ Онúвы,
Да явимся Царю Сесóстрiю лúчно-мы тамо,
Кой хотѣлъ при-себѣ и Самъ наслѣдовать дѣло,
Бывъ превесьма на Турянъ всѣхъ въ пылающемъ гнѣвѣ.

Мы, посему, еще пошли въ верьхъ Нила водою,
Даже до-самыхъ тѣхъ-Ѳивъ узорочныхъ, створа
ныхъ, и-славныхъ,
Гдѣ свое имѣлъ пребываніе Царь-тотъ великій.
Сей показался намъ-Градъ пространства въ себѣ пр
обширна,
И многолюднѣе всѣхъ въ Елладѣ градовъ пресло
тыхъ.
Благостройтельность въ немъ совершенна по-чис
сти Улицъ,
По теченію водъ въ Трубахъ, Мылень, Бань по-выго
По Художествамъ, и Безопасности внутрь всенаро
ной.
Площади украшены Овелиски и-Кладязьми слично
Мраморны Храмы, простаго [1]) Зодчества, но бла
родна.
Дворъ Государевъ одинъ какъ цѣлый Городъ Пр
странный:
Мраморныжъ въ немъ Столпы, Овелиски въ нем
Пуромиды,
Въ немъ [2]) Истуканы, Уборъ отъ-Сребра и цѣльна
Злата.
Взявшіи насъ донесли Царю, что мы въ Фінік
скомъ
Были плови Кораблѣ, тѣмъ Сродныжъ, или Чу
странцы.
Слушалъ-онъ каждый день, часовъ уреченныхъ
время
Всѣхъ изъ-Подвластныхъ себѣ, предъ-него кото
являлись

[1]) Архітектура. — [2]) Статуи.

Съ жалобы иль на-кого́, иль-себѣ́ съ прошеніемъ нѣ-
кимъ,
Иль Самому́ Ему съ поданіемъ бла́га Совѣта.
Не презиралъ никого, нижѐ отъ-кого́ отвращался,
Быть и мнился Царемъ на-Добро́ всѣмъ По́дданнымъ
токмо,
Коихъ любилъ какъ-Дѣте́й родныхъ себѣ и-На-
сле́дныхъ.
Чтожъ до-Прише́льцовъ; сихъ принималъ онъ всѣхъ
благосклонно,
Сихъ и видѣть хотѣлъ, какъ Знавшій, что-мо́жно ко-
нечно
Тѣмъ завсегда научиться чему, на-потре́бу полезну,
Какъ о нравахъ Племенъ отдаленныхъ, такъ-и́хъ
о-посту́пкахъ.
Въ силу сего любопытства въ Царѣ, предъ-него́ при-
вели насъ.
Онъ на-Престо́лѣ сидѣлъ изъ-Слоно́выя вдѣланной
кости,
Скиптръ имѣя въ рукахъ златы́й; самъ былъ престa-
рѣлый,
Но благозраченъ, тихъ, и полнъ величія ди́вна.
Каждымъ утромъ судилъ Людей въ терпѣливости
мудро,
Коей въ немъ удивлялись всѣ безъ-ласка́нія льстивна.
Весь трудивыйся день въ Дѣлахъ и въ Судной Рас-
правѣ,
Въ слушании Дома Ученыхъ мужей отдыха́лъ-онъ
на-ве́черъ,
Иль иногда съ Людьми вельможными въ дѣльной бе-
сѣдѣ;

Сихъ умѣлъ избирать къ обхожденію съ ними содружну.
Нельзя было его ничемъ въ жизнь цѣлу порочить,
Точно что-въ-пышности торжествовалъ надъ-Царями излишней,
Коихъ ему побѣдить и-себѣ покорить приключилось;
Да что-повѣрилъ себя одному изъ-Своихъ Подчиненыхъ;
Вскорѣ котораго я Тебѣ описуя представлю.
Онъ увидѣлъ меня, сожалѣлъ что-я-младъ и-печаленъ;
Въ томъ спросилъ, откуду я, и какъ именуюсь:
Мудрости мы удивились, его вѣщавшей устами.
Я отвѣчалъ: о! Царь великій, Фригійскія Брани
Вѣдома есть Тебѣ осада Троянскому граду,
Длившася десять лѣтъ, и-тому паденіе громко,
Много пролившее крови толь всецѣлы [1]) Еллады;
Мой Родитель Одиссъ отъ-Царей былъ первѣйшихъ оныхъ,
Кои тотъ-Градъ разорили, до-самыхъ тамъ основаній.
Онъ заблуждаетъ по-всѣмъ Морямъ, а-найти не-возможетъ,
Острова въ томъ Іѳаки, ему что собственно Царство;
Я ищу его; но-подобно несчастіе Отчу
Дѣлаетъ, что я взять. Прошужъ, о! Царь, соизволи;
Ты меня отдать Отцу, и Отечеству нужно.
Такъ да Боги Тебя соблюдутъ любезнѣйшимъ Чадамъ,
И да радость чувствовать имъ подадутъ долголѣтну,
Въ ихъ житіи при-Тебѣ Отцѣ толико блажайшемъ!

[1] Грецiя.

Зрилъ Сесóстрій все на-меня́ сожалѣніемъ óкомъ:
Но хотя́й позна́ть, что правдаль сказа́ль много,
Насъ отослалъ къ одному изъ-свои́хъ Предстоящихъ въ Палатѣ,
Коему онъ приказалъ распросить тѣхъ взя́вшихъ Корабль нашъ,
Подлинноль [1]) Гре́ки мы, или Фінікіане были.
Если они, говорилъ Царь, на́йдутся быть Фінікіяне;
То наказать надлежитъ сугубою казнію оныхъ,
Какъ Непріятелей Нам, и болѣе что восхотѣли,
Здѣсь обманывать насъ такою подлою лжею.
Будежъ, тому напроти́въ, они суть [2]) Еллины прямо;
То хочу, да-посту́пится съ ними въ должномъ пріятствѣ,
И да-отпу́стятся въ Домъ изъ мои́хъ Кораблей на-еди́номъ:
Ибо [3]) Елладу люблю я: многи изъ-на́шихъ Егуптянъ
Были въ [4])Ахе́йской землѣ той первыи Законода́вцы;
Вѣдаю мужество я [5]) Ираклѣево и Добродѣтель;
Слава до-на́съ дошла о храбромъ ихъ Ахиллѣ;
И дивлюсь всему повѣдану мнѣжъ объ-Одуссѣ,
Коль сей мудръ, и ко́ль-же притомъ онъ есть злополученъ.
Склонность моя́, помогать Добродѣтели странно безчастноіі.
Тотъ Палатный, что-Царь далъ наше изслѣдовать Дѣло,
Злое сердце имѣлъ, и столькожъ то ухищренно,
Сколько Сесóстрій самъ былъ искренень и веледушенъ.

[1]) Греки. — [2]) Греки. — [3]) Греція. — [4]) Греческая. — [5]) Геркулесово.

Имя было ему, какъ-отъ-емійска коварства, Ме́тое
Онъ допрашивалъ насъ, и-разби́ть въ рѣчѣхъ-всѣ
старался;
Видя́къ, что меня отвѣчалъ разумнѣе Ментóръ,
Сталъ на-него́ смотрѣть съ недовѣріемъ и отвращен
Ибо злыи всѣ раздражаются вскорѣ на-До́брыхъ.
По́разнь насъ разлучилъ; а-съ-того́ я времени точ
И не зналъ уже́ куда мой Ментóръ дѣвался.
Та разлука была мнѣ вмѣсто перунна удара.
Чаялъ Метóфіи всегда, что, намъ Допросомъ не-к
ными,
Можетъ удобно насъ привести къ разнорѣчію преч
Мнилъ особливѣй меня обольстить обѣщаньми и-
ской,
И домощись признанія въ томъ, что Ментор
скрыто.
Словомъ, онъ не-искáлъ отнюдь добросовѣстно Пра
Но хотѣлъ найти подлогъ, и-доне́сть Скиптродерж
Что всеконечно также и-мы Фінікіане были,
Чтобъ насъ сдѣлать себѣ чрезъ то на вѣки раба
Подлинно, онъ не-смотря́ на нашу сущу Не
ность,
И не-взира́я притомъ на са́мую Царскую Мудрос
Средство себѣ изобрѣлъ, обмануть того Вѣнцено
Горе! чему Цари бываютъ подвержены часто?
Часто Му́дрѣйшій въ нихъ уловляется въ сѣти не-
Люди пронырны, корысть и любящи ихъ окружа
Добрыи всѣ отстаютъ отъ нихъ отлучаясь особн
Тѣмъ что-они не-умѣютъ ласкать и-каза́ться услуж
Добрыи ждутъ, пока не взыщутся и призовутся.
А Государи почти не-спосо́бны снискивать оныя

Злынжъ, сему напротивъ, суть смѣлы, обманчивы, дераки,
Скоры вкрасться, во-всемъ угождать, притворяться искусны,
Сдѣлать готовы все, что-противно Совѣсти, Чести,
Толькобъ Страсти имъ удоволить въСамодержавномъ.
О! злополученъ Царь, что толь открытъ Злыхъ-коварствамъ:
Онъ погибъ, когда Ласкательствъ не отрѣваетъ,
И не любитъ всѣхъ вѣщающихъ Истину смѣло.
Такъ то я размышлялъ въ моей тогдашней напасти,
И вспоминалъ въ себѣ отъ Ментора слышанно мною!
Въ томъ я посланъ ужъ-былъ Метоѳіемъ въ горы Пустыни,
Именемъ что Оасіа, съ его совокупно рабами,
Чтобъ мнѣ съ ними служить, и пасти Стадъ множество скотскихъ.
Тутъ Калипса рѣчь Телемаху пребила вѣщая:
Чтожъ ты сдѣлалъ тогда, долгого что ты въ Сікеліи
Смерть предпочелъ, не-терпя, помосному оному рабству?
Ей Телемахъ: всегда моя возрастала бесчастность;
Я не-имѣлъ уже и-утѣхи бѣдныя, выбрать
Кое нибудь одно, межъ рабствомъ и-смертію въ горѣ;
Надобно стало быть Рабомъ, и-сносить терпѣливно
Острые тягости всѣ, наложенные люто [1]) Тухіеи:
Путь каковый сія ни-даетъ, по-немъ-слѣдовать должно;
Ужъ не-осталось мнѣ отнюдъ никакія надежды;
Я и-подумать не-могъ, чтобъ мнѣ когда свободиться.

[1] Фортуна.

Менторъ потóмъ-мнѣ сказалъ, что прóданъ-с
Еѳіопи
И въ Еѳіóпію что за ними послѣдовалъ пря
Чтожъ до-меня́; то прибылъ я въ прегнусн
Видятся тамъ гаря́чи пески на плоскости р
Снѣги, что никогда не таютъ, и-вѣчную Зи
Дѣлаютъ на хребтахъ тѣхъ горъ безмѣрно в
Кормъ тутъ-Живóтнымъ находится токмо к
промеж
Горъ посрединѣ крутыхъ Буяра́ки толь пре
Что едва осіять глубь можетъ солнце лучам
Нѣтъ людей, кромѣ Пастухóвъ, въ урочищ
Столькожъ грубыхъ, сколь-вся́-та земля д
бр
Ночи я-та́мъ провождалъ несчастій въ
то
Днями за-Ста́домъ ходилъ, одного да-раби́ч

Бѣшеной не подпаду, кой, быть уповая на-
Всѣхъ обносилъ непрестанно другихъ
св
Чтобъ показать Господину къ его усердіе
Первый сей-ра́бъ, самъ пастырь Волóвъ, б
немъ
Въ случаѣ семъ приходило мнѣ погибнуть
Въ острую скорбь мою позабылъ я нѣкогда
Легъ на-травѣ, простершись тамъ, при нѣкой
Гдѣ ждалъ смерти себѣ, терпѣть не могши
Въ сей часъ я усмотрилъ, что-гора́ к
стр
Дубы и-Сóсны мнѣ казались сходящи съ хреб

Вѣтры свое притомъ дыханіе удержавáли;
Сежъ и-ревýщій гласъ изъ-пещéры съ сими словами:
«Мудраго сынъ Одусса, тебѣ быть не обходимо
«Должно, какъ и-емý, Велику терпѣніемъ токмо.
«Не унывай, воспослѣдуетъ [1]) нóгли счастіе бѣднымъ.
«Всѣ Государи, всегда которы преспѣющи были,
«Суть не-весьмá за тѣмъ своего блаженства достойны:
«Нѣга портитъ ихъ, а-велúчіе упоевáетъ.
«Счастія кóль-же тебѣ, по всѣхъ побѣдѣ несчастій!
«И при-всегдáшней памяти внутрь тѣхъ бѣдностей бывшихъ!
«Ты увидишь Іоáку еще; твоя́-же и-слáва
«Превознесется до-сáмыхъ Свѣтилъ, до Звѣздъ поневесныхъ.
«Бýдешь-же ты когда другимъ Властелинъ человѣкамъ,
«И Добродѣтельми Отчими править мирное Царство;
«Пóмни, что-сáмъ былъ слабъ, бѣднъ, страждущъ рáвно какъ-óны,
«Сладко тебѣ да-бывáетъ всѣмъ имъ дѣлать отраду,
«Пóдданныхъ прямо люби, проклинай ласкательства вредны,
«Да и знай притомъ, что Велúкимъ будешь постóльку,
«Ты поскольку въ стремительствахъ всѣхъ быть станешь умѣренъ,
«А всегда Бодръ, Храбръ, побѣждать кипящіе Стрáсти».

Гласъ божественный сей, съ такими всѣми рѣчами,

[1] *Вослибо.*

Вшелъ, и сéрдца проникъ моего до глубóкостей сáмыхъ.
Онъ возбудилъ вотъ паки во-мнѣ и радость и-бóдрость;
Я не-почýвствовалъ внутрь тогда боязни такія,
Коя приводитъ вслед ъ всю кровь текущую въ жилахъ,
Смертнымъ Боги себя когда сообщить изволяютъ.
Всталъ спокоенъ внутрь, поклонился я на-колѣнахъ,
Рýки на-Нéбо воздѣвъ, Богинѣ дѣвѣ Палладѣ,
Мнилъ которой быть одолженъ пророченіемъ въ гласѣ.
Въ сáмое время тожъ былъ новымъ я Человѣкомъ:
Мудрость собою мой-рáзумъ, смыслъ, умъ весь просвѣщала;
Чувствовалъ силу въ себѣ Страстéй къ умиренію льготно,
И къ воздержанію всѣхъ стремленій Юности рѣзвы.
Всѣ Пастухи возлюбили меня въ той дикой Пустынѣ;
Кротость моя́, исправность, мое и-терпѣніе купно,
Ужъ, наконецъ, того утолили Вýтія срóга,
Кой всю власть имѣлъ надъ-другúми Невольники тамо,
И кой мучить меня хотѣлъ же рáвно съ начáла.
Лýчшежъ-бы скуку мнѣ-нéсть въ узилищѣ и въ укромонствѣ;
То искалъ Книгъ-себѣ, длятого́-что-я гибъ отъ-унúній,
Какъ не-имѣяй отнюдъ тогда никакихъ Наставленій,
Пользу могущихъ Душѣ принесть подкрѣпленьми своими.
Счáстливы, я размышлялъ, отвращаются кон отъ-нáглыхъ

Сла́достей, зная довольны быть безпорочіемъ жизни!
Сча́стливы всѣ, отъ-Нау́къ которыя веселіе любо,
И просвѣтить рачатъ которыя Свѣденьми Разумъ!
Ихъ Тихія кудабъ непріязненна ни заточила;
Все имѣютъ съ собой, о чемъ собесѣдовать могутъ:
Скукажъ, другихъ Людей свѣдающа въ Роскошахъ самыхъ,
Ихъ чужда́, что-свое́ забавляютъ Чтеніемъ время.
Сча́стливы всѣ, посему́, читать которыя любятъ,
И не-лише́ны такъ, какъ есмь, читанія Книжна!
Съ мыслями сими, въ моемъ умѣ преходящими рядомъ,
Въ темный Лѣсъ углубился я, и вдру́гъ-тамъ увидѣлъ,
Мужа, онъ-дре́венъ былъ, въ рукѣ держащаго Книгу.
Сей Престарѣлый имѣлъ Главу власовъ обнаженну,
Та челѝста была, а-Чело́ съ морщинами вмалѣ,
Долгая, даже за-Пе́рси, Брада сѣда́я висѣла;
Станъ его высокъ, величественъ, лѣпо сановенъ;
Цвѣтъ въ Лицѣ свѣжъ, и румянъ, проницательны Очи;
Голосъ тихъ у-него́, а просты слова́ и-прія́тны;
Лѣтами ко́ль-сей маститъ, благоумiемъ зрѣлъ-же толико.
Я не-вида́лъ досточтима толь Престарѣлаго Мужа;
Имя сму Ѳермосірідъ, онъ-бы́лъ Аполло́новъ Священникъ,
Жертвуяй и служай въ созданномъ изъ-мрамора Храмѣ,
Оному Богу въ Лѣсѣ томъ отъ-Царе́й посвященномъ.
Книга, держима имъ, была собраніе [1]) Умовъ,

[1] Одъ, Пѣсней.

Крáсно въ честь Божеству сочиненныхъ всѣхъ
порáдку.
Дружно подходитъ ко-мнѣ; разговоръ мы свод
взаимный:
Сказывалъ чинно такъ о-Прошедшемъ, что-áки
видишь;
Тожъ все кратко толь, что-сказáніемъ мнѣ не-пос
чилъ.
Будуще впредь прозрѣвалъ глубиною Мудрости вѣ
Ею онъ-знáлъ Людей, и-къ чему́ быть могутъ
клонны.
Толь съ великимъ умомъ снисходителенъ былъ-
и-вéселъ,
Такъ что-ни-Юность сама́ толико пріятствъ
имѣетъ.
Мужъ колико стяжалъ ихъ сей въ состарѣвши
лѣтахъ;
Да и-любúлъ-же Младыхъ, когда остроу́мны-тѣ бы
И къ Добродѣтелямъ всѣмъ въ проявленной кло
лись охотѣ.
Вскорѣ сердечно взлюбилъ меня, и-мнѣ-Книги
вать сталъ
На утѣшеніе мнѣжъ, притомъ и нáчалъ-звать Чад
Я почасту ему говорилъ: мой Отче дражайшій!
Боги, которы меня лишили Ментора дру́жна,
Сжалились ужъ о мнѣ, даровавши тебя́-мнѣ
гаго
Сей Человѣкъ, какъ-Орфéй, иль-Проро́къ Лiнъ, б
вдохновенный
Онъ мнѣ-читáлъ Стiхи своего сложенiя то́чна,
Иль самому́ давалъ прочитывать тѣ сочиненны

Отъ премногихъ другихъ, преизящныхъ и сла́дкихъ,
Піитовъ,
Поспѣшествуемыхъ бывшихъ явѣ священными Мусы.
Былъ онъ-когда́ облеченъ въ предлинную бѣлую Ризу;
И бралъ въ персты Лvру свою изъ-Слоно́выя кости;
Ба́бры [1]) со-Львы къ его лизанію ногъ прибѣгали.
Са́тvры [2]) изъ Лѣсовъ, кругъ-его́ плясать, выходили;
Са́мыя въ томъ Древеса казались въ подвижность
пришедши:
Да и-сказа́лъ бы всякъ, что Камни дики, смягчившись,
Съ Горъ и-Холмо́въ снисходили его на-уми́льныя
Гласы.
Пѣлъ онъ токмо великость Бого́въ, добродѣтель
Ироевъ,
Мудрость и-тѣхъ Человѣкъ, что Славы ищутъ, не-
Сла́сти.
Часто́ мнѣ-о́нъ повторялъ, что долженъ я обо-
дриться:
Боги отнюдъ не-оста́вятъ ниже́ Одvсса, ни-Сына.
Онъ, наконецъ, утвердилъ, что-мнѣ-до́лжно, смотря́
на-Апо́лла,
Выцвѣтить Пастырей всѣхъ обходительствомъ съ
Мусы полезнымъ.
Фівъ Аполло́нъ, рекъ онъ, негодуя что- [3]) Дій воз-
мущаетъ
Небо своими Перуны, въ дни пресвѣтлыи са́мы,
Мстить восхотѣлъ за то Кvкло́памъ ковавшимъ Пе-
руны;
Да и тѣхъ положилъ въ сѣнь смерти своими стрѣ-
лами.

[1] Тігры. — [2] Лѣшіи. — [3] Юпітеръ.

Этна гора изрыгать престала-вдругъ пламеней вихри;
Громкій на-ужасъ стукъ отъ млатовъ небылъ-ужъ слышенъ,
Наковаль кои разя въ переборъ, приводили въ стонъ-страшный
Всѣ пещеры земли, совокупно бездны морскіе.
Мѣдь и-Желѣзо уже некстому Кикло́пами въ дѣлѣ:
Та начала зеленѣть, а ржавѣть оное стало.
Пфестъ [1]) изъ-пещи своей исходитъ въ ярости зѣльной.
Хрометъ хоть-онъ, на-Олимпъ однакъ съ поспѣшеніемъ идетъ;
Самъ весь въ потѣ, въ пыли, на-соборъ приходитъ Боговъ всѣхъ;
Въ горести тамъ своей приноситъ жалобы онымъ.
Гнѣвный [2]) Дій Аполлона тогда прогоняетъ отъ-Неба.
И на Землю его низвергаетъ какъ Земнородна.
Правна уже Колесница сама свой бѣгъ направляла,
Даруя дни-же и-ночи Земнымъ, и-времена перемѣны.
Такъ Аполлонъ, своихъ лучей по-навѣту лишенный,
Пастырь Сталамъ принужденъ у-Царя находиться Адмита.
Онъ по-зарямъ и-въ-полдня игралъ на-Свирѣли умильной;
Прочіи всѣ Пастухи шли-подъ-сѣнь Вязоваго древа,
Кое стояло тамъ на-брегу прозначна потока,
Слушать свиряній его и пѣсней разныхъ и-красныхъ.
Жизнь по-то-время они провождали звѣрску и-дику,

[1] Вулканъ. — [2] Юпітеръ.

Знали только пасти Овецъ, ихъ стричь, и доить тѣхъ,
И потомъ изъ млека Сыръ дѣлать, пахтая Масло:
Вся Насельность была какъ груба Чудь и глуха́я.
Вскорѣ всѣхъ Пастуховъ Аполлонъ научи́лъ-тамъ Искуствамъ,
Могутъ которыя дать житіе все чувствовать слаще:
Онъ воспѣвалъ цвѣтки́, что-въ-вѣно́къ Весна сослагаетъ;
Всѣ Арома́ты, она́ разливаетъ которы ухаными;
Также и-зе́лень Травъ подъ-ея́ растущихъ ногами:
Лѣтніе вонци онъ-пѣлъ, какъ легкіи вѣя зефуры,
Симъ приносятъ всѣмъ человѣкамъ желанну прохладу,
Купно и-ро́су, землѣ отъемлющу сухости жаду.
Пѣсни свои сраствори́лъ златистыми о́нъ-же Плодами,
Коими Есень труды Ора́таевъ толь награждаетъ:
Пѣлъ и-споко́йства Зимы, когда ужъ рѣзвая Юность,
Вкругъ разложе́нныхъ Огней карово́домъ скачетъ и-пля́шетъ.
Онъ наконецъ представлялъ имъ Пѣсньми дремучіи Лѣсы,
Кои стоятъ на-Гора́хъ, опушая и-тѣ покрывая;
Нискія Долы притомъ, гдѣ Рѣки, крути́сь велеватно,
Тожъ неисчетно еще, съ собоіи играюпи мнятся
Са́мыхъ среди Луго́въ, коль тучныхъ толь зеленистыхъ.
Онъ показалъ Пастухамъ пріятность въ жизни Напольноіи,
Если умѣть наслаждаться тѣмъ, что-проста́я Природа
Имать въ себѣ благолѣпнаго и прелюбезнаго прочно.
То́тчасъ Пастыри всѣ, въ свои Цѣвни́цы свиряя,
Быть нашлись уже́ Царей блаженнѣе прямо.

Хижинки ихъ веселій тмы непритворныхъ имѣли,
Нѣтъ которыхъ всегда въ высотахъ Палатъ позла
щенныхъ:
Смѣхъ, Забава, Игра, служили Пастýшкамъ невин
ными.
Праздникъ былъ ежедневно у-ни́хъ въ гуляніяхъ
срочныхъ.
Слышимо было вездѣ одно щебетаніе Птичекъ,
Иль благовонныій духъ отъ Зефировъ вѣющихъ тих
Съ вѣтвижъ на-вѣтвь Древесъ прелетающихъ въ шу
мѣ прохладномъ,
Иль журчаніе чи́ста Ручья́ упадающа съ Камня;
Пѣснь или, какову вдыхали въ Пастырей Мусы,
Слѣдовать могшихъ свои́мъ подражаніемъ въ том
Аполлону.
Сей Богъ ихъ научилъ препираться ристая за-По
честь,
И прободать на Ловлѣ стрѣлами [1]) Сернъ и-Еле́ней
Боги сами пришли въ завидѣніе Пастырямъ сел
ными:
Жизнь сія показалась имъ сладча́е-ихъ Славы,
Тѣмъ-то и-па́ки къ себѣ на-Олимпъ воспріяли Апол
Чадо! повѣсть сія тебѣ да будетъ въ Науку:
Ты въ состояніи томъ, въ каковомъ Аполлонъ нах
дился.
Самъ воздѣлай сію удобряя дикую Землю;
Самъ во цвѣтъ приведи, какъ-и-онъ, изсохлу П
стыню;
Дай знать симъ Пастухамъ Согласія сладость пр
дивну;

[1] Дикія козы.

Ихъ свирѣпы сердца́ умягчи, ихъ грубыи нра́вы,
Всю покажи Добродѣтель имъ любезну безъ-мѣ́ры;
Чувствовать ихъ возбуди великость, прія́тность-ту
тверду,
Благъ независтныхъ всѣхъ въ наслажденіи уедине́н-
номъ,
Кои ничто никогда отнять у Пастырей можетъ.
Будетъ, Чадо, и-то́, день будетъ, что-въ-тя́жкихъ
кручинахъ,
Всюду которы Царей окружаютъ всегда неотступно,
Станешь тужить на-Престо́лѣ ты по-Пасту́шеской
жизни.
Рекъ, и-мнѣ-да́лъ Ѳерносі́рідъ Свирѣль толь сла-
достну гласомъ,
Что горъ Ихи [1]) тѣхъ, огласивши ею окольность,
Вскорѣ ко-мнѣ привлекли Пастуховъ всѣхъ, бывшихъ
въ Сосѣдствѣ.
Голосъ мой возъимѣлъ Божественну нѣку соглас-
ность;
Чувствовалъ я возбужденна себя, и-какъ-бу́дто въ
восторгѣ,
Къ пѣнію лѣпотствій всѣхъ и пользъ, которыми всюду
Доброе толь Естество, распестривъ, одарило Насель-
ность.
Цѣлыи дни провождали мы, и нѣсколько нощи,
Въ пѣсняхъ согласныхъ тѣхъ совокупно звонъ сли-
ковавши.
Всѣ Пастухи, позабывши свои Стада́ и-Прію́ты,
Были въ округъ меня въ молчаніи пренеподви́жны,
Я имъ-когда́ подавалъ наставленія внятно и-про́сто.

[1] Эхи.

Мнились, Поля́ ничего не-имѣющи дикаго о́ны;
Зрилось, все на нихъ красоваться и-все́ веселиться
Кравъ учтивый Людей казался ту-зе́млю смягчивы
Часто сходились мы къ принесенію купныя жертв
Въ тотъ Аполлоновъ Храмъ, священствовалъ г
Ѳермосі́рідъ.
Шли Пастухи тогда увѣнчанны ли́стомъ Дафні
скимъ [1]),
Въ честь Божеству тому, любившему Да́фнію дѣву
Шлижъ Пастухи съ плясаніемъ, и въ вѣнкахъ р
ноцвѣтныхъ,
И несли на-глава́хъ въ Корзи́нахъ священныи дар
Мы, по-скончáніи жертвъ, возлегали за-Пи́ръ по
лянскій.
Наша Пи́ща была сладчайша и-вку́снѣйша са́ма,
Нашихъ Козокъ млеко, и-млеко́ Ове́чекъ-же наши
Кое изъ-ни́хъ надоить мы сами всегда прилѣжали
Свѣжіи также Плоды́ руками нашимижъ сня́ты,
Какъ то Фініки, какъ Віноградъ, Амутда́лы, и-Смо́к
Ложемъ была у́ насъ Мурава́ зеле́на и-мя́гка;
Сѣнь вѣтвисты Древа́ подавали пріятнѣйшу намъ
Нежель подъ-Кро́вомъ златымъ Палатъ узоро
Царскихъ.
Но меня въ Пастухахъ сіе прославило болѣй:
Нѣкогда въ Стадо мое ворвался Левъ алча презѣл
Сей уже́ стервѣнясь кровопійствовалъ въ томъ п
ужасно!
Я не-имѣлъ въ рукахъ кромѣ Посошка́ обычайна
Толькожъ прямо бѣгу́, и смѣло бѣгу́ на-Звѣри́ну.
Дыбомъ поднялъ Левъ свою косматую гриву;

[1] Лавровымъ.

Кажетъ мнѣ-онъ какъ зубы свои, такъ назогти остры;
Зѣвъ отворяетъ сухій, и пылко дышущій жаромъ;
Кажутся и глаза у-него кровавы огнисто;
Бьется хвостомъ и-въ-бока, и-его на-хребетъ завращаетъ:
Яжъ повергаю Льва. Нагрудникъ на-мнѣ незавиденъ,
Носятъ какій всѣ Пастухи въ Египтѣ обычно,
Не допустилъ мнѣ быть отъ-него растерзану люто.
Трижды его низлагалъ, на-дыбки становился-онъ трижды:
Рыкомъ меня оглушалъ раздававшимся въ Рощахъ дубравныхъ.
Но, наконецъ, задавилъ я-его моими Руками;
А Пастухи, какъ-сію Побѣду видѣвши были,
Всѣ присудили надѣть мнѣ кожу грознаго Звѣря.
Слухъ о семъ, и Пастырей тѣхъ объ-изрядной премѣнѣ,
Могъ разгласиться уже по-всему плодорастну Египту;
До самого дошелъ еще Сесострія слухъ тотъ.
Вѣдомо стало ему, что-единъ изъ Плѣнниковъ оныхъ
Коихъ взяли Двоихъ за-природою прямыхъ Фінікіанъ,
Паки златый-Вѣкъ привелъ почитай въ непроходны-тѣ Дебри.
Видѣть меня восхотѣлъ, какъ-любившій Мусъ доброгласныхъ;
Да и все, что-могло къ наставленію быть человѣкамъ,
Было пріятно весьма его великому сердцу.
Я представленъ Ему, былъ выслушанъ имъ благосклонно;
Тутъ онъ-познялъ, что-Метофій его обманулъ съ лихоимства:

Онъ того осудилъ за-сіе́ въ неисходну Темницу,
Все Богатство отнявъ, стяжанное тѣмъ не-по-пра́вдѣ.
О! пренесчастливъ всякъ, говорилъ, кто-Держа́ву-
етъ въ Людехъ:
Часто не-мо́жетъ зрить своими Правды очами;
Онъ окруже́нъ такими Людьми, которыи Правду
Не допускаютъ всегда доходить къ Повелителю про-
чихъ;
Каждому надобность въ томъ, чтобъ-его́ обольстит
наилучше;
Каждый Ревности видомъ свое любочестіе кроетъ.
Всякъ отвнѣ оказу́етъ любовь къ Особѣ верьховной
Вну́трь-же не-лю́битъ всякъ, какъ Бога́тство даемо
онымъ:
Царь толь мало любімъ, что, - къ-пріа́тію милости
Царски,
Льстятъ Царю во всемъ, и-во-все́мъ Царю измѣняютъ
Ужъ Сесо́стріи со-мно́и поступалъ сердолюбно и
дру́жно:
Да и-хотѣлъ отпустить меня въ прирожденну Іо́ку
На Корабляхъ, и-притомъ съ довольнымъ войск
снарядомъ,
Чтобъ свободить я могъ отъ всѣхъ жениховъ Пи
нелопу.
Былъ уже́ готовъ со всѣмъ тотъ Строи Морехо
ный;
Только и-на́мъ осталось сѣсть, да въ Море пуститьс
Я дивился въ себѣ Тухіи строенію чудну,
Коя подъемлетъ вдругъ низверженныхъ въ долы со
бою.
Опытъ сеи приводилъ меня въ надежду велику,

Не́гли [1]) и-са́мъ Одиссъ возвратился въ собственно
Царство,
По долговременномъ бѣдъ и-напа́стей въ пути пре-
терпѣвши.
Мни́лъ-же еще, что-могу́-я увидѣть Ментора паки,
Былъ-онъ въ незнаему хоть завезенъ страну Еѳіоп-
ску.
Въ томъ какъ медлилъ моимъ отбытіемъ время на-
ма́ло,
Не получуль како́ва о-не́мъ извѣстія вскорѣ,
Царь Сесо́стрій, кой-былъ въ престарѣлости, умре
внезапу;
А кончиной его и-погря́зъ я въ новыя бѣдства.
Весь Егупетъ о-сме́рти того неутѣшенъ явился!
Каждый Домъ помышлялъ, что-лиши́лся лучшаго
Дру́га,
Собственна какъ себѣ Отца, такъ-Засту́пника ще́дра.
Мужи маститыхъ лѣтъ, воздѣвая ру́ки на-Не́бо,
Всѣвопіяли: отнюдъ никогда въ долговѣчномъ Егуптѣ
Не́было толь благаго Царя, отнюдъ никогда же
Въ немъ подобна ему не будетъ; о-Бо́ги! о-Бо́ги!
Бѣднымъ отрада онъ-былъ, красотажъ и слава Дер-
жавы:
Вся́къ-Домъ, имѣвшій пасть, о немъ стоялъ не-по-
ве́рженъ.
До́лгъ-былъ или его не-дава́ть никогда Человѣкамъ,
Пль никогдажъ отъ нихъ отнимать дарованна од-
нажды!
Жить почто́ ужъ намъ по-вели́комъ Сесо́стріи нынѣ?
Юность гласила сіе: Надежда Егупта погибла;

[1] Вослѣдо.

Счáстливѣй были наши Отцы, что жизнь продолжали
Толь при добромъ Царѣ; а-мы-видѣли онаго токмо,
Чтобъ остряе въ себѣ намъ чувствовать нашу утрату.
Всѣ Царедво́рцы его рыдали по-нéмъ деннонощно.
Но когда Царя къ погребенію вынесли мéртва,
И лежалъ онъ шесть седьмицъ намащéнный по-Цáрски;
То отдаленны Народы всѣ притекали толпами,
Каждый видѣть еще хотѣлъ единожды тѣло;
Каждый соблюсть хотѣлъ видъ въ памяти óбраза Царска:
Многи желали быть положéны съ нимъ и-въ-Гробни́цу.
О! хоть-и-кáждому день свой, и неминуемо время
Жизни всея: но-продлíть изрядными Славу дѣлами;
То единыя есть Добродѣтели мощь неизмѣнна!
Болѣе симъ еще болѣзнь умножилась обще,
Что Наслѣдникъ его сынъ Вóкхоръ, Преемникъ Престолу,
Неимѣлъ отнюдъ ни Людскости ужъ къ Чужеродным,
Ни любопытства въ себѣ къ Наукамъ и-Знáніямъ вышнимъ,
Ни къ Мужамъ добронравнымъ и-дѣльнымъ почтенія дóлжна,
И нижé каковыя любви къ Содѣянiй Славѣ.
Точно великость Отцовска была въ томъ перва причина,
Что явился толь недостоинъ царствовать оный.
Въ нѣгѣ воспитанъ онъ, и-въ-надмéнiи грубосвирѣпом.
Ставилъ Людей за-Ничтó, мня-о-нíхъ что здѣланы были

Всѣ для-него́, а-онъ-былъ Естества отъ оныхъ дру-
гаго.
Тщился доволить токмо свои непокѣрные Стра́сти;
Токмо что разсыпа́ть неисчетно богатство Сокровищъ,
Кое Отецъ его хранилъ съ великимъ ощадствомъ;
Токмо что изнурять Народъ, высысать кровь-изъ-
бѣдныхъ;
Токмо что, наконецъ, совѣтамъ слѣдовать льстивыихъ
Юныхъ буя́выхъ Людей, его всегда окружавшихъ,
А удалять отъ-себя́ съ презрѣніемъ смысленныхъ
Старыхъ,
Бывшихъ всѣхъ при-его́ Отцѣ, кото́рыхъ-онъ вѣ-
рилъ:
Былъ то, словомъ, не-Царь, но-Чудо́вище нѣкое
страшно.
Весь Егупетъ стенялъ! А-хотя Сесо́стрія имя,
Толь Егуптянамъ всѣмъ любезное, и приводило,
Чтобъ имъ въ Сынѣ сносить поступку люту и-по́длу;
Но самъ онъ поспѣшалъ къ своей погибели быстро.
Какъ Государю долго царить недостойну Престола!
Болѣй не уповалъ ужъ я возвратиться въ Іоа́ку.
Въ башнѣ сидѣлъ на брегѣ морско́мъ при-Пилу́сіи
градѣ,
Гдѣ надлежало намъ въ Суда морепла́вны грузиться,
Еслибъ Царя Сесо́стрія смерть тогда не-постигла.
Вышелъ Мето́фій уже́ искуствомъ своимъ изъ-тем-
ни́цы,
Паки пришелъ и въ милость къ Царю наставшему
ново:
Онъ то-жеия́ заключилъ въ ту башню на-бре́гѣ вы-

Да за-своё отмститъ несчастіе мною причиненно.
Я провождалъ и дни и нощи въ глубокой печали.
Все что предвозвѣстилъ пророченіемъ мнѣ Ѳермос
рідъ,
И что слышалъ я-самъ въ пещерѣ; сіимъ-то казалос
Былъ я препогруженъ въ горчайшу. прискорбі
бездну:
Видѣлъ волны, что-бить прикатались, съ шумом
прегрознымъ,
Саму башни тоя подошву, гдѣ-я заключенъ былъ.
Часто взиралъ на-Суда, возметаемы буреи ужасно,
Бывшіяжъ и при-напасти быть сокрушены о-камы
На которыхъ была построена оная башня.
Я не токмо по-людяхъ тѣхъ, угрожаемыхъ бѣ
ствомъ,
Не сожалѣлъ; но-еще и завидѣлъ жребію оныхъ
Вскорѣ, я-мыслилъ, конецъ ихъ будетъ несчастіям
въ жизни;
Иль они приплывутъ къ своему пристанищу здравы
Мнѣжъ, ахъ горе! того и-другаго чаять не-можно.
Въ тѣхъ туженіяхъ такъ изнуряясь безъ всяки
пользы,
Я усмотрилъ какъ частый Лѣсъ Корабельные Щеглы[1]
Море бѣлѣло что-снѣгъ Парусами надменными в
тромъ:
Пѣнилась вся вода Пучины отъ-веслъ неисчетных
Слышались мнѣ отвсюду глухо смятныя вопли:
Усмотрѣвалъ ужъ часть на-брегу устрашенныя
Егуптянъ,
Коя бѣжала къ Ружью, а другую, котора казалась

[1] Машты.

Въ стрѣчу идуща тому Водополывному шедшему Стрбю.
Тотчасъ я призналъ, что сіи Суда чужестранны,
Были одни Фінікійски, другіяжъ съ острова Кипра:
Ибо напасти мои научать меня начинали
Опытомъ самымъ тому, что-могло къ Мореходству
касаться.
Мнѣ Египтяне межъ собой показались въ Раздорѣ.
Я безъ-труда возмогъ познать, что несмысленный
Вохорь
Наглостьми точно воздвигъ Подзаконныхъ собствен-
ныхъ къ Бунту,
И межъ ними зажегъ къ усобію брань смертоносну.
Былъ я съ Башни той кроволитныя битвы Смотри-
тель.
Тѣ изъ-Египтянъ, себѣ призвавшіи въ помощь
Пришельцевъ,
И помогшіи симъ сойти на брега сухія,
Яростно тамъ на другихъ одноземныхъ напали Егип-
тянъ,
Коимъ самъ былъ Царь Предводитель и-главный На-
чальникъ.
Зрилъ я-Царя, ободрявша Своихъ своимъ-же приме-
ромъ;
Онъ казался быть подобенъ Арису [1]) Богу:
Токи крови парныя текли тамъ онаго окрестъ;
Были колеса всѣ обагрены его Колесницы
Кровіюжъ, черною то, и въ пѣнѣ, и-скверно густою;
Да и-едва катиться могли по-раздавленнымъ Трупамъ.
Юный сей-Царь, и-высокъ, и статенъ, силенъ, над-
менъ,

[1] Марсъ.

Възорких очáхъ имѣлъ отчаянность купно и-я́рость.
Онъ былъ-какъ-нѣкій Конь вседушный, добрый, и-рья́ный:
Бодрость слѣпо его порѣвала въ отважное бѣдство,
Не приводилъ въ немъ Благоуміе Мужества въ мѣрность.
Онъ не-умѣлъ ни-поправи́ть своихъ погрѣшностей рыща,
Ни повелѣній точныхъ дать, ни Злаго предвидѣть,
Кое грозило ему, ни-щади́ть Людей препотребныхъ;
Впрочемъ, былъ не-лише́нъ въ себѣ природнаго свѣта;
Разумъ его равнялся егожъ всей храбрости пылкой:
Только не́былъ онъ наученъ Несчастіемъ нѣкимъ.
Смысла въ немъ остроту Ласкательствомъ тѣ повредили,
Были кои его Наставники, и научали
Онъ упосѣнъ свои́мъ Могуществомъ, также Богатствомъ;
Мнилъ, что-обя́зано все уступать Похотѣніямъ жаркимъ;
Са́мая ма́ла прека́ ему, на гнѣвъ вспламеняла.
Болѣе онъ тогда не умствовалъ должно-какъ Людямъ;
Внѣ себя пребывалъ Сумозброду шумну подобенъ;
Гордость неистова въ немъ проявляла свирѣпаго звѣря;
Благость и-Умъ отъ-него́ во-мгновéніе о́ка сникали;
Вѣрны слуги ему отъ-него́жъ убѣгали далече:
Онъ не-люби́лъ, кромѣ ласка́вшихъ-въ-немъ подлые стра́сти.
Та́къ-то всегда и-лови́лъ, что-проти́вно истиннымъ пользамъ,
И причину давалъ свои клясть глупы обраты.

Въ мужествѣ долгожъ стоялъ противъ Супостатовъ премногихъ;
Но напослѣдокъ стóптанъ отъ-нáихъ. Я видѣлъ ему смерть:
Въ перси его пробола Фінікійска стрѣла быстролетна;
Выпали вóжди изъ-рýкъ, и-упáлъ самъ Конямъ подъ-нóги.
Голову тóтчасъ отсѣкъ одинъ изъ Воиновъ Кипрскихъ,
Взявъ за-Космыни ту, показалъ какъ-Торжéственникъ Войску.
Пóмнить буду во-вѣкъ я видѣнну голову мною,
Всю въ крови, и-глаза у-котóрой потускло глядѣли;
Блѣдное то лицо, тѣ-устá зіяющи нѣкакъ,
Кои казались кончить слова начáтыя ими;
Гордый и-грóзный вракъ, что смертію не измѣнился:
Будетъ сіе всегда стоять предъ-моíми очами.
Еслижъ Боги хотятъ, чтобъ царствовалъ нѣкогда Самъ я;
То не-забýду отнюдъ, отъ-примѣра толь смертоносна,
Что изъ-Царéй достоíйный токмо тотъ Повелитель,
И по-толíку онъ въ своемъ Могуществѣ счáстливъ,
Кто по-колíку сіе подвергаетъ Разуму тверду.
Кóль-же велико зло и-несчáсті здѣсь Человѣку,
Долженъ который есть промышлять всѣмъ общее блаженство,
А Предержателемъ быть, злополучія всѣмъ-же для-крáіиня!

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ТРЕТІЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ разсказываетъ, что, при отданіи Плѣнниковъ Туранамъ Прозви
Вокхоревымъ, и онъ Тилемахъ отъѣзжаетъ съ нимижъ въ Туръ, на К
Наарвала, Начальствовавшаго надъ Морéходнымъ Турійскимъ Строем
Наарвалъ описалъ ему Пугмаліона своего Царя, который превесь
хонменъ, и Лихоимства его надлежало бояться; что потóмъ дано
отъ Наарвала наставленіе о прáвилахъ Купечества Турскаго; и ч
хотѣлъ ужé сѣсть на Купрскій Корабль, и плыть къ острову Ку
отъ сего въ Іоаку, когда Пугмаліонъ увѣдалъ, что онъ человѣкъ И
ный, да и хотѣлъ его задержать: что тогда то онъ едва не погиб
Астарвéя, Наложница Тураннова, спасла его, умерщвляя за него
шу, отъ коего презрѣніе: раздражило оную.

Мудрыя толь словá удивляясь Калупса внимала.
Болѣе сердце ея отъ-сегó притомъ услаждалось,
Что Тилемахъ возвѣщалъ погрѣшности не обину
Кои содѣлалъ онъ стремясь неразсуднѣйшимъ
хомъ
И послушанія Ментору такъ въ себѣ не-являя.
Въ Юношѣ семъ находила Онá благородну велик
Самъ который себя обвинялъ, и-казáлся изрядно
Толь наученъ отъ оныхъ своихъ неразумій до
ныхъ
Смиреномýдръ, прозорливъ, и-умѣренъ впредк
бýдетъ
Рѣчь продолжáй-же, сказала Онá, Тилемáхъ-мой
жайшій
Вѣдать безмѣрно хочу, какъ выѣхалъ ты изъ-Егу
Купно и-гдѣ нашелъ ужъ мудраго Ментора паки

Коего ты-былъ къ утратѣ толико чувствителенъ дѣльно.
Такъ Тилемахъ и-ещé свою сталъ сказывать Повѣсть:
Дóбры и-вѣ́рны Царю изъ-Егѵптянъ слáбѣйши были;
Видяжъ умерша Царя, уступили прочимъ по-нýждѣ.
Царь другій возведенъ, именуемый тамо Ѳермýѳій.
Отплыли въ домы свои Фікікійцы и-вóинство Кѵпрско,
Съ новоизбрáннымъ Царемъ союзный Миръ заключивши.
Сей имъ отдалъ всѣхъ Фінікійскихъ Плѣнниковъ бывшихъ;
Рáвно и-я́ почтенъ изъ-числá быть тѣхъ Инородныхъ,
Выведенъ изъ тюрьмы, сведенъ былъ съ оныя Башни;
Съ прочими сѣлъ на-Корáбль; и надéжда внутрь возсіяла,
Благопоспѣ́шный ужé надымалъ вѣтръ Парусы наши;
Пѣнисту воду Гребцы разсѣкали вéслами сильно;
Море пространное то покрылось все Кораблями;
Радостнымъ воплемъ вездѣ Мореходцы вдругъ возглашали;
Прочъ убѣгали отъ-нáсъ Егѵпетски брéги далече;
Холмы и-гóры съ землей равнялись отмала помалу.
Начали видѣть тогда мы Небо токмо да-Вóду,
Солнце когда, при-своéмъ восхожденіи ведренорáннемъ,
Видѣлось произноси́ть свѣтозарный свой-óгнь изъ-Пучи́ны;
Ярки лучи его верьхи́ горъ всѣхъ позлащали,

Вмалѣ нами еще усмотрѣемыхъ на Орізонтѣ;
И темносинимъ небесный сводъ мастящійся цвѣтомъ,
Плытіе намъ обѣщалъ доброчастное жидкимъ побѣднамъ.
Я хоть былъ отпущенъ во-природнаго тутъ Фінікійца;
Толькожъ изъ-тѣхъ людей, мнѣ съ коими быть приключилось,
Вовся меня не зналъ ніединъ совокупно пловуща.
Въ томъ Наарвалъ Корабля тогожъ и прочихъ Начальникъ,
Имя мое у-меня спросилъ, и-Отечество также:
Коего Града ты, говорилъ онъ, изъ Фінікіи?
Не Фінікіанинъ я, ему отвѣчалъ вопросившу;
Но Егуптяне взяли меня въ Кораблѣ Фінікійскомъ.
Такъ пребывалъ въ Егуптѣ плѣнникомъ за Фінікійца:
Именемъ точно подъ-сімъ страдалъ я долгое время;
Именемъ точно подъ-сімъ-же дана-мнѣ и-нынѣ свобода.
Ты изъ-какіяжъ земли, предпріялъ Наарвалъ вопрошаяжъ?
Я въ отвѣтъ емужъ: Тилемахъ есмь, сынъ Одиссеевъ;
А Одиссей есть Царь Іоакійскій въ словутой Елладѣ.
Мой отецъ былъ славенъ во-всѣхъ Царяхъ подъ-Троею:
Недали Боги однакъ ему возвратиться въ Отчизну.
Я искалъ его въ Странахъ любопытно премногихъ;
Но [1]) Тухія гонитъ меня, какъ-и-сіпаго, равно:
Видишь Бесчастнаго ты предъ-тобою, желающа токмо

[1] Фортуна.

Счастія, да возвращусь къ Своимъ я въ здравіи добромъ,
И своегожъ притомъ Отца да-скоряе обрящу.
Тутъ Наарвалъ смотрилъ на меня удивленія взоромъ,
И мнилъ усмотрѣвать во мнѣ Благосчастное нѣчто,
Кое приходитъ отвнѣ дарованіемъ Выспреннихъ свыше,
И чего не-бываетъ обще во-всѣхъ человѣкахъ.
Былъ онъ искрененъ, и притомъ веледушенъ съ природы:
Сжалился внутрь на-мое несчастіе, и говорилъ мнѣ,
Но откровенно, ему какъ Боги сами вдохнули,
Чтобъ меня спасти отъ-весьма большія напасти.
Я всему, Тилемахъ, тобою Сказану вѣрю;
Да и-отнюдъ не-могу не вѣрить, ниже сомнѣваться:
Кротость съ добротою, на Лицѣ твоемъ начертанны,
Повелѣваютъ мнѣ на-такихъ словахъ утвердиться;
Чувствую я еще, что Боги, всечтимыи мною,
Любятъ тебя, и-хотятъ, отъ-меня да будешь любимъ же
Равно такъ, какъ Сынъ отъ чреслъ моихъ порожденный.
Я подамъ тебѣ совѣтъ спасительный самый;
А въ воздаяніе токмо хощу единыя Тайны.
Не опасайся, ему-я, молчать чтобъ трудно-мнѣ было
О вещахъ тѣхъ всѣхъ, мнѣ кои повѣрить изволишь;
Я хоть младъ, но-уже состарѣлся въ навыкѣ твердо,
Чтобъ никогда никому моея не сказывать Тайны.
Большежъ еще, не быть предателемъ Тайны Другаго.
Тожъ ни подъ каковымъ отнюдъ благовиднымъ предлогомъ.

Какъ ты-возмо́гъ, мнѣ онъ, привыкнуть къ Та́йнѣ толь-
ко́ юный?
Радъ я-позна́ть, какимъ прiобрѣлъ и свойство-то сред-
ствомъ,
Кое всей основаніемъ есть благомудрой поступкѣ,
А безъ-кото́раго всѣхъ бесполезны и-тщетны талан-
ты?
При отъѣздѣ Одиссъ, говорилъ я, къ Троянской
Осадѣ,
Взялъ на-колѣна меня и-въ-свой объятія Отчи;
Такъ мнѣ точно пото́мъ согласно сказано всѣми.
По́слѣ-какъ далъ лобзаніе мнѣ въ любосердне́йшей
Ласкѣ,
Вотъ что мнѣжъ вѣщалъ, хоть-того́ разумѣть и-не-
мо́гъ я:
Чадо мое! да-тебя́ не-даду́тъ мнѣ Боги увидѣть;
Да скоря́й пресѣчетъ нить-твои́хъ дней жизненныхъ
Міра [1]),
Нежели та едва начала́ въ долготу сопряда́ться,
Ра́вно какъ-цвѣтъ младый Косой пожинается острой,
Чуть который еще распускаетъ изъ-ма́ковки листикъ;
Да Супостаты мои тебя на ча́сти разорвутъ,
При обоихъ видѣніи насъ тебяжъ породившихъ:
Ежели нѣкогда ты, волъ ставъ, Добродѣтель оставишь.
О! вы, Други мои, говорить еще продолжалъ онъ,
Я покидаю на-васъ сего мнѣ-любе́знаго Сына;
Вы попеките́сь о-не́мъ въ его младенчествѣ са́момъ.
Буде лю́бите вы меня, то прочъ отгони́те
Пагубно все отъ-него́ Ласкательство хитрости по́длы;

[1] Парка, Судьбина.

И научи́те его, побѣждать себя всеудобно;
Онъ да будетъ, какъ Деревцо младо́е, такъ-ги́бокъ,
Коего всѣ кривизны спрямляютъ безъ тру́дности дальней.
Болѣежъ вы потщитесь о-се́мъ, да-Правди́въ-онъ бываетъ;
Съ тѣмъ благотво́ренъ-бы, искренен былъ, и храни́теленъ Тайны.
Кто ни-спосо́бенъ лгать, недостоинъ тотъ человѣковъ;
А не-умѣяй молчать, Правѝтель имъ-быть недостоинъ.
Я сказу́ю всѣ-рѣчи тебѣ, что-мнѣ-часто тверждени́ны,
И что-они́ въ глубину моего про́никнули се́рдца:
Я многократно ихъ и самъ себѣ повторяю.
Дру́ги Отцу моему меня пріучать постарались,
Прежде всего еще, да Тайну храню нерушимо.
Былъ я-тогда́ почитай младенческа возраста лѣты;
А однакъ повѣряли ужъ-мнѣ свое недовольство,
Видя мою́ подвержену Мать продерзостнымъ многимъ,
Всѣмъ-же стремившимся толь сочетаться съ оною Бракомъ.
Та́къ-то еще отъ тѣхъ временъ они полагали,
Что Человѣкъ я былъ какъ смыслящій, такъ и-надежди́ный.
Часто со-мно́й о са́мыхъ большихъ дѣлахъ разсуждали;
Увѣдомля́ли меня, что были намѣрены здѣлать,
Свататься всѣхъ Жениховъ продолжавшихъ къ отгнанію прочну.
Радъ я былъ, что-въ-сію́ довѣренность ими допу́щенъ:

Мнилъ чрезъ то о-себѣ, что-ужъ-я Человѣкъ совершенный.
Употребить ея во зло никогда не-помыслилъ;
Слова отнюдь у-меня не вырвалось токмо едина,
Кое могло бъ открыть какую Тайну малѣйшу.
Многажды тѣ женихи на-слова меня позывали,
Думая, что Дитя удержать за-собой не-возможетъ
Видѣна имъ всего, иль слышана важнаго дѣла:
Но умѣлъ я имъ отвѣчать не лжа ненавистно,
И безъ-того, чему быть сказану было не-должно.
Сталъ говорить Наарвалъ: Тилемахъ, ты видишь изрядно,
Сильны колико суть Фінікіане, коль я-могущи.
Страшны безмѣрно они Племенамъ всѣмъ, окрестъ живущимъ,
Пренеисчетными, кои у-нихъ, Морскими судами.
Купля ихъ, доходя до самыхъ столповъ [1]) Пракліи-скихъ,
Имъ приноситъ въ возвратъ Изобиліе купно Богатство,
Кое большие всего, каково у-Народовъ цвѣтущихъ.
Ихъ никогдабъ не-сломилъ на морѣ великій Сесострій,
Трудъ непомѣрный имѣвъ побѣдить всѣмъ войскомъ на-полѣ,
Войскомъ всѣмъ, ему Востокъ покорившимъ всецѣлый:
Онъ наложилъ Дань-на-насъ, мы кою не-долго платили.
Бывши сокровищны толь, и толь Фінікіане мощны,
Не возмогли понесть терпѣливно иго работы:
Мы возвратили нашу себѣ свободу и-Вольность.

---

[1] Геркулесовскихъ: Гібралтаръ.

Времени смерть не-дала́ Царю Сесо́стрію храбру,
Чтобъ окончать Войну на насъ предпріятую сильно.
Правда; всего надлежало намъ бояться конечно,
Болѣй весьма отъ мудрости, нежель его отъ-могу́щства:
Но, по-прешедшей до-ру́къ той силѣ Во́кхоря сына,
Не имѣвша въ себѣ отнюдъ благоумія му́дра,
Мы заключили, что-на́мъ страшиться нѣчего стало.
И по истинѣ, ужъ не токмо Егуптяне вскорѣ
Не пошли ополченны къ намъ, покорить-насъ вторично,
Сами они еще къ себѣ насъ призвали въ по́мощь,
Да отъ-Царя́-ихъ того свободимъ нечестива и-лю́та.
Такъ и были мы-имъ Свободители всѣмъ отъ-Тура́на.
Коль же славы еще прибавилось къ Вольности нашей!
Коль придало́сь и че́сти еще Фінікійску богатству!
Но избавляя другихъ, мы сами рабы пребываемъ.
О! Тилемахъ, впасть бойся, бойся въ жестокіе ру́ки,
Царство имуща у-насъ Скиптродержца Путмалі́она.
Онъ ихъ-уже́ омочилъ въ невинной крови Сіхе́я,
Бывша Супруга сестрѣ своей тождечревной Дідо́нѣ.
Въ томъ Дідо́на, исполнь желаніи къ отмщенію должну,
Втай изъ Тура ушла Корабли довольны уведши.
Многихъ, любившихъ Вольность свою́, и-при-се́й Добродѣтель,
Путь былъ-во-сле́дъ тудажъ совокупнымъ бѣжаніемъ съ Нею.
Та основала градъ узорочный на-бре́гѣ Лувійскомъ;
Сей нарекла, отъ новости тамъ оградъ, Кархидо́номъ [1]).

[1] Карѳагенъ.

Пятналіонъ, богатствъ ненасытимой жаждой томимый,
Болѣе бѣдныхъ отчасу становится и ненавистенъ.
Туръ злодѣтелемъ симъ, что имѣетъ Стяжаніе много:
Отъ сребролюбія тотъ недовѣрчивъ, жестокъ, и-подозренъ;
Онъ Богатыхъ тѣснитъ, а-боится зѣльно Убогихъ.
Туръ еще злодѣйственъ и-тѣмъ, что въ-немъ-есть Добродѣтель:
Ибо Пятналіонъ полагаетъ, что-Добрыи Люди
Не возмогаютъ терпѣть, какъ-неправдъ его, такъ-и-скаредствъ.
Вся Добродѣтель судитъ его, винитъ, осуждаетъ;
Онъ на-неи въ себѣ огорченъ распаляется гнѣвомъ.
Все возмущаетъ его, безпокоитъ, снѣдаетъ, и-мучитъ;
Собственны онъ своея притомъ нужается тѣни;
Да и въ нощь и въ день всегда пребываетъ безсоненъ:
Боги, егобъ постыдить, надѣляютъ тмами сокровищъ,
Коими онъ никогда не-дерзаетъ отнюдъ наслаждаться.
Ищетъ себѣ чего, да будетъ блаженъ и-доволенъ,
Самое то ему препятствуетъ быть во-блаженствѣ:
Все что-даетъ, жалѣетъ; всегда утраты боится.
Мечется всюду, на-всѣ и стороны, да пріобрящетъ.
Видѣть его почитай никогда не-случается людямъ;
Онъ одинъ, печаленъ, угрюмъ, внутрь дальнихъ чертоговъ:
Други не-смѣютъ къ нему приступить, да-не-будутъ въ подзорѣ.
Грозная Стража всегда имѣетъ мечи обнаженны,
Держитъ также еще и копія въ должномъ прицѣлѣ,

Бодрствуетъ такъ, окружившій весь Дворецъ, ополченна.
Тридесять Ко́натъ имѣющихъ ходъ изъ-еди́ны въ другую,
Въ каждой желѣзная дверь о-шести́ замка́хъ и-запо́рахъ,
Мѣсто есть, въ которомъ сидитъ заключенъ безъосла́ды.
Въ коей изъ-Ко́натъ сихъ, никому отнюдь неизвѣстно,
Нощію онъ почиваетъ, и-гдѣ́ есть спальное Ложе;
И увѣряютъ, что-сря́ду не-спи́тъ двѣ нощи въ единой,
Чтобъ отъ-кого́ узнавша не-быть ему потребле́ну.
Онъ не знаетъ ни-сла́дкихъ забавъ, ни-сладчайшія дружбы.
Хоть помина́ть-бы ему, да-себѣ́ веселія ищетъ;
Но самъ чувствуетъ онъ, отъ-него́ прочь радость бѣгущу,
И не-хотя́щу въ сердце его вселиться на-ма́ло-
Впадши глава́ его суть полны дикаго жара;
Тѣ не-стоя́тъ ни-на-ча́съ, разбѣгаясь быстро повсюду.
Слухъ прилагаетъ свой къ малѣйшу стуку и-шу́му,
Да и чувствуетъ, что возмутился внутренно духомъ.
Блѣденъ, сухъ, исчахлъ; а-Печа́ли мрачнотума́нны,
Въявь на-лицѣ́ его всегда написаны морскомъ.
Онъ молчитъ, воздыхаетъ, отъ-дна́ сердечнаго стенетъ;
И утробу терзающихъ скрыть угрызеній не-мо́жетъ.
Пи́ща превкусна, ему несладима то́тчасъ бываетъ.
Дѣти емужъ не-наде́жда, еще причина и-къ-стра́ху;
Онъ пріемлетъ себѣ́ за пагубныхъ ихъ Супостатовъ.

Онъ не-имѣлъ; во-всю-жизнь ни-мгновенія безъ опасенія;
Тѣмъ соблюдаетъ себя, чемъ болѣе кровь проливаетъ
Оныхъ всѣхъ людей, которыхъ сѣльно боится.
Глупый! не-видитъ ктожъ, что лютость, на-кою толико
Есть упованій ему, погубитъ его непремѣнно.
Некто одинъ изъ-Домашнихъ толь-же, коль-онъ, недовѣрчивъ,
Свѣту забаву подать поспѣшитъ отъ-страшилища мераска.
Чтожъ до-меня; боюсь Боговъ: хоть трудно, пребуду
Вѣренъ я Царю, отъ нихъ мнѣ данну въ Верьховна;
Лучше да-онъ меня умертвитъ, а нежель его мнѣ
Жизни лишить, или не-хотѣть отъ-напасти защитить.
Но ты, о! Тилемахъ, отнюдъ ему не-промолвся,
Что Царевичъ ты, и Сынъ Царя Одиссея:
Станетъ онъ уповать, что-Отецъ возвратившись въ Іоаку,
Много злата заплатитъ ему тебя искупляя,
А межъ тѣмъ заключитъ тебяжъ онъ въ гнусну темницу.
Слѣдовалъ, въ Туръ я-прибывъ, Наарвалову точно совѣту,
И самъ правду призналъ всего мнѣ сказанна онымъ.
Я не-вмѣщалъ, какъ могъ человѣкъ толь злѣлаться бѣденъ,
Коль мнѣ Нутмаіонъ являлся поступкою всею.
Ставъ пораженъ я вдругъ толь страннымъ зрѣлищемъ ново,

Думалъ въ себѣ такъ: се человѣкъ искáвшій-быть
счáстливъ,
Да и-возмнѣвшій, что-бýдетъ богатствомъ въ верь-
ховнѣйшей влáсти;
Все у-себя́ имѣетъ, чего пожелать ни-возмóжетъ,
Толькожъ убогъ превосьма богатствомъ и-влáстію тою.
Еслибъ былъ Пастухóмъ, какъ-то-я́ находился не-
дáвно;
Зрѣлъ-бы себя въ блаженствѣ такóмъ-же, въ какомъ
пребывалъ я:
Онъ наслаждалсябъ толь беспорочной утѣхой все
дневно,
И наслаждалсябъ ею на-тѣхъ безъ всѣхъ угрызеній.
Не боялсябъ отнюдъ никогда ни-Кнúжала ни-Яда.
Всѣхъ бы любилъ, и сáмъ-бы любúмъ былъ такожде
всѣми.
Онъ не-имѣлъ бы, правда, сего неисчетна богатства,
Кое столькожъ ему, коль-пескá бугры, бесполезно,
Тѣмъ-что не-смѣетъ самъ къ тому нижé прикоснуться:
Токможъ доволенъ былъ-бы земными плодáми сво-
бодно,
И не-терпѣлъ-бы отнюдъ никакія нужды прямыя.
Кажется сей человѣкъ творяй, что онъ ни-восхó-
щетъ:
Но далекъ, чтобъ все творить по-свобóднѣйшей волѣ;
Дѣлаетъ все, что хотя́тъ въ немъ-его́ свирѣпые
стрáсти.
Рѣемъ онъ-éсть всегда сребролюбіемъ, страхомъ,
подзоромъ.
Мнится быть Господинъ другимъ, надъ-собой безъ-
Госпóдства:

Ибо столькожъ надъ-нимъ Господъ, и-Мучи́телей грозныхъ,
Сколько имѣетъ въ себѣ пренаглыхъ всѣхъ похотѣній.
Такъ о Пигмалíонѣ я-мнíлъ Самогожъ тамъ-не-видя:
Ибо его никто никогда зрить-не-мо́жетъ во-гра́дѣ;
Да и-взира́ютъ на-тѣ съ боязнію Башни высо́ки,
Денно и-но́щно многихъ стражею Вои окруженны,
Въ коихъ ограда́хъ самъ засѣлъ, какъ будто въ те́мницѣ,
Презаключи́вши себя всего сокровища съ тмами.
Сравнивалъ я сего Царя, невидима всѣми,
Съ онымъ Сесо́стріемъ толь милосердымъ, толь и-присту́пнымъ,
Толь привѣтливымъ, толь любопытнымъ видѣть Пришельцевъ,
То́ль-же и-тща́тельнымъ слышать всѣхъ приходящихъ съ докладомъ,
А чрезъ то изъ-серде́цъ извлекать вонъ истинну точну,
Кою всегда отъ-Царе́й таятъ и кроютъ прилѣжно.
Оный Сесо́стрій, я размышлялъ, ничего не-боя́лся,
И ничего не-имѣлъ никогда отъ-Сторо́нныхъ бояться:
Онъ себя казалъ всѣмъ По́данным равно-какъ Дѣтямъ.
Сей боится всего, и все, да-бойтся, имѣетъ:
Злый сей Царь всегда подверженъ пагубѣ смертной,
Тожъ и въ домѣ своемъ невходимомъ, при-все́й-же и-Стра́жѣ.
Но напроти́въ, благій Сесо́стрій былъ безопасенъ
Въ са́мой средин'ѣ премногихъ людей, какъ-Оте́цъ чадолюбный

Въ домѣ своемъ окружéнъ отъ-всегó Домочадства бываетъ.
Пѵтмалióнъ повелѣлъ отослать вспять Кѵпрское войско,
Кое въ пóмощь пришло ему, по силѣ Союза,
Бывшаго межъ обоимъ тогда симъ твердо народомъ.
Случай сей-былъ Паарвáлу, пустить меня на-свобóду:
Я на смотрѣ поставленъ тамъ межъ воинствомъ Кѵпрскимъ,
Тѣмъ что Царь не-довѣривалъ сáмой вещи малѣйшей.
Мягкихъ и нерачащихъ Князéй порокъ состоитъ въ томъ,
Вѣрить слѣпо Любимцамъ своимъ беспутнымъ и-хитрымъ;
Но сего, напротивъ, не вѣрить Людямъ предобрымъ.
Онъ не-умѣлъ познавать Праводушныхъ и Простосердныхъ,
Дѣйства ведущихъ всегда откровенно, прямо, и-чисто;
Тѣмъ то и не-видáлъ никогдá-онъ мужей добротворныхъ:
Ибо такiи не-хóдятъ къ Царю не годну толико.
А съ другiя страны, какъ сѣлъ, возшедъ, на-престóлѣ,
Въ людяхъ онъ созерцалъ, раболѣпно ему предстоявшихъ,
Скрытностей много толь, нарушенiй вѣрности данны,
Мерзскихъ пороковъ толико, Добрóты видомъ прикрытыхъ,
Что почиталъ безъ-изъятiя всѣхъ какъ будто въ личинахъ.

Онъ мнилъ твердо, что-нѣтъ Добродѣтели въ Смертныхъ прямыя:
Тѣмъ то всѣхъ людей по рáвну сходственныхъ ставилъ.
Видѣвъ когда Человѣка лестца, Обманщика, Лживца,
Не изволялъ другаго искать, полагая конечно,
Что и тотъ другій всемѣрно лучшій не-бýдетъ.
Добрыя всѣ казались ему презлѣйшими злѣйшихъ:
Тѣхъ разсуждалъ быть столькожъ злыхъ, а-обмáнчивыхъ больше.
Но возвращаясь къ себѣ, я смѣшанъ съ Купрíйцами тамо,
И ускользнулъ отъ-невéрій Царя сквозь внутрь проницавшихъ.
Крáйно боялся тогда Наарвáлъ, да-не-бýду познáный:
Жизнибъ лишенъ былъ онъ за-подлóгъ, и купно я-рáвножъ.
Нетерпѣлúвность его, да-плывéмъ, была несказанна;
Токможъ противный вѣтръ удержалъ насъ въ Турѣ на-дóлго.
Употребúлъ я-то-врéмя, познáть Фінікійскіи нравы,
Славныи толь у всѣхъ въ Подсолнечноіі вѣстныхъ Народовъ.
Дúвно-мнѣ было града сего положеніе мѣстно,
Превозносяща Главу, толь-въ-другúхъ, на островѣ мóря;
Коль тугорáстные Жúмрасти всяхъ Купарíсъ превышаетъ.
Весь окрестныіі брегъ хлѣбородіемъ веселъ пріятно,
Также преслáдкими тотъ приносимыми щедро плодáми,

Множествомъ и Градо́въ, и Селъ какъ о́-бокъ стоя́щихъ;
А напослѣдокъ прохладой его воздушна [1]) Клімáта:
Го́ры тотъ Кря́жъ закрываютъ отъ-зно́йныхъ полу́денныхъ вѣтровъ,
Сей прохлажде́нъ отъ сѣверна, съ мо́ря дующа прямо.
Вся Страна лежитъ горы при-подо́швахъ Лівана,
Коея верьхъ сквозь облаки звѣздъ достигнуть стремится;
Вѣчный ледъ чело ея покрываетъ не-тáя;
Рѣки, снѣга исполнь, упадаютъ какъ-быстры потоки,
Дикихъ Камней съ концовъ окружающихъ холмъ [2]) островыйный.
Ни́же зрится дремучій Лѣсъ изъ Ке́дровъ высокихъ,
Равныхъ, какъ-ви́дятся, вѣкомъ Землѣ, прорасли изъ-кото́рой,
И несущихъ свои къ облакáмъ иглоли́стные вѣтви:
Лѣсъ подъ-ногáми сей имѣетъ пажити тучны,
Кои зе́лень свою́ по-горѣ постилаютъ покатой.
Ту́тъ-то гуляютъ Тельцы и-Волы съ мычащими Кравы;
Тутъ совокупно стадá и-Ове́цъ блеющихъ пасутся;
Прыгаютъ тутъ по-травѣ и-Козля́тъ утѣшные Стайки.
Многіи тамъ ручій водопрѣсны, чисты, и-свѣжи.
Зрится тѣхъ-Пáствъ, наконецъ, въ низу долъ плоско простертый;
Онъ какъ нѣкій веселый Садъ красуется нѣжно:
Ибо на-не́мъ и-Веснá и Есень царствуютъ вкупѣ,
Гдѣ и-оби́льность Цвѣтко́въ, и-Плодо́въ премножество всякихъ.

---

[1] Поясъ небесный. — [2] Острошейный.

Духъ никогда заразныхъ [1]) Нóтовъ сушащій и-жгýщій,
И нижé никогда ядреная также [2]) Воре́я,
Не дерзнулъ помрачить въ томъ Садѣ живыхъ распещреній.
Близко сего-то Кряжа́ на Морѣ возносится Островъ,
Островъ, на-кóемъ Туръ построенъ толь узорочно.
Мнится великій сей-гра́дъ какъ-плову́щъ по-наве́рхности во́дной,
И какъ Мóрю всему быть Царь единодержа́вный.
Гóсти Купцы къ нему отъ-конéцъ пріѣзжаютъ Вселенны;
Въ немъ граждáне и-сáми Купцы словутыи въ Свѣтѣ.
Вшедшій во-гра́дъ всякъ спе́рва возмнитъ, что Гра́дъ сей пространный,
Не одному Народу селеніемъ есть особливо,
Но Градъ всѣхъ Племенъ и [3]) кентръ Купечества обща.
Два имѣетъ хребта, рукамъ подобственны точно,
Вдавшися въ море собой, и-объе́млющи Прíстань обширну,
Въ кою зайти отнюдъ не могутъ вѣтры бурливы.
Въ Прíстани зрится сей какъ-густый лѣсъ Щегълъ корабельныхъ;
А Кораблей стоúтъ толикое множество въ оной,
Что ихъ-нося́щее Море едва увидѣть возможно.
Жители всѣ прилѣжатъ къ Купечеству тѣломъ и-ду́хомъ;
Ихъ великое толь богатство отнюдъ не-отво́дитъ

---

[1] Полуденныхъ вѣтровъ.—[2] Сѣвернаго.—[3] Центръ.

От надлежащихъ трудо́въ, къ умноженію онаго
больше.
Зрится повсюду тамъ Левъ са́мый Егѵпетскій тонкій,
И Тѵрійскій [1]) Багре́цъ, намаще́нный густо дво-
кратно,
Въ блескѣ предивномъ, а-то́ напоеніе краски двойное,
Есть толь живо, что-вре́мя отнюдъ помрачить не-
возмо́жетъ:
Тонкія тѣмъ Однора́дки краса́тъ, разшиваемы зла
томъ.
Торгъ Фінікійцы со-все́ми Народы имѣютъ великій,
Распространяютъ они до-пролива сей [2]) Гадита́нска;
Да и-въ-обши́рный вошли Океанъ, окружающій Зе-
млю.
Много также они мореплаваютъ по [3]) Ерѵѳре́ю;
Симъ то ходятъ путемъ къ острова́мъ безвѣстнымъ
по-зла́то,
Но арома́ты всѣ, и по-ви́ды различны животныхъ,
Коихъ нигдѣ такихъ не-родится индѣ конечно.
Глазъ не могъ насытить моихъ созерцаніемъ града,
Толь веле́пна, въ которомъ все движеніемъ дышетъ.
Въ немъ никого не-вида́лъ, въ городахъ какъ на-
шихъ [4]) Елладскихъ,
Праздно гуляюща днемъ, или въ любопытствѣ хо-
дяща
На Площади всенародной, да-слы́шитъ новые вѣсти,
Иль да видитъ чужихъ Людей, пріѣзжающихъ въ
Прѝстань.
Люди, мужеска по́ла, тамъ ежечасно трудятся,

[1] Ту́рпуръ. — [2] Гібралтаръ. — [3] Море черное. — [4] Греческихъ.

Въ выгрузкѣ иль Судовъ, или въ перевозкѣ таваровъ,
Иль въ продажѣ тѣхъ, или въ поклажѣ въ анбары,
Въ смѣтѣ или, наконецъ, исправной счетныхъ записка́мъ,
Сколько должны имъ Купцы чужеродны бываютъ.
Женщиныжъ иль прядутъ непрестанно тонкіе во́лны,
Иль узоры чертятъ вышиваніямъ чистохудо́жнымъ,
Иль шьютъ, иль свиваютъ [1]) ру́бы онѣ златотканны.
Иль въ Домостройствѣ какимъ упражняются дѣломъ пристойнымъ.
Какъ, вопрошалъ Назрва́ла я, что-одни Фінікіянцы
Превозмогли овладѣть Торгомъ всесвѣтнымъ толико,
И что-они богатятся всѣхъ истощеньми Народовъ?
Самъ ты видишь то, отвѣчалъ мнѣ онъ вопросившу,
Счастливо Туръ что-по-мѣсту лежитъ для-Купе́чества всяка;
Отчество наше нашло Мореплаваній вѣрное средство.
Туряне прежде всѣхъ (повѣрить если достоитъ,
Что повѣствуется намъ о мрачной Древности самой)
Были морскихъ Побѣдители волнъ, за долго по-лѣтамъ
Тіѳемъ предъ самимъ, и предъ Аргона́втами всѣми,
Кои толь у васъ мореходствомъ славны въ [2]) Елладѣ.
Туряне прежде всѣхъ, говорю, дерзнули пуститься
Въ рыхломъ Суднишкѣ своемъ по-вала́мъ и-на-гро́зные бу́ри,
Бездънъ испытать глубину пучинныхъ въ струи проникая,
И наблюдать въ дали отъ-земли Свѣтила небесны,

[1] Парчи. — [2] Грецiя.

По звѣздочетству Наукъ Егупетскихъ и Вавилонскихъ.

А наконецъ они съединили премногіе Народы,
Море которы между собой разлучило всемѣрно.
Туряне суть досужи, притомъ и-весьма терпѣливы,
И трудолюбны еще, опрятны, трезвы, ощадны [1])
Въ ихъ поведеніяхъ всѣхъ благостройность исправная зрится;
Всѣ пребываютъ между собой въ согласіи тѣсномъ;
Нѣтъ постоянніѣйша, нѣтъ чистосердніѣйша, вѣрнѣйша нѣтъ же,
Ни надежднѣйша, ни для-Пріѣзжихъ выгоднѣйша рода.
Точно сіе все есть, не-ищá другія причины,
Что имъ подало власть надъ моремъ тѣмъ Челнобѣжнымъ,
Что и въ Пристаняхъ въ цвѣтъ приводитъ Купечество оныхъ.
Еслибъ Разгласіе вринулось къ нимъ и блѣдная Зависть;
Еслибъ стали они пребывать всѣ въ праздности, въ нѣгѣ;
Еслибъ Главныи въ нихъ презирали Трудъ и-Ощáдство [2]);
Еслибъ въ Городѣ ихъ быть чéстны престали Науки;
Еслибъ добрыя вѣрности въ нихъ къ Инородныимъ не-стáло;
Еслибъ хоть-мáлу премѣну въ купечествѣ дѣлали вольномъ;
Еслибъ пренебрегли рукодѣліи Художество разныхъ;

[1]) Скуповаты. — [2]) Скупость, бережливость.

И когдабъ премногa сребра напредь не-давáли,
Что есть нужно весьма, совершеннымъ быть-бы таварамъ,
Каждому въ ролѣ своемъ: то ты увíдѣлъ-бы вскорѣ
Падше могутство сіе, дивишся которому зѣльно.
Но изъясни́жъ-мнѣ, ему говорилъ я, средства прямыя,
Нѣкогда чтобъ учредить подобную Ку́плю въ Іоакѣ.
Дѣлай, отвѣтствовалъ онъ, какъ здѣсь содѣвается точно:
Всѣхъ принимай изрядно, и-всѣхъ же удобно Пріѣзжихъ;
ВъПристаняхъ быть бы имъ безъ страха, выгодно, по-во́лѣ;
Самъ не будь никогда лихоименъ къ сребру и-чрезмѣренъ:
Истинный сей единъ прибытка многаго способъ,
Чтобъ никогда не-жела́ть презбыточно прибыли многи,
И умѣть-бы входить иногда въ убытокъ поро́ю.
Пріобрѣта́й любовь къ себѣ отъ всѣхъ Иностранныхъ,
А еще отъ нихъ и нѣчто сноси терпѣливно;
Бойся, зависть межъ-ними поднять высотою твою:
Будь постоянен всегда неизмѣнно въ пра́вилахъ купли;
Сіи да-бу́дутъ всѣ какъ просты, такъ и-не-тру́дны;
Пріобуча́й твои-Наро́дъ имъ слѣдовать не наруши́мо;
Строго кажи́ Плутовство, Небреженіе, Пышность купецку,
Торгъ разоряющи весь разоряя Мо́товъ торговыхъ.
Пачежъ тѣсннть не-вечна́й никогда Купечества въ хо́дѣ,

Чтобъ сіе обратить къ твоимъ прихотямъ непристойнымъ;
Есть пристойнѣе, да Государь не-мѣшается въ Куплю,
И да-прибытокъ весь оставляетъ своимъ Подчиненымъ,
Кои труды полагаютъ въ томъ, и терпятъ утраты:
Инако, онъ у тѣхъ отниметъ охоту и бодрость.
Много будетъ прибытка ему отъ-несмѣтна богатства,
Кое имѣетъ въ его войти Государство отвсюду.
Купля есть въ себѣ подобна источникамъ нѣкимъ:
Буде восхощешь ихъ-токъ совратить на-теченіе инде;
Токмо тотъ-водный логъ осушитъ безъ-другаго успѣха.
Прибыль едина та, и-единa также выгода,
Кои къ тебѣ Гостей отъ-концъ земли привлекаютъ.
Ежели Торгъ у-тебя безприбыточенъ станетъ и-трудненъ;
То не-чувствительно всѣ отъѣзжаютъ уже невозвратно:
Ибо другіи, твоимъ неразумiемъ пользуясь, Роды
Ихъ приманятъ къ себѣ, и-покажутъ тебя-имъ ненужна.
Должно признаться однакъ, что времени нѣсколько вспять есть,
Какъ ужъ Турская вся помрачилась слава довольно.
О! когдабъ, Телемахъ, тебѣ случилось увидѣть
Прежде нашъ сей Туръ здѣсь Пигмаліонова Царства;
Болѣе тыбъ, несравненно еще, ему задивился.
Въ немъ не-находишь теперь, кромѣ печальныхъ останковъ

Отъ величія, ужъ грозящаго паденіемъ громкимъ.
О! несчастный Туръ, въ какіе-ты руки достался!
Море предъ-симъ тебѣ привозило дань превелику,
И сію со всѣхъ во-Вселенной живущихъ Народовъ.
Путмалионъ боится всего отъ-Чужихъ, и-Своихъ тожъ.
Вмѣсто чтобъ отворить, по-обычаю нашему древню,
Пристани всѣмъ Народамъ свои совершенно свободны;
Онъ знать хочетъ число Кораблей приплывающихъ въ оны,
Также Страну, Имена Людей, Купечества Родъ ихъ,
Вещь и цѣну таваровъ у-нихъ, и-колико время
Должны они пребыть. И-еще онъ дѣлаетъ хуже:
Ставитъ обманъ, да-Купцовъ неопасныхъ онымъ уловитъ,
И да-отнимет у-нихъ себѣ тавары безъ-платы.
Онъ беспокоитъ Купцовъ, почитаемыхъ имъ за-богатшихъ;
Дань, подъ-различнымъ подлогомъ, и-Пошлину вновь налагаетъ.
Хочетъ войти въ Купечество самъ промышляя торговлей;
Толькожъ боятся всѣ имѣть съ нимъ Дѣло какое.
Симъ то образомъ Торгъ въ себѣ ежедневно слабѣетъ.
Мало помалу къ Туру путь забываютъ пришельцы,
Имъ который прежде всего вѣдомъ толико.
Будежъ Путмалионъ не-премѣнитъ поступки такія;
То не вдолгѣ уже вся наша Слава и-Сила,
Къ нѣкоему изъ Племенъ, гдѣ-Правительство лучшее, прейдутъ.

Я потомъ вопрошалъ Наарѣла, чемъ Тиряне сильны
Стали на-Морѣ быть? долгого что мнѣ восхотѣлось
Не не вѣдать всего, что служитъ къ Правленію Цар-
ствомъ.
Мы, отвѣтствовалъ онъ, имѣемъ Лѣсъ на-Ливанѣ,
Деревомъ насъ который съ себи на-Суда снабдѣ-
ваетъ,
Кое и-мы блюдемъ для сихъ всеприлѣжно единыхъ:
Ни на что, безъ общихъ нуждъ, не-ссѣкается оно;
Къ зданіюжъ мы Кораблей Тектоновъ [1]) имѣемъ
искусныхъ.
Гдѣжъ, говорилъ я ему, нашли вы оныхъ Тектоновъ?
Онъ отвѣчалъ: Научились тѣ отмала помалу,
И получили Навыкъ себѣ въ Отечествѣ самомъ.
Всѣ когда, превосходны въ какомъ Художествѣ, Люди
Честію, и притомъ награждаются мздами довольно;
Есть достовѣрный Мужей имѣть рачительныхъ спо-
собъ,
Кои то приведутъ въ совершенство крайнее прямо:
Ибо разумныи всѣ, и полны талантовъ особы,
Ревностно и прилѣжатъ охотно къ онымъ Наукамъ,
Съ коими есть всегда спряженó воздаяніе щедро.
Здѣсь почитаются много всѣ ученыи Мужи,
Кои великій успѣхъ въ Мореходномъ имѣютъ Искус-
ствѣ.
Честенъ есть Геометръ, Астрономъ почитается много;
Обогащаютъ Навклира [2]) здѣсь другихъ превосшедша;
Не презрѣнъ отнюдъ и-Тектонъ мастерство пока-
завшій,

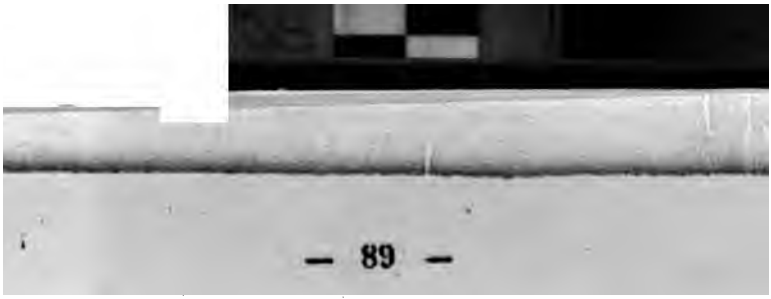
[1] Плотниковъ. — [2] Корчій.

Но, напротивъ, ему производится плата изрядна;
Добрыи всѣ и-Гребцы имѣютъ мзду достовѣрну,
Сходственну ту съ услугами ихъ, и-работою всею:
Хлѣбъ-имъ дается, объ-нихъ больныхъ пекутся прилѣжно;
Въ ихъ небытность жены не-оставлены оныхъ и-дѣти.
Буде погибнутъ когда Корабли въ потопленіи бурей;
То Домочадства ихъ въ нищетѣ быть не допускаютъ:
Въ домъ увольняются всѣ Служившіи время довольно.
Такъ всегда ихъ столько есть, пожелается сколько.
Радъ Отецъ возращать толь въ добромъ Промыслѣ Сына;
Онъ поспѣшаетъ къ веслу его пріучить отъ-Дѣтинства,
Также Снастей къ привязкѣ и-бурь къ презрѣнію сильныхъ.
Образомъ симъ-то ведутъ людей, не нудя, Наградой,
И притомъ учрежденіемъ добрымъ и-добрымъ порядкомъ.
Власть одна отнюдъ никогда не-содѣлаетъ пользы;
Отъ Подчиненныхъ тебѣ послушанія есть не-довольно:
Должно сердца привести, и-дать-чувствовать прибыль въ вещахъ тѣхъ,
Въ коихъ желается быть Человѣкомъ досужимъ изящно.
По́слѣ сего Наарва́лъ повелъ меня по-Анба́рамъ,
По оружейнымъ Дома́мъ, и-по-всѣмъ работнымъ Сараямъ,
Въ коихъ стро́ятъ у-нихъ Корабли Военны, Купецки.

І вопрошалъ о всякой малой вещи подробно,
І то все записывалъ я что-мнѣ-сказано было,
Да не-забу́ду какія когда окрестности нужны.
А Наарва́лъ, коій зналъ совершенно Путмалію́на,
І который уже́ любилъ меня чистосердно,
Безъ терпѣливности ждалъ моего отбытія въ страхѣ,
Да не-увѣданъ буду я отъ-Подзо́рщиковъ Царскихъ,
Сенно и-но́щно во-всѣ́мъ ходившихъ городѣ всюду:
Но не-дава́ли отплыть намъ-еще противные вѣтры.
Мы какъ-гуля́ли смотря́ любопытно Прѝстань морскую́,
І вопрошали разныхъ Купцовъ; то се къ намъ-прихо́дитъ
Нѣкто, Начальникъ одинъ при-Дворѣ, говоря Наарва́лу:
Изъ Корабельщиковъ нѣкій Царя увѣдомилъ нынѣ,
Купно съ тобой прибывшихъ въ возвратъ изъ-Кано́пска Египта,
Что привезенъ сюда Чужестранецъ какъ-Купранинъ родомъ;
Царь повелѣлъ задержать подъ Стражей онаго крѣпкой,
И допросить изъ-какія земли тотъ вѣрно Пришелецъ:
Долженъ его поставить Ты подъ казнію смерти.
Въ тотъ часъ са́мый отъ-нихъ отшелъ я нѣсколько далѣй,
Чтобъ разсмотрить сразмѣрности мнѣ ближае не-мно́го,
Турянъ отъ-тѣхъ почти въ Кораблѣ наблюденные новомъ,
Коіи, говорили, былъ по сей сразмѣрности точной,

Лучшій всѣхъ на-ходу́ Парусáми, и-Грéблею такж
Вдругъ Наарвáлъ устрашéнъ бывъ тѣмъ, отвѣ
ствовалъ тако:
Я пойду́ искать Пришельца съ óстрова Кипра.
Но какъ скоро того Придворнаго видѣть не-стáлъ он
Тóтчасъ ко-мнѣ прибѣжалъ возвѣщая мнѣ о-напáст
Я то-предвúдѣлъ весьма, говорилъ, Тилемáхъ - м
дражáйшій;
Мы погибли совсѣмъ! Царь, мучимый денно и-нóщи
Подозрѣвáетъ уже́, что ты не съ óстрова Кипра:
Взять велѣлъ тебя; а-жену́ потребить угрожаетъ,
Ежели я тебя ему не выдамъ руками.
Что намъ дѣлать теперь? О! Боги, даруйте разумъ
Да избавимся мы отъ-сей напасти смертельны.
Должно привесть мнѣ-тебя́, Тилемахъ, въ Дворъ Ца
скій конечно.
Ты въ томъ твердо стой, что Кипрянинъ изъ Ам
óнита,
Сынъ Художнику тамъ Афродúтѣ [1]) ваянныхъ К
миров.
Я объявлю, что зналъ твоего Родителя прежде;
Иначе Царь, не слѣдуя въ даль, тебя и-отпу́ститъ.
Ахъ! не вижу другихъ обоймъ-намъ къ спасен
средствій.
Я Наарвáлу на-тó: попусти Несчастну погибну
Кого хочетъ Рокъ погубить и злая Судбина:
Нетъ-мнѣ труда умереть; тебѣжъ одолжéнъ-я толи
Что не-могу́ тебя совлещи въ злоключеніе купно.
Я не Кипрянинъ есмь, и-сказáться-мнѣ íнакъ н
мóжно.

[1] Рѣзныхъ статуй.



Боги зрятъ чистосердность мою; имъ есть, чтобъ-из-
бавить
Мой животъ своимъ, когда изволятъ, могутствомъ:
Я не-хочу его соблюсть бесчестною лжею.
Мнѣ Наарвалъ говорилъ: та ложь, Тилемахъ, не-
порочна;
Сами не-могутъ отнюдь за-ней прогнѣваться Боги:
Нѣтъ въ ней зла никому, а-спасаетъ двухъ-жизнь
Неповинныхъ;
Та не-пускаетъ Царя злодѣйство большее сдѣлать.
Ты преизлишнюю уже любовь къ Добродѣтели кажешь,
И преизбыточенъ страхъ, да-Законъ уязвленъ не-
будетъ.
Полно того, что Ложь есть Ложь, ему отвѣщалъ я,
Чтобъ ей-достойной никакъ никогда не быть чело-
вѣка,
Кой говорилъ при-Богахъ, и слѣдовать Истинѣ дол-
женъ.
Истину ранитъ кто, чрезъ то Боговъ прогнѣвляетъ,
Ранитъ-же тотъ и-себя противнымъ совѣсти словомъ.
Ты престань, Наарвалъ, предлагать-мнѣ что-есть
недостойно
И тебя самого, и-меня конечно по-равну.
Если Богамъ помиловать насъ, подадутъ намъ-избаву;
Будежъ хотятъ попустить да-погибнемъ, то-мы уми-
рая,
Истинѣ той самой принесемся въ жертву нескверну,
И оставимъ другимъ по-себѣ примѣръ человѣкамъ,
Предпочитать Добродѣтель въ себѣ долговременной
жизни:
А моя и-Младаго уже долга въ преизбытокъ,

Какъ по-всему́ и во-все́мъ она́ есть толь злополучна
Ты единъ, о! мнѣ Наарва́лъ драгій и-любе́зный,
О которомъ мое въ сожалѣніе сердце приходитъ.
Должноль, чтобъ твоя, ко мнѣ Чуждоземцу бесча
стну,
Дружба была тебѣ самому́ потолику смертельна?
Пребыли долго мы въ такомъ сраженія родѣ.
Но, наконецъ, прибѣгающа къ намъ мы зримъ че
ловѣка;
Былъ-сей другій при-дворѣжъ у-Царя́ служивши
Начальникъ,
Къ намъ онъ въ скорости шелъ, а посланъ отъ А
тарве́и.
Та Астарве́я жена была, какъ-Богиня, преслична,
Въ тѣлѣ прелестномъ она имѣла разумъ прекрасны
Ласкова, и весела́, и-умѣюща въ сердце внѣдряться
Но при-толи́кой ея пріятности, какъ-и-въ-Сири́нах
Лютое сердце кипѣло въ ней и-напо́лнено злости;
Умъ однакъ скрывалъ худую чувственность хитро
Путмалио́на та преклонила къ себѣ красотою,
Разумомъ также свои́мъ, свои́мъ и сладостнымъ гл
сомъ,
И согласнымъ притомъ бряцаніемъ звонкія Лиры.
Путмалио́нъ, ослѣпле́нъ-бывъ любовію наглою къ оно
Бросилъ Царицу Тофу́, Супругу свою́, всеконечно
Стра́сти довольствовать онъ Астарве́и надменны
тщался.
Къ ней любовь не меньше ему была смертоносна,
Коль и-безстыдна его къ сребролюбію гнусному Ал
ность.
Въ немъ колико страсть ни-пыла́ла къ ней-жа́ро
сердечнымъ;

Но его презирала она́, всегда имъ гнуша́ясь.
Утаева́ла та прямую чувственность въ сердцѣ;
А казалась, что-жи́ть для-него́ единственно хощетъ,
Въ са́мое время то, какъ-и-ви́да его не-терпѣ́ла.
Въ Тѵрѣ Лѵдіецъ юноша былъ, Малако́ній зовомый,
Дивно пригожъ, но нѣгъ женонравныхъ мягкій любитель:
То́кмо-что пекся въ лицѣ́ соблюдать румянную взрачность,
То́кмо-что хо́лить Кудри своихъ власовъ бѣлоцвѣтныхъ,
То́кмо-что быть намаще́нъ, и быть окропле́нъ Арома́ты,
То́кмо-что Ризамъ егобъ имѣть воскрилій убранство;
То́кмо-что, вкратцѣ, свои пѣть съ Лѵрнымъ звономъ влакиты.
Се Астарве́я узрѣла его, въ него и-влюби́лась,
А влюбившись такъ пламенѣла Любовію зѣльно.
Огнь воспріемши въ себя, разлила внутрь пламы пожи́ламъ,
И воспалила пожаръ въ загорѣвшемся страстію сердцѣ:
Все побѣждаетъ Любовь, ей-Любо́віюль быть неплѣне́нной?
Онъ пренебрегъ ея, къ другой бывъ-Краса́вицѣ страстенъ;
И ктомужъ убоялся лихія ревности Царски.
Видяжъ презрѣну себя Астарве́я, въ гнѣвъ попустилась.
Въ ярости той своей стервѣнясь сіе возмечтала,
Да подставитъ того Малако́нія за Инородца,

Ищéма бывша Царемъ, прибывшажъ, какъ-слýхъ, съ Наарвáломъ.
Подлинно такъ онá увѣрила Птмалióна,
И подустила всѣхъ увѣрять, обличать ложь-возмóгшихъ.
И какъ Добрыхъ мужéй не-любúлъ-онъ, да и-незнáлъ ихъ;
То окружéнъ былъ-Людéй злодѣйныхъ сонмомъ и-хúтрыхъ,
Скорыхъ исполнить всѣ его кроволитны неправды.
Люди такiи всегда Астарвéины силы боялись,
И въ обманы Царя приводить, ей тѣ помогали,
Чтобъ чемъ не раздражить сея Жены горделивы,
Всю отъ-него себѣ повѣрность имѣвшiя въ таiнахъ.
Такъ Малакóнiй тотъ, всѣмъ-за-Крúтянца слылъ хоть-во Грáдѣ,
Сталъ Чужестранцомъ, коiй съ Наарвáломъ изъ[1]) Хáмiи приплылъ;
Да и-ужé заточéнъ въ оковахъ въ смрадну Темницу.
Въ страхѣ однакъ Астарвéя, дабы къ Царю не-явúлся
Самъ Наарвáлъ, и-томýбъ не-открылъ подложна обмана,
Тóтчасъ къ сему послала Служителя онаго Царска,
Такъ говорившна ему: Астарвéя тебѣ запрещаетъ
Увѣдомлять Царя, которыiй твоiй-éсть Чужестранецъ;
Требуетъ та отъ-тебя́ о семъ молчанiя токмо,
И содѣластъ такъ, что-Царь бýдетъ доволенъ тобою:
Тыжъ поскоряiй отправь Пришельца съ Купряны юна,

[1] Египетъ.

Коего ты сюда привезъ съ собой изъ Египта,
Чтобъ не видиму быть ему въ семъ болѣе градѣ.
Радъ Наарвáлъ, что можетъ спасти свою и-мою жизнь,
Крѣко молчать обѣщалъ; а-Служи́телю быложъ прiятно,
То отъ-негó нолучившу, чего онъ требовалъ точно:
Тѣмъ возвратился тотчасъ къ Астарвéѣ съ даннымъ отвѣтомъ.
Въ томъ Наарвáлъ, и я, мы Благости Горьнихъ чудились,
Мздовоздавáвшихъ щедро намъ за искренность нашу,
И милосердо пекущихся толь промышляя о-Лю́дехъ,
Все въ [1]) умéты себѣ вмѣняющихъ за Добродѣтель.
Въ мерзости мы на-Царя́ взирали Пугмалióна,
Вдавшася толь въ Сребролюбiе, и въ Сладострастiе скверно.
Кто преизлишно боится обмановъ, мы говорили;
Тотъ достоинъ того, да-во-всéмъ обмáнутъ бываетъ,
И всегдажъ почитай есть въ грубомъ оный обманѣ.
Онъ изъ добрыхъ Людей никому не вѣритъ конечно,
А превручается Злымъ, Плутáмъ, и Совѣсть отвергшимъ:
Тѣмъ-то и-éсть одинъ не знаяй, что происходитъ.
Вотъ Царь Турскiй игралищемъ есть въ женахъ пребезстыдной!
Боги однакъ Ложь Злыхъ и-Обмáны употребля́ютъ,
Да Благихъ спасутъ, умреть изволяющихъ паче,
Нежели въ чемъ кого обмануть и-солгáть-что однажды.

---

[1] Соръ навозный, помéтъ.

Въ тотъ же часъ усмотрили мы, что Вѣтръ премѣ
нялся,
И повѣялъ Кораблямъ всѣмъ Кипрскимъ благопо
спѣшенъ.
Боги себя проявляютъ, вѣщалъ Наарва́лъ восклицая
Боги хотятъ, мой-драги́й Тилемахъ, безопасенъ да
бу́дешь:
Ты отъ бре́га сего бѣги́ среброимна и-ло́та.
Сча́стливъ всякъ, возмогущій отплыть совокупно с
тобою,
Даже до-са́мыхъ земель невѣдомыхъ, также и-да́ль
ныхъ!
Сча́стливъ всякъ, возмогущій жить и-съ-тобо́ю скон
чаться!
Но суро́вый Предѣлъ и-Судьба́ во вѣкъ непреклонна
Къ сей пригвождаютъ меня злосчастной толико От
чизнѣ;
Съ нею должно страдать: а негли надобно будетъ,
Мнѣ погребе́ну быть въ ея развали́нахъ падшихъ
Пусть же такъ; мнѣ всегда́ вѣщать бы Истину тольк
И любить бы сердцемъ всегдажъ внутрь Правду едину
Чтожъ до-тебя́, мой-драги́й Тилемахъ; я Богово́въ умо
ляю,
Кои всюду тебѣ Вожди́ какъ-ведо́му за-ру́ку,
Тѣ да-снабдя́тъ тебя изъ-Даро́въ всѣхъ Даромъ дра
жайшимъ;
Оный-же Даръ, Добродѣтель есть, и та да-пребу́дет
Чиста, безъ-всѣхъ Порокъ, сіяюща цѣло до-сме́рти
Ты живи, возвратись въ Іѳаку, утѣшь Пинелопу;
Ты ея отъ всѣхъ жениховъ избави продерзскихъ!
Тамъ да-уви́дятъ очи твои, да-оси́жутъ и-ру́ки,

Мирнымъ спокойствіемъ и тишиною изволь наслаждаться;
Да и всѣми притомъ отъ-Небе́сныхъ другими дарами;
Коими будешь ты удобре́нъ надѣленный въ избытокъ.
Завтра, когда Заря́ своими багряными персты,
Станетъ намъ отверзать врата златыя Востока,
И какъ Солнцевы Кони, отъ-сла́ныхъ [1]) глубинъ востекая,
Всюду разо́льютъ огнь лучезарный свѣта дневна́го,
Да предъ-собо́ю тѣмъ потуша́тъ всѣ звѣздную свѣтлость,
Примемся паки, драгій Тилемахъ, за Повѣсть твоихъ Золъ.
Не́былъ Оте́цъ-твой отнюдъ тебѣ ни въ мудрости равенъ,
И ни-съ-твои́мъ никогда не-сравни́лся мужествомъ крѣпкимъ.
Ни Ахілле́й тотъ самъ, Побѣдитель Ектора си́льна,
Также и-ни́ [2]) Ѳисе́й, въ подзе́мномъ Та́ртарѣ бывшій,
И ни-вели́кій [3]) Алкі́дъ, отъ-Страши́лищъ очистивый землю,
Не показали въ себѣ твоихъ Добродѣтелей больше.
Сонъ глубокій, желаю, тебѣ да-сію сократитъ нощь:
Но, ахъ горе! мнѣ долга́ колико пребудетъ.
Я не скоро тебя, въ себѣ-мня, увидѣть имѣю,
Я и слышать тебяжъ, и-заста́вить слово сказаній
Томъ о всемъ, что знаю уже́, а-чего́ не-позна́ла,
И о томъ вопрошать самого повѣствующа дѣло.
Нужъ гряди, Тилемахъ драгій, и съ Менторомъ купно,
Коего паки къ тебѣ возвратить судили Прегорни.

[1] Соленыхъ. — [2] Тезей. — [3] Геркулесъ.

Въ сей отдаленный вертепъ иди, въ которомъ къ по-
кою
Все твоему уже́ уготовано тщательно нами.
Я Морфе́я [1]) молю́, да-разсыплетъ сладости нѣжны
На зѣни́цахъ твоихъ обѣихъ отягоще́нныхъ,
Да Онъ божескій [2]) Маръ вліетъ въ утружденныя
члены,
И да пошлетъ тебѣ Сновидѣнія легкопари́щи,
Ко́имъ-бы чувства твои усладить пріятными виды,
И отъ-тебя́ отгнать убужденіе скорое очень.
Въ томъ Богиня тотчасъ сама́ повела Тилемаха
Въ оный чертогъ, который стоялъ отъ-ея́ отдѣлен-
ный.
Былъ сей ни-ме́ньше Селянствомъ простъ, ни мень-
шежъ пріятенъ.
Текшій Источникъ въ одно́мъ изъ-угло́въ, журчаніе
сладцѣ
Производи́лъ, наводящее Сонъ любезна Спокойства.
Тамъ уготовали Нимфы два-ло́жа изъ-Зе́лени мягки,
А на тѣ постлали съ звѣре́й двѣ Кожи большіе;
Львину изъ-сихъ одну, Тилемаху спать на-которой,
Но Медвѣдну другу́ на-друго́мъ для Ментора мѣстѣ.
Прежде еще, нежъ-они́ сомгнули спаніемъ очи,
Ментор такъ говорилъ тогда единъ Тилемаху:
Чванство, сказать о-себѣ, тебя изострило премного;
Ты усладилъ Богиню твоихъ расказаніемъ оной
Бѣдствій, бодрость изъ-ко́ихъ тебя извлекли и-досу́ж-
ство.
Симъ ты больше еще вспламени́лъ-въ-ней горящее
сердце,

[1] Богъ сна. — [2] Влага теплая, подобная пару.

И себѣ самому напастнѣйшій плѣнъ уготовалъ.
Какъ ты чаешь теперь, что-тебя она-ужъ отпуститъ,
Толь усладивша ея твоихъ приключеній словами?
Тщетная слава тебѣ дала говорить безразсудно.
Та когда начала сама разсказывать Повѣсть,
Увѣдомляя тебя о-прилѣчшемся всемъ Одиссею,
Способъ долгій нашла вѣщать ничего не-вѣщавши;
Но тебя преклонила сказать ей все-что желала:
Хитрость толика-то женъ прельстивныхъ и любострастныхъ!
Такъ когда-жъ, Тилемахъ, научиться можешь довольно,
Не говорить-бы тебѣ никогда ничего въ Самохвальствѣ,
И молчать-бы о-пользахъ твоихъ, симъ-на-вредъ, немолчащу?
Прочихъ твой-Разумъ всѣхъ удивляетъ по-младости вѣка,
Въ коей простительны быть не-большіе погрѣшности мнятся;
Я ничего тебѣ отнюдъ опустить не-намѣренъ:
Есмь я токмо одинъ, коій знаю тебя совершенно,
И толико люблю, что-проступки всѣ представляю.
Коль-же еще отстоишь отъ-Родительски мудрости много!
Какъ же то, отвѣщалъ Тилемахъ, я-возмогъ-ли Калипсѣ
Быть отреченъ, отъ-сказанія всѣхъ моихъ злоключеній?
Нѣтъ, самъ Ментеръ еще, надлежало тѣ-сказывать Оной:
Но говорить, что-могло возбудить въ ней жалость

Могъ ты ей сказать, иногда что-скитался повсюду;
А иногда что былъ въ Сикеліи Плѣнникъ невольный;
И что-потомъ завезенъ въ неволюжъ въ самый Егу-
петъ:
Было довольно сего твоихъ къ познанію бѣдствій.
Прочее все послужило ей къ умноженію жара,
Сердце которымъ уже ея пламенѣя згараетъ.
Боги да-даруютъ такъ, чтобъ-твое отъ-того́жъ сохра-
нилось!
Чтожъ мнѣ дѣлать, ему Телемахъ, но гласомъ сми-
реннымъ?
Подо-ужъ, Ментеръ сіе, скрывать приключеній
остатокъ:
Вѣдаетъ много она́, и толь, что-никакъ-ей не-мо́жно
Въ томъ обмануться всемъ, чего не-досказано прямо;
Скрытность твоя раздражить ужъ токмо имѣетъ Бо-
гиню.
Такъ довершай же завтра все сказаніемъ точнымъ,
Что содѣлали Боги въ твою, изъ милости, пользу:
Толькожъ напре́дки учись говорить съ воздержаніемъ
бо́льшимъ,
Все что-тебѣ привлещи похвалу какую возможетъ.
Дружески добрый толь совѣтъ воспріялъ Телемахомъ;
А потомъ замолчавши оба купно заснули:
Ибо тогда и-по-всей землѣ ослабѣлы Животны,
Птицъ, и-Звѣре́й, и-Ското́въ, покоились сно́мъ-же
глубокимъ.
Лишъ свѣтожизненный [1]) Фівъ озарилъ всю землю
лучами,

---

[1] Солнце.

Какъ въ томъ Ментор, услышавъ гласъ Богини Ка-
липсы,
Звавшія въ Рощу Нимфъ своихъ, разбудилъ Телемаха.
Время, ему говорилъ, одолѣть сонъ, встать и-отъ-Ложа:
Часъ къ ней-пойти; но сладкихъ ея рѣчей опасайся.
Не отверзай никогда твоего ей сердца ко-входу;
Бойся льстиваго яда Похвалъ отъ-ней приносимыхъ:
Та вчера вознесла тебя надъ-Родителя мудра;
Та предпочла тебяжъ Ахиллею непобѣдиму,
И [1]) Ѳисею, притомъ [2]) Ираклію ставшу безсмертну.
Могъ-ли почувствовать ты, коль-хвала сія пребезмѣрна?
Могъ-ли повѣрить всему, что-она тебѣ говорила?
Знай, что-тому она и-сама не вѣритъ конечно.
Хвалитъ тебя для-того, что быть помышляетъ преслаба,
И тщеславна толь, что-попустишь себѣ обмануться
Всѣми хвалами, твоимъ огнюдъ не-сразмѣрными дѣйствамъ.

Въ томъ на мѣсто пошли, гдѣ Богиня ихъ ожидала.
Зря-ихъ, [3]) ослабилась та, и радости видомъ сокрыла
Страхъ весь и безпокойство, смущавшія сердце ея внутрь:
Ибо предвидѣла, что Телемахъ, направляемый тако
Ментором, отъ нея отторгнется какъ и-Одиссъ самъ.
Нужъ поспѣшай, говорила она, драгій Телемахъ мой,
Все любопытство мое удовольствовать вполнѣ сказаньми.
Видѣлось мнѣ во-всю-ночь, что-плывешь ты изъ Фінікіи,

[1] Тезей. — [2] Геркулесъ. — [3] Улыбнулась.

Могъ ты ей сказать, иногда что-снилася повсюду;
А иногда что былъ въ Сикеліи Плѣнникъ невольный;
И что-потомъ завезенъ въ неволюжъ въ самый Егу-
петъ:
Было довольно сего твоихъ къ познанію бѣдствій.
Прочее все послужило ей къ умноженію жара,
Сердце которымъ уже ея пламенѣи загараетъ.
Боги да-даруютъ такъ, чтобъ-твое отъ-тогожъ сохра-
нилось!
Чтожъ мнѣ дѣлать, ему Телемахъ, но гласомъ сми-
реннымъ?
Подо-ужъ, Менторъ сіе, скрывать приключеній
остатокъ:
Вѣдаетъ много она, и толь, что-никакъ-ей не-можно
Въ томъ обмануться всемъ, чего не-досказано прямо;
Скрытность твоя раздражить ужъ токмо имѣетъ Бо-
гиню.
Такъ довершай же завтра все сказаніемъ точнымъ,
Что содѣлали Боги въ твою, изъ милости, пользу:
Толькожъ напредки учись говорить съ воздержаніемъ
большимъ,
Все что-тебѣ привлещи похвалу какую возможетъ.
Дружески добрый толь совѣтъ воспріялъ Телемахомъ;
А потомъ замолчавши оба купно заснули:
Ибо тогда и-по-всей землѣ ослабѣлы Животны,
Птицъ, и-Звѣрей, и-Скотовъ, покоились сномъ-же
глубокимъ.
Лишъ свѣтожизненный [1]) Фівъ озарилъ всю землю
лучами,

[1] Солнце.

То возмнѣрился тамъ молчать, самъ все примѣчая,
И наблюдая скромность по-всѣмъ ей правиламъ должнымъ,
Чтобъ пріобрѣсть отъ нихъ себѣ любленія знаки.
Но въ молчаніи томъ одолѣнъ Сномъ сладкимъ и-сильнымъ;
Чувства ослабли мои, и-безъ-дѣйствія всякаго стали:
Я наслаждался уже тишиной и-спокойствіемъ полнымъ,
Коими сердце мое упояемо въ радости было.
Вдругъ увидѣлась мнѣ во Снѣ [1]) Афродіта Богиня,
Облаковъ зыбь разсѣкавша дѣла въ Колесницѣ парящей,
Кою мила [2]) Четá голубина влекла сопряженна.
Тотъ-же имѣла блескъ Красотъ, тужъ сличную Младость,
Тѣмъ и-Пріятности всѣ, какъ-изъ-нѣнъ проявилась пучинныхъ,
Коими толь поразила выспрь и [3]) Зевсовы очи.
Вдругъ ко мнѣ ниспустилась на-низъ парѣніемъ быстрымъ,
Руку свою на-мое, осклабляясь, [4]) Рáмо взложила,
И называя меня по имени, такъ примѣчала:
Грáій [5]) младый, въ мою ты идешь нынѣ Державу;
Вскорѣ прибудешь уже въ тотъ островъ сладка блаженства,
Гдѣ веселіе, смѣхъ, и-забавны утѣхи родятся.
Тамъ воскуришь [6]) Ѳимíамъ-мнѣ уханія въ жертву пріятну;

---

[1] Венера. — [2] Пара. — [3] Юпітеръ. — [4] Плечо. — [5] Грекъ. — [6] Ладанъ.

Тамъ погружу тебя въ Рѣку всѣхъ сладостей нѣж-
ныхъ.
Сéрдца отверзи дверь надеждамъ превожделѣннымъ;
Истрегись воспротивиться всѣхъ сильнѣйшей Богинѣ,
Хощетъ котора тебѣ блаженствовать въ Мірѣ всецѣло.
Вкупѣ тогдажъ при ней усмотрѣлъ-я Сыночка [1])
Ерóта;
Кой леталъ своея вкругъ Матери крúлышекъ пóрхомъ.
Хоть на-Личúшкѣ его пребывала румянна умильность.
Вся благолѣпность, и-всѝ веселость любезна Младен-
ства;
Толькожъ въ глазéнкахъ егожъ не знаю что-óстрое
было,
Я отъ-чегó трепеталъ и внутрь пребезмѣрно боялся.
Зря на-менѝ усмѣхался онъ; но можно примѣтить,
Что тотъ уснѣхъ лукавъ, ругателенъ, золъ совокупно.
Вынялъ изъ-Тýла [2]) онъ тогда, не медля, златаго
Стрѣлу одну, у-негó изъ бывшихъ, преострую óну;
Лýкъ-свой напрягъ, и-хотѣлъ ужé вонзúть мнѣ-ту
въ [3]) пéрси,
Какъ внезапу явилась притомъ Паллада съ [4]) Егúдомъ,
И меня защúтила симъ отъ-стрѣлы покрывая.
Взоръ Богини сея не-имѣлъ красоты женоличны,
И прелéстныя нѣги тоя, какую примѣтилъ
На Афродúтіномъ я Лицѣ, и-во-внѣшней осанкѣ;
Но, напротивъ, Красоту простотой нерадиву и-
скрóмну:
Было все вáжно въ ней, благородно, крѣпко, сановно,
Силы исполнь, исполнь и-велúчія въ мужествѣ твер-
домъ.

[1] Купідінъ. — [2] Колчанъ. — [3] Грудь. — [4] Броня, щитъ.

Та отъ Ерóта стрѣла, не-возмóгши пробить сквозь Егíда,
Пала на-зéмлю тутъ, безъ всяки содѣйности, тщетно.
То Ерóтъ въ досаду пріявъ воздохнулъ [1]) претяжко:
Стыдно было ему такъ видѣть себя побѣжденна.
Прочь отсюду, Паллада ему, прочь Мальчикъ про-
дерзкій?
Будешь всегда побѣждать сердцá единственно пóдлы,
Любящи паче бесчестны твоихъ любосластій утѣхи;
Нежели Стыдъ, Цѣломудріе, Честь, Добродѣтель, и
Слáву.
Слыша Ерóтъ сіе, отлетѣлъ раздраженный прегорько:
А когда Афродíта, по-нéмъ, возносилась къ [2]) Олимпу;
Долго я-вúдѣлъ ея Колесницы, съ Четóй голубиной;
Въ облакѣ златолазóревомъ слѣдъ; потóмъ-та сокры-
лась.
Очи мои низводя́-въ-долъ, ктому и-не-взвúдѣлъ [3])
Лéйны.
Мнѣ казалось, что-былъ пренесенъ я въ садъ много-
цвѣтный,
Здѣсь каковъ описуется намъ въ [4]) Поля́хъ Илисíй-
скихъ.
Въ мѣстѣ томъ усмотрилъ я Ментора, такъ-мнѣ вѣ-
щавша:
Скоро бѣги́ отъ-сея́ земли́ тлетворны и-лúоты,
Дышетъ въ которой вездѣ сладострастная Роскошь
едина:
Здѣсь и-прекрѣпка должна́ Добродѣтель всегда содро-
гаться,

[1] Трохéйскій. — [2] Небо. — [3] Мінерва. — [4] Рай языческій.

И не можетъ спастись, какъ токмо бѣгствомъ единымъ.
Лишь увидѣлъ его, пасть-хотѣлъ къ нему-я на-[1]) выю,
Да того обниму: но-притомъ я чувствовалъ самъ же,
Что не-могли имѣть мои движенія ноги,
Что колѣнъ у-меня и бывшихъ нѣбыло будто,
И что руки моижъ, охватить въ томъ Ментора силясь,
Тѣни пустыя искали, всегда [2]) огосчѣнія чужды.
Въ семъ стремительствѣ я отъ сна моего пробудился,
И въ себѣ почувствовалъ, что сей таинственъ сонъ мой,
Есть увѣщаніе мнѣ божественно свыше подáнно.
Крѣпости былъ-я исполнь противу всѣхъ сладострастій,
А на-себя самого не-имѣлъ-же надѣяній буйныхъ,
Такъ что-возмогъ проклинать жизнь Кипрскія нѣги роскошну.
Симъ я былъ пронзенъ, что Ментора думалъ умерша,
И что, -преплывъ въ Ладій Харонтовѣ волны Стигійски,
Онъ витаетъ [3]) ужé Душъ правыхъ въ блаженномъ жилищѣ.
Мысль сія привела меня къ слезамъ дождливымъ.
Спрашиванъ я, почто неутѣшенъ плачу толико?
Слезы, я отвѣчалъ, Чужестранцу свойственны бѣду,
Кой скитаюсь, прибыть-же въ отчизну, безъ-всяки надежды.
Впрочемъ Киприяне всѣ, въ кораблѣ томъ бывшіи купно.
Въ буйственну радость, не-знаю съ чего, попускались надежно.

[1]) Шея. — [2]) Въ горести взятія. — [3]) Обитаетъ.

Всѣ Гребцы, не-любя́ трудовъ, за Ве́слами спали;
Кормчій, въ вѣнкѣ изъ-цвѣто́въ, оставлялъ направленій [1]) Кормило,
Адержалъ въ рукѣ Жбанъ добрый віна́ преисполненъ,
Онъ который уже́ почитай до сна осуши́лъ весь:
Онъ-же, и-про́чіи съ нимъ, въ головѣ чадъ [2]) Ва́кховъ имѣя,
Пѣли, въ честь Афродітѣ [3]) и-съ-не́й [4]) Еро́ту буя́ву,
Пѣсни въ такихъ Стіхахъ, которыи въ мерзость приводятъ
Всякъ цѣломудрый слухъ, и любящихъ всѣхъ Добродѣтель.
Ихъ въ забвеніи томъ морски́хъ напастей и-бѣдствій,
Бу́ря внезапна вдругъ возмутила Небо и-Мо́ре.
Вырвавшись Вѣтры свистали ужъ въ ве́рвяхъ и-па́русахъ грозно;
Черные во́лны къ бока́мъ Корабельнымъ, какъ-мла́тъ, приражались,
Такъ что Судно отъ тѣ́хъ ударовъ шумно стенало.
То на-хребе́тъ мы-взбѣга́емъ волнъ, то-низво́димся въ бездну,
Море когда, изъ-подъ-дна́ разливаясь, зіяло глубя́ми.
Видѣли блиско себя мы Камни остросуро́вы,
Ярость о-ко́и Вало́въ сокрушалась въ ревѣ ужасномъ.
Опытомъ я тутъ-позна́лъ, какъ слыха́лъ отъ Ментора часто,
Что Сластолюбцы всегда лишаются бодрости въ бѣдствахъ.

---

[1] Руль. — [2] Бакхусовъ. — [3] Венера. — [4] Купідінъ.

Наши Кипрійцы всѣ, какъ-жены, рыдали, унывши:
Только и слышалъ отъ-нихъ я что-жалостны вопли рыдавшихъ;
Только-что вздохи одни по-роскошной жизни и-негѣ;
Только-что и Богамъ обреченій тщетныхъ обѣты,
Жертвы онымъ принесть, по здравомъ приплытіи къ брегу.
Небыло въ нихъ проворства ни-въ-комъ приказать бы-что дѣльно,
Также никто не зналъ и самъ за что-бы приняться.
Мнѣ показалось, что-долженъ я-былъ, спасая мою жизнь,
Равно ея спасти отъ-бѣды и-у-всѣхъ-же со-мною.
Сталъ на-Кормѣ при-Веслѣ я самъ, длятого-что нашъ Кормчій,
Бывъ помраченъ отъ-вина, какъ [1]) Вакханта, бѣдства не-видѣлъ.
Я ободрилъ Мореходцовъ, кричанимъ полмертвымъ съ боязни:
Прапоры сгните долой, въ низъ-и-Парусы, дружно гребите.
Стали они тогда грести сильно веслами всѣми;
Мы пробрались межъ камней такъ безъ-вреда и-напасти,
И мы видѣли тамъ всѣ страхи блискія смерти.
Случай сей показался сномъ всѣмъ спасшимся мною;
Начали такъ на-меня взирать въ удивленіи зѣльномъ.
Мы на островъ приплыли Кипръ въ томъ мѣсяцѣ [2]) вешнемъ,

---

[1] Вакханта бѣшеная женщина. — [2] Апрѣль.

Кой издревле есть посвященъ Афродітѣ Богинѣ.
Время сіе, по-Купрійцамъ, прилично сей пѣнородной:
Ибо всѣ Естества оживляюще кажется вещи,
И возраждающе сладости всѣ, какъ цвѣты въ Природѣ.
Сшедъ на островъ, почувствовалъ я тутъ во́здухъ претихій,
Кой содѣваетъ тѣла́ слабосильны, лѣнивы, и-мя́гки,
Но вдыхаетъ нравъ веселый, игривый, буя́вый.
Я усмотрилъ, что-поля́ плодоносны, съ природыжъ прекрасны,
Впустѣ почти вездѣ, безъ-чрежде́ній должныхъ, лежали:
Толь всѣ жители тамъ трудамъ непріятели дѣльнымъ!
Видѣлъ повсюду я-же́нъ и дѣвъ препарядно одѣтыхъ,
Кои [1]) Ли́ками шли, Афродітѣ хвалы воспѣвая,
Въ Храмъ ея, посвящать себя той се́рдца въ обѣтахъ;
Ихъ на-Лицѣ́ Красота, и-Прія́тность, и-вся́ Миловидность,
Купно и-Лю́бости всѣжъ совокупно играя сіяли;
Но Добролѣпности тѣ преизбыточно были притворны.
Имъ о-наря́дахъ своихъ, о-румя́нности взора преле́стна,
Токмо стараніе крайно всегда, и-всегда́шніе мысли;
Имъ заплете́нные [2]) Ко́смы своижъ по-хребту́ распущать бы;
Имъ завиты́й многокудренно Власъ возвыша́ть-бы рядами;
Имъ премѣня́ть-бы то-та́къ, то и́накъ [3]) Рясны въ одеждахъ;

[1] Хорами. — [2] Ко́сы. — [3] Долгополые и широкополые. складки.

Имъ: пестроту счетавáть-бы цвѣтóвъ, сурмлéніемъ блески;
Имъ-бы-зрить Юношъ, отъ-Юношъ да-зрáтся паче иль-Сáми.
Въ нихъ ни-въ-одно́й отнюдь простоты благородны не-зрѝлось,
И нижé того устыдѣнія всѣми любезна,
Кое всей Красотѣ прекрайнимъ изящіемъ точно.
Видъ изнѣженный ихъ, и хитрость лицемъ устáвляться,
Ихъ щегольскіи уборы притомъ, и-похóдка [1]) плáвна,
Взгляды ктомужъ, какъ будто ищущи Мужескихъ взглядовъ,
Ревность взаимная въ нихъ на-страстéй возженіе наглыхъ;
Словомъ, всé-что я-вúдѣлъ тамъ у слабаго Пóла,
Мнѣ казалось негодно быть, и-достóйно презора:
Чемъ сильняе хотѣли меня прельстить умильми,
Тѣмъ я болѣй, сердцемъ мерзясь, отъ нихъ отвращался.
Былъ я-потóмъ введенъ въ Богининъ Храмъ жертвоносный;
Многи онá имѣетъ себѣ на островѣ Храмы:
А особлúвѣй-же есть покланяема тамо въ [2]) Кѵфирѣ,
И покланяемаж тамъ въ Ідалíи, въ градѣ и-Пáфѣ;
Я приведенъ тогда былъ въ Храмъ, что-въ-Кѵфúрѣ создáнъ есть.
Храмъ былъ оный весь сосложéнъ изъ-Мáрмора цѣльна,
Зданіе было его Кругостолпіемъ всесовершéннымъ:

[1] Трохéйскій. — [2] Цитера.

Всѣ Столпы́ толстотой своей, и притво́ръ вышиною,
Виду казали Хра́мъ величествен и узороченъ;
Сверьхъ Переклада большáго, и-свéрьхъ рѣзнáго Завóя,
Были на-всѣхъ сторонахъ Причелины также большíе,
Гдѣ представлены всѣ, обронной искусно работой,
Изъ приключеній, сáмыхъ пріятныхъ, бывшихъ Богинѣ.
Храма при-двóрахъ того толпы Людей непрестанно,
Кои приходятъ въ него Дарóвъ съ приношеньми своими.
Мѣста священна того въ оградѣ отнюдъ не-бывáетъ,
Никаковы́хъ никогда Заколе́ній жертвы въ приносѣ:
Тамъ, какъ-то-я́ндѣ, не-ежéтся тукъ ни Тельчій ни-Юнчій;
Тамъ проли́янie крови Скотóвъ есть [1]) Треба невмѣстна.
Токмо приносится тамъ предъ Жертвенникъ всяко Животно;
А приносить не можно сего, которо не-бу́детъ
Мла́до и бѣ́ло, притомъ безъ-пятна́ и гну́сна порока:
То подъ-покро́вомъ все Пелени́цъ багряныхъ ведется,
Шитыхъ златомъ еще по-краямъ; а рога́ позлащенныжъ,
И ктомужъ украше́ны цвѣто́въ благовонныхъ пучками.
По принесеніи тѣхъ предъ жертвенникъ въ ономъ убранствѣ;
Ихъ отводятъ ужé на мѣсто весьма удаленно,
Гдѣ Жерцамъ богинины́мъ въпиръ закланы бываютъ.

[1] Жертва, святыня.

Также приносятся всякіе тамъ обонятельны Во́дки;
И приносится ту́тъ-же вино; что Не́ктара слаждше.
Бѣлые ризы на-всѣхъ Жерцахъ по-са́мы [1]) Плеснѝцы,
Поясомъ тѣ златымъ препоясаны [2]) Пе́рсей нижае,
И бахрама златая́ кругомъ виситъ отъ- [3]) воскри́лій.
Денно и-но́щно куря́тся внутрь Арома́ты Восточны,
Въ верьхъ пародымнымъ столбомъ воспира́ясь отъ-Тре́бищъ кадильныхъ.
Храма Столпы́ Мони́стой цвѣтко́въ увязе́ны преслично:
Утварь Сосудовъ вся при Жертвахъ цѣльно златая;
Роща священна [4]) Мурсѝнъ окружаетъ зданіе цѣло.
Юноши токмо одни, и-прекра́сные Юнотки, могутъ
Жертвы тамъ приносить предъ-Жерцо́въ, и-вящій огнь-пала́щій:
Но безстыдство, притомъ Непотребствъ бесчинніе всяко,
Тотъ бесчеститъ весь толико Храмъ велелѣпный.
Спе́рва мерзился я-тѣмъ, что видѣлъ тамо на-дѣлѣ.
Но нечувствительно сталъ къ тому привыкать созерцая.
Не приводилъ ужъ-меня́ Порокъ въ гнушеніе скверный;
Мнилъ, и-въ-стѣна́хъ Іліонскихъ грѣшилось, и застѣна́ми;
Всѣхъ бесѣды вдыхали въменяжъ къ злочинію Склонность:

[1] Плюсна. — [2] Грудь. — [3] Кругъ подола. — [4] Мурть дерево.

Скромность и-стыдъ-мой симъ-Лю́дямъ въ игралище
были беспутнымъ.
Ими ничто не-забы́то, во-мнѣ да-возбу́дятся стра́сти,
Сѣти да-ста́вятся мнѣ, обманы, со-вся́кими [1]) Козньми.
И да-къ-Роско́шству въ сердцѣ моемъ изострится
охота.
Чувствовалъ, что становлюсь ежедневно слабѣе въ
силахъ;
Доброе мнѣ воспитаніе больше не помогало;
Все исчезало, о-че́мъ преднамѣрился мыслію твердо.
Не́былъ-ужъ крѣпокъ я, чтобъ-проти́виться злому
Недугу,
Кой отвсюду меня тѣснилъ и-язви́лъ [2]) изможлая;
Я себѣ еще и въ стыдъ поставлялъ Добрдѣтель.
Бы́лъ-я, какъ-пла́ваетъ кто въ рѣкѣ глубокой и-бы́-
строй,
Спе́рва-онъ во́ды сѣчетъ, и-проти́въ потока восхо-
дитъ:
Но когда у-нея́ крутоя́ръ есть глинистый бе́регъ,
А онъ стать не-возмо́жетъ на-днѣ, да-уста́лый от-
до́хнетъ;
То, наконецъ, изъ силъ выбивается мало по-ма́лу,
Члены его уже́ леденѣютъ всѣ изнуренны,
Къ дну опускается онъ, и токъ человѣка уноситъ.
Точно на́чали такъ мои глаза́ помрачаться,
Духажъ и упадать въ оскудѣніе многажды сердце;
Я ктому не могъ притти ни разума въ чувство,
Ни Отца моего о всѣхъ Добродѣтеляхъ въ память.
Сонъ, въ которомъ я-мни́лся видяй Ментора му́дра,

[1] Ухищренія, коварства. — [2] Въ крайнее приводя безсиліе.

Какъ преселившася ужъ на-поля́ Илѵсійски отсюду,
Предоверши́лъ вконецъ меня изъ бодрости вывесть.
Тайна и-ти́ха мною всѣмъ овладѣла разслаба.
Я возлюбилъ ядъ лестный, лился́ что-изъ-жи́лы въ другую,
И впивался косте́й моихъ въ мозговидныи соки.
Я однакъ воздыхалъ отъ-всего́ глубокаго се́рдца;
Горькія сле́зы точилъ изъ глазъ проливая струями;
Въ ярости той моей какъ Левъ рыча́лъ-я глашая:
О! злосчастна толь несказанно Юность. О-бо́ги!
Коль жесто́ко вы посмѣва́етесь надъ человѣки!
Вы дае́те почто́ проходить имъ младости лѣта,
Время всего неразумія и [1]) Огне́вицы злыя?
О! почто́ не-покрытъ я-уже́ власами сѣдыми?
Что не [2]) сля́ченъ къ гробницѣ въ близь, какъ дѣдъ-мой Лае́ртій?
Сме́рть-мнѣ сладчае былабъ, нежъ-сія́ бесчестная слабость.
Такъ я-едва́ изрекъ, какъ скорбь утоляться и-ста́ла.
Какъ и сердце мое, упоенное страстію тою,
Весь почитай внутрь паки стыдъ отвергать начинало
По́слѣ я-ви́дѣлъ себя угрызеній въ безднѣ погрязша
Въ то смущеніе все я рыскалъ по-ро́щѣ священной
Ла́ни подобенъ бывъ Ловцемъ уязвле́нной смертельно
Бѣгаетъ та по-лѣса́мъ обширнымъ бо́лю въ отраду:
Но ея прободша стрѣла есть съ нею повсюду;
Рана въ боку́ вездѣ, гдѣ-ни-ска́четъ, у-не́й смертоносна.
Всуе такъ-бѣгалъ я самого себя позабыть бы;

---

[1] Гарячка. — [2] Пригнутъ.

Толькожъ ничто́ не-могло́ исцѣлить мнѣ язвы сердечны.
Въ са́мый сей-ча́съ усмотрилъ отъ-себя́ довольно
далеко,
Въ сѣни рощи тоя густой, видъ Ментора му́дра:
Но лице мнѣ-его́ показалось блѣдно толико,
Толь печально, уныло толь, и-толи́кожъ суро́во,
Что не-возмо́гъ никакъ тѣмъ-себя́ обрадовать видомъ.
Ты́-ли? о-мо́й любезный другъ! о-надежда едина!
Ты́-ли? но-ка́къ-то! тыль са́мъ? иль о́бразъ льстива
призрака,
Лжею моимъ глазамъ даетъ обмануться прегрубо?
Ты-ли то, Менторъ? иль-тѣнь къ злу во-мнѣ чувствительна сущи?
Ты не въ Ликѣи уже́ пребываешь Ду́шъ тѣхъ Блаженныхъ,
Плодъ которы своихъ Добродѣтелей сладцѣ вкушаютъ,
Коимъ и-Бо́ги даютъ наслаждаться веселіемъ чистымъ,
Въ вѣчномъ спокойствѣ и тишинѣ на-поля́хъ Илисійскихъ?
Рцы, о! Менторъ, ты-жи́въ-ли еще? я е́смь-ли-толь
сча́стливъ,
Что мнѣ видѣть тебябъ? Иль духъ ты дру́га любезна?
Такъ говоря, побѣжалъ я-къ нему́ дыханій лишенный:
Онъ спокоенъ стоялъ меня ожидая недвижно.
О! Превыспренни, вѣсте вы, мнѣ радость колика
Стала, его какъ-почу́вствовалъ я осязаяй руками!
Нѣтъ, не-пуста́я то-Тѣнь: Его держу и-объе́млю.
О мой Менторъ драгій! я-воскли́кнулъ такъ не-одна́жды.

Я его лицо омочилъ слезъ теплыхъ рѣками;
Пробылъ на-выи тогожъ, не-могій ни слóва промол-
вить.
Онъ печально смотрилъ на-менѝ очами своими,
Полными тѣми весьма сожалѣній о-мнѣ сердоболь-
ныхъ.
Я наконецъ сказалъ: взялся́, ахъ! ты-здѣсь откуду
Въ бѣдства колики меня твое отсутствіе вверглó!
Да и что безъ-тебя́ мнѣ нынѣбъ дѣлать въ семъ-мѣ-
стѣ?
Но безъ-отвѣта мои на-вопрóсы: Бѣги́, мнѣ-сказалъ
онъ
Голосомъ страшнымъ; бѣги́, поспѣшай бѣжать какъ
возмóжно.
Здѣсь плодонóситъ земля едину токмо Отраву;
Здѣсь вдыхаемый весь зараженъ повѣтріемъ вóздухъ
Люди здѣсь, прилипчивы всѣ, говорятъ межъ-собóю
Тóлько-что да сообщатъ другъ дрýгу Ядъ смерто-
носный.
Роскошь пóдла, бесчестна онáжъ, какъ сквéрнѣйшій
волъ всѣхъ,
Зóлъ-всѣхъ, изъ-Скрыньки Пандоры тоя исторгшихся
древле,
Въ нѣгу приводитъ сердцá, Добродѣтелижъ слѣдъ
не-тéршитъ.
Нужъ, ну-бѣги́; что медлишь? бѣги́, вспять не-ози-
раясь:
Выбрось изъ-пáмяти весь твоея сей островъ прокля-
тый.
Рéкъ-онъ; и тóтчасъ я почувствовалъ кáкъ-бы гу-
стый мракъ

Толькожъ ничто́ не-могло́ исцѣлить мнѣ язвы сер-
дечны.
Въ са́мый сей-ча́съ усмотрилъ отъ-себя́ довольно
далеко,
Въ сѣни рощи тоя густой, видъ Ментора му́дра:
Но лице мнѣ-его́ показалось блѣдно толико,
Толь печально, уныло толь, и-толи́кожъ суро́во,
Что не-возмо́гъ никакъ тѣмъ-себя́ обрадовать видомъ.
Ты́-ли? о-мо́й любезный другъ! о-наде́жда едина!
Ты-ли? но-ка́къ-то! тыль са́мъ? иль о́бразъ льстива
призрака,
Лжею моимъ глазамъ даетъ обмануться прегрубо?
Ты-ли то, Менторъ? иль-тѣнь къ злу во-мнѣ чувстви-
тельна сущи?
Ты не въ Ликѣль уже́ пребывалъ Ду́шъ тѣхъ Бла-
женныхъ,
Плодъ которы своихъ Добродѣтелей сладцѣ вкуша-
ютъ,
Копмъ и-Бо́ги даютъ наслаждаться веселіемъ чи-
стымъ,
Въ вѣчномъ спокойствѣ и тишинѣ на-поля́хъ Ели-
сійскихъ?
Рцы, о! Менторъ, ты-жи́въ-ли еще? я е́смь-ли-толь
сча́стливъ,
Что мнѣ видѣть тебябъ? Иль духъ ты дру́га любезна?
Такъ говоря, побѣжалъ я-къ нему́ дыханій лишенный:
Онъ спокоенъ стоялъ меня ожидая недвижно.
О! Превыспренни, вѣсте вы, мнѣ радость колика
Стала, его какъ-почу́вствовалъ я осязаяй руками!
Нѣтъ, не-пуста́я то-Тѣнь: Его держу и-объе́млю.
О мой Менторъ драгій! я-воскли́кнулъ такъ не-од-
на́жды.

Я его лице омочилъ слезъ теплыхъ рѣками;
Пребылъ на-вы̀и тогожъ, не-могіи ни сло́ва промол-
вить.
Онъ печально смотрилъ на-меня́ очами своими,
Полными тѣми весьма сожалѣній о-мнѣ сердоболь-
ныхъ.
Я наконецъ сказалъ: взялся́, ахъ! ты̀-здѣсь откуду
Въ бѣдства колики меня твое отсутствіе вверглo!
Да и что безъ-тебя́ мнѣ нынѣбъ дѣлать въ семъ-мѣ-
стѣ?
Но безъ-отвѣта мои на-вопро́сы: Бѣги́, мнѣ-сказа́л
онъ
Голосомъ страшнымъ; бѣги́, поспѣшай бѣжать какъ
возмо́жно.
Здѣсь плодоно́ситъ земля едину токмо Отраву;
Здѣсь вдыхаемый весь зараженъ повѣтріемъ во́здухъ
Люди здѣсь, прилипчивы всѣ, говорятъ межъ-собо́ю
То́лько-что да сообщатъ другъ дру́гу Ядъ смерто-
носный.
Роскошь по́дла, бесчестна она́жъ, какъ скве́рнѣйшь
золъ всѣхъ,
Зо́лъ-всѣхъ, изъ-Скрынки Пандоры тоя исторгшихс
древле,
Въ нѣгу приводитъ сердца́, Добродѣтелижъ слѣ
не-те́рпитъ.
[illegible] медлишь? бѣги́, вспять не-ози
раясь:
[illegible]сь твоея сей островъ прокл
тыи.
[illegible] почувствовалъ ка́къ-бы г
стыи мракъ

Съ глазъ моихъ сходилъ, и чисту свѣтлость-имѣ видѣтъ
Тотъ попускалъ: вотъ сла́дка, и-кре́пости полная Радость
Въ сердцѣ моемъ уже́ возраждалась, пріятно играя.
Радость сія была отъ оныя крайно различна
Мягкія радости, мнѣ отравившія чувствія буйно:
Та упоенiй радость вся, и-смяте́нія многа,
Ярыми какъ страстьми́ прерываема, такъ угрызеньми;
Но разумная радость сія, имѣюща нѣчто
Отъ блаженныхъ тѣхъ въ себѣ предвкушенiй небесныхъ.
Чи́ста и-е́сть неприме́сна всегда, и-всегда́ неизмѣнна,
И ничто ея никогда истощить не-возмо́жетъ:
Болѣе коль погрузи́шся въ нея, тольсладостна больше;
Ду́шу и-се́рдце она похищаетъ въ восторгъ не-мя-те́жно.
Сле́зы тогда я лилъ; но то веселія сле́зы:
И находилъ, что плакать такъ утѣшеніе было.
О! Блаженны, я говорилъ, Человѣки, которымъ
Кажетъ себя во всей своей красотѣ Добродѣтель!
Можноль видѣть ея безъ-любви́ къ ней внутрь всесердечны?
Да и можноль любить ту, и не быть ублаженну?
Менторъ мнѣ говорилъ: я долженъ разстаться съ тобою;
Въ сей часъ я иду; мнѣ-не-мо́жно долѣе медлить.
Идешь теперь куда́жъ, отвѣчалъ я-ему́, поспѣшая?
Въ кое мѣсто Пустынь за-тобо́й не-послѣдую прямо?
Мнитъ не-изво́ль, что-уже́ отъ-меня́ ты скрыться возможешь:

Я нынче умру на-твоéй стезѣ и-на-слѣдѣ.
Такъ говоря, за-негó я-держáлся силою всею.
Тщетно, сказалъ онъ мнѣ, удержать меня уповаешь;
Лютый Метóфій меня Еѳіопцамъ продалъ цѣною.
Сíи пошедши въ Дамаскъ, что-въ-Сúріи, съ товары своими,
Тамъ восхотѣлижъ меня съ рукъ збыть за-велúкіе Деньги,
Изъ обывателей тѣхъ одному, Азаúлу зовому,
Грáіи [1]) кой себѣ Раба искать препотщался,
Да отъ-негó познáетъ сáмъ [2]) Ахейскíи нравы,
И да-услы́шитъ притомъ о-Нау́кахъ [3]) Еллинскúхъ нашúхъ.
Подлинно проданъ я Азаилу, и-дóрого очень.
Что я-ему́ разсказалъ о нашúхъ нравовъ порядкѣ;
То вложило въ него любопытну, въ Критъ-ѣхать охоту,
Да навыкнетъ въ томъ Мінóевымъ мудрымъ Законамъ.
Въ плытіе наше насъ принудили сильныи вѣтры,
Къ острову Кúпру пристать, и-сойти́ отъ-волнéній на-зéмлю.
Но въ ожиданіи вѣтра намъ споспѣшнаго въ путь нашъ,
Мой господинъ отлучился въ Храмъ съ принесеніемъ Дара;
Сежъ изъ-негó исходитъ онъ; и-насъ-вѣтръ отзываетъ:
Парусы наши ужé надымаются вѣяньми Духа.
Такъ простúжъ, моíй-драгíй Тилемахъ! Рабъ-Богóвъ почитаяй,

[1]) Грека. — [2]) Греческія. — [3]) Греческихъ.

Долженъ итти за-свои́мъ Господиномъ въ вѣрности сущей.
Боги ктому мнѣ, въ волѣ моей быть, не попускаютъ:
Еслибъ свободенъ я-бы́лъ; то, знаютъ они, чтобъ-я-то́кмо
Былъ единственно твой. Прости́! Ты по́мни всегдашно
Всѣ Одѵссея труды, и сле́зы всѣжъ Пинелопы;
По́мни еще, и по́мни зѣло [1]), Бого́въ справедливыхъ.
О блажайшіи Боги! О покровители Чистымъ!
Въ коей землѣ принужденъ оставить я Тилемаха!
Нѣтъ, нѣтъ; я говорилъ ему, мой Менторъ дражайшій!
Здѣсь оставить меня, не-въ-твое́й то волѣ пребудетъ:
Лу́чше-мнѣ, лучше есть умереть, а нежели видѣть,
Чтобъ ты безъ меня куда отправился нынѣ.
Сѵрянинъ сей Господинъ или толь не милосердъ есть?
Иль млекомъ онъ Львицынымъ былъ [2]) отдое́нъ во-младе́нствѣ?
Онъ изъ-мои́хъ тебя восхо́щетъ-ли вырвать объятій?
Должно ему меня убить, да-съ-тобо́ю не-бу́ду:
Самъ велишь мнѣ-бѣжа́ть, а самъ же не изволяешь,
Да отсюду бѣгу́ за-твои́ми слѣдомъ стопа́ми.
Стану молить Азаи́ла, не́гли онъ умилится,
Видя юна меня и-лію́ща горькіе сле́зы;
Му́дрость-же толь любя, что-сниска́ть ту и́детъ дале́ко,
Онъ нечувствительно сердце имѣть и-свирѣ́по не-мо́жетъ.
Брошусь къ ногамъ ему, обниму колѣна руками,
И не-спущу́ я съ мѣ́ста его, пока не-позво́литъ,

[1] Весьма. — [2] Откормленъ.

Слѣдовать всюду съ тобою мнѣ; дражáйшій-мой Мен
торъ!
Буду и-я́ Рабомъ: ему въ неволю предамся.
Если не-прíметъ онъ; то-погúбъ ужъ я всеконечно
Жизнь исторгну самъ себѣ какъ-злодѣй и-убíйца.
Въ сáмый сей-чáсъ Азаíлъ къ себѣ тутъ Ментор
позвалъ.
Пáлъ-я къ стопáмъ ему: онъ сталъ въ удивленіи мно
гомъ,
Видя себѣ отнюдъ не знаема тако лежаща.
Что́-то? чего ты просишь, сказалъ? Живота, отвѣ
щалъ я:
Ибо жить не-могу́, когда попустить не-изволишь,
Слѣдовать съ Ментóромъ мнѣ, который твой ныи
Служитель.
Я есмь сынъ того великаго мужа Одусса,
Есть который мудрéйшій Царей всѣхъ оныхъ Елла
скихъ,
Кон прегордый градъ Іліóнъ въ персть и-прáхъ по
ложили,
Славный толико во-всéй, подъ солнцемъ, простра
ной Асíи.
Рóдъ-мой тебѣ возвѣщаю, не тѣмъ да я возвеличус
По да-вложу́ въ тебя о-моúхъ злоключеніяхъ жа
лость.
Я искалъ Отца моего по всякимъ Пучинамъ,
Съ симъ при-себѣ человѣкомъ, отцéмъ-мнѣ другим
пребывавшимъ:
Въ вóрьхъ-же несчастій всѣхъ, его отняла́-мнѣ Тихі
Давши тебѣ въ Раба. Позволь да-съ-нимъ-бу́ду Р
бомъ же.

Ежели такъ, что любишь ты Справедливость и Правду,
И въ Критъ идешь Законы Царя Миноя увѣдать;
То прошу и-молю, твоего не-изволи ты-сердца
Ожесточить, предъ-моими стенаньми здѣсь и-слезами.
Царскаго сына зришь предъ-тобой въ сіе приведенна,
Рабства просить-бы себѣ, какъ-единственны въ горяхъ отрады.
Прежде сего умереть я-хотѣлъ въ землѣ [1]) Тріакрійской,
Да не буду Рабомъ: но-мой злоключенія первы,
Опыты слабы обидъ мнѣ были отъ-злобны Тухіи;
Нынѣжъ мнѣ-страхъ, да-не-какъ не-вмѣнюсь между я-Рабами.
О Претерпѣнн! на-вся мнѣ Злая сами воззрите:
О Азаилъ! и ты самъ помни твердо Миноя,
Коего Мудрости и Правотѣ толико дивишся,
Будуща впредь Судіи обоимъ вамъ въ [2]) Дитовѣ Царствѣ.
Зря Азаилъ на-меня лицемъ исполненнымъ ласки,
Руку свою ко мнѣ простеръ, и поднялъ отъ-Долу.
Знаю, сказалъ, какъ Мудрость Одиссову, такъ Добродѣтель:
Ментеръ часто сказывалъ мнѣ, колнкую славу
Онъ пріобрѣлъ себѣ, во всѣхъ тождеродныхъ [3]) Пелясгахъ;
Быстрая Вѣсть ктомужъ разгласила онаго Имя
Всѣмъ народамъ, и-всѣмъ племенамъ въ Востокѣ живущимъ.

[1] Сицилійской. — [2] Плутоновѣ. — [3] Грекахъ.

Слѣдуй со-мно́й, Одиссовъ сынъ: я-отéцъ твой-пр
бу́ду
Даже до-тѣхъ временъ, какъ на́йдешь Родителя ист
Слава Отца твоего меня хотябъ не-подви́гла,
И несчастія всѣ какъ-его́, такъ-твои́ совокупно;
Къ Менторужъ дружба моя́ тебѣбъ помогать пр
клонила.
Купленъ хоть-мно́й-онъ въ Раба, но-хранится в
вѣрнаго Дру́га:
Данно Сребро за-него́, въ немъ дало драги́й-мнѣ пр
бытокъ,
Я пріобрѣсть не-возмо́гъ количаго въ жизни полны
Твердую Мудрость въ немъ изобрѣлъ, и-ему́ одо
же́нъ я
Всѣмъ, что-имѣю теперь любви къ Добродѣтели
сердцѣ.
Въ часъ-сей уже́ онъ-Увольненъ, и-та́кже ты-бу́де
Свободенъ:
Требую токмо у-васъ обоихъ единаго се́рдца.
Въ о́ка мгновеніе вышелъ я изъ-прего́рькія ско́р
Въ радость сладчайшую толь, коль Смертны
ствовать могутъ.
Видѣлъ себя изба́влена тѣмъ отъ ужа́снаго бѣдств
Къ собственной я своей Землѣ чрезъ то приближал
Я находилъ себѣ къ возвращенію по́мощь довольн
Симъ утѣшался весьма что былъ при-тако́мъ чел
вѣкѣ,
Кой любилъ ужъ-меня́ по-любви́ къ Добродѣте
са́мой:
А наконецъ обрѣталъ все, Ментора та́къ-тутъ
рѣтшій,

Что кому никогдабъ отнюдь мнѣ съ нимъ не-разста́ться.
Идетъ на-бре́гъ Аваи́лъ; мы слѣдуемъ оба за-ни́мъ же,
Въ Судно садимся; Гребцы разсѣкаютъ тихіе во́лны;
Легкій играетъ Зефи́ръ пріятно въ [1]) Вѣтрилахъ на-шихъ:
Сей оживляетъ все-Су́дно, дая бѣгъ оному плавный;
Островъ Кипръ у насъ съ очей снимаетъ поспѣшно.
Тутъ Аваи́лъ, желая мое знать умствіе очень,
Что я мни́лъ-бы, меня вопросилъ, о нравахъ Кипри́-скихъ.
Прямо сказа́лъ-я ему, колико напастному бѣдству
Юность моя́ была подвержена въ Островѣ живша;
Также бореніе все, претерпѣлъ я внутренно коё.
Бывъ пораже́нъ моимъ омерзѣніемъ въ скверне́ порока.
Такъ онъ-тогда́ возгласилъ: о-богини́ Афроди́та прекрасна!
Силу твою, твоего и Сына, я признаваю.
Былъ на-твои́хъ Олтаряхъ и я Θуміа́мъ возжигаяй:
Но попусти, проклену́ть бесчестную въ роскошахъ нѣгу
Жителей всѣхъ, на-твое́мъ пребывающихъ островѣ Кипрѣ,
Купно и-ско́тски безстыдства ихъ, и всѣ любодѣйства,
Съ коими тѣ посвящаютъ твои тамъ пра́аднества въ Храмѣ.

---

[1] Парусы.

Нáчалъ потóмъ собесѣдовать онъ тутъ съ Мен-
торомъ мудрымъ,
О Всемогуществѣ томъ, Создавшемъ Небо и-Зéмлю;
О Присносущномъ Свѣтѣ, измѣнъ не-имýщемъ пре-
вѣчно,
Кой подается всѣмъ отнюдъ же не раздѣлясь;
О Преверьховной Истинѣ той, и-Повсéмественной
Ей же,
Разумы коя всѣ просвѣщаетъ, какъ-сóлнце тѣлá всѣ.
Кто сего никогда не видѣлъ Чистаго Свѣта,
Онъ вѣщалъ; тотъ есть такъ слѣпъ, какъ Слѣпорож-
дéнный:
Жизнь свою провождаетъ тотъ въ глубóкой-всю
нощи,
Людямъ подобенъ тѣмъ, что солнце не освѣщаетъ
Чрезъ продолженіе мѣсяцовъ многихъ изъ-кругáго
лѣта.
Мнится премудръ сей быть, а онъ пребезсмыслен
конечно;
Мнитъ что видитъ все, но-отнюдъ ничего онъ-не-ви-
дитъ;
Онъ умираетъ совсѣмъ ничегожъ не видѣвшій въ
Свѣтѣ;
Пль ощущавшій мрачныи токмо и-лóжныи блески,
Тѣни пустые, призраки въ себѣ вещества не-причá-
стны.
Всѣ таковы, влекутся которы Сластію чувствій,
Пль которымъ любá пріятность Образовáній. [1])
Нѣтъ на-Землѣ человѣковъ прямыхъ, кромѣ челове-
ковъ,

[1] Мечтаній.

Кои Превѣчный тотъ-Умъ вопрошаютъ, любятъ, и-
хо́дятъ
По уставамъ Его, и-Ему́ послѣдуютъ точно.
Онъ наставляетъ насъ, когда помышляемъ изрядно;
Онъ, когда мы худо мыслимъ, насъ исправляетъ.
Мы отъ-Него́ не меньше разумъ, коль-жи́знь-всю
имѣемъ;
Онъ какъ нѣкій Свѣтлости есть Океанъ [1]) превелій;
Разумы наши суть подобны малымъ потокамъ,
Кои текутъ изъ-Него́ и-въ-Него́ втекаютъ сникая.
Мудрости я въ сихъ-рѣча́хъ хоть-не-по́нялъ еще
совершенно;
Токможъ не-вѣмъ что-Высо́кое, съ са́мымъ-мнѣ Чи-
стымъ, казалось:
Сердце мое отъ-того́ къ тому пламенѣя горѣло,
Истину я въ томъ всемъ ощущалъ сіяющу блескомъ.
Тѣ межъ-собо́й еще собесѣдовать тутъ продолжали;
О началѣ Бого́въ, Ироевъ всѣхъ, и-Пи́товъ,
Также о-Вѣкѣ злато́мъ, Пото́пѣ, Исторіяхъ первыхъ
Рода всего Человѣча, Забвенія и о-рѣкѣ той,
Въ кою всѣ погружаются Ду́ши отъ-тѣла отставши;
О бесконечныхъ Му́кахъ, готовыхъ всѣмъ Нечести-
вымъ
Въ [2]) огненожу́пелной безднѣ, въ глубостяхъ Тартара тѣ́мна,
И о-блаже́нномъ Покоѣ томъ, наслаждаются коимъ,
Праведныхъ Лики на-кра́сно веселыхъ Поля́хъ Илисі́йскихъ,
Тожъ не-страша́сь лишиться уже́ сихъ Радостей вѣчно.

[1] Трохе́йскій. — [2] Сѣрогорючей.

Въ сей разговоръ Азайла взаимножъ и-Ме́нтора вкупѣ,
Мы усмотрили Делфі́новъ въ струя́хъ чешуею покрытыхъ,
Коя казалась какъ-бы́ть отъ Зла́та и отъ-Лазо́ри.
Сі́и въ игрѣ межъ-собо́й возмущали препѣнисто воду.
По́слѣ тѣхъ появились намъ Трітóны гласящи
Въ роги проразисто тѣ, изъ Раковинъ кои прегну́тыхъ.
Всѣ окружали они Колесницу вплавь [1]) Анфітрі́ты,
Бывшу везому поверьхъ морски́ми бѣлыми Коньми,
Кои блещались намъ бѣловиднѣе всякаго снѣга;
А разсѣкая токи волнъ, за собо́й оставляли
Долгу довольно бразду синѣющу слѣдомъ на-Мо́рѣ.
Огненны ихъ глаза́ метали пламенны искры,
Но изъ мордъ у нихъ исходилъ паръ жаркій столбами.
Та Колесница была изъ [2]) Ко́нхи устро́ена дивно;
Ко́нха блескомъ свѣтилась бѣляй Слоновыя Кости,
Были Коле́са ея отъ-крушца́ [3]) содѣланы зла́та.
Зрилась сія Колесница летѣть по-наве́рьхности во́дной.
Ликъ превзрачныхъ Нѵмфъ, увѣнчанныхъ слично цвѣта́ми,
Плылъ въ чиновномъ весь стремительствѣ за Колесницей:
Длинно у-ни́хъ власы отъ-раме́нъ распу́щены были,
И трепетались играньми вѣтра вьясь, извиваясь.
Скиптръ у-Боги́ни въ рукѣ былъ одно́й волнамъ укротитель;
А держала въ другой на Ло́нѣ Пале́мона Сына,

[1] Богиня морская. — [2] Раковина перлова. — [3] Металлъ.

При сосцѣ возлежаща своемъ Богородна Младенца.
Свѣтлый Обликъ ея и-величество тихое взора,
Вѣтровъ мятежъ и темныхъ бурь собой устраняли:
Коней Трітóныжъ правили тѣхъ позлащенными вóжди.
Парусъ багряный большíй распростертъ былъ
сверьхъ Колесницы:
Былъ же вполы наядренъ [1]) отъ-мнóжества малыхъ
Зефѵровъ,
Кои дыханьми своими его [2]) наляцали прилѣжно.
Еолъ [3]) зрился среди воздýха рьянъ, беспокоенъ:
Смóрщеный видъ его и черствый, и-гóлосъ сурóвый,
Бровижъ густо навíслы, глазá исполнены зноя,
Зноя примрачна того, который круто пронзаетъ,
Удержавáли всѣхъ въ молчаніи рѣзкихъ [4]) Ворéевъ;
И разганяли притомъ дожденосные тучи и-грóзы.
Киты велики всѣ, и всѣ Дивóвища странны,
Прыская вóдный ливъ изъ-ноздрéй своихъ испускали,
И поспѣшали на-вéрьхъ изъ-глубéй да видятъ Бо-
гиню.

---

[1] Надутъ. — [2] Напрягали. — [3] Богъ вѣтровъ. — [4] Сѣверныя вѣтры.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ПЯТАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ разсказываетъ, что, по прибытіи въ Критъ, увѣдомился онъ объ Ідоменеѣ Царѣ сего острова, принесшемъ въ жертву сына своего единороднаго, на исполненіе не размысленнаго своего обреченія: что Критяне, въ отмщеніе, за пролитіе крови сыновни, согнали Отца съ острова долой: и что, по долговременномъ сомнительствѣ, собраны они были дѣйствительно, на избраніе новаго Царя. Присовокупляетъ, что онъ допущенъ въ то Собраніе; что одержалъ Почести за разныя Подвиги; и что истолковалъ Задачи, оставленные Міноемъ въ Книгѣ Законовъ его. Напослѣдокъ, что Старѣйшины, Судія на островѣ, и весь Народъ, хотѣли поставить его въ Царя за Мудрость.

Послѣ какъ-зрѣлищу мы сему престали дивиться;
Начали усмотрѣвать уже тамъ Критскіе горы,
Кои съ трудомъ еще отъ облакъ и-волнъ отличали.
Вскорѣжъ тогда горы холмъ Іды увидѣли прямо,
Вышше всѣхъ-прочихъ горъ чело возносящій подъ-небо:
Какъ въ лѣсу Лань стару несущу вѣтвистыи роги,
Свыше головъ молодыхъ Еленятокъ, бѣгущихъ за-нею.
Мало помалу ясняй берега мы острова видимъ,
Нашимъ очамъ представляемы тѣ Полукружіемъ нѣкимъ:
Видимъ и-земли, пути къ нимъ-и моря, и-небо надъ-ними.
Сколькожъ Кѵпрійска земля невоздѣланна видѣлась нами;
Критскія столько поля казались намъ-быть плодоносны,

И учрежденны во-всѣкомъ родѣ Критянъ трудами.
Всюду примѣтили мы Деревни устроены чинно.
Сёла, которы собой съ городами точно равнялись;
И узорочны весьма велелѣпіемъ грады премноги.
Нѐбыло по́ля тамъ о́дного, гдѣбъ-рукѣ Земледѣльца
Не впечатлѣнной быть трудолюбіемъ премногопо́тнымъ:
Рало вездѣ бразды́ глубо́ки на-ни́хъ проложило;
Терніе и волчецъ, бесполезны, невѣдомы въ Критѣ.
Зрили съ веселіемъ мы на низки юдоли между горъ,
Гдѣ мычатъ Волы при тучной пажити злаковъ,
Хо́дя вдоль при-ручья́хъ и чистыхъ, и-свѣжихъ, и-во́дныхъ,
Также и на-Овецъ пасущихся по косогорамъ;
На преобширны поля́ покрытыя желтыми класы,
Кои богатыи да́ры суть богини Гими́тры [1]);
И на всѣ зеленистые Па́горки тамъ Віноградомъ,
Коего въ кустіяхъ гро́зды висѣли уже́ забуре́лы,
Предобѣщающи сладкій сокъ человѣкамъ Ва́ховъ [2]),
На утоленіе всѣмъ имъ въ жизни горькихъ печалей.
Менторъ намъ сказалъ, что-онъ-былъ ужъ нѣкогда въ Критѣ,
Да и все изъяснилъ, что могъ объ островѣ по́мнить.
Островъ сей, говорилъ, расхваляемый всѣми Пришельцы,
По́-сту града́мъ своимъ, по-сему́ и множеству славный,
Жителей всѣхъ безъ-труда́ себѣ питаетъ довольствомъ,
Не взирая на-то́, что-число́ ихъ есть неисчетно.
Тѣмъ что Земля́ никогда устать чредима не-мо́жетъ,

[1] Церера. — [2] Бахусовъ.

Благъ раздаятель, тѣхъ же прежнихъ, Чредящимъ прилѣжно.
Нѣдра ея всегда бываютъ не истощимы;
Большель въ странѣ Людей, когда тѣ всѣ трудолюбны?
Болѣе пользъ огорсчаютъ они отъ-обилія многа:
Нужды себѣ отнюдъ не-имѣютъ другъ-другу завидѣть.
Но Земля, какъ добрая Мать, свои умножаетъ
Дары всѣ по-числу Дѣтей, и количеству оныхъ,
Кои достойны плодовъ ея трудами своими.
Алчность Власти, Стяжаній жадность во-всѣхъ человѣкахъ,
Токмо источники суть несчастій и-бѣдностей всѣмъ имъ.
Все хотятъ имѣть, и-бываютъ тѣмъ злополучны,
Что желаютъ себѣ во всемъ Излишняго много:
Еслибъ хотѣли они провождать жизнь просто и-мѣрно,
Истинны нужды свои довольствуя токмо едины;
Тобъ вездѣ и-всегда Изобильность въ нихъ пребывала,
И межъ ними Союзство, Миръ, съ Тишиною и-Радость.
Проразумѣлъ сіе Миной изъ-Царей всѣхъ-мудрѣйшій,
Да и онъ-же изъ-всѣхъ Царей Царь добрѣйшій точно:
Все что-на-семъ вы островѣ узрите дивнаго дѣломъ,
Есть то плодъ Уставовъ его и-Законовъ премудрыхъ.
Дѣтямъ всѣмъ отъ-него Воспитаніе, здѣсь повелѣнно,
Дѣлаетъ ихъ тѣла и-здоровы, и-крѣпки, и-плотны:
Съ самаго перва даютъ привыкать растущимъ-имъ
къ жизни

Точно простóй, и-притóмъ воздержной, и люботрудной;
Мнятъ быть слабящей всякой нѣгѣ тѣло и-рáзумъ:
Нѣтъ никогда другúхъ-имъ Потѣхъ, какъ токмо дабýдутъ.
Мужествомъ тверды, и-тѣмъ пріобрѣтши великую Славу.
Бодрость у-нúхъ не токмо въ единомъ презрѣніи смерти,
Бѣдствія и настоятъ когда кроволитны напасти;
Но и-ещéе всего въ попраніи многа богатства,
И Страстолюбій тѣхъ бесчéстныхъ-же и любодѣйныхъ.
Здѣсь наказýютъ всегда за-тричúсленны сíи пороки,
Кои у-всѣхъ другúхъ племенъ пребываютъ безъказни:
Неблагодáренъ кто, Лицемѣръ, Лихонменъ, тотъ-Зóлъ есть.
Имъ за Пышность, за Щегольство прещенія тщетны:
Сíи Негодности суть никому не вѣдомы въ Крúтѣ;
Всякъ рабóтаетъ здѣсь, а-никтó богатиться не-мыслитъ:
Каждый довольно за-трýдъ свой мнитъ себя награжденна
Тихимъ въ себѣ житіемъ, и-порядочнымъ, и благостройнымъ,
Въкоемъ спокойноонъ наслаждается всѣмъ изобильно,
Что потребно есть и нужно истинно жизни.
Здѣсь не-терпúмы суть, ни-Убóры всѣ драгоцѣнны,

Ни велѣлѣпныхъ Одеждъ Рубъ [1]) -златый, исткáн
испещреньми,
Ни пированія сладки, нижé позлащенны Палаты.
Платье у-ни́хъ у всѣхъ шерстянóе, хорошаго цвѣта
Но все гладкое то, безъ выкладокъ и безъ-разши́вокъ
Благоизбыточенъ Столъ при-вінѣ тутъ мало піемомъ
Добрый Хлѣбъ есть Кушаній главная часть съ Ово
щами,
Кои Древá подаютъ какъ-нарóчно вѣтвь прикланяя
И притомъ Млеко отъ Тельчихъ Стадъ издоенно.
Кушаютъ же и-Мясá, но-безъ-всѣхъ приправъ разно
сольныхъ;
Токможъ лучшихъ Воловъ щадятъ и не убиваютъ,
Да процвѣтаетъ всегда Оратайствомъ ихъ земледѣл
ство.
Домы чисты, покойны, вéселы; но безъ-укрáсы
Красное [2]) Зóдчество вѣдомо здѣсь, но-остáвлено токм
Божескимъ Хрáмамъ оно; а Смертныи стрóить н
дéрзски
Домъ подобный себѣ изяществомъ Дому Безсмер
ныхъ.
Благо большое сіе у Критянъ: Здравіе, Сила,
Мужество, Миръ, Тишина; и-сродствá Согласіе общ
Вольность всѣхъ Гражданъ, Изобиліе нужнаго жизн
Ли́шнихъ-же всякихъ вещей, и-всегó Преизбыт
презорство;
Нáвыкъ къ труду, отъ-гульни́ отвратъ, и-отъ-прáз
ности вредны;
Къ Доброму, и къ Добродѣтели въ нихъ гарячая Ре
ность,

[1] Парча. — [2] Архітектура.

Скóра Послушность Законамъ, Богóмъ страхъ Правéдныхъ въ сердцѣ.
Я спросилъ у-него́, состоитъ въ чемъ Царска Держáвность?
Онъ отвѣщалъ: Царь властенъ есть во всемъ надъ-Наро́домъ;
Но Законы надъ-нимъ во всемъ же властны конечно.
Мощь его Самодержна, единственно Доброе дѣлать;
Связаны ру́ки имѣетъ онъ на всякое Злое.
Ихъ Законы во-власть ему Народъ повѣряютъ,
Какъ предрагій Залогъ изъ всѣхъ во Свѣтѣ Залоговъ;
Такъ чтобъ-онъ-былъ Отецъ Подчиненнымъ всѣмъ и-Подру́чнымъ.
Хощетъ Законъ, да-оди́нъ человѣкъ, за Мудрость и-Мѣрность,
Служитъ многихъ толь Людей Благодѣянію паче,
Нежели многіи Люди толь, за Бѣдность и-Ра́бство,
Подло Гордость и-Нѣгу льстятъ одного человѣка.
Царь не долженъ имѣть ничего сверьхъ въ Обществѣ прочихъ,
Развѣ что-ну́жно его облегчить отъ-труда́ многодѣльна,
И впечатлѣть во всѣхъ Почтеніе благоговѣйно,
Какъ къ Блюстителю всѣхъ положе́нныхъ му́дро Законовъ.
Впрочемъ, Царю быть должно тре́звѣйшу, мнѣе роскошну,
Болѣе чу́жду Пышности, нежели просту Людину.
Больше Богатства ему и-Весе́лій имѣть не-досто́итъ,
Но Премудрости, Славы, ктомужъ Добродѣтели больше,

Нежели стяжутъ коль сихъ прочіи всѣ человѣки.
Внѣ Онъ долженъ быть Защищникъ Отечеству милу,
Воинствамъ всѣмъ Предводитель, и-сѝмъ верьховный Начальникъ;
Внутрь Судія, чтобъ-Подсу́дныимъ быть До́брыимъ, Разумныимъ, Счастли́выимъ.
Боги Царемъ его не-сму́ содѣяли въ пользу;
Онъ есть Царь, чтобъ былъ Человѣкъ всѣмъ Людямъ взаимно:
Людямъ свое отдавать онъ долженъ цѣлое время,
Всѣ свои попеченія, все и-усе́рдіе Людямъ;
Онъ потолику достоинъ Царить, поколику не-тщи́тся
Памятенъ быть о-себѣ, да-преда́стся Добру́ всенародну.
Царь Міно́й утвердилъ, по немъ чтобъ-не-па́рствовать Дѣтямъ,
Если они не-по-сѝмъ же Пра́вилямъ Царствовать будутъ.
Вышше любилъ онъ свой Народъ своегожъ Домочадства!
Мудрость сія то средствомъ была, что-онъ-вѐсь-Критъ содѣлалъ
Силенъ толь, и-просла́вленъ толь, и толь Благосчастенъ.
Мѣрность его сія помрачила громкую Славу
Всѣхъ Побѣдителей тѣхъ, которы стремятся да-ро́ды
Служатъ Величію собственну ихъ, Пустотѣ разумѣю.
Правдою онъ, наконецъ, заслужилъ быть въ Царствіи Мертвыхъ,
Въ Тартарѣ мрачномъ томъ Предсѣдателемъ и Суді́ею.

Ментору такъ сію продолжавшу мудру Бесѣду,
Острова къ бре́гу мы Кораблемъ легкоплывнымъ
пристали.
Взвидѣли тамъ Лавѵрінеѳъ искуснаго Де́дала дѣло,
Здѣланный весь съ образца́ большаго того Лавѵрінеа,
Мы котораго ужъ насмотрились довольно въ Егѵптѣ.
Въ са́мое время то, какъ-смотрили-мы Зданіе оно,
Толь весьма по-себѣ достойное всѣхъ любопытства,
Се узрѣли Народъ, покрывавшій землю пространну,
И прибѣгавшій во-многихъ Сонмахъ на-нѣкое мѣсто,
Блиское очень къ тому песчаному бре́гу морско́му.
Мы вопросили сего стеченія тутъ о-причи́нѣ;
Во́тъ-же, изъ-Кри́тянъ одинъ Навсікра́тъ, что намъ
и-повѣ́далъ.
Ідомене́й сынъ Девкаліо́новъ, а-вну́къ, -рекъ, Мі-
но́евъ
Былъ, какъ-и-про́чи Дана́йски [1]) Цари, на-Троя́нской
осадѣ.
Града по-взя́тіи поплылъ онъ въ Елладу возвратно:
Но восстала толь-на́глая Бу́ря, что-са́мъ Корабель-
щикъ,
Также и-всѣ искусныи тутъ въ Мореплавани мнили,
Не миновать отнюдъ потопленія въ безднѣ глубинной.
Каждый имѣлъ ужъ грозную смерть предъ-оча́ми
своими;
Про́пасти видѣлъ отверзты всякъ къ поглощенію ал-
чну;
Каждый скорбѣлъ и-рыда́лъ о-несча́стіи въ бѣдствѣ
толикомъ,

---

[1] Греческіи.

Бывъ безнадежденъ себѣ получить и-спокóйствіе Тѣ-
ней,
Стутъ [1]) въ Ладій преплывающихъ, какъ погребутся
обрядомъ.
Ідоменéй возводя и очи и-рýки на-нéбо;
Такъ Посідóна [2]) взывалъ: о Богъ, вопія, премогущій!
О укрощаяй Трезубцемъ державнымъ Море и-Вóлны!
Самъ услыши теперь единаго изъ Злополучныхъ:
Ежели дáруешь мнѣ возвратиться въ Критъ-óстровъ
безвредну
Водъ отъ ярости сихъ, возмущенныхъ бурными вѣтры;
То пожру [3]) я-тебѣ главу мнѣ перву представшу.
Временемъ тѣмъ Сынъ-егó, да-съ-Родúтелемъ свидится прежде,
Тщился къ нему побѣжать усрѣтая того и-объéмля;
Бѣдный! не-знáлъ, что-свою погибель онъ ускоряетъ.
Но Отецъ ужé, отъ-тоя избавлшійся бýри,
Здравъ къ вожделѣнну себѣ приближался Пристанищу Критску:
Благодарúлъ Посідóну, молитву его что-услышалъ;
Толькожъ почувствовалъ вскорѣ, обѣтъ коль былъ
смертоносенъ.
Внутрь предчувствіе горестна бѣдства его приводило
Въ зѣльну раскаянность, о своемъ Обреченіи дерзскомъ:
Онъ боялся къ Своúмъ прибыть и свидѣться съ тѣми,
Кои были ему дражайшее сáмое въ Свѣтѣ.
Но Немесія [4]) зла, Богиня не милосерда,

---

[1] Озеро адское. — [2] Нептунъ. — [3] Въ жертву принесу. — [4] Месть.

Бодрственна сущи казнить человѣковъ всѣхъ, особливожъ
Гордыхъ Царей и-Князе́й, рукой Судбинной не-зри́мо
Рѣяла Идомене́я. Се ужъ онъ прибываетъ;
Тамъ едва воззрѣть дерзаетъ своими очами,
Какъ и видитъ себѣ представша любезнаго Сына:
Онъ воспящается, страхомъ и-у́жасомъ зѣлѣнымъ объятый;
Ищетъ, но-всуе, другія Главы, не-толи́ко драгія,
Коя могла́бъ ему послужить въ закалаему жертву.
Сынъ возвергаетъ къ нему объемлющи ру́ки на-выю[1],
И дивится весьма, что-Оте́цъ соотвѣтствуетъ косно
Ласкѣ толикой своей, и-притомъ что онаго видитъ
Сле́зы точа́ща рѣкой, и-себя́ обливающа тѣми.
О! Родитель мой, говорилъ, что тако печаленъ?
По долговременномъ толь отсутствіи, иль непріятно,
Видѣть паки себя прибывша въ собственно Царство,
И въ немъ къ радости быть твоему причиною Сыну?
Что содѣлалъ я? Отъ-меня́ отвращаешь и-о́чи!
Но ничего въ отвѣтъ Отецъ, бывъ въ острой болѣзни.
По глубокихъ вельми воздыханіяхъ, рекъ напослѣдокъ:
Ахъ! Посидо́нъ, Посидо́нъ, что-тебѣ обре́къ-я обѣтомъ?
Коль отъ-пото́па соблюлъ ты-меня́ цѣною драгою?
Къ бойкимъ волна́мъ возврати опять, и къ камнямъ премногимъ,
Коимъ, сокрушшимъ всего, окончить мой-живо́тъ надлежало;
А живуща оставь моегожъ любезнаго Сына.
О жестокій Богъ! вотъ-моя́ кровь, на, воспріемли.

[1] Шея.

Онагожъ Ты пощади, да-не-бу́детъ она́ проліяна
Такъ говоря, насу́нулъ свой-ме́чъ, да-себя́ пробо
тѣмъ
Но при немъ всѣ бывшіи руку его удержали.
Стáръ-мужъ притомъ Софронтъ, толкователь бо
ски воли
Удостовѣрилъ его, что можетъ во-всемъ Посидо́н
До́вле [1]) онъ сотворить, безъ смерти невинныя С
Твоій обѣтъ, утверждалъ рѣчь такъ, былъ всяко
смыслен
Боги отнюдъ не-хотя́тъ быть лютостьми благодар
Бойся еще приложить къ твоему Оброку порочн
Грѣхъ, исполненіемъ симъ, Естества противный
конамъ
Въ жертву сію заколи сто-Воло́въ бѣлѣйшихъ и-с
Кровь ихъ при Олтарѣ излей увѣнчанномъ цвѣт
И воскури [1]) Ѳміамъ уханія въ честь Посидо́ну.
Идомене́й сію рѣчь слушалъ очи потупивъ,
И ничего Софронту на-ту́ отвѣщая словами.
Ярость уже́ въ очáхъ его пламенѣя горѣла
Въ Смыслѣ неистовство, а боль въ сердцѣ кип
пресвирѣпо
Блѣдно и-то́ще Лице по-мгновéніямъ цвѣтъ измѣн
Рѣчь безъ-ума́ сталъ-гласи́ть, и-стопа́ми шест
мнился
Видимы были всѣ-чле́ны его отъ-смущéніи др
жащи
Въ томъ говорилъ Сынъ-ему́: вотъ я, вотъ я, мой
дитель

---

[1]) Удовольствовать. — [2]) Ладанъ.

Сы́нъ-твой готовъ умереть къ утоленію Бога Морска́го;
Гнѣва его не-изво́ль привлекать на-себя́ опинаясь:
Радъ умираю, моя́-что тебя смерть-изба́витъ отъ-сме́рти.
Ну изволь, поражай, мой-Роди́тель, и-не́ опасайся
Видѣть Сына во-мнѣ недостойна и боязлива.
Въ сей часъ Идоменéй внѣ-себя́, и-терза́емый будто
Внутренно всѣми тремя [1]) Евме́ніды адскими люто,
Что́, -рекъ, стремишся на-сме́рть, и-дераешь твои́хъ-си́лъ-пребольше!
А исполнивъ наблюдавшихъ его и стрегшихъ прилѣжно,
Ме́чъ-свой въ утробу отрока Чада Отецъ [2]) вонзаетъ;
Тотъ извлекаетъ парный, тотъ кровію весь обагре́нный,
Вдругъ обращаетъ къ себѣ концемъ торопясь всеспѣшно,
Да прободетъ и самъ свою́ утробужъ пора́вну.
Но и-еще́ онъ-удержанъ его Окружавшими тамо.
Падаетъ съ кровію Сынъ, померкаютъ тѣнію очи;
Ихъ отверзаетъ на-свѣтъ, но-стерпѣть ужъ Свѣта немо́жетъ.
Такъ какъ-прекра́сный [3]) Крінъ, среди оре́мыя Нивы,
Въ корени Раломъ подсѣченъ бывъ, прегибается долу:
Сей не-лиши́лся еще бѣлизны, веселящія очи;
Но не-пита́етъ земный-сокъ его погасшія жизни.
Идоменéевъ подобножъ сынъ, какъ-младый-цвѣтъ нѣжный,
Люто пожне́нъ во-сво́емъ наченшися Юности вѣкѣ.

[1] Фурім. — [2] Трохейскій. — [3] Лілѣя.

Сталъ Отецъ отъ-болѣзни ужé презѣльны бесчувственъ:
Онъ не знаетъ гдѣ-éсть, что дѣлать, куда обратиться;
Идетъ шатаясь самъ на-ногáхъ ко Граду не прямо,
То на лѣво, на-прáво; и-Сына къ себѣ призываетъ.
Весь Народъ, пришедъ въ сожалѣніе крайно по-Сынѣ,
А въ омерзѣніе къ бесчеловѣчну дѣйству Отцову,
Вдругъ возопилъ, что-онъ-прéданъ [1]) Евмéнідамъ Правыми боги;
Ярость оружіе имъ подаетъ какое случилось:
Палки и-Кáмни берутъ, а- [2]) Егíда, невидима сущи,
Спѣшно сердцá смертоносной своей разжигаетъ отравой.
Критяне, мудрыи Критяне тѣ, забываютъ всю-мýдрость,
Кою толико они любили и почитали;
Внука Мінóева ужъ нектому къ себѣ воспріемлютъ.
Дрýги ему инáго спасенія въ чáсъ-тотъ не-вúдятъ,
Тóкмо-что вспять его увесть къ Кораблямъ съ нимъ-приплывшимъ:
Съ нимъ-же на-тѣ садятся, и-прóчъ по-Водáмъ убѣгаютъ.
Ідоменéй, въ себя пришедъ, благодарность имъ-кáжетъ,
Что отторгли его отъ-землú, котору Сыновней
Кровію онъ обагрúлъ, и жить въ ней болѣй не-мóжетъ.
Вѣтры приносятъ ихъ къ [3]) Есперíи прямо отъ-Крúта;
Новое Царство заводятъ гдѣ въ Салантінскихъ Предѣлахъ.

---

[1] Фурія. — [2] Богиня раздора. — [3] Італія.

Критяне, ужъ не-имѣя Царя себѣ Предержавна,
Всѣ утвердились избрать единаго и таковаго,
Кóй-бы соблюлъ во всей чистотѣ положéнны Законы.
Вóтъ-же на-тó Избраніе ими пріятые мѣры:
Вкупѣ всѣ собрались изъ-Градóвъ ста Первыи мужи.
Начато прежде, жертвъ приношеніемъ, важное дѣло;
Созваны Мудрыи Люди всѣ изъ-окрéстныхъ Селенiй,
Мýдрость-бы имъ разсмотрѣть въ почитаемыхъ Скипт-
тра достойныхъ;
Учреждены Потѣхи Избранникамъ, гдѣбъ подви-
заться:
Ибо хотятъ дать Царство во-мзду Побѣдившему проч-
чихъ
Силою Разума какъ, такъ рáвно и-сúлою Тѣла.
Всѣ желаютъ Царя по внѣшности крѣпка и-храбра,
Разума пóлна, и всѣхъ Добродѣтелей внутреннихъ
купно.
Всѣ сюда призываемы суть благосклонно Пришельцы.
Пóслѣ какъ-чýдную повѣсть сiю Навсiкрáтъ намъ-
повѣдалъ,
Такъ говорилъ онъ нáмъ-же: о-вы, Чужестранцы,
спѣшúтежъ,
Скоро спѣшúте пойти и вы въ Собраніе наше;
Будете также вы-тáмъ препираться Бореньми яв-
ленно.
Ежели Боги изъ-вáсъ одного учинятъ Побѣдивша;
То въ семъ островѣ онъ всеконечно царствовать ста-
нетъ.
Шли мы-за-нúмъ туда безъ-желáнiя всяка Побѣды;
Но любопытствомъ однимъ влекомы, да-видúмъ и-
сáми

Толь чрезвычайну вещь, и-обря́дъ торжественъ толико.
Мы пришли на нѣкую тамъ преобширну Полянку,
Лѣса густа́го ту окруже́нну Древа́ми отвсюду:
Въ ней на-среди́нѣ была Площадка Борителямъ къ дѣлу;
[1]) Амфіѳеа́трономъ вскрай опуше́нну изъ-свѣжаго де́рна,
Гдѣ на всемъ помѣще́нъ сидѣлъ Народъ неисчетный.
Мы пришедшіи въ Кругъ воспріяты учтиво и-че́стно:
Ибо Критяне Люди такіи въ Подсолнечной цѣлой,
Чтобъ имъ всѣхъ благороднѣй являться въ Гостопріи́мствѣ.
Насъ посадили тамъ, и-проси́ли на-По́двигъ Сраженій.
Менторъ отрекся свои́мъ отъ-того́ состарѣвшимся Вѣкомъ;
А отъ-того́жъ Азаи́лъ отказался за-Здра́вія слабость.
Юность и-Крѣпость мнѣ извиниться не попускали;
Толькожъ возвелъ я-тогда́ молчащій на-Ме́нтора око,
Мысль-бы его позна́ть, и-узрѣлъ, что мнѣ-би́ться желаетъ.
Такъ поднялся́-я на-то́; совлекся то́тчасъ одежды;
Чисто и-свѣтло взліянно Масло мои на-всѣ-Чле́ны;
И примѣшался уже́-я ко-всѣмъ хотящимъ сражаться.
Рѣчи отъ-всѣхъ гласятъ сторонъ: сей есть сынъ-Одуссовъ;
Прибылъ онъ сюда получить Награжденія по́честь.
Многіи Критянъ, которыи были въ нашей Іѳакѣ,
Какъ еще пребыва́лъ-я въ младенствѣ, меня́-тутъ признали.

[1] Театръ полукружный.

Начать бой, других всѣх Подвигов прежде,
Борьбою.
Родянин нѣкто, сей-около бывъ тритцати и-пяти
лѣтъ,
Прочих всѣх одолѣлъ съ ним тут дерзнувших
схватиться:
Лѣт молодых ещé-он имѣлъ всю Крѣпость и-Силу;
Мышцы плотны его и тѣльны весьма находились;
Видны егожъ всѣ Мышицы были при-двигѣ малѣй-
шем;
Въ равенствѣ былъ-онъ удалъ, могучъ, проворенъ, и-
гибокъ.
Я не-явился ему отнюдъ побѣжденъ-быть достоинъ;
Зря-же на-дѣтство мое съ презором, хотѣлъ отлу-
читься:
Но я самъ противу его вызывающій вышелъ.
Съялись мы-оба тогда другъ съ другом руками вза-
имно,
Да и стиснулись такъ, что-дыханія чуть не-лишились.
Было Плечо Плечу, и-Нога Ногѣжъ сопротивна;
Жилы у-насъ напряглись, и-сплели мы руки по-зми-
ски:
Каждый хотѣлъ пошибить своего Соперника сильно.
То подхватить меня на-Носокъ онъ правый пытался;
Силился то положить и-на-лѣву сторону бокомъ.
Трясшаго такъ зацѣпилъ-я съ бедры толь наискось
ловко,
Что въ Поясницѣ прегнувшійся онъ вдругъ-ударился
оземь,
И за-собой меня совлекъ верьхъ-надъ-нимъ одер-
жавша.

Всуе меняжъ преметнуть на инъ онъ-падыма́лся лежащій:
Я его держалъ въ рукахъ не-дая́ шевельнуться.
Весь Народъ возгласилъ: Побѣда Одиссова Сына!
Ро́дяща съ долу тогда́-то уже́ я на́ноги поднялъ.
Бой Кистене́мъ для-меня́ труднае былъ несравненно.
Сынъ богата отца, и-того́ Гражданина въ Само́нѣ,
Славу себѣ пріобрѣлъ велику битвою сею.
Прочіи всѣ уступили ему, я вызвался токмо.
Въ голову спе́рва, пото́мъ въ грудь-разы́ мнѣ-толи́ки отвѣсилъ,
Что я кровію харкнулъ, а-свѣтъ въ глаза́хъ помрачился.
Я шатался, тотъ напиралъ, мнѣ духъ захватило.
Но ободре́нъ я былъ закричавшимъ Ментороиъ въ голосъ:
Сынъ Одиссеевъ! Иль побѣжденъ ты хочешь остаться?
Гнѣвъ прежестокій мнѣ-то́ услышавшу но́вы-далъ Силы.
Я увернулся отъ-мно́гихъ разо́въ выбивающихъ ду́шу.
Какъ же скоро Самі́ецъ тотъ не-наро́чный дастъ-про́махъ;
И какъ-рука́ его простре́тся ко-мнѣ по-пусто́му;
То́тчасъ онаго я уловлялъ въ томъ-прицѣлѣ наклономъ:
Се онъ-уже́ воспящался, когда мой-Кисте́нь поднималъ Я,
Онаго чтобъ поразить увѣсистѣй гдѣбъ ни-попа́ло.
На́чалъ онъ отъ-уда́ровъ моихъ уклоняться почасту;
А потерявъ перевѣсъ въ Ногѣ и въ махѣ Рукою,
Далъ мнѣ способъ себя опрокинуть шибомъ на-зе́млю.

Такъ растянувшуся тамъ не медленно подалъ-я Руку:
Онъ восталъ и-въ-пыли́, и-въ-крови́, и-растре́паный гнусно,
Также хоть-въ-кра́йнемъ стыдѣ; однакъ не-дерзну́лъ ужъ сразиться.
То́тчасъ посемъ въ Колесницахъ ристаніе начато Коньми;
Каждому тѣ показаны жребіемъ распредѣли́вшимъ:
Ме́ныша, для-ле́гости мнѣ и-для-пры́тости Коней досталась.
Мы побѣжали; въ верьхъ-пы́ль подняла́сь, и небо закрыла.
Спе́рва я-всѣ́мъ попустилъ себя тутъ вы́предить прочимъ.
Нѣкто младый человѣкъ Спартанецъ, по-и́мени Кра́нторъ,
Всѣхъ другихъ назади́ у-себя́ оставилъ бѣгущихъ.
Кри́тецъ, а-се́й Полѵкли́тъ, за нимъ послѣдовалъ блиско
Вотъ Іппома́хъ, кой въ ближнемъ сродствѣ есть Ідомене́ю,
Тщится весьма обогнать Полѵкли́та и-Кра́нтора купно;
Нудитъ вождя́ми весьма, понуждаетъ и-мы́згомъ-онъ Ко́ней:
А и коле́са его Колесницы толь-рѣ́зво катились,
Что казались недвижимы быть по-свои́мъ-тѣмъ обратамъ,
Ра́вно какъ-кри́ла Орла быстропа́рна зрятся пловущи.
Кони мои, подстрѣкнувшись, бѣжать ужъ начали борзо;
Я позади себя почитай всѣхъ оныхъ оставилъ,

Кон толь горячо и рытво скакать попустились.
Вдругъ Ипполи́тъ, понуждая прекрѣпкихъ Коней на-
лишно,
Выброшенъ вонъ, и-свои́мъ несчастнымъ паденіемъ
оньмъ,
Идомене́я лишилъ надежды Царствовать въ Критѣ.
И Полукли́тъ, наклоняясь къ свои́мъ преизбыточ-
но Ко́нямъ,
Не удержался чрезъ-то́ на-Скочкѣ, былъ вышибенъ
разомъ,
Во́жди изъ ру́къ опустилъ, и-нашёлся сча́стливъ без
мѣрно,
Что возмогъ избѣжать притомъ очевидныя смерти.
Кра́торъ, видя глазами исполнь огорченія зѣльна,
Что я-его́ наганялъ, усугубилъ Ревность и-Рья́ности
То Бого́въ призывалъ, и-дара́ми имъ обрекался;
Ко́ней то возбуждалъ словами и-о́крикомъ также.
Онъ опасался, чтобъ-я́ не сталъ межъ нимъ и-грани́цей
Ко́ней его мои опредить могли не-уста́лы.
Не́было средства другаго ему, какъ-пресѣчь-мнѣ до
ро́гу.
Такъ сокрушить захотѣлъ Колесницу о-сто́лбъ руб
же́вый,
Да и впрямь изломилъ одно колесо о-Преді́лъ тотъ
Кони пужаются тѣмъ, и-наза́дъ отскочившіи ре́зво,
Изъ Хомуто́въ выбиваются, во́жди прервавши на-дво
Удила у́здъ-тамъ лежатъ, тамъ-отде́рнута Ось от
Отло́бель,
Спицы валяются тутъ изъ Ступицъ, а-Ободы инде
Да и-повсю́ду обломки разме́таны въ махъ Колесни
чны.

Я потщался кругóмъ обѣжать коль можно скорѣе,
Чтобъ не-сцѣпиться имѣ-съ-нáмъ; и быть за нимъ
предъ-Межéю.
Онъ и-увúдѣлъ меня совершившимъ Пóприще [1]) прежде!
Всѣ возгласили еще: Побѣда Одиссова Сына!
Боги конечно хотятъ, да онъ воцарится надъ-нáми.
Пóслѣ Вельможи и-всѣ благомýдрѣйшій Мужи изъ-
Крúтянъ,
Насъ повели въ преветху Дубраву, и-ту́ [2]) Священну,
Вдаль отъ-погáнаго взора Людей, да не оскверняютъ;
Тамъ Престарѣлыи, конхъ Мúно́й Судіями поставилъ,
Также уставамъ своúмъ и-въ-Блюстúтелей, собрали
насъ всѣхъ.
Были мы-тѣжъ, подвизались которы на-бывшихъ По-
тѣхахъ:
Всякъ другій до-того́ всеконечно не́былъ допу́щенъ.
Тѣ Мудрецы разогнули предъ-нáми Книги большúе,
Въ конхъ Законы Мино́евы всѣ написаны были.
Я почувствовалъ стыдъ и-почте́ніе благоговѣ́йно,
Какъ подступилъ уже́ тутъ въ близость къ тѣмъ Пре-
старѣлымъ,
Кои толь по лѣтамъ своúмъ досточтимы являлись,
И въ Маститствѣ томъ претве́рда Ума не-лишены́:
Въ стройномъ порядкѣ сидѣли они на-мѣстáхъ неподъ-
вижны;
Сѣ́ды-ихъ были Власы́, а многіи въ нихъ и-безвла́сны.
Мудрость сіяла на-úхъ-же Лицѣ и ва́жна и-кро́тка:
Не торопились они уста отверзать да-вѣща́ютъ:
И вѣщали токмо рещи́ что-намѣ́рены были.

---

[1] Стадія. — [2] Трохейскій.

Мнѣнія ихъ когда разногласны о-чёмъ находились;
То содержали съ обѣихъ сторонъ толь-умѣренно они,
Что утвердилъ бы всякъ ихъ мнить Согласное точно.
Долгій Искусъ [1]) прошедшихъ вещей, къ трудолюбію Навыкъ,
Имъ подавали на-всё дальновидность прозрѣній великую.
Въ бо́льшее разумъ ихъ Совершенство всегда приводила
Тихость покойна Сердецъ, отъ-страстёй младобуйныхъ свобождшись:
Смиренному́дріе тожно одно въ нихъ дѣйствовать зрилось,
А долговременны былъ Добродѣтели плодъ, Благоравность
Толь покорена, что-разуму тѣ безъ-труда́ подвергались.
Имъ удивлялся, желалъ чтобъ-моя́-жизнь, скратиться возмогши,
Вдругъ приспѣла къ Старости сей только любезной:
Юность тѣмъ находилъ-я несчастну весьма и-пребѣдну,
Что стремительна толь, и толь она́ удале́нна
Отъ Добродѣтели, такъ благосмысленны, такъ и-смире́нны.
Первый изъ-сихъ Мужёй раскрылъ Законную книгу.
Книга больша́я сія, обычайно тамо держима
Во Влага́лищѣ, сёмъ-же злато́мъ съароматовъ уханьми.

---

[1]) Опытъ.

Всѣ изъ нихъ ея предъ-разгнутіемъ облобызали:
Ибо они утверждаютъ, что, -послѣ Боговъ величайшихъ,
Отъ которыхъ намъ приходятъ Законы благіи,
Нѣтъ ничего инаго Священнѣйша всѣмъ Человѣкамъ,
Развѣ Законовъ, чтобъ Людямъ быть-Добрымъ, Разумнымъ, Блаженнымъ.
Кто имѣетъ въ рукахъ Законы, да-правитъ Народомъ,
Долженъ всегда и самъ поступать по-Законамъ-же вѣрно:
Ибо Законъ, а не Человѣкъ, въ насъ царствовать долженъ.
Тѣ премудрыи Мужи слова таковы-то вѣщали!
А потомъ Предсѣдатель намъ предложилъ три-Задачи,
Кои рѣшить по Миновымъ правиламъ всѣ надлежало.
Первая сихъ: кто Вольнѣйшій есть изъ всѣхъ Человѣковъ?
Тотъ отвѣщалъ, что Царь верьховну Державу имущій,
И побѣдитель есть всегда надъ-своими врагами.
Но другій, что то Человѣкъ пребезмѣрно богатый,
Кой довольствовать всѣ свои пожеланія можетъ.
Сіи мнили, что-тотъ, который есть не-женатый,
И путешествуетъ жизнь всю-свою въ чужестранные земли,
Не подчиненъ отнюдъ никакова Народа Законамъ.
Тѣ содержали, что-Варваръ то въ Лѣсу пребывающій,
И звѣринымъ питаяйся Ловомъ, отнюдъ не-зависящъ
Отъ повелѣній Градскихъ, и-отъ-всякія нужды другія.
Были и-Мнящіи, что Человѣкъ Увольненый ново,
Какъ исходящій отъ-Работъ жестокихъ всегдашни Неволи,

Болѣй чувствуетъ всѣхъ другихъ онъ сладость Свободы.
А наконецъ иныи, что-то́ Человѣкъ, кой-при-Сме́рти,
Тѣмъ что онаго Рокъ отъ-всего́ свобождаетъ конечно,
И Человѣки всѣ надъ нимъ не-имѣютъ-ужъ вла́сти.
Я, въ мою́ чреду́, отвѣщалъ не-опну́вшись ни-ма́ло,
Какъ не-забывшій, что-Ме́нторъ о-то́мъ-мнѣ говаривалъ часто:
Во́льнѣйшій всѣхъ, я-сказа́лъ, кто воленъ въ са́мой Неволѣ.
Гдѣбъ и-како́въ кто-ни-бы́лъ, пресвободенъ тотъ пребываетъ,
Если бонтся Бого́въ, и то́кмо-что оныхъ бонтся:
Словомъ, поистинѣ Воленъ тотъ, кто, всякаго страха
Чуждь, и всѣхъ Прихоте́й, Богамъ и Разуму служитъ.
Старшіи Мужи воззрѣли на-Дру́га другъ осклабляясь,
И удивились они, что-Отвѣтъ мой точно Мино́евъ.
Предложена́ пото́мъ другая Задача въ словахъ сихъ:
Кто Несчастнѣйшій есть изъ всѣхъ Человѣковъ во-Свѣтѣ?
Каждый сказывалъ такъ, какъ-свои́мъ онъ Разумомъ мыслилъ.
Тотъ говорилъ, что ято Небогатъ, Нездоровъ, и-Нече́стенъ.
Сей содержалъ, что нѣтъ у-кого́ піединаго Дру́га.
Инъ изрекъ, что-Оте́цъ, у-кото́раго Дѣти такіи,
Кои не благодарны ему, и-его́ недостоіины.
Былъ Мудрецъ тутъ съ о́строва Ле́свона такъ провѣщавшій:
Самый Несчастный есть, кто-себя́ почитаетъ Несчастна,

Ибо Несчастія нѣтъ въвещахъ изнуряющихъ столько,
Сколько того въ Нетерпѣніи пріумножающемъ бѣо.
Слыша сіе, Собраніе все воскликнуло громко:
Всѣ восплескали эму руками, и-каждый такъ-думалъ
Что сей-Мудрецъ за-сію Задачу Почесть одержитъ.
Но вопрошенъ-былъ и-я, въ отвѣтъ имъ скоро сказавшій.
Слѣдуя Правиламъ тѣмъ, научился отъ-Ментора коимъ,
Что во всѣхъ Человѣкахъ есть то Царь пребесчастенъ,
Мнится пресчастливъ кой-быть, что въ бѣдность прочихъ ввергаетъ:
Онъ, по-своей слѣпотѣ, еще сугубо несчастливъ,
Какъ не-могущій знать своегожъ несчастія точна,
И не можетъ притомъ отъ-него никогда устраниться.
Тѣмъ что-боится въ себѣ его познать совершенно:
Истина, Льстящихъ къ нему сквозь-Толпу не можетъ продраться.
Мучимъ онъ-люто есть всегда своими Страстями;
Онъ изъ Должностей всѣхъ отнюдъ ніедины не-знаетъ;
Сладости онъ никогда не-вкусилъ Добра въ сотвореніи,
И никогдажъ не-видалъ Красоты въ Добродѣтели чистой:
Онъ Злополученъ во-всемъ, и-достоинъ быть Злополученъ;
Каждый день эму несчастій еще прибавляетъ;
Къ гибели онъ своей бѣжитъ, и-готовятся Боги
Онаго преостыдить вельми Наказаніемъ вѣчнымъ.
Весь Соборъ призналъ побѣжденна мною Лесвійца;
А Престарѣлыя Мужи тѣ и всѣмъ объявили,

Что улучилъ а Толкомъ въ истинный Разумъ Минѳемъ.
Въ третіей тутъ-же Задачѣ сіе вопрошеніе было:
Кой изъ двухъ Царей предпочтенія лучше достоинъ?
Царь-ли, кой-ѣсть Побѣдитель и-не́ одолѣемъ набра́ни;
Иль не Войтель Царь, но Миролюби́въ въ Предержавствѣ?
Многихъ отвѣтъ-былъ, что-Ца́рь Ратоборецъ есть предпочтеннѣй.
Ибо на-что́, говорили, имѣть Царя Миролюбца,
Ежели править умѣя, онъ не-умѣетъ защи́тить
Царства, когда на-него́ Война пресильная будетъ?
Тѣмъ, Враги побѣдить его удобно возмогутъ;
По́дданныхъ же они приведутъ въ неволю и Рабство.
Многіи, на сопротивъ, содержали Царя Любоми́рва
Лучшаго быть затѣмъ, что Бра́ней-бы онъ опасался,
И отъ тѣхъ-бы своимъ убѣгалъ Промышленіемъ мудрымъ.
Много нашлось и-Другихъ, которыи такъ утверждали,
Что Бранноносный Царь трудился-бъ о-славѣ Подсудныхъ
Ревностно также, какъ-и о-своемъ прославленіи громкомъ,
И Господи́номъ-бы здѣлалъ Народъ надъ-чужи́ми Народы.
Но Царь, любящій Миръ, тотъ ври́нулъ-бы въ Робчество подло.
Мысль и-мою́ восхотѣли знать, Я-отвѣтствовалъ тако:
Царь искусный державствовать токмо въ Мирѣ иль-въ-бра́ни;

И руководствовать свой Народъ единственно въ сихъ двухъ,
Есть не Полный Царь, да-Царя́ половина едина.
Будемъ сличить Царя Войнолюбна съ му́дрымъ Державцемъ,
Кой, не-умѣя самъ, Полководцами бра́нь совершаетъ;
Тосей есть, по мнѣ, Предпочтеннѣйшій всяко Другому.
Царь, преклонный къ Войнѣ, всегда весть бра́ни восхощетъ,
Распространи́ть-бы Державу свою́, и собственну Славу;
Чемъ неминуемо онъ разоритъ себѣ Подзаконныхъ.
Кая Польза симъ, что Ца́рь-ихъ Другихъ покаритъ,
Буде въ Царство его бесчастны они пребываютъ?
Сверьхъ же, долгая брань всегда бесчинiе вводитъ;
Портятся и Побѣдители сами въ то-смутное время.
Зрите, въ колико стало Троянъ побѣдившей Еллядѣ:
Десять, и-бо́льше, лѣтъ безъ-Царе́й сія пребывала.
Бра́ни пожаръ когда разливается пламенемъ всюду;
То Земледѣльство, Художества нынутъ, молчатъ и-Зако́ны.
Лучшiи всѣ изъ-Царе́й, какъ брань имъ выдержать должно,
Принуждены сносить величайшее Золъ, Своевольность,
И удостоивать въ Службу себѣ Людей пренедобрыхъ.
Сколько Злотворцевъ въ Миръ подъ смертную казнь подпада́ютъ,
Кои себѣ получаютъ въ брань Награжденiя По́честь?
Не́бывъ Царь никогда Побѣдитель ни-въ-ко́емъ Народѣ,

Отъ Властолюбія гдѣбъ его не-страда́ли прежняго. И
Царь Побѣдитель, ужо́ упоенный Славой Дѣяній,
Столькожъ почти Народъ побѣдительный свой разо-
ряетъ,
Сколько всѣ Племена отъ-него́ побѣжденны другія.
Царь, не-имѣяй къ Миру въ себѣ Дарованій потребныхъ,
Сладкихъ не-мо́жетъ пода́ть Плодовъ окончанныя бра́ни:
Онъ-есть, какъ-кто́ свою́ защищаетъ отъ-бли́жняго Ниву,
Ниву его себѣ отнявъ безъ всякаго Права,
Толькожъ не-въ-си́лахъ ея взорать, засѣять, и-плоды́ снять.
Кажется сей Человѣкъ рожденъ разрушать что-нибудь,
Опустоша́ть громя, и-всецѣлый Міръ испровергнуть,
А не-содѣлать сча́стливъ Народъ Правительствомъ мудрымъ.
Сежъ миролюбный Царь. То правда, что-о́нъ неспособенъ
Къ Завоева́ніямъ, тоесть, къ общу людей Неспокойству;
Коихъ ему отнюдъ Справедливость не подчинила:
Но когда въ немъ есть способность къ правленію въ Мирѣ;
То онъ можетъ привесть свой-Наро́дъ отъ-врагово́въ въ безопасность.
Ка́къ-же-то? Онъ правдивъ, умѣренъ, скло́ненъ къ сосѣдямъ;
Онъ ничего на ихъ Спокоiствіе не предпріемлетъ;

И хранитъ свои обязательства точно и-вѣрно.
Онъ любимъ-есть своими Союзники всѣми сердечно,
Тѣмъ что-имъ-страха нѣтъ, а-Надежда на-Онаго цѣла.
Ежели нѣкій есть Сосѣдъ беспокойный и-гордый;
То окрестныи всѣ Цари, сего опасаясь,
А къ любомирну тому не-имѣя зависти въ сердцѣ,
Соединяются съ Добрымъ, да-онъ утѣснѣнъ-быть не-
можетъ.
Скромность его, егожъ бескорыстіе, добрая Вѣрность,
Дѣлаютъ, что Судія онъ есть окрестнымъ Державамъ.
Царь предпріимчивый, всѣмъ другимъ Царямъ нена-
вистенъ,
И подверженъ ихъ-частымъ Скопамъ, и-ихъ Заговo-
рамъ;
Мирна Царя, какъ-Отца, иль Опекуна величаютъ
Всѣ Скиптродержцы себѣ, за-его подобныя свойства.
Сіи-то суть отвнѣ ему преимущества многи:
Коимижъ внутрь наслаждается онъ, тѣ твердѣйши
внѣшнихъ.
Тѣмъ-что способенъ весьма къ правленію тихому въ
Мирѣ;
То полагаю, что-правитъ все по-премудрымъ Зако-
намъ.
Въ Царствѣ его нѣтъ Пышности, Неги, и-злыхъ Ху-
дожествъ,
Служатъ которыя только къ сему, да холятъ Пороки:
Въ немъ цвѣтутъ у-него Рукодѣлія съ Промыслы тѣми,
Кои полезны прямымъ потребамъ и-жизненнымъ ну-
ждамъ;
Болѣежъ изъ Подчиненныхъ ему прилѣжатъ къ зе-
мледѣльству:

Сынъ изобильно у-нихъ всего, въ чемъ Необходи́мост
Сей трудолюбный Народъ, въ своихъ простъ прав
всеобще;
Малое кой нуждать обыкшій и-тѣмъ содержатьс
Ралом себѣ пропитаніе всякожъ промыслить умѣя
Множится пременесчётнымъ числомъ въ напольно
Селянствѣ.
Вотъ-же премногій Народъ; но-Наро́дъ здоровый
крѣпкій,
Кой невнѣженъ превредными Роскошей мягки
сластями,
Кой упражненъ въ подвижностяхъ всѣхъ Добродѣ
ли трезвы,
Кой ни мало не пригвожденъ къ веселіямъ жизни,
Кой презираетъ смерть, и-умре́ть пожела́лъ-бы ох
шѣй,
Нежели Вольность свою́ потерять при-Царѣ благом
ромъ,
Царствовать тожно хотящемъ, да-па́рствуетъ прав
шій разумъ.
Царь Бранноносецъ блискій пускай на-Наро́дъ-с
восстанетъ;
Не́гли [1]) его не-увѣдитъ умѣюща въ Станъ разв
статься,
И ополчиться притомъ устроеніемъ къ битвѣ нар
ной,
Иль прикатить стѣнобитны Орудія Градъ осадить б
Но увидитъ того по Множеству не побѣдима,
Не побѣдима по-Му́жеству, по Терпѣнію ра́вно,

---

[1] Можетъ статься что.

По свершенію всѣхъ трудовъ и бѣдностей сáмыхъ,
Въ битвѣ по-Крѣпости, и по-такóй Добродѣтели твердой,
Кою сломить никакій худый успѣхъ не-возмóжетъ.
Будетъ сей-Цáрь не-имѣетъ въ себѣ довольна Искусства,
Самъ въ приведеніи Войскъ, и-въ-начáльствѣ надъ-ними какъ-дóлжно;
То приставитъ къ тѣмъ Полководцевъ сáмыхъ способныхъ,
Употребúтъ же сихъ, не-лишáясь собственны власти.
Онъ можъ тѣмъ получúтъ отъ-своúхъ Союзниковъ пóмощь.
Пóданны всѣ, природно его, упрýтъ напáче,
Нежель они подчинятся тому Скиптродержцу Другому,
Бывшему наглу толь, и-неправéдну, и лихоимцу:
Сами Боги сражаться въ Бою за онаго станут.
Зритежъ, какое пособіе въ бѣдствахъ своихъ возúмѣетъ!
Тѣмъ заключаю, что-Мúрный Царь воевать не-умѣй,
Царь есть не совершенъ, и не совершúтъ-же помногу,
Ибо изъ-Знáній своихъ не можетъ исполнить большáго,
Тоесть, дабы ему побѣждать Супостатовъ конечно:
Но говорю, что-превышше онъ Царя Браннолюбца,
Въ коемъ потребныхъ къ Миру нѣтъ-Свóйствъ толь не обходимыхъ.
Я ощутилъ въ Собраніи томъ находившихся многихъ,
Мнѣнія сіи мои не-могли быть любы которымъ,

Часть поневе большая Людей, прельщенна бли-
[illegible] станьми,
Тѣхъ и славныхъ Побѣдъ, и-великихъ Завоеваній,
Предпочитаетъ тому-ихъ, что Просто, Тихо, и
[illegible] Твердо,
Какъ то Миру, и-внутрь Расправѣ всегда Благострой-
[illegible] ной.
Но Престарѣлыи Мужи тѣ въ слухъ всѣмъ объявили,
Что мои Слова Міноевымъ точно согласны.
Первый оныхъ Мужей Престарѣлыхъ рекъ воз-
[illegible] глашая:
Нынѣ исполненный вижду се Отвѣтъ Аполлоновъ,
Вѣдомый обще на-всемъ здѣ нашемъ Островѣ Критѣ.
Нѣкогда самъ Міной вопрошалъ Боговъ, да-познаетъ,
Время колико Родъ его пребудетъ на-Царствѣ;
Но учрежденнымъ всѣмъ отъ-него преизящнымъ За-
[illegible] конамъ.
Богъ отвѣщалъ: Твои уже Царями не-будутъ,
Придетъ на-островъ сюда когда Человѣкъ Чуже-
[illegible] странный,
Да воцаритъ на немъ положенны Законы Тобою.
Мы боялись, что-нѣкто Пришлецъ завоюетъ сей
[illegible] Островъ:
Но злоключеніе Ідоменею у-насъ, и-толика
Мудрость Одуссова сына, въ знаніи сущемъ Законовъ,
Что подобенъ никто ему изъ всѣхъ Земнородныхъ,
Разумъ того объявляютъ намъ Аполлонска отвѣта.
Чтожъ мы медлимъ сего увѣнчать на-Престолъ поса-
[illegible] ждая,
Коего намъ въ Царя подаютъ Судьбы непреложны?

КОНЕЦЪ ПЯТЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ШЕСТАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Телемахъ разсказываетъ, что онъ отрекся отъ Царствованія въ Критѣ, дабы возвратиться ему въ Іѳаку; что предложилъ избрать въ Царя Ментора, отказавшагося также отъ Діадимы: что никогда, когда Собраніе принуждало Ментора, выбрать Царя вмѣсто всего Народа; то онъ представлялъ имъ увѣщаніе себѣ о Добродѣтеляхъ Аристодимовыхъ, которыя и провозглашены Царя въ тотъ самое время. Напослѣдокъ, Менторъ и онъ Телемахъ сѣли въ Корабль, да отплывутъ въ Іѳаку: но Посидонъ (Нептунъ), въ утѣшеніе разгнѣванной Аѳродитѣ (Венерѣ), вспрянулъ ихъ въ Кораблекрушеніе, по коемъ богиня Калипса возприяла оныхъ на свой Островъ.

Всѣ Престарѣлыи Мужи тѣ, ни мало не-мѣдля,
Вышли вонъ изъ-Окружности той священнаго Лѣса;
Пѣрвыи-же въ нихъ тогда меня за руку появши,
Провозвѣстилъ Народу всему съ нетерпѣніемъ ждавшу
Дѣлу рѣшенія, что то я Побѣдникъ явился.
Онъ едва окончилъ, какъ шумъ сталъ слышимъ-быть смятныи
Въ томъ Собраніи всемъ, отъ радостныхъ восклик-новѣніи.
Брегъ, и-окрѣстные всѣ огласились горы-симъ кли-чемъ:
Сынъ Одиссѣевъ, Міною подобенъ, царствуетъ въ Критѣ!
Нѣсколько ждалъ, и-давалъ [1]) мановѣніе въ знакъ и-рукою,
Требуя, да отъ нихъ замолчавшихъ выслушанъ буду.

[1]) Махнувъ.

Менторъ между тѣмъ мнѣ говорилъ шепта́ніемъ въ ухо:
Иль отрещись ты отъ твоего Отечества хочешь?
Иль позабыть ужъ-пришло́ съ честолюбія, да воцаришся,
Мать Пинелопу, жду́щу тебя какъ-после́дню надежду?
Иль и-велі́каго также Одусса, котораго Боги
Благосуди́ли отдать тебѣ, да онаго извидишь?
Сі́и слова́ пронзили мое въ глубокости сердце,
И отвратили меня отъ-жела́нія къ Царствію тще́тна.
Въ томъ уже́ всего молчаніе онаго Сонма,
Дало мнѣ-спо́собъ такъ изъясниться моими словами:
Мужіе Критски! о пресловущій родъ въ Поднебесной!
Я недостоинъ есмь отнюдь быть вамъ Повелитель.
Божескій оный отвѣтъ, въ подтвержденіе здѣсь приведенный,
Точно гласитъ, что-преста́нетъ Мино́ево Царствовать племя,
Сидетъ когда на островъ сей Человѣкъ чужестранный,
И воцаритъ Законы Царя того многому́дра:
Но не-вѣщаетъ онъ, что-Пришле́цъ тотъ самъ воцарится.
Пусть такъ будетъ, что-е́смь Чуждозе́мецъ тотъ всеконечно,
Коего Фівъ Аполлонъ отвѣтомъ свои́мъ означаетъ:
Я пророченіе то совершенно и-цѣло исполнилъ;
Я, сшедъ съ Корабля, вступилъ на Кри́тскій-сей Островъ;
Я улучилъ Законовъ Мино́евыхъ въистинный разумъ;

Я и-желáю, да-вáми съ Избранными царствуютъ они.
Чтожъ до-менá; то-моé Отечество предпочитáю,
Скудный и-мáлый островъ вашъ, зовому Іѳаку,
Цѣлому Ству большúхъ Градóвъ, счисляемыхъ въ Критѣ,
Также богатству и слáвѣ сего прекраснаго Царства:
Вы попустúте, да-слѣдую я Судбинну Предѣлу.
Я подвизался на-вáшихъ Боревúхъ не по-надéждѣ,
Да здѣсь царствую въ васъ, но токмо да удостоюсь
Благопріятства къ себѣ, и жалости вашея рáвно;
Было то, наконецъ, да-менá вы средствомъ снабдúте
Къ спѣшну возврату въ то-мéсто, гдѣ-я́ на Свѣтъ породился.
Лучше желаю послушенъ быть Отцу Одúссéю,
И утѣшать Пинелопу, матерь мою, совокупно;
Нежели надъ всея Вселенны царствовать Роды.
Критяне! вамъ видна́ моего ужъ внутренность сéрдца;
Должно оставить мнѣ-васъ: но-едúна смерть окончаетъ
Всю мою́ благодарность вамъ. Ей! тóчно-такъ будетъ,
Что Телемахъ до-послéдня дыханія Критянъ возлюбитъ,
Тщась о славѣ ихъ-тáкъ, о-своéй какъ собственной рáвно;
Времяжъ ни-кóе загладитъ Память въ вѣчности вашу.
Токмо что-я́ изрекъ, какъ-глухúй-шумъ подъялся на-вóздухъ,
Нѣкакъ подобенъ бывъ морелиянны бушýйности Зыку,

Во́лны когда межъ-собо́й споражаются пѣннымъ бу-
ру́номъ.
Тѣ говорили: не-нѣ́каяль то божественность горня,
Явлшася нынѣ намъ человѣческа о́браза въ видѣ?
Сіи вѣщали, что-и́ндѣ меня имъ видѣть случилось,
И что-они́ не ложно тогожъ меня здѣ-призна́ли.
Но Другіи такъ вопіяли крикомъ великимъ:
Должно принудить его, да царствуетъ оный надъ-
на́ми.
Я, наконецъ, предпріялъ рѣчь-опя́ть, и-неме́дленно
каждый
Заторопи́лся молчать, не зная еще совершенно,
Не восхощуль воспріять, отъ-чего́ я спе́рва отрекся.
Сежъ и рѣчи мои, тогда говорилъ имъ-кото́ры:
Мужіе Критстіи! Васъ прошу теперь попустить
мнѣ,
Да изреку вамъ то, что я въ себѣ помышляю.
Правда, Вы благому́дрѣйши всѣхъ человѣковъ подъ-
Со́лнцемъ:
Но, какъ мню, Благомудрію быть надлежитъ пред-
опасну;
А сея предохранности въ васъ теперь я-не-ви́жду.
Должно вамъ избрать не-тако́ва отнюдъ человѣка,
Кой бы умствовалъ лучше всѣхъ о силѣ Законовъ,
Но исполнялъ бы тѣ въ Добродѣтели препостоя́нной.
Чтожъ до-меня́; Я младъ, посему и-безъ-о́пытовъ
дальныхъ,
Наглости я притомъ Страстей кипящихъ подвер-
женъ:
Такъ что, больше могу, повинуясь, прямо навык-
нуть

Нѣкогда быть Повелителемъ Другимъ, и-надъ-ними
Державцемъ.
Тѣмъ не-ищи́тежъ себѣ Человѣка иныхъ Побѣдившаго
Разума также и-тѣла Борьбой, но-себи́ одолѣвша;
Мужа сыщите вы, имѣюща ваши Законы
Проначертанны на-се́рдцѣ своемъ, и-кото́рагобъ всѣ
жизнь
Токмо была Законовъ тѣхъ исполненіе вѣрно:
Вы его по-Дѣла́мъ, а не по-Рѣча́мъ изберите.
Симъ разсужденіемъ всѣ Престарѣлыи тѣ усла-
дившись,
Видяжъ всегда возрастающи рукоплеска́нія Сонма,
Мнѣ изрекли: повеже намъ-Бо́ги отъемлютъ надежду,
Видѣть тебя Царемъ посредѣ насъ Скиптродержа́-
щимъ;
То, на малыи конецъ, помоги́-намъ сыскать Вѣшно-
носца,
Слугъ который далъ Законамъ Царствовать нашимъ.
Знаема нѣтъ-ли тебѣ кого Человѣка могуща
Повелѣва́ть на-Престо́лѣ съ симъ Благонравіемъ
вѣрнымъ?
Знаю, сказалъ имъ то́тчасъ я, одного Человѣка,
Давшаго все мнѣ то, чемъ вы удивле́ны толико:
Мудрость его, не-моя́, во мнѣ теперь провѣщала;
Та вдохнула въ меня всѣ-Отвѣты, слышаны вами.
Купно Собраніе все возверглo на-Ме́нтора очи,
Коего имъ указывалъ я державныи за-ру́ку.
Всѣ возвѣстилъ его о-моем̀ попеченіи Дѣтствѣ;
Бѣдствія всѣ, отъ-кото́рыхъ меня избавилъ спасая;
Также и-всѣ меня поразившии Несчастія скоро,
Я когда его не слѣдовалъ зрѣлымъ Совѣтамъ.

Сперва всѣ на-него не-взирали-тамъ Люди ни-мало,
Ради простыхъ егожъ одеждъ и-весьма неряшливыхъ,
Скромности ради въ немъ, и-всегдашния молчания
купно,
Также и-ради пасмурна вида его и-воздержна.
Но какъ-вперили ужъ на-него приближные взоры;
То на-его Лицѣ вознесенное нѣчто узрѣли:
Ясный ужо очей его жаръ всѣ усмотрили,
Равно и-твердость во-всѣхъ обратахъ его самомнѣйшихъ.
Тутъ вопросили его, и-Отвѣты услушали чудны;
Провозгласить потому Егожъ въ Царя утвердились.
Онъ отъ-того отрекся отнюдъ въ себѣ несмущенный:
Рекъ, что Сладость простыя жизни предпочитаетъ
Свѣтлосиянію, и всему Величію Царства;
Что наилучшія всѣ Цари пребываютъ несчастны,
Тѣмъ-что почти никогда не дѣлаютъ Доброе оно,
Дѣлать которо хотѣли, а-дѣлаютъ Злое почасту,
Предуловлены Ласкательми, коего не изволяли.
Онъ приложилъ, что-колико бѣдна есть Служня Неволя;
Царство толикожъ, еще и-бѣднѣе, вещи по-самой,
Тѣмъ что Рабствожъ оно, Багрянитое токмо снаружи.
Кто когда есть Царь, тотъ-ужо отъ всѣхъ-тѣхъ зависитъ,
Нужны которы ему, беспрерѣчно послушны да-будутъ.
Счастливъ трикратно, кто не сталъ Повелителемъ Главнымъ!
Должны-мы всяко отдать Отечеству нашу-всю Вольность,

Буде когда намъ власть повѣряетъ нѣкую оно,
Да неусыпны положимъ труды о Пользѣ Всеобщей.
Критцы, не-могши притти въ себя отъ-предивна восторга,
Тутъ воспросили его, Когожъ-бы избрать надлежало?
Мужа, отвѣтствовалъ онъ, который васъ-знаетъ изрядно,
Тѣмъ-что Ему надлежитъ быть въ васъ Правителемъ Вышнимъ,
И который-бы Вамъ Правителемъ быть устрашался.
Царствовать кто желаетъ, тотъ не вѣдаетъ Царства;
Какъ-же ему Незнающу Должности Царски исполнить?
Ищетъ сей-Скиптра себѣ одному; а надобенъ вамъ Мужъ,
Кой-бы восшелъ на-Престолъ съ любви къ Народу всецѣлу.
Критяне въ странномъ всѣ притомъ изумленіи были,
Видя Пришельцевъ двухъ отрекавшихся прямо отъ-Царства,
Кое отъ-всѣхъ другихъ снискуемо есть попремногу;
Знать восхотѣли они, съ кѣмъ прибыли тѣ Чуждоземцы.
Тутъ Навсікратъ, приведый отъ-Пристанища въ Кругъ-ихъ Собора.
Подвиги были гдѣ, и выборъ еще продолжался,
Имъ указалъ тогда Азаила, съ которымъ мы-купно,
Менторъ и-я, Кораблемъ отъ острова приплыли Кѵпра.
Но удивленіе въ нихъ несравненно большее стало,

Какъ познали они, что Менторъ былъ-Рабъ Азаи́лов;
Что Азаи́лъ изъ-Раба́, за Мудрость и-за́ Добродѣтель,
Здѣлалъ его себѣ Совѣтникомъ, лучшимъ и-Дру́гомъ;
Что сей-увольненный точно Рабъ Царе́мъ-быть от-
рекся;
И что самъ Азаи́лъ изъ-Дамаска прибылъ Сурійска,
Да и онъ навыкнетъ Мино́евымъ твердо Законамъ:
Мудрости толь Любовь все сердце его наполняла!
Старшіи такъ рекли Азаилу: мы не-дерза́емъ
Прозьбу тебѣ принесть, да быть Самодержецъ вос-
хощешь:
Пбо мнимъ, что-еди́ны съ Ментором мысли имѣешь;
Толь презираешь Людей, что-имъ-быть Правитель
не-мо́жешь;
А кромужъ отвращенъ толико ты отъ-Бога́тства,
И отъ-пресвѣтлости, Царскій престолъ осѣняющи
пышно,
Что не благоволи́шь снискать сію Лучезарность
То́щнымъ [1]) трудомъ, съ Правительством кой со-
пряже́нъ-есть Народовъ.
Имъ Азаи́лъ отвѣчалъ: о Критяне! мнить не-изво́льте,
Что́бъ-я Людей презиралъ. Нѣтъ, нѣтъ; я вѣдаю прямо;
Ко́ль-есть велико трудиться, да-Бла́ги будутъ и-Сча́-
стны:
Но сей тягостей трудъ исполненъ и-мно́гихъ напа-
стей.
Свѣтлость, счета́нная съ нимъ, есть ле́стна и-ло́жна
конечно,
Да и токмо она́ ослѣпляетъ тщеславныя Души.

[1] Натужнымъ.

Жизнь кратка; а-Величіемъ Страсти возбуждаются вящше,
Нежели тѣмъ они удоволить Прихоти могутъ.
Я сихъ ложныхъ Благъ не-желать, а-не-къ-нимъ-бы привыкнуть,
Въ Критъ восхотѣлъ побывать отъ-Страны удаленны толико.
Кланяюсь вамъ, Простите: уже я токмо намѣренъ,
Чтобъ возвратиться-мнѣ къ жизни покойной и-уединенной,
Въ коей-бы Мудрость питала сердце-мое, а-Надеждабъ,
Плодъ Добродѣтели, на другую жизнь-Лучшу по-Смерти,
Здѣсь утѣшала меня въ болѣзняхъ Старости дряхлы.
Еслибъ чего-мнѣ желать; то-желалъ бы я не-Царемъ быть,
Но никогдабъ отъ сихъ Человѣкъ двухъ не отлучаться.
Критяне тутъ, наконецъ, возопили къ Ментору словомъ:
Ну скажи, о Мудрѣйшій и величайшій изъ-Смертныхъ!
Ну скажижъ, когобъ-намъ избрать себѣ въ Самодержца?
Мы не-отпустимъ тебя, пока не-назначишь-намъ Мужа.
Онъ отвѣтствовалъ имъ: Какъ былъ я зрителей въ Сонмѣ,
То усмотрилъ тогда человѣка не тороплива:
Онъ мужъ старъ; но-довольно бодръ по виду и-крѣпокъ.

Я спросилъ, кто онъ; мнѣ сказали, что-Аристодѣмъ то.
Послѣ того ему сказуемо тутъ-я услышалъ,
Что два Сына его въ числѣ Борителей были;
Радости онъ о томъ отнюдъ не-никакой казался:
Токмо изрекъ, что Царствія бѣдъ одному не-желаетъ;
А что любитъ весьма Отечество, не согласится,
На Воцареніе здѣсь всемѣрно Сына другаго.
Я позналъ чрезъ то, что-Отецъ сей любитъ разумно
Изъ обоихъ Сыновъ одного, Добродѣтельна суща;
Не потаенъ другомужъ его за-беспутства негодны.
При умноженіи такъ Любопытства, спросилъ-я вторично:
Жизнь какова вся-была того состарѣвшася Мужа?
Нѣкто изъ-вашихъ гражданъ на то-мнѣ отвѣтствовалъ тако:
Онъ чрезъ долгое время въ Воинствѣ былъ Ратоборецъ,
Да и-на тѣлѣ своемъ всемъ носитъ почетные раны;
Но Добродѣтель его чистосердна, отнюдъ и-нелестна,
Онаго не угодна содѣлала Идоменею,
Тѣмъ-то сей-Царь и не взялъ-того на-Осаду Троянску.
Мужа боялся ему дать-могуща добры Совѣты,
Коимъ слѣдовать онъ не-хотѣлъ и-не-могъ совокупно.
Онъ и-завидѣлъ Славѣ еще кто-нужъ, какову
Не преминулъ бы тотъ Человѣкъ пріобрѣсть всеконечно.
Всѣ услуги его позабылъ, оставивъ-адѣ Нища,
Свѣрьхъ-же презрѣнна конецъ отъ-Людей прегрубыхъ и-Подлыхъ,

Кои въ велико ставятъ себѣ едино богатство.
Но и-въ-такóй Нищетѣ всегда пребывая доволенъ,
Весель свои сокращаетъ дни удаленный отъ-Грáда.
Гдѣ чредитъ онъ Ниву свою своими руками.
Съ нимъ одинъ изъ-егó Сынóвъ совокупно трудится:
Любитъ сего, и есть любúмъ отъ-негó всесердечно;
Оба за-трудъ, и-за-вéрность свою воздержну блаженны;
Есть обилiе въ нужномъ у-нúхъ для жизни простúя.
Смиренномýдрый Старикъ раздаетъ болящимъ Убогимъ,
Кои въ сосѣдствѣ съ нимъ, отъ-егó что-потрéбъ остается.
Всѣхъ молодыхъ людей трудиться онъ заставляетъ;
Увѣщавáетъ ихъ, научаетъ, всегда назираетъ.
Ссоры межъ-всѣми одинъ примиряетъ въ окружности блúской:
Онъ есть общiй Отецъ всѣмъ тутъ Семействамъ живущимъ.
Собственножъ внутрь Домочадство его симъ есть злополучно,
Что имѣетъ Сына еще, не-хотѣвшаго слушать
Ни одного изъ всѣхъ тому подáнныхъ совѣтовъ.
Долго терпѣлъ Отецъ, хотѣлъ въ немъ-испрáвить пороки;
А накопецъ сослалъ его наслѣдства лишивый.
Тотъ попустился весь въ непристойно надменiе Глупый,
Да и-во-всѣ непотребны беспутства и-рóскоши вредны.

Точно сiе, о Критяне, есть, что-о-нéмъ я-увѣдалъ;
Сами вы-должны знать, мнѣ сказана сущаяль правда.

Еслижъ сей Человѣкъ таковъ, какóвъ-онъ описанъ;
То на что учреждать боренiй Подвиги разныхъ?
И почтó Незнаемыхъ толь собирать воедино?
Вы у-себя́ самихъ имѣете здѣсь Человѣка,
Знающа прямо васъ, и вами знаемаж вѣрно;
Весть умѣюща Брань, показавша бодрую Крѣпость,
Тужъ не токмо противъ стрѣлъ, копiй, всякихъ оружiй,
Но и-противъ самого Убожества, многимъ несно́сна;
Прéзривша всяко Богатство, Ласкательствомъ кое приходитъ;
Любящa трудъ, и знающа коль Земледѣльство полезно;
Пышность кленущa всю, и-отни́дъ же не приходяща
Къ дѣтямъ въ слѣпую любовь, какъ-блажáща въ одномъ Добродѣтель,
А въ другомъ ненавистныiй порокъ осуждающа: словомъ,
Мужа такóва, которыiй всему Отéцъ-ужъ Народу.
Се вашъ Царь, когда желаете истиннымъ сердцемъ,
Да Законы у-вáсъ Мінóя царствуютъ мýдра.
Весь Народъ возгласилъ: таковъ есть Арістодíмъ сей
Прáвдою сáмою, ты его какóва сказýешь;
Царствовать онъ единъ достоинъ надъ-нáми конечно.
Многiй день-такъ, и-разли́чныiй трудъ измѣняема вѣка,
Въ лучшее все привели: низрѣвáяжъ-вдругъ, вдругъ и-подъéмля,
Се ужъ-Тухíя на-твéрди того поставила плотно.
Старшiи Онаго тѣ на-средý велѣли представить:
Искавъ въ Сонмѣ всемъ, гдѣ былъ съ Послѣдними смѣшанъ;

Онъ предсталъ несмущенъ; услышалъ что-выбранъ на-Цáрство.
Самъ отвѣщалъ: соглашусь быть-Царéмъ на трехъ сихъ-Завѣтахъ.
Первый, оставить мнѣ Престолъ по-прошéствіи двухъ лѣтъ;
Если въ теченіе сихъ я лучшими васъ не-постáвлю,
Еслижъ и-вы́ противны Законамъ будете Сами.
Но вторый, мнѣ жизнь продолжать воздержну и-прóсту.
Трéтій-же, Дѣтямъ моимъ не-имѣть никакія степени;
Ихъ по смерти моей почитать, безъ всяки отмѣны,
Смóтря по-ихъ достоинству, какъ и прочихъ Сограждан.
Слыша сіе, загремѣло преможество радостныхъ кликовъ.
Арістоди́ма вѣнчалъ Діади́мою Главный изъ-Стáршихъ,
Оныхъ блюстителей тамъ Мінóевыхъ мудрыхъ Законовъ.
Жертвы закланы и Зéвсу, и-прóчимъ Богамъ величайшимъ.
Дары Арістоди́мъ намъ далъ, не такъ велелѣпны,
Какъ-то Цари обычай имѣютъ дарить величавно;
Но Благородны весьма простоты Богатствомъ единымъ.
Далъ Азаи́лу Мінóевы тѣ преславны Законы,
Писаны всѣ на дскахъ самого Мінóя рукою.
Далъ-же ему всея Історіи Критскія [1]) Свитокъ,

[1] Волу́менъ, волю́мъ.

Кро́новыхъ [1]) отъ временъ, отъ-предре́вня Вѣка зла
таго.
Въ Судно его положилъ Овощей премножество вся
кихъ,
Въ Критѣ кои растутъ, а-въ-Сѵрі́и тѣжъ не-родя́тся
Да и всѣмъ ему помогать обѣщался потребнымъ.
И какъ мы торопились весьма отъѣхать изъ-Кри́та
То уготовилъ онъ для насъ Корабль преизрядный,
Съ множествомъ и Гребцовъ, и-Люде́й Военныхъ на
не́мъ же:
И положи́лъ-же Одежду для-на́съ, и-съѣстныи За
пасы
Въ са́мый тотъ-ча́съ способный восталъ вѣтръ плы́ти
намъ въ Іѳаку;
Вѣтръ Аваилу противный, его остаться принудилъ.
Видѣлъ онъ-на́съ поплывшихъ, обнявъ какъ-Пріяте
лей присныхъ,
Съ коими впредь никогда не могъ ужъ свидѣтьс
лично.
Боги праведны суть, говорилъ; тѣ видятъ, что
Дру́жба
Наша осно́вана есть на-еди́ной токмо Добро́тѣ:
Нѣкогда оныи намъ восхотятъ всѣмъ быть сово
купно;
И блаженны Поля́, на коихъ, какъ-на́съ увѣряютъ,
Праведны толь веселятся по-Сме́рти въ вѣчномъ по
коѣ,
Нашихъ у́зрятъ Душъ сопряженіе также на-вѣки.
О! когдабъ мой прахъ такъ-возмо́гъ быть ссыпанъ
же съ вашимъ.

---

[1] Сатурновыхъ.

Онъ предсталъ несмущенъ; услышалъ что-выбранъ на-Цáрство.
Самъ отвѣщалъ: соглашусь быть-Царéмъ на трехъ сихъ-Завѣтахъ.
Первый, оставить мнѣ Престолъ по-прошéствіи двухъ лѣтъ;
Если въ теченіе сихъ я лучшими васъ не-постáвлю,
Еслижъ и-вы противны Законамъ будете Сами.
Но вторый, мнѣ жизнь продолжать воздержну и-прóсту.
Трéтій-же, Дѣтямъ моимъ не-имѣть никакія степени;
Ихъ по смерти моей почитать, безъ всяки отмѣны,
Смóтря по-іихъ достоинству, какъ и прочихъ Сограждан.
Слыша сіе, загремѣло премножество радостныхъ кликовъ.
Арістодúма вѣнчалъ Діадúмою Главный изъ-Стáршихъ,
Оныхъ блюстителей тамъ Мінóевыхъ мудрыхъ Законовъ.
Жертвы закланы и Зéвсу, и-прóчимъ Богамъ величайшимъ.
Дары Арістодúмъ намъ далъ, не тахъ велелѣпны,
Какъ-то Цари обычай имѣютъ дарить величавно;
Но Благородны весьма простоты Богатствомъ единымъ.
Далъ Азайлу Мінóевы тѣ преславны Законы,
Писаны всѣ на дскахъ самого Мінóя рукою.
Далъ-же ему всея Історіи Критскія [1]) Свитокъ,

[1] Волúменъ, волюмъ.

Кро́новыхъ [1]) отъ временъ, отъ-предре́нія Вѣка златаго.
Въ Судно его положилъ Овощей премножество всякихъ,
Въ Критѣ кои растутъ, а-въ-Сурі́и тѣжъ не-роди́тся;
Да и всѣмъ ему помогать обѣщался потребнымъ.
И какъ мы торопились весьма отъѣхать изъ-Кри́та;
То уготовилъ онъ для насъ Корабль преизрядный,
Съ множествомъ и Гребцовъ, и-Люде́й Военныхъ наде́мъ же:
И положи́лъ-же Одежду для-на́съ, и-съѣстныя Запасы
Въ са́мый тотъ-часъ способный восталъ вѣтръ плы́тьнамъ въ Іолку;
Вѣтръ Авлилу противный, его остаться принудилъ.
Видѣлъ онъ-насъ поплывшихъ, обнявъ какъ-Пріятелей присныхъ,
Съ коими впредь никогда не могъ ужъ свидѣться лично.
Боги праведны суть, говорилъ; тѣ видятъ, что-Дру́жба
Наша осно́вана есть на-еди́ной токмо Добро́тѣ:
Нѣкогда оныя намъ восхотятъ всѣмъ быть совокупно;
И блаженны Поля́, на коихъ, какъ-на́съ увѣряютъ,
Праведны толь веселятся по-Сме́рти въ вѣчномъ покоѣ,
Нашихъ узрятъ Душъ сопряженіе также на-вѣки.
О! когдабъ мой прахъ такъ-возмогъ быть ссыпанъ-же съ вашимъ.

[1]) Сатурновыхъ.

Сíи словá говоря проливалъ онъ слезны потоки,
А непрерывны рыданія голосъ его прерывали.
Плакали мы не меньшежъ; и-óнъ проводúлъ-насъ до-Сýдна.
Арíстодúмъ говорилъ намъ: вы мнѣ Царствіе дали;
Пóмните жъ на какія меня поставили бѣдства.
Лейте молитву Богамъ, да-мнѣ-дáруютъ истинну мудрость;
И да-другúхъ человѣкъ превзойду чрезъ-умѣренность столько,
Сколько превосхождý ихъ сею Властію вышше.
Я ихъ-молю́, да васъ приведутъ въ Отечество здравыхъ,
Да посрамятъ же тамъ Непрíятелей вашихъ нахальство,
И да видѣть попустятъ вамъ въ тишинѣ Одиссея,
Царство держаща съ любезной ему Пинелопой совѣтно.
Я тебѣ даю, Тилемахъ, хорошее Судно,
Гдѣ и-довóльно Гребцовъ, и-не-мáло Людей Ратоборныхъ:
Сíи могутъ тебѣ послужить на-Непрáведныхъ-оныхъ,
Кои твою тѣснятъ и гонятъ милую Матерь.
Чтожъ, о! Ментóръ, твоя ничего не требуетъ Мудрость;
То ничегóжъ-мнѣ, тобѣ да-желáю, не оставляютъ.
Оба идите Вы, живите счáстливы купно;
А притомъ не-забыть, прошу васъ, Арíстодúма:
Если когда Іеакíйцамъ нужда въ Критянахъ будетъ;
То на-меня́, до-послѣднихъ моихъ издыханій, надѣйтесь.

Обнялъ онъ-насъ; а мы отъ слезъ не-могли́ удер-
жаться.
Вѣтръ вадувавшій Парусы наши, Плытіе спѣшно
Намъ обѣщалъ, и-ещё́ж то тихо, да и-безвре́дно.
Ида Гора уже́ намъ холмикомъ малымъ являлась;
Всякій Мысъ, и всѣ берега́ отъ-очей́ исчезали.
Пелопоннійсскій Кряжъ казался въ море вдаяйся,
И какъ насъ усрѣтаяй шелъ онъ двигомъ поспѣш-
нымъ.
Сежъ вдругъ бурный Свистунъ омрачилъ синезрач-
ное Небо:
Круто и- [1]) Евръ, и Нотъ, и-нена́стливый Лівъ взбу-
шева́ли,
И возмутили морску́ю всю треволненіемъ Воду.
День премѣнился въ нощь; а Смерть предъ насъ и-
предста́ла.
О Посідо́нъ! Ты самъ, твоимъ велемощнымъ Тре-
зубцемъ,
Возволнова́лъ текущу [2]) Стіхію, тебѣ подчиненну!
Въ месть Афродіта намъ, что-ея́ мы презрили нѣ-
какъ,
Тожъ и въ са́момъ тоя Кѵпрійскомъ храмѣ почет-
номъ,
Къ Богу сему прибыла съ прежестокой жалобой въ
го́рѣ,
(Ясны очи ея напоены были слезами,
Какъ то Ментóръ меня, въ божественномъ свѣдущъ,
увѣрилъ):
Ты, Посідонъ, говорила ему, терпѣ́ть-ли возможешь,

[1] Восточн. южн. южнозападн. — [2] Элемент.

Да Нечестивыи сіи мнѣ посмѣются безъ-кáзни?
Боги мое Могущество сами чувствуютъ обще;
А Продерзкіи Смертныи тѣ поругаться посмѣли,
Тожъ всему на-моéмъ бываему островѣ Кѵпрѣ.
Кажутъ они въ себѣ Цѣломудріе не одолимо;
Но Любовь, пресладку Любовь, злословятъ какъ-Бýйство.
Иль позабы́лъ-ты, что-я́ въ твоей Державѣ роди́лась?
Медлишь почтóжъ, погрузить въ твои преглубокіе бездны,
Двухъ Человѣковъ сихъ, попремногу мнѣ ненавистныхъ?
Ябъ-ихъ! . . . но-кáзнь твоимъ тѣхъ грознѣй Понтомъ покроетъ.
Такъ едва изрекла, се-ужé Посідонъ и-подви́гся,
Да и Вóлны воздвигъ востекающи выспрь какъ-доНéба;
Но Афродіта смѣялась, мня-пáгубу нашу извѣстну.
Кормчій намъ возопилъ, смущенъ отъ ужаса въ бѣдствѣ,
Что не можетъ ктому противиться сильному вѣтру,
Рѣющу нагло Корабль на-пребстрые Камни глубинны:
Пóрывъ пребуйный вѣтра ужé преломилъ у-насъ-Щéглу,
Тóтчасъ послышали мы и трущися Камни о-Днúще,
Кои тогда Корабля того Низъ весь проломили.
Всюду вода вбѣгаетъ, Корабль погружается въ Море;
Всѣ Мореходцы плачевными гласы [1]) Дíа взываютъ.
Ментора обнялъ я, и-сéму рекъ: Смéрть-намъ присшѣла;

[1] Юпітеръ.

Должно ея воспріять безъ страха, бодро, и-смѣло.
Боги тожде спасли́-насъ отъ-бѣ́дъ и-напа́стей толи-
кихъ,
Да мы горько и-бѣ́дно въсей-часъ погибнуть имѣемъ.
Умремъ-же, Менторъ-мой, когда́ долгъ, у́премъ ко-
нечно;
Въ томъ утѣшеніе мнѣ, что-съ-тобо́ю я умираю:
Тщетно за-жи́знь стоять противъ тольсмертныя бу́ри.
Менторъ мнѣ отвѣщалъ: прямая бодрость и-крѣ-
пость
То́тчасъ находятъ себѣ всегда пособіе нѣко.
Знай, не-дово́льно того, подвергаться Смерти спо-
койно;
Должно еще, не-бо́ясь, стремиться про́чь-ту отрѣ́ять.
Во́змемъ-же мы одну изъ-большихъ Скаме́й-сихъ
Гребецкихъ:
А во время, какъ Со́нмъ-сей смущенный, безъ-па́мя-
ти съ страха,
Плачетъ по-жи́зни своей, спасти́ ея не-стара́ясь,
Всяко потщимся трудясь, да-спасе́мъ мы собственну
нашу.
То́тчасъ [1]) Сѣки́ру беретъ, и оста́токъ Щеглы сру-
баетъ,
Коя нагнувшись сама́ склонила на́-бокъ и-Су́дно;
Ки́дается ту, на-нея́жъ и самъ бросается въ море:
Да и кличетъ меня къ себѣ, и-вели́тъ не-боя́ться.
Такъ какъ-матёрый Вязъ, порѣваемый сильными
вѣтры,
Твердо стои́тъ, на-свое́мъ углубле́нномъ корени въ
землю,

[1] Топоръ.

Вихрь-же на-нёмъ шатаетъ едины вѣтви съ листами
Менторъ не-тóкмо бодръ и крѣпокъ, но-тúхъ и спо-
кóенъ,
Мнился тогда имѣяй власть надъ вѣтромъ и-мóремъ
Слѣдовалъ я за нимъ. А кто́жъ-бы не-слѣдовалъ
вскорѣ,
Бывъ ободрéнъ отъ-него́ словами и сáмымъ прими-
ромъ?
Та́къ-то-мы были держась за Щеглу ту поплавную:
По́мощь намъ отъ-ней была несказанно велика:
Ибо уставши могли на ту мы сѣсть, да-отдóхнемъ;
Еслибъ намъ-плыть всегда, тобъ-изъ-сúлъ мы выби-
лись скоро.
Но обращалъ вѣтръ часто Бревно сіе толстопенно;
Мыжъ тогда уже́ и купáлись въ морѣ неволей.
Въ томъ мы много водъ морскúхъ напивались пре-
горькихъ;
Та́къ-что изъ-у́стъ, ноздрéй, и-ушéй ручíемъ-тѣ
хлыста́ли:
А съ волнами бороться намъ весьма надлежало,
Верьхъ понимáть-бы того вертучаго Дéрева паки.
Валъ иногда, такъ-высóкъ какъ-горá, чрезъ-самúхъ-
насъ катился;
Мы и тутъ держались за-óную Щеглу прекрѣпко,
Чтобъ колебаніемъ наглымъ толь и нагло порывнымъ,
Древо, надежда единственно наша, у-нáсъ не-истóрг-
лось.
Мы находились когда въ семъ случаѣ трепета пол-
номъ,
Менторъ спокоенъ былъ, какъ-тепéрь на злáчномъ-
семъ мѣстѣ,

Мнѣжъ говорилъ: Телемахъ, ты не помышля́ешь-ли
. . . . . въ сердцѣ,
Что жизнь-твоя́ въ корысть оставлена вѣтрамъ и-
мо́рю?
Самъ не мни́шь-ли въ себѣ, что-тебя́ погуби́ть-имъ
возможно,
Безъ повелѣнія и безъ-суде́бъ отъ-бого́въ всеблажай-
шихъ?
Нѣтъ, нѣтъ: Боги токмо всему предѣлъ полагаютъ.
Такъ посему Бого́въ, не Мо́ря должно бояться.
Бы́лъ-бы хотя на са́момъ днѣ ты бездны преглубо-
кихъ;
Зе́всова есть извлещи рука и-отту́ду всемо́щна.
Былъ хотябъ на-Олимпѣ всѣ-звѣзды зря подъ-ноги́ми;
Свергнуть мощенъ тебя Зевсъ въ бездны, иль-Та́рта-
ра въ пламень.
Слушалъ сіе дивясь меня утѣшавшее нѣкакъ.
Но къ отвѣту ему я разумомъ не́былъ свободенъ:
Мнилъ, что ни-бу́детъ; терпяжъ премогать долгъ
всическій жребій
Онъ не видѣлъ меня, его не мо́гъ-же я-ви́дѣть.
Пребыли мы всю ночь дрожжа отъ стужи полмертвы,
И не зная куда прибье́тъ насъ бу́ря иль-бро́сить.
Вѣтръ, наконецъ, ужъ сталъ утихать; ревущее́жъ
Море
Было подобно весьма человѣку, сердившуся долго,
И остатка кромѣ не-иму́щу отъ-гнѣвныхъ кипѣній,
Какъ утрудившуся быть въ той ярости огнепы́л-
кой:
Хоть кропота́лось еще, но глухо; а-бы́вши огромны
Во́лны, стали ктому какъ-браза́ды на нивѣ оранной.

Се [1]) Ио́я, отверзши врата небесныя Фе́ву [2]),
Ясный день возвѣстила. Востокъ былъ о́гненъ повсюду;
Звѣзды, сокрыты бывши толь чрезъ долгое время,
Намъ показались, и-па́ки всѣ застѣна́лись не-ме́для,
Зря востекающе Солнце въ своей Колесницѣ пыля́щей.
Мы усмотрили Землю въ дали́; къ ней вѣтръ-насъ и-
рѣялъ.
Я тогда въ мосмъ почувствовалъ сердцѣ надежду;
Но не видѣли мы нѣсколина изъ-на́шихъ [3]) клевретовъ:
Зна́ть-что, лишенныи смѣлости тѣ, и съ Судномъ, по-
топли.
Бывшихъ насъ при-землѣ толкало Море на-Ка́мни,
Мы о-кото́рыбъ могли неотмѣнно разбиться до-сме́рти;
Но Отру́бъ къ нимъ мы о́бращали нашея Щеглы:
Ме́нторъ-же ею то содѣвалъ, что Кормчій искусныи
Дѣлаетъ скоро сво́имъ Кормиломъ правительнымъ
точно.
Такъ мы-спасли́сь отъ камней тѣхъ, и-нашли́ напо-
слѣдокъ
Твердыя брегъ Земли́, и тотъ способенъ и-гла́докъ,
Къ коему плывши мы на-Песо́къ уж вышли безвредно.
Та́мъ-ты изгребшихся насъ, о-Богиня велика! узрѣла,
Ты, говорю, Обитающа въ Островѣ семъ предержавно;
Тутъ то насъ удостоила и воспріять благосклонно.
Коль же долго рѣки тещи́ въ Моря́ не-престану́тъ,
Коль продолжать и-лучами сіять Свѣтила на-Не́бѣ;
Въ Мірѣ твое щедродушіе толь пребудетъ всеславно:
А благодарность въ нашихъ сердцахъ по гробъ не-
поме́ркнетъ.

[1] Заранца. — [2] Солнце. — [3] Товарищей.

КОНЕЦЪ ШЕСТЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА СЕДМАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Калупса дивится Тилемаху въ его приключеніяхъ, и тщится всѣми образы, удержать его въ своемъ Островѣ, прекланяя къ себѣ въ Любовь. Менторъ укрѣпляетъ Тилемаха, своими Увѣщаніями, противъ ухищреній сея богини, и противъ Ерота (Купіліна), коего Афродіта (Венера) привела ей въ помощь. Однако Тилемахъ и Нумфа Евхаріта, почувствовали въ себѣ скоро взаимную страсть, возбудившую сперва ревнивость въ Калупсѣ, а потомъ и гнѣвъ на Любителя и Любительницу. Кленется она Рѣкою Стугомъ, что Тилемахъ отлученъ будетъ отъ ея острова. Еротъ идетъ и ея утѣшаетъ; да и совѣтуетъ Нумфамъ, сжечь Корабль, построенный Менторомъ, въ то время какъ сей влекъ Тилемаха сѣсть на оный. Тилемахъ радуется тайно, что видитъ тотъ Корабль горящій огнемъ. Менторъ, усмотрившій то, свергаетъ его стремлемъ въ Море, да и самъ за нимъ повергается, дабы имъ достигнуть вплавь до другаго Корабля, бывшаго на подалеку отъ того бреґа.

Какъ Тилемахъ окончалъ своего сказанія Повѣсть;
То всѣ Нумфы тутъ, на-него́ вперенно смотривши,
Дру́шка на-Дру́шку воззрѣли уже́, ему замолчавшу.
Начали тѣ говорить межъ-собо́й въ удивленіи зѣльномъ:
Что́жъ-то за-Лю́ди суть, Бога́мъ непомѣрно любимы?
Слышалъ-ли кто когда приключенія чудны толико?
Сынъ Одуссеевъ уже́ своего Отца превосходитъ,
Какъ въ Краснорѣчіи, въ Мудрости такъ, и въ Мужествѣ бодромъ.
Что за-Оса́нка, за-Взра́чность, и-что́ за Тихость и-Скро́мность!
Но какоежъ притомъ Благородство, и-Ду́ха великость!

Еслибъ не-зна́ли мы, что-рожде́нъ-есть отъ-Сме́ртнаго Смертный;
Тобъ удобно его поче́сть за-млада́го Іа́кха [1]),
Иль за-[2]) Ермі́я, или за-вели́каго и Аполлона.
Но кто Менторъ съ нимъ, Человѣкъ, какъ зрится по-ви́ду,
Простолюди́нъ, и какъ Непороденъ, и-ра́вно Незнатенъ?
Будежъ прилѣжнѣе зришь на-него́; то въ ономъ усмотришъ
Нѣчто такое быть, Человѣчества вышше которо.
Слушала сіи слова́ Калупса въ смущеніи се́рдца,
Та́къ-что въ себѣ укрыть уже́ то не возмогала,
Очи ея непреста́нно-шли съ Ментора на Тилемаха,
А съ Тилемаха опять на Ментора тѣ возвращались.
То хотѣла, да Тилемахъ повторительно паки
Сказывать начнетъ долгую Повѣсть своихъ приключеній;
Вдругъ пото́мъ оставляла сама́жъ хотѣніе о́но.
Вставши стремительно та, наконецъ, взяла Тилемаха,
И повела его одного въ [3]) Мурсі́нную рощу;
Гдѣ приложила тщаніе все, отъ-него́ да-позна́етъ,
Что не нѣкаяль Менторъ есть Божественность горня,
Образомъ токмо симъ Человѣческимъ та прикровенна.
Прямо донесть-ей о-то́мъ, Тилемахъ въ состояніи не́былъ:
Ибо Паллада, за-ни́мъ возслѣдствуя Ментора въ видѣ,
Не открылась ему за-его́ великую Младость.
Въ тайности та не-дово́льно могла на-него́ положиться,

[1] Бакхусъ. — [2] Меркурій. — [3] Мѵртова.

И повѣрить тому своихъ намѣреній Силу.
Свéрьхъ-же, хотѣла его испытать превеликими бѣдствы.
Бýдежъ-бы зналъ, что-Паллáда при-нéмъ находится вѣрно;
Тобъ таковая пóмощь его подкрѣпляла сверьхъ-мѣры:
Онъ не-имѣлъ-бы труда презирать Напасти престрашны.
Такъ почитáлъ-онъ всегда Палладу Менторомъ прямо;
Тѣмъ-то Калѵпсины всѣ пронырства тщетны остались,
Чтобъ ей точно узнать, чего всѣмъ сердцемъ желала.
Нѵмфы между тѣмъ всѣ, обставши Ментора окрестъ,
Совопрошáли его напрерывъ одна предъ-Другóю.
Та предлагала ему вопросъ о-пути Еѳіопскомъ;
Знать хотѣла Другá отъ негó, что-въ-Дамáскѣ-онъ видѣлъ;
А инáя еще, что зналъ ли онъ Одѵссея,
Прежде похода его на Брань и-Осáду Троянску.
Онъ отвѣтствовалъ каждой изъ-нихъ съ благосклоннымъ учтивствомъ:
Всѣ его словá хотя и просто сплетались;
Токможъ исполнены были въ себѣ пріятности нѣжны.
Долго Калѵпса ему не-далá быть съ ними въ бесѣдѣ:
Паки онá возвратилась вспять; а-во-врéмя, какъ-Нѵмфы
Начали съ пѣніемъ цвѣты срывать веселя Тилемаха,
Ментора та отвела особь, да-бесѣдуетъ съ нею.
Сладкій Паръ-Снá не-пріятнѣй течетъ въ усыпляемы очи,

И человѣка уставша во-всѣ утружденныя члены;
Льстивыя рѣчи какъ отъ-Богини внѣдряемы были,
Да преуспѣетъ она усыпить такъ въ Менторѣ сердце:
Но всегда ощущала сама тутъ нѣчто такое,
Что отрѣвало стремительствъ ея всѣ ласковы лести.
Такъ, какъ крутый Холмъ нѣкій скрывающій въ облаках тѣмя,
И невредимо стоящій тамъ отъ бурности вѣтровъ,
Менторъ недвижимъ былъ въ своихъ помышленіяхъ мудрыхъ,
И попускалъ да будетъ нудимъ онъ отъ-Калипсы.
Ей иногда подавалъ надежду тверду довольно,
Быть вопросомъ ея уловленъ на-открытіе правды;
Но какъ минула свое Любопытство уже удовлившна [1]),
Всѣ надежды ея во-мгновеніе то исчезали;
Ею держимое все отъ-ней выскользало внезапу:
Менторовъ краткій отвѣтъ низвергалъ-ту въ безвѣстности паки.
Долгъ провождать дни-свои сталъ ей, то льстя Тилемаха,
То стараясь отторгнуть его отъ Ментора вовся,
Коего паки повесть на-слова не-имѣла надежды.
Всѣхъ изъ-своихъ красовитѣйшихъ Нимфъ она подущала,
Жаръ любви возбудить во-младомъ Тилемаховомъ сердцѣ:
Да и-одна, многомощнѣй ея, Божественность спѣшно
Въ помощь къ ней прибыла, чтобъ-она преуспѣла въ начатомъ.

[1] Удовлившна.

Гнѣва исполнь Афродіта всегда, за-презо́ръ про-
явленный,
Менторомъ и Тилемахомъ къ ней на островѣ Кѵпрѣ,
Всяко терпѣть не-могла́, что оба Смертныи сіи
Волнъ отъ-морски́хъ и-отъ-бу́ри спаслись Посідо-
номъ подъятыхъ.
Горькую та о семъ приносила жалобу Зевсу:
Но Бого́въ Отецъ, осклабляясь и-не́ изволяя
Произъяви́ть, что-Палла́да сама́, подъ Ментора ви-
домъ,
Отъ потопленія тамъ спасла Одѵссе́ево Чадо,
Благоволи́лъ попустить Афродітѣ, да-сре́дствій пои-
щетъ
Къ мщенію тѣмъ обоимъ продерзостнымъ толь Че-
ловѣкамъ.
Та оставляетъ Олѵмпъ, забываетъ[1]) ухаемы жертвы,
Кои куря́тся въ Пафо́нѣ ей, въ Ідаліи, въ Кѵѳи́рѣ;
Быстро пари́тъ въ Колесницѣ своей Голубицы ка-
тимой:
Сына къ себѣ зоветъ, на-лицѣ всемъ горесть раз-
ливши,
Нову котора ей придала еще Благолѣпность;
Да и-ему́ тогда говорила сими словами.
Ви́дишь-ли, мой Сынокъ, сихъ двухъ Человѣковъ
продерзскихъ,
Кои твою́-мощь и-ку́пно мою́ презираютъ толико?
Кто уже́ отнынѣ намъ покланяться восхощетъ?
Ну ступай, побѣги́, полети, и-твои́ми Стрѣлами
Сквозь прободи, прорази, нечувствительны о́ба-тѣ
се́рдца:

[1] Обоняемы.

Сиди со-мной на-сей-островъ; сама-я увижусь съ Калупсой.
Такъ рекла, и снесшись на-облакѣ златосіянномъ,
Явно предстала Калупсѣ, котора въ оное время
Уединенна была на брегѣ источника свѣтла,
Отъ пещеры ея отстоявша довольно далече:
Бѣдна Богиня! вѣщала ей, Одуссъ недостойный:
И пренебрегъ, и-тебя толь презрилъ съ Неблагодарства
Сынъ-же его, Отца по-всему еще жесточайшій,
Равный, иль-большій тебѣ презоръ здѣсь уготовляетъ:
Но самъ Божичъ Любви за-тебя ему-мстить приходитъ.
Пусть пребываетъ сей совокупно съ Нумфы твоими;
Какъ иногда пребывалъ въ своемъ [1]) Вакхъ нѣжный младенствѣ,
Воспитоваемый Нумфами всѣми острова Накса.
Станетъ его Тилемахъ какъ отрока видѣть обычна;
Такъ притти на-него въ подозрѣніе онъ не возможетъ:
Толькожъ почувствуетъ мощь его немедленно сердцемъ.
Такъ изрекла; возносясь-же на-облакѣ томъ златозарномъ,
Благоуханіе послѣ себя оставила сладко
Рощахъ во-всѣхъ, и-во-всѣхъ Лѣсахъ Калупсиныхъ всюду.
Божичъ Любви у-Калупсы въ объятіяхъ мягкихъ остался.

[1] Бакхусъ

Коль ни-Богиня; однакъ ощутилажъ знойный-тотъ
пламень,
Кой развивался по-всей ея глубокости сердца.
Та въ отраду себѣ отдала, не медля ни-мало,
Онаго наруки Нимфѣ своей, Евхаритѣ зовомой:
Но, ахъ горе! потомъ колькратно раскаявалась.
Съ перваго взора ничто беззлобнѣй, умильнѣй, лю-
безнѣй,
Простосердечнѣй, того казалось отрока мала.
Видя веселость и ласку его всегда благолѣпны,
Всякъ-бы возмнилъ, отъ-него не-мощи-быть кромѣ
что-забавамъ:
Но едва повѣритъ себя кто онаго ласкамъ;
Какъ въ тѣхъ и ощутитъ тотчасъ ядовитое нѣчто.
Отрокъ злый ласкаетъ всегда, обмануть-бы конечно;
И насмѣяться лютому злу, которо содѣялъ,
Иль которо еще содѣлать онъ помышляетъ.
Да не-дерзалъ никогдажъ подбѣгать тамъ къ Менто-
ру блиско;
Въ коемъ важная строгось вельми его устрашала;
И ощущалъ, что-Незнаемый сей былъ не уязвляемъ:
Такъ-что изъ-Стрѣлъ поразить того не-возмогъ ни-
одною.
Чтожъ до Нимфъ, то-послышали жаръ внутрь огнен-
ный вскорѣ,
Кой возжигаетъ во-всѣхъ сердцахъ тотъ лестнѣйшій
Мальчикъ:
Но съ прилѣжаніемъ тѣ преглубоку язву таили,
Коль ни болѣй она вовнутренность оныхъ въѣдалась.
Въ томъ Телемахъ, зря-сего играюща отрока съ
Нимфы,

Былъ уловлёнъ пріятствомъ его и-стóжъ красотою.
Онъ объемлетъ того; и-беретъ то-къ-себѣ на колѣна,
То на-своúхъ рукахъ толь милаго Отрочка носитъ.
Чувствуетъ самъ въ себѣ ужé беспокойство велико,
Коему впрочемъ не-мóжетъ онъ причины дознаться.
Болѣе ищетъ коль поиграть съ тѣмъ самъ неповинно,
Больше приходитъ толь въ смятеніе сáмъ-же и-въ-нéгу.
Вúдишь-ли сихъ всѣхъ Нумеъ? говорилъ онъ Ментору словомъ,
Сколькожъ различны онѣ отъ женъ тѣхъ óстрова Кипра,
Коихъ вся Красота противна затѣмъ что-не-скрóмна?
Сíяютъ Безсмертные здѣсь въ себѣ Неповинность являютъ,
Кротость, и Простоту, услаждающи всякое сердце.
Такъ говоря, краснѣлся лицемъ; почтóжъ-то, не-знáлъ самъ.
Онъ не могъ удержаться отъ-слóвъ, но-устá-лишъ отверзетъ,
Какъ и-не-стáнетъ силы въ немъ къ продолженію Рѣчи.
Всѣ его словá прерываемы были и-тéмны;
А иногда не-имѣли въ себѣ никакóва и-Смысла.
Менторъ ему говорилъ: о мой Тилемахъ младолѣтный!
Острова Кипра напасти ничто въ сравненіи съ сими
Ты отъ-котóрыхъ теперь отнюдъ опасаться не-хóчешь.
Мерзокъ грубый порокъ; безстыдство Скотско досадно:

Но Красота умильна весьма есть пагубнѣй Дерзскихъ!
Мнится, люба сію, что любишь ты Добродѣтель;
А нечувствительно въ прелести Страсти самъ углѣ-
баешь[1]
Кою тогда ощутишь, какъ-гасить ужъ оную поздо!
О! бѣги, Тилемахъ, отъ Нумфъ, бѣги мой Любезный!
Скромны онѣ, да лучше тебя прельстить имъ удастся.
Такъ убѣгай отъ бѣдствъ твоему младолѣтству гро-
зящихъ!
Большежъ бѣги вгрунь отъ Паренька сего непознанна:
Сей-то-есть Божичъ Любви, котораго мать Афродіта
Въ островъ сюда привела, да-отмститъ за-презрѣніе
оно,
Кое ты оказалъ къ служеніямъ ей, что-въ-Кѵѳирѣ.
Онъ уже уязвилъ въ Богинѣ сердце Калѵпсѣ;
Та горитъ къ тебѣ любовію страстною зѣльно;
Онъ распалилъ и Нѵмфъ, которы ея окружаютъ:
Ты пламенѣешь самъ, о Юноша много бесчастный!
А пламенѣешь такъ, что-не-знаешь жара любовна.
Но Тилемахъ прерывалъ слова у Ментора часто,
И говорилъ: почто въ семъ островѣ намъ не-остаться?
Ужъ Одѵссея ктому въ живыхъ не-находится нынѣ:
Должно ему давно въ пучинахъ быть погребену.
А Пинелопа, не-зря обоихъ-насъ возвратно прибыв-
шихъ,
Мню не-могла устоять жениховъ отъ многихъ толико:
Нова Супруга принудилъ ея-взять Отецъ-чай Ікарій.
Яль въ Іѳаку пойду, да вижду Мать новобрачну;
И Отцу моему не-пребывшу въ вѣрности данной?
Всѣ Іѳакійцы уже позабыли конечно Одѵсса;

[1] Вязнешъ.

Мы возвратиться не-можемъ туда, какъ-на-смерть
достовѣрну.
Ибо тѣ Женихи захватили всѣ-въ-Пристань пріѣзды,
Да возвратившихся насъ потребить неотмѣнно воз-
могутъ.
Менторъ вѣщалъ на-сіе: вотъ дѣйство страсти
слѣпыя!
Ищутся тонко всѣ подтвержденія оной поборны,
А отъ всѣхъ отвращеніе, кои ея осуждаютъ.
Всякъ искусенъ себя обмануть, заглушить-же и-Со-
вѣсть.
Иль позабылъ ты оное все, что-содѣлали Боги,
Да возвратятъ тебя во-твое Отечество прямо?
Вспомни, какимъ ты способомъ выѣхалъ изъ [1] Трі-
накріи?
Бѣдство, и-всѣ напасти, въ Египтѣ тобой претер-
пѣнны,
Не премѣнились-ли вдругъ въ нечаянны Счастія по-
слѣ?
Что за-Рука неизвѣстна, тебя отъ смерти отъяла,
Коя твоей Головѣ грозила въ городѣ Тѵрѣ?
Дивностяхъ толь по многихъ, ещель ты не разумѣешь,
Что для-тебя и-Судьба и-Предѣлъ уготовили купно?
Но что я говорю? Ты-всего того недостоинъ.
Чтожъ до-меня; иду, и-какъ-вытти изъ-острова, знаю.
Подлый Сынъ, Отца толь мудра и-толь велелушна,
Въ нѣгѣ останься здѣсь посрединѣ Женщинъ бес-
честно:
Дѣлай въ противность Богамъ, что почелъ недостой-
нымъ родитель.

[1] Сіцилія.

Сіи презорны слова́ проболи Тилемахово серд
Менторомъ такъ укоре́нъ-бывъ, пришелъ въ сер
больну унылость:
Горесть его была превеликимъ Стыдо́мъ срас
ренна;
Гнѣва боялся онъ отъ мудраго толь Человѣка,
И разлучиться съ нимъ не-хотѣлъ одолженный
мѣрно.
Но первосердная страсть, которыя са́мъ-онъ не
далъ,
Дѣлала, что Человѣкомъ тогда другимъ находилс
Какъ же! Ментору онъ говорилъ съ проліяні
слезнымъ,
Ты, посему, за-Ничто́ почитаешь безсмертіе са́м
Кое мнѣ обѣщано здѣсь отъ-Богини Калѵпсы?
Ставлю я за-пусто́е Ничто, отвѣтствовалъ Менто
Все Добродѣтели что противно и-Бо́жеской Вол
Та Добродѣтель зоветъ тебя въ Отечество мило,
Да Одѵсса увидишь въ немъ, и въ немъ Пинелоп
Тажъ Добродѣтель тебѣ попуститься въ страст
прещаетъ.
Боги, тебя избавлшіи толь отъ многихъ напасте
Да уготовятъ тебѣ, Отеческой равную, Славу,
Повелѣва́ютъ, чтобъ-ты́ конечно сей-о́стровъ
вилъ:
Бо́жичъ Любви единый, оный Мучитель бесчест
Можетъ тебя на немъ удержать плѣненна въ Нев
Чтожъ тебѣ въ безсмертной жизни, безъ-Во́льн
будетъ?
Безъ Добродѣтели что? безъ Славы? что́-и-безъ
сти?

Станетъ бесчастнѣй сія жизнь еще, тѣмъ что бесконечна.

Рѣчи сей отвѣщалъ Телемахъ воздыханіемъ токмо.
То желалъ, да-его отъ острова Ментеръ отторгнетъ;
То хотѣлъ, скоряе отправиться Ментору въ путь свой,
Чтобъ глазами не-видѣть уже толь строгаго Друга,
Кой укарялъ его всегда за страстную слабость.
Сіи противные мысли въ сердцѣ его волновались,
А ніедина въ немъ изъ нихъ не-была постоянна:
Было оно какъ Море, которо въ игралище вѣтрамъ
Часто лежалъ распростертъ не движимъ при-морѣ на-брегѣ.
Въ самую часто глушь забѣгалъ претеннаго лѣса,
Горькіе слезы гдѣ проливалъ, и-стенялъ восклицая
Львинымъ какъ-будто рыкомъ; такъ что весь извелся онъ.
Впадши глаза огнемъ нажождающимъ въ ономъ горѣли.
Видя бледна его, исхудавша, и-толь безобразна,
Всякъ не-узналъ-бы того, и-не-принялъ-бы за Телемаха.
Вся Красота, Веселость вся, Благородна осанка,
Видъ оставляя его отъ-него далеко бѣжали.
Цвету подобенъ былъ, развернувшуся утромъ всходящимъ,
Кой развѣваетъ свои ароматы по-цалому полю,
И отмала помалу потомъ ужъ къ вечеру вянетъ:
Вся помрачается въ немъ руминность краски живыя;
Онъ опускается весь, засыхаетъ, Маковку клонитъ,

Тѣмъ-что на-Стебѣ сей итому дерзаться не-можно.
Такъ Одиссеевъ Сынъ при-вратáхъ былъ сáмыя
Смертíе!
Ментóръ зря, Тилемахъ что-не-мóжетъ противиться
ся Стрáсти,
Принялъ совѣтъ въ себѣ, исполненный многа Ис-
кусства,
Да извлечетъ его изъ-толíко пагубна бѣдства.
Онъ присмотрилъ, что-Калипсе любима зельми Ти-
лемаха,
И что-не-мéньше сей любилъ Евхарíту прекрасну.
Ибо жестокíй Бóжичъ Любви, на-мучéніе Смертныхъ,
Дѣлаетъ, что не-всегдá взаимно любима Влюбившаго.
Ментóръ въ себѣ положилъ, возбудить въ Калипсе
ревнивость.
Нимфа хотѣла взять Тилемаха съ собой на-Охóту.
Ментóръ Калипсѣ такъ говорилъ: въ Тилемахѣ я-нынѣ
Къ Ловлѣ страсть присмотрилъ, въ немъ прежде от-
нюдь не-бывáлу.
Та забава, его отводитъ отъ всѣхъ начинаетъ
Любить-ужъ только Лѣсá, и сáмые дикíе Гóры.
Тыль, о-Богúня, въ него сію охоту вдохнула?
Люто Калипса досаду въ себѣ ощутила вскипѣвшу
Слыша сíи словá, и-отъ-слóвъ не-могла удержаться:
Вотъ Тилемахъ, отвѣщала онá; Тилемахъ, пренé-
брегшій
Сладости всѣ, и-весéлія всѣ, что въ островѣ Кипрѣ,
Здѣсь не можетъ противу стать, и быть неплѣненный
Отъ единыя изъ-Нимфъ Красавки, посредственныя
токмо.
Кáкъ же дерзаетъ онъ величаться, что-многíя дѣйства

Дивныя толь произвелъ, котораго нѣжится сердце
Подло Сластя́ми тольми, и-кото́рый, какъ-ви́дно,
рожденъ есть
Жизнь провождать свою́ между Женами роскошно?
Менторъ, увидѣвый радъ колико ревность смущаетъ
Сердце Калѵпсино внутрь, не-сказа́лъ ей болѣй ни-
сло́ва:
Токмо показывалъ той Лице уныло съ печали.
Но Богиня ему открывала свою́ Неугодность,
Въ томъ во всемъ, что-она́ созерцала своими очами;
И непрестанно тому приносила жалобы но́вы.
Ловля та, о-кото́рой ея увѣдомилъ Менторъ,
Въ крайню уже́ привела всеконечно ярость Богиню.
Сказано ей, что-иска́лъ Тилемахъ удалиться отъ-
всѣхъ Нѵмфъ,
Чтобъ единъ на-еди́нъ побесѣдовать тамъ съ Евха-
рі́той.
Ужъ собирались еще на-вторую подобнуюжъ Ло́влю,
Въ коей, предвидѣла та что-посту́питъ также какъ-
въ-пе́рвой.
Что́жъ-бы прервать Тилемаховы мѣры; она́ объя-
вила,
Что и-сама́ на Ловлѣ той присутствовать будетъ.
Вдругъ пото́мъ, не-возмо́гши уже́ удержаться отъ-
гнѣва,
И не-яви́ть досады, сіе тому говорила.
Такъ то ты посему, о-младый Человѣкъ и-про-
де́рзскій,
Прибылъ на-о́стровъ мой спастись отъ-вседо́лжнаго
Пото́па,
Кой Посідонъ готовилъ тебѣ, и мщеніе Горьнихъ?

Иль ты вышелъ на-сей, неотверстый каждому въ Смертныхъ,
Чтобъ презирать мое тебѣ Могущество, купно
И любовь, какову тебѣжъ сердечно явила?
О: всѣ Боги, и-вы Богини, Олимпа и-Стига;
Благоволи́те, моли́о, услышать несчастну Богиню.
Не закоси́те сего постыдить вконецъ Вѣроломца,
Неблагода́рна сего Дѣтину, сего Нечестивца.
И какъ ты еще жесточай Отца и-не-пра́вѣй;
Тобъ быть долѣй тебѣ во злѣ и мучиться лютѣй.
Нѣтъ, нѣтъ; чтобъ никогда Отечества ты не-уви́дѣлъ,
Оныя нищи толь, и-толи́ко бѣдны Іоаки,
Кою безстыдно ты предпочелъ Безсмертію цѣлу;
Иль ты пачебъ погибъ ту вдля издали съ Мо́ря,
И чтобъ гнусный твой-трупъ, волна́ми мечемый яро,
Выкинутъ былъ наконецъ, погребе́нъ-быть безъ-вса́ки надежды,
Здѣсь на-сыпу́чій песокъ моего приморскаго Бре́га.
Очи мои да тотъ терзаемый Гупами [1]) видятъ.
И да-Дружне́вна твоя увидитъ такожде оный:
Конче увидитъ она́, и сердцемъ станетъ терзаться;
А мученіе то ея мнѣ будетъ въ Блаженство.
Такъ говоря, Калипса имѣла пламенны очи.
Взоры ея ни-на-че́мъ не-могли́ постоянно остаться:
Зрилось не-зна́ю что въ ихъ-луча́хъ сумрачно и-ди́ко.
Объ Ланиты у-не́й дрожжащи были покрыты
Черными по мѣстамъ, и-багро́выми пятнами индѣ.
Такъ она́ измѣнялась на-ка́ждо мгновеніе въ цвѣтѣ.

[1] Беркутъ птица.

Часто мёртвенна блѣдность на-всемъ Лицѣ проливалась;
Слёзы, какъ-прежде, уже не-текли обильнымъ потокомъ:
Ярость казалась быть изсушивша источники слезны;
Капель нѣсколько ихъ истекало едва на-Ланиты.
Голосъ ея былъ сиплъ, дребезжащъ, торопливъ, и-прерывистъ.
Внутрь и-пылала вражда, и-боль-въ-сердцѣ кипѣлъ зараженномъ.
Ментеръ всѣ наблюдалъ движенія токмо что-сіи,
И ужъ больше не говорилъ Телемаху ни-слова;
Пользовалъ какъ отчаянно больна, оставлена всѣми;
Часто взиралъ на-него въ сожалѣніи жалостнымъ окомъ.
Чувствовалъ самъ Телемахъ, коль былъ предъ Ментеромъ виненъ,
И колико его недостоинъ дружбы явился.
Глазъ не смѣлъ возвесть, да-не-встрѣтитъ дружески очи,
Тѣмъ-что молчаніе въ Ментерѣ само его обвиняло.
Онъ иногда на [1]) выю къ нему преповергнуться мыслилъ,
И объявить ему, коль о погрѣшности тужитъ:
Но былъ удерживаемъ то стыдомъ непохвальнымъ,
То и страхомъ далѣй зайти, онъ нежель хотѣлъ самъ,
Да изъ-того настоящаго бѣдства невреденъ изыдетъ;
Ибо напасть казалась ему не-помалу пріятна;
И не-желалъ еще одолѣть безумныя страсти.

[1] Шея.

Боги и-всѣ богини Олѵмпа были въ Соборѣ,
И въ преглубокомъ молчаніи очи вперенны имѣли
На тотъ островъ тогда Калѵпсинъ, да-та́ко увидят
Кто побѣдитъ, Палладаль, иль-Сынъ Афроді́тин
Любви Богъ.
Сей на островѣ воспламени́лъ все, съ Нѵмфы игра
Но [1]) Аѳинѣ, подъ-о́бразомъ Ментора бывшей меж
ни́ми,
Ревность, котора всегда отъ-Любви́ неотлучна, сл
жила
Средствіемъ сильнымъ противъ тоя Любви огнедышн
Зевсъ Смотрителемъ быть восхотѣлъ-же борьбы зн
мениты,
И пребыть межъ тѣмъ въ совершенной посреднос
видя.
Въ томъ Евхаріта, боясь да-отъ-не́й Тилемахъ н
отста́нетъ,
Множествомъ хитростей тщится его удержать во-
плѣни́цахъ.
Та уже́ хотѣла отбыть съ нимъ-на-Ло́влю вторую,
И пришла одѣяна какъ Артемі́да [2]) Богиня.
Ей Афроді́та, Еро́тъ-сынъ, пріятности придали нов
Та́къ-что въ тотъ-де́нь Красота ея, миловидна и-пр
жде,
Всѣмъ была благозрачнѣй Калѵпсины, всяко
вы́шше.
Зря издале́че Богиня на-ту́, и-сама́ совокупно
Въ са́момъ прозрачномъ своихъ изъ-исто́чнико
также смотрилась;

---

[1] Мінерва. — [2] Узы. — [3] Діана.

Видяжъ свою Добродѣтель, пришла въ устыдѣніе
много:
Скрылась тогда въ вертепъ, и такъ одна говорила.
Такъ, посему, не-способствуетъ мнѣ ничемъ, что-
хотѣла
Быть препоной сим-двумъ Любителямъ, имъ объ-
являя,
Что и я изволяю на-той присутствовать Ловлѣ?
Быть-ли мнѣ-тамъ? Пойтиль за тѣмъ, да-она торже-
ствуетъ,
Яжъ да-возвышу ея Красоту еще предъ-моею?
Надобноль, чтобъ Тилемахъ, меня такову созерцая,
Болѣй и-болѣй къ своей пристрастился еще Евха-
рітѣ?
О бесчастна! что-здѣлала я? Нѣтъ, я не-отправлюсь;
Да и сами они туда не-отправятсяжъ равно:
Способъ найду, какъ въ домѣ ихъ усадить неисход-
ныхъ.
Къ Ментору я пойду, и-просить ужъ онаго стану,
Да отвлечетъ Тилемаха отадѣ провождая въ Іеаку.
Что говорю? что буду, когда Тилемахъ отлучится?
Гдѣ я-тепе́рь? что дѣлать мнѣ? что дѣлать осталось?
О Аѳродіта жестока! Ты меня обманула.
О вѣроломный даръ, ты коимъ меня наградила!
Пагубный Отрокъ! Божичъ Любви, тлетворны ко-
нечно!
Я тебѣ отверзла сердце мое по-надежде,
Чтобъ блаженно и-радостно мнѣ пребывать съ Ти-
лемахомъ;
Тыжъ внесъ въ сердце сіе матежъ и-отчаянія го-
рость:

Нимфы мои на-меня́ самую точно восстали.
Вся и-Божественность нынѣ моя́ единственно служитъ
Токмо къ сему, да-пребу́ду я злочастна во-вѣки.
О! когдабъ я-могла́ потребиться смертію вольно,
Да окончу тугу́ [1]) мою́ и-несно́сны болѣзни.
Долгъ, Телемахъ, посему да у́мрешь ты всеконечно,
Тѣмъ что мнѣ умреть, и-не-быть безсмертной не-мо́жно.
Я тебѣ отмщу за-твои́ всѣ неблагода́рства:
Нимфа твоя увидитъ то, какъ-при-зрѣніи са́момъ
Оныя, должно въ жертву тебя потреблю закалая.
Ахъ! потеряла я-у́мъ. О-несча́стна и-бѣдна Калипса!
Что ты мыслишь творить? Одного погубить Неповинна,
Косго тыжъ сама́ несчастій низве́ргла-сихъ въ про́пасть?
Я смертоносный жаръ зажгла въ Телемахѣ чистѣйшемъ.
Коль беспороченъ! Коль добродѣтеленъ! Коль правосерденъ!
Ко́ль-же и-кре́покъ онъ противъ сладострастій бесчестныхъ!
Надобноль было его отравить Любовію сердце?
Онъ-бы оставилъ меня. Такъ чтожъ? Не нынѣль достоитъ,
Да разлучится со-мно́й, или да онаго вижду
По́лна презора ко-мнѣ, для-Соперницы дышуща токмо?

---

[1] Натужность.

Нѣтъ, нѣтъ; я стражду́, что-страда́ть заслужила по-
пра́вдѣ.
Нужъ отъѣзжай Тилемахъ, поплыви за-дале́ки Пу-
чины,
Горьку Калипсу здѣсь оставь безъ всѣхъ утѣшеній,
Какъ ни жизни спосить, ни смерть изобрѣсть не-
могу́щу:
Здѣсь неутѣшиму, здѣсь оставь меня постыжде́нну,
Здѣсь и-отча́янну всю при-твое́й Евхари́тѣ надменной.
Такъ говорила одна съ собо́й въ удаленномъ вер-
тепѣ.
Сежъ въ устремленіи вдругъ она́ изъ-того́ выбѣгаетъ.
Гдѣ ты, Ментореъ, рекла? Твоеголь ты такъ Тилемаха
Крѣпко ссде́ржишь противъ порока, въкой упадаетъ?
Ты усыпле́нъ, какъ-Любо́вь на-тебя́ здѣсь бодрству-
етъ сильно.
Я не-терпли́ю ктому твоего нерадѣнія сла́ба:
Мо́жешь-ли видѣть спокойно ты Одиссеева сына,
Толь велико Отцу бесчестіе здѣсь наносяща,
И небрегуща его о-свое́й Судбинѣ высокой?
Мнѣ, или тебѣ повѣрили Сродники въ ономъ?
Я всѣхъ средствій ищу къ испѣленію се́рдца мла-
даго;
Тыжъ потщинсяль о-че́мъ нибудь здѣсь онаго въ
пользу?
Лѣса сего, кой видишь, на-са́момъ дальнѣйшемъ мѣ-
стѣ,
Много находится древъ Топо́левыхъ, годныхъ на-
Су́дно:
Та́мъ-то изъ-о́ныхъ себѣ Одиссъ Корабль угото-
валъ,

Онъ на-кото́рокъ отъ-о́строва нашего о́тплылъ поспѣшно.
Найдешь на-то́мъ мѣстѣ ты глубо́ку Пещеру,
Въ коей орудія всѣ потребны лежатъ сокровенно,
Какъ на-тесне́ніе, такъ Тесни́цъ на-сплоче́ніе должно.
Чуть изрекла та сіи слова́, какъ-раска́лась въ оныхъ.
Менторъ времени не потерялъ на-мгновѣ́ніе о́ка:
Отбылъ къ Пещерѣ той; нашелъ орудія сокрыты;
Столько Топо́левыхъ о́тобралъ Древъ, сколь надобно было;
И въ еди́нъ-день построилъ Корабль, по-водамъ-плыть способный.
Мощь и-досу́жство Паллады Богини многоискусно,
Нужды отнюдь не-имѣли во-вре́мени къ зданію долгомъ,
И къ совершенію всякихъ дѣлъ, коль-ни-тру́дныбъ-тѣ были.
Въ страшномъ Калипса присемъ находилась смущеніи духа.
Та съ одной стороны́ желала видѣть охотно,
Менторовъ зданія трудъ, коль много въ себѣ успѣваетъ;
А съ другой, не могла́ оставить Ловли конечно,
Гдѣ Евхари́та въ свободѣ всей-бы́ть съ Тилемахомъ имѣетъ:
Ревность съ очей-ей спускать Любовниковъ сихъ не-дава́ла.
Но постаралась туда совратить ристаніе Ловли,
Вѣдала гдѣ, что Менторъ уже́ Корабль созидаетъ.

Слышала стукъ отъ-Сѣкиры, и-слышала стукя отъ-
мла́та.
Слухомъ внушала то, содрогаясь отъ-ка́жда удара;
И въ тожъ са́мое время она́ опасалась презѣльно,
Чтобъ задумчивость та отъ ней каковаго не-скрыла
Знака, иль Тилемахова взгляда на-Нимфу младую.
Въ томъ Евхари́та въ насмѣшку сіе Тилемаху вѣ-
щала:
Ты себѣ отъ Ментора не боишсяль [1]) таза́вій,
Что дерзнулъ на Ло́влю сію безъ-него́ пуститься?
О! коль жалокъ ты, и-досто́инъ быть сожалѣемъ,
Что имѣешь строгаго толь, сверьхъ-угро́мости, Дядьку!
Въ немъ умягчить не можетъ ничто суровости мрачны:
Онъ является быть непріятель всякимъ забавамъ,
Онъ не можетъ терпѣть, чтобъ-и-ты позабавился мало;
Ставитъ тебѣ въ вину дѣла́ неповинны всемѣрно.
Могъ отъ-него́ зависѣть ты не бывъ въ состоянн
Править собою самъ, и-между́ Людьми обращаться:
Но показавшу толико въ себѣ Благоумія тве́рда,
До́лжно-ужъ не попускать, поступать съ тобоіі какъ-
съ-младе́нцемъ.
Хитрыя сіи слова́ проболи Тилемахово сердце,
И наполнили то досадой на-Ме́нтора желчной,
Коего свергнуть иго съ себя хотѣлъ всеконечно.
Онъ боялся ужо́ увидѣть онаго паки,
И ничего Евхари́тѣ на-тѣ не-отвѣтствовалъ рѣчи:
Толь былъ онъ тогда въ смятеніи се́рдца великомъ!
Къ вечеру ужъ наконецъ, какъ Ловля прошла въ не-
престанномъ

[1] Окрикомъ.

Съ нихъ обѣихъ сторонъ принужденія, всѣ возвращались,
Шествуя лѣсомъ, довольно близко отъ-онаго мѣста,
Ментора гдѣ-цѣлый тотъ день трудился весьма неослабно.
Тамъ усмотрѣла Калипса состроено нѣдали Судно;
Тотчасъ очи ея помутились, какъ-тѣнію Смерти.
Оба Колѣна ктомужъ тряслись подгибались подъ-нею.
Хладный потъ пролился по тѣлу всему ослабѣшу.
Нужно-ей стало уже о-своихъ въ томъ Нимфъ опереться:
А какъ-свою Евхарѣта руку ей подавала;
То отшибла ту-прочь на-нея возврѣвши прегрозно.
Видѣвъ Судно сіе Телемахъ, но-не-Ментора видѣвъ,
Тѣмъ что сей отлучился свою окончавшій работу,
Тамъ вопросилъ Богиню, Корабль тотъ чій-есть, что-видитъ,
И на-потребу кому уготованъ состроенный красно?
Сперва она не-могла отвѣчать, наконецъ-же сказала:
На отосланіе Ментора тотъ я-велѣла состроить;
Больше не-будешь ты затрудняемъ отъ-друга сурова,
Кой твоему толико Ближеству противится навѣ,
И позавидѣлъ-бы онъ твоемужъ безсмертію равно.
Менторъ меня оставляетъ! погибъ-я! вскричалъ Телемахъ вдругъ.
О Евхарѣта! Какъ-тотъ покидаетъ, одна у-меня Ты!
Вырвались сіи слова у-него въ восхищеніи Страсти.
Вскорѣ почувствовалъ онъ свою прошибку большую;
Небылъ въ свободѣ всей о разумѣ словъ-сихъ размыслить.

Сонмища вся удивившись сему стояла молчаща;
А Евхарíта краснѣя, и-въ-зе́млю потупивши очи,
Стала всѣхъ позади, онѣмѣвши, казаться не смѣя:
Стыдъ-же хотя на-лицѣ, но въ сердцѣ радость играла.
Самъ Тилемахъ самого себя былъ въ томъ не-поемлий,
И толикой не-мо́гъ словъ-нескро́мности о́нъ-же повѣрить:
Здѣланно то казалось ему сновидѣніемъ точнымъ;
Но сновидѣніемъ въ стыдъ и-въ-нято́жъ сгожъ тамъ приве́дшимъ.
Яростнѣй Львицы, у-ко́ей похи́щены малыи [1]) Скимны,
Бѣгала въ Лѣсѣ Калипса, пути не-смотря́ ни-доро́ги,
И не зная уже́ куда Сама́-та бѣжала:
А наконецъ, нашлась своея при входѣ Пещеры,
Гдѣ ея давно ожидалъ въ спокойствіи Ментор.
Съ о́строва то́тчасъ долой моего, сказала, Пришельцы!
Прибыли вы помутить мое сердечно спокойство.
Прочъ отъ-меня́, прочъ далѣй, прочъ вертопрашный Дѣтина;
Съ ни́мъ-же и-ты́ совокупно прочъ Старичишка безмозглый:
Ты почувствуешь, мо́щенъ колико гнѣвъ-есть богининъ,
Ежели не отвлечешь его ты вскорѣ отсюду.
Больше видѣть его не-хочу́; и-кто́му не-терпли́во я,
Чтобъ которая изъ-Нимфъ моихъ съ нимъ слово спустила,
Иль на-него́ чтобъ и невозбранно коя смотрѣла.

---

[1] Щенки Львиные.

Стуга водами я нареку́сь, а Клятва сія есть,
Въ трепетъ котора Бого́въ самихъ непреложно приводитъ.
Но познай, Телемахъ, что Зло тебѣ не-скончи́лось.
Неблагода́рный покинешь сей-о́стровъ, да-бу́дешь конечно
Новымъ въ корысть Несчастіямъ, и Злоключеніямъ новымъ.
Будетъ месть тебѣ за-меня́; ты-поня́нешь Калипсу;
Но поня́нешь уже́ ея бесполезно и-всу́е.
Самъ Посідо́нъ, на-Отца́ твоего пребывая во-гне́вѣ,
Кой ему досадилъ и-его́ оскорбилъ въ Сікелі́и,
Самъ Посідо́нъ, говорю, Афроді́тою то́щно [1]) проси́мый,
Презрилъ которую ты непомѣрно на-о́стровѣ Кипрѣ,
Уготовля́етъ тебѣ неотмѣнно Бу́ри другіе.
Ты увидишь Отца, еще который не-у́меръ;
Но хотя увидишь его, да-уви́дишь не-зна́я.
Съ нимъ тогда уже́ съединишся въ нищей Іоакѣ,
По́слѣ какъ-бу́дешь игралищемъ Ты прежестокой Тухі́и.
Ну ступай; я всѣ заклинаю Силы Небесны,
Да отмстятъ за-меня́ тебѣ исисчетными Злыми.
О! Повиснувшій ты, посредѣ Пучины морскія,
На преостромъ изъ-камней, ктомужъ пораженный Перуномъ,
Да призовешь Калипсу себѣ въ бесполезную по́мощь,
Му́ка твоя несказанно котору обрадовать можетъ!
По произносѣ ея сихъ словъ, возмущенные мысли

[1]) Всеприлѣжно.

Были готовы уже творить противное точно
Сильная толь Любовь возвратила желаніе въ сердце;
Тутъ при-себѣ удержать Телемаха всегда неразлучна
Пусть живетъ, говорила въ себѣ, и здѣсь пребываетъ:
Нѣгли почувствуетъ все, наконецъ, содѣянно мною
Въ пользу ему. Евхарíта ни-кóей мѣрой не-мóжетъ,
Какъ то я, учинить его во вѣки Безсмертна.
О препабыточно ты ослѣпленна Калупсо! Не-видишь,
Что ты въ Клятвѣ сама себѣ твоей измѣняешь:
Ты обязалась твердо ужé; а-Стигíйскіе Вóды,
Коими ты заклялáсь, не-дóлгъ быть больше въ на-
дождѣ.
Сихъ рѣчей ея никто не-слыхáлъ всеконечно:
Токможъ Ярости были всѣ на-Лицѣ проявленны;
И премрачна [1]) Кокутта вдонъ сердце дышало.
Въ ужасъ пришелъ Телемахъ то видя. Онá ощу-
тила:
Ибо ревнива Любовь о чемъ догадаться не-мóжетъ?
Страхъ Телемаховъ сей усугубилъ ярость въ Богинѣ,
Бывшей подобною вельми по-всему Вакхáнтѣ нелѣпой,
Коя своймъ завываніемъ вóздухъ весь наполняетъ,
И оглашаетъ онымъ всѣ Ѳракíйскіе гóры:
Бѣгаетъ се по-лѣсáмъ въ рукѣ Копéйцо имѣя,
Всѣхъ своихъ силикая Нимфъ и-грозя́ пробости тѣхъ,
Кои не-бу́дутъ тудажъ за нею слѣдовать вскорѣ.
Нимфы стремленно бѣгутъ испужавшись ея угрозе-
ній.
Скоро спѣшитъ Евхарíта, сама́ облившись слезами,
И зря на своего Телемаха ужé надалéка,

[1]) Адская рѣка.

Съ коимъ та не смѣла ктому ни слова промолвить.
Вся затряслась Богиня узрѣвши ея предъ-собою;
Не утолилась отнюдъ сея покореніемъ Нимфы,
Да и въ нову притомъ вспламенилась огненну ярость,
Видя, что-горесть еще Евхаритѣ Красы прибавляя.
Тѣмъ между Телемахъ остался съ Менторомъ токмо.
Оба колѣна объемлетъ его, объять не-дерзая
Выю того, ни-воззрѣть на онаго также очами
Слезъ проливаетъ потокъ. Проглаголать хощетъ; нѣтъ-гласа:
А ктомужъ не-имѣетъ и-словъ, и-сыскать-ихъ не-можетъ.
Самъ не знаетъ что-дѣлать ему, и-что-дѣлаетъ Самъ же,
И чего желаетъ себѣ, или хочетъ чтобъ-было.
Но наконецъ возопилъ: о-Родитель-мой истинный Менторъ!
Благоволи меня отъ-толикихъ золъ-сихъ избавить;
Благоволи избавить меня отъ-меня́ жъ всеконечно:
Ты меня потреби предая некоснительной Смерти.
Менторъ объемлетъ его, утѣшаетъ, еще ободряетъ,
И научаетъ сносить себя, безъ ласканія страсти;
Да и такъ ему говорилъ: Сынъ мудра Одусса!
Коего Боги любили толь, да любятъ и-нынѣ;
Знай, то дѣйство любви-ихъ что-страждешь толь нестерпимо.
Слабости кто своея не чувствовалъ, также и-наглыхъ
Нѣкихъ въ себѣ страстей; еще тотъ не умудрился:
Ибо не-знаетъ себя, и-не-вѣрить себѣ не-умѣетъ.
Боги вели тебя до жерла самыя бездны,
Чтобъ тебѣ показать глубину ея преужасну,

Токможъ не-да́ть тебѣ стремглавъ низвергнуться въ
ону.
Самъ понимай теперь, чегобъ никогда́-ты не-по́нялъ,
Еслибъ са́мою вещію ты въ томъ не искусился.
Тщетнобъ тебѣ говорить о-любви́ предательствахъ
злобныхъ;
Льстить которая да погуби́тъ, и-подъ сла́достьми
кроетъ
Острые и нестерпимые горести лютаго яда.
Отрокъ-тотъ прибылъ исполненъ всѣхъ Благолѣпно-
стей свѣтлыхъ,
Въ смѣхѣ, въ забавахъ, въ играхъ, и во-всяки́хъ пріятностяхъ нѣжныхъ.
Видѣлъ ты-са́мъ его; онъ-твое́ похитилъ и-се́рдце;
Тыжъ былъ радъ, твоему чтобъ сердцу быть похищенну.
Ты подлоговъ искалъ, чтобъ-сердечны язвы не-вѣдать:
Ты искалъ себя обмануть, и-себя́жъ самого льстить,
Тѣмъ что ты отнюдъ себѣ ничего не-бо́ялся.
Вѣжды-же теперь ты плодъ твоея продерзости
странны:
Просишь смерти себѣ, и-единa е́сть-та надежда.
Вся смущенна Богиня подобится Ярости адской;
Жаромъ горитъ Евхаріта лютѣйшимъ смерти болѣзней;
Въ ревности Нимфы всѣ, межъ-собо́ю готовы терзаться.
Во́тъ-же что-дѣлаетъ Бо́жичъ Любви, Предатель
умильный!
Ты соберись теперь съ природною бодростью всею.

Зришъ притомъ, колико тебѣ пріятствуютъ Боги;
Тѣмъ-что тебѣ пролагаютъ толь пространну дорóгу,
Да убѣжишьотъ-Любвѝ, а-увѝдишь любезну Отчизну?
Вотъ Калипса самá тебя отогнать принуждена:
Есть Ладія къ отплытію, есть со всѣмъ-ужъ готóва,
Чтожъ мы медлимъ толь оставить сей-óстровъ Ка-
. . . . . липсинъ,
Гдѣ никогда обитать Добродѣтель не-мóжетъ пре
. . . . . славна?
Сíи словá говоря, его взялъ Менторъ за-рýку,
И влекъ къ Бéрегу. Шелъ Телемахъ съ неохотой
. . . . . великой,
Все озираясь назадъ, и ногáми остановлялся:
Зрилъ онъ на Евхарíту съ нимъ разстающуся въвѣки.
Видѣть не-мóгши Лицá, на-власы смотрилъ преу-
. . . . . бранны;
На взаѣвашну одежду ея, на всю и-осáнку:
Онъ-бы хотѣлъ слѣдъ поцѣловáть стопъ милыя Нимфы.
Да и-когдá потерялъ-ту изъ-глáзъ, приклонялъ слухъ-
. . . . . ещé онъ,
Воображая себѣ, что-ея́ гласъ надали слышитъ:
Коль ни-отсýтственна ужъ была, ту видѣлъ однако.
Та предстояла какъ-бýдто явѣ его предъ-очáми;
Онъ помышлялъ что и разговоры съ нею имѣетъ,
Больше не-знáя гдѣ-óнъ, ни Ментора слышать не-
. . . . . мóгши.
Но пришедъ, наконецъ, въ себя какъ-отъ-снá пре-
. . . . . глубóка,
Ментору такъ говорилъ: я-съ-тобóй-плыть намѣрил-
. . . . . ся твердо;
Толькожъ я не-простúлся еще съ Евхарíтою тамо:

Лучше умру, съ ней нежель разстáнусь-толь неблагодáренъ.
Ты положи, пока я-въ-послѣдній-разъ съ нею увижусь,
И отлучусь отъ-ней попросивъ прощеніе въ вѣки.
А на малый конецъ, и-позволь да-скажý-ей сію рѣчь:
Нумéа, о-Нумéа! Боги жестóки, завидящи Боги
Счастію здѣсь моему, принуждаютъ меня отлучаться;
Но не-попýстятъ они животомъ мнѣ-скорáй насладжаться,
Нежель когда возбранятъ тебя не пóмнить до-смéрти,
О мой-Отéцъ! иль оставь-мнѣ сію послѣдню утѣху,
Коя толь-праведна есть, иль-въ-сей-чáсъ отними тымóю жизнь.
Нѣтъ, нѣтъ; я не-хочý ни-остáться въ семъ-óстровѣ цынѣ,
И ни предáться Любви мученія сладкими жгущей:
Въ сердцѣ моемъ нѣтъ-ей; въ немъ чувствую Дружбу едину,
Чувствую и благодарность въ немъ Евхарíтѣ вседолжну.
Полно съ меня, чтобъ-ещé проститься единожды съ нею,
Да и-пóйду съ тобой ужé не медля ни-мáло.
Кóль-же-мнѣ жалокъ ты! ему отвѣтствовалъ Ментóръ.
Страсть въ тебѣ велика толь, что-не-чýвствуешь стрáсти.
Мнишь себя спокоíна быть, а смерти желаешь.
Смѣешь ты говорить, что-Любóвь тобой не-владѣетъ;

Только́жъ не-мо́жешь отторгнуться тыжъ отъ Нимфы любимы.
Видишь токмо ея; и-ея́ единую слышишь:
Сталъ и слѣпъ, и глухъ на все другое конечно.
Брѣдитъ въ Огнёвицѣ кто, говоритъ: я право не-бо́лемъ.
О слѣпый Тилемахъ! ты-гото́въ забыть Пинелопу,
Ждетъ котора тебя; ты-гото́въ отстать отъ-Одусса,
Коего у́зришь въ Іеакѣ, тебѣ гдѣ царствовать должно;
Пренебрещи ты-гото́въ и Славу, и Участь высо́ку,
Предобѣща́нну тебѣ отъ-Бого́въ толикими чуды,
Въ пользу твою отъ нихъ самихъ проявленными свыше.
Тыжъ и прѣ́зрилъ-бы вся Благая сія, да-бесче́стно
Здѣсь препроводишь жизнь при-твоёй Евхари́тѣ единой.
Ска́жешь-ли, что Любовь къ ней-тебя́ ужъ не при-гвождаетъ?
Чтожъ такое, которо тебя врѣваетъ въ мятежи?
Для́чего лучше тебѣ умереть, а не́жель быть жи́ву?
Ради чего говорилъ при-Богинѣ въ восторгѣ толикомъ?
Я твоего не-порбчу худою вѣрностью се́рдца:
Но Слѣпоты въ тебѣ не-могу́ не-опла́кивать горько.
Такъ бѣги́, Тилемахъ, бѣги́, бѣги́: не-возмо́жно
Инакъ Любви побѣдить, какъ-единымъ отъ-о́ныя бѣгствомъ.
Храбрость противъ сего состоитъ Непріятеля точно
Въ томъ, чтобъ-боя́ться его, и-бѣжать отъ-него́ далечайше;
Но препоспѣшно бѣжать, и вспять же не озираться.

Тыне-забылъ попеченій моихъ о-тебѣ во-младéнствѣ,
Также и-бѣдъ, отъ-котóрыхъ ты-спáсся моими Со-
вѣты.
Нынѣ иль-мнѣ ты вѣрь, иль-знай, что-тебя-я оставлю.
Еслибъ ты-знáлъ, колико тебя мнѣ-болѣзненно ви-
дѣть,
Толь устремленно въ твою погибель несущася прямо.
Ежелибъ зналъ ты все, что-страдáлъ я въ оное время,
Въ кое отнюдъ не смѣлъ тебѣ ни слóва промолвить!
Матерь родивша тебя претерпѣла въ рожденіи меньше.
Я молчалъ; я-скрывáлъ въ себѣ болѣзнь-всю и тру́д-
ность;
Я поглушилъ и-стенáнія всѣ вконецъ сердобольны:
Всежъ сіе, да-увúжду что-ты ко мнѣ возвратишсяль.
О мой Сынъ! дражащій Сынъ! дай ты-мнѣ отраду;
Ты отдай мнѣ то, что-миляе-мнѣ жизни во-Свѣтѣ;
Ты мнѣ-отдáй Тилемаха назадъ, потерянна мною;
Тыжъ и самъ себѣ самому́ отдайся возвратно.
Ежели ты Любовь Цѣломудріемъ преодолѣешь;
То я паки живу воскресый, и-живу́ преблаженно:
Но когда онá въ тебѣ сіе превозможетъ;
То ужъ Ментору жить ктому на Свѣтѣ не-мóжно.
Менторъ, такъ говоря, продолжалъ путь къ Мóрю-
самъ прямо;
А Тилемахъ, бывъ-въ-себѣ не силенъ да-слѣдуетъ съ
онымъ,
Силы довольно имѣлъ попустить, быть-ведóмъ не-
противясь.
Скрыта Паллада всегда подъ образомъ Ментора сéдя,
Крóя невидимо тутъ своúмъ Тилемаха Егúдомъ,
И Божественнымъ вкругъ его лучемъ осѣняя,

Крѣпость вдохнула въ него, каковы не чувствовалъ
оный
Время во-всé своего житія на островѣ тамо.
Прибыли ужъ, наконецъ, къ такому óстрова мѣсту,
Гдѣ морскій брегъ былъ крутояръ весьма и-утéсистъ;
Былъ то камень всегда вспоражаемый пѣнистымъ
Моремъ.
Стали смотрить съ сея Вышины, что Судно, которо
Ментор состроилъ, ещель на томже находится мѣ-
стѣ;
Но усмотрили они печальное Зрѣлище видя:
Сынъ Афродітинъ, Бóжичъ, въ несносную принялъ
досаду,
Что Незнаемый тотъ Старикъ, не токмо собою,
Былъ къ его пораженіямъ всѣмъ нечувствителенъ
всяко,
Но что-ещé отъ-негó отнималъ онъ и Тилемаха.
Плакалъ во-рвéніи сей; побѣжалъ и-не-мéдля къ Ка-
лупсѣ,
Бѣгавшей нáхомъ тогда по темнымъ лѣсáмъ непри-
стойно.
Видѣть онá его не-моглá безъ-стенáнія тя́жка;
Да и-посльпнала, что растравлялъ въ ней-онъ-рáны
сердечны.
Въ томъ ей такъ говорилъ: Ты-Богúня безсмертна
во-вѣки;
А попускаешь себѣ побѣждéнной-быть Слабымъ изъ-
Смéртныхъ,
Кой на островѣ Плѣнникъ семъ у-тебя́ пребываетъ.
Для́чего ты позволяешь ему отлучиться отсюду?
О несчастный Божокъ! Любви онá отвѣщала,

Больше совѣтовъ твоихъ не-хочу́ я пагубныхъ слу-
шать:
Ты изъ-спокóйства меня извлекъ глубóка и-слáдка,
Да низринешь въ бездонну прóпасть злосчастій не-
сносныхъ.
Такъ быть-тому́, быть такъ; я-заклялась Стѵга во-
дами,
Что отпущу отъ-себя́ Тилемаха вóвся отъѣхать.
Сáмъ-Дій Отецъ Богóвъ, коль есть онъ ни велемо-
щенъ,
Страшныя клятвы сея отнюдъ не-дерзну́лъ-бы нару́-
шить.
Ну, Тилемахъ, долой съ моего ты óстрова тóтчасъ;
Да долóй-же и-ты́, долой, препагубный Мальчикъ:
Болѣй содѣлалъ ты мнѣ Злаго, нежели оный.
Слéзы утерши Божокъ улыбнулся збойливымъ
смѣхомъ.
Подлинно, такъ сказалъ, есть-о-чéмъ хлопотать и-
крушиться!
Волю мнѣ-дáй; а-Самá изволь ты слѣдовать Клятвѣ:
Быть Тилемаховой ты не-являйся противна отлучкѣ.
Нvмфы твои, ни Я, мы Стѵгомъ отнюдъ не-клену́
лись,
Чтобъ отплыть отсюду его отпустить невозбранно.
Тверду вдохну я мысль въ нихъ всѣхъ сжечь оное
Судно,
Кое Менторъ самъ состроилъ въ спѣхѣ толикомъ.
Скорость его, удививша тебя, бесполезна пребудетъ.
Онъ и самъ, въ свой рядъ, сему задивится премного;
И ужé нектому возъимѣетъ средство инóе,
Да отъ-тебя́ отторгнуть какимъ Тилемаха возможетъ.

Сіи лстивны слова́ Надежду вложили и-ра́дост
Въ са́мую внутренность, и глубину Калѵпсина се́рд
Что содѣваетъ Зефѵръ прохладою легкій своею,
Свѣтла Потока на-бре́гѣ въ отраду ослаблшему Ста
Лѣтній которое зной о-полу́дни вельми удручаетъ
Са́мое Рѣчь сія содѣвала то для-Боги́ни,
Всю Отчаянность въ ней и всю болѣзнь утоляя.
То́тчасъ Лице уяснилось ея, вразъ Очи смягчились
Мрачны печали, грызшіе въ ней утробу живую,
Нѣкій малый на-ча́съ отъ-нея́ убѣжали дале́ко.
Останови́лась Она́, усмѣхнулась, Любовь приласкал
Чемъ себѣ уготовила паки новы Болѣзни.
Бывъ доволенъ Божокъ преклоненіемъ скорым
Богини,
Спѣшно пошелъ прекланять и Нѵмфъ всѣхъ образо
тѣмже,
Кои тамъ по-гора́мъ скитались разсѣявшись по́разн
Ра́вно какъ-ста́до Овецъ распу́жано Волкомъ голо
нымъ,
И разогна́но въ даль отъ стрегшаго Пастыря о́но.
Отрокъ Любви собираетъ ихъ, и-сіе́-имъ вѣщаетъ:
Въ вашихъ рукахъ еще Тилемахъ: поспѣша́йтеж
вы Сами
Су́дно то сжечь, которо состроилъ Менторъ продер
скій,
Чтобъ ему и съ тѣмъ убѣжать отсюду не-ме́для.
Свѣточи то́тчасъ онѣ пребольшіи всѣ зажигаютъ;
Всѣ ко Бре́гу бѣгутъ; скрежещутъ; всѣ и-стена́ют
Волосыжъ всѣ растрепали свои подобно Вакхантам
Се ужъ пламень летитъ, и-Кора́бль тотъ се пож
раетъ,

Бывый состроенъ изъ-Дре́въ сухихъ и смазанъ Смо-
лою;
Се и дыма столбы съ огнемъ поднимаются къ небу.
Менторъ, и-са́мъ Тилемахъ, съ вышины огнь сей
усмотрили.
Слышажъ крикъ и вопль отъ Нумфъ, Тилемахъ по-
кусился
Ра́дъ-быть о-то́мъ, что-еще́ въ немъ сердце не исцѣ-
лѣло;
Да и Менторъ ктому примѣчалъ, что-подо́билась
точно
Онаго страсть Огню, погаше́ну очень небрежно,
Кой по разнымъ часамъ проявляетъ себя изъ-подъ-
Пе́пла,
И горящіе изъ подъ того́ броса́етъ-онъ искры.
Во́тъ-же опять, сказалъ Тилемахъ, я въ узахъ остался:
Нѣтъ ужъ ктому надежды намъ оста́вить сей-о́стровъ.
Ясно то-ви́дѣлъ Менторъ, что Тилемахъ не-заме́д-
литъ
Паки упасть въ свои любовные Слабости всяки;
И что-теря́ть на-мгнове́ніе времени не надлежало.
Онъ усмотрилъ издале́че Корабль на Морѣ стоя́щій,
Къ острову кой не смѣлъ пристать, длятого́ что-всѣ-
зна́ли
Коричіи, что изъ Смертныхъ всѣмъ онъ былъ непри-
ступенъ.
Мудрый немедленно Менторъ, пхнувъ рукой Тиле-
маха,
Тамъ на-краю́ тогда сидѣвша высокаго Камня,
Въ море низринулъ его, и-за-ни́мъ же са́мъ-онъ низ-
вергся.

Въ паденіи томъ Телемахъ чуть не захлебнулся
Горькой водой морской, и сталъ уносимъ-быть Волнами.
Но приходя въ себя, и видя Ментора тутже
Руку ему подающа, да-бы плыть легче возможетъ,
И ободряюща купно его велегласно симъ-словомъ,
«О! претерпѣвый злѣй, и-сіе Зло есть бесконечно,
Тщался ктому удалиться отъ-острова токмо смертельна.

Нимфы, минувшись въ себѣ его удержавшіе плѣнна,
Громкимъ вскричали всѣ и-неистовства полнѣйшимъ воплемъ,
Что воспрепятствовать бѣгству ихъ ужъ небыли въ силахъ.
Ставши притомъ и-сами неутѣшима также Калипсо,
Скоро ушла въ Пещеру свою стеня и-рыдая.
Видяжъ Божичъ Любви торжество свое измѣнению,
Толь въ посрамительну и себѣ въ пребесчестну победу,
Выспрь отторгся на-воздухъ, парилъ крилами своими,
И улетѣлъ тотчасъ въ Идалійскую ону Рощу,
Лютая матерь его Афродіта гдѣ ожидала.
Тамъ любѣйшій ея Сынокъ утѣшился съ нею,
Токмо смѣхомъ одинмъ надъ всѣми содѣяными Злаго.
Иль толика въ душахъ Небесныхъ враждяжъ и-ретивость!

Больше коль Телемахъ удаленъ отъ острова зрился;
Болѣе чувствовалъ толь въ себѣ, при радости сладкой,
Бодрость свою оживавшу, Любовь къ Добродѣтели также.

Я ощущаю, Ментору онъ говорилъ восклицая,
То, что-ты-сказывалъ мнѣ, и-чему не могъ я повѣрить,
Опыта въ томъ не-имѣвъ: Порокъ побѣждается токмо
Бѣгствомъ однимъ отъ-него, а-другимъ всѣмъ не одолимъ есть.
О мой-Отецъ! Коликожъ Боги меня возлюбили,
Самымъ поданіемъ мнѣ твоего поспѣшества сильна!
Я заслужилъ лишиться того, и-съ-собой быть-оставленъ.
Больше уже не-боюсь ни Моря, ни-Вѣтровъ, ни-Бури:
Страшны-мнѣ токмо зѣло мои единственны страсти.
Ибо Любовь и-одна, Любовь котора бесчестна,
Есть ужаснѣе всѣхъ совокупно морскихъ Потопленій.

КОНЕЦЪ СЕДМЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ОСМАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Адоа́мъ, братъ Наарва́ловъ, начальствуетъ на Турскомъ Кораблѣ, на который Тилемахъ и Менторъ воспріяты благосклонно. Сей Начальствующій, узнавъ Тилемаха, сказываетъ ему о трагіческой смерти Путмаліона и Астарве́и, пото́мъ о восшествіи на Престолъ Валеаза́ра, котораго Тураннъ, отецъ его, изгналъ по совѣту жены своея. Во время Стола, учрежденнаго для Тилемаха и для Ментора, Ахіто́й, сладостію своего Пѣнія, привлекаетъ къ Кораблю Тріто́новъ, Нирéідъ, и другихъ божественностей морскихъ Менторъ, взявъ Лѵру, играетъ на ней весьма лучше Ахіто́я. Адо́амъ разсказываетъ пото́мъ о дивностяхъ Ве́тіки: описываетъ благорастворенный воздухъ, и другіе Красы въ сей землѣ, коея Народы препровождаютъ жизнь спокойную въ превеликой простотѣ Нравовъ.

Судно стоявшее тамъ, они къ которому плыли,
Былъ Фінікійскій Корабль, въ Ипі́ръ направлявшій-
ся ходомъ.
Видѣли тѣ Фінікійцы всѣ Тилемаха въ Егѵптѣ;
Но призна́ть не-могли́ на-Пучи́нѣ вла́ема [1]) бывша.
Менторъ когда ужъ сталъ въ довольной близости къ
Судну,
И могъ слышимый быть, закричалъ коль можно
громчае,
Голову нѣсколько сверьхъ воды оказу́я почасту:
О Фінікіане, скоры на-по́мощь всякимъ Народамъ!
Дайте животъ Двоимъ, отъ Людскости вашея жду-
щимъ.
Воспріими́те, за-и́мя Бого́въ всѣхъ, въ ва́ше-насъ Су-
дно:

---

[1] Волнуема.

Пóйдемъ всюду мы, куда мы-намѣрены сами.
Главный у-нáхъ отвѣщалъ: Мы васъ охотно пріемлемъ;
Знáемъ-мы долгъ нашъ Людямъ толь-бѣдным, хоть Незнакомым.
Тóтчасъ посемъ на-Корáбль они воспріемлются оба.
Тóкмо-что взлѣзли на-тóтъ, какъ-дышáть уже́ невозмóгши,
Пребыли многъ на часъ недвúжимо тамъ распростерты:
Ибо долгое время бились Волнáмъ сопротивясь.
Такъ отдыхая пришли по малу въ силы довольны.
Имъ другую дали тогда Мореходцы одежду,
Тѣмъ-что замокшая ихъ Водой вся отяжелѣла,
Текшей отвсюду съ той Ручiéмъ дождя многоливна.
Сталижъ когда въ состоянiи тѣ говорить надлежаще;
То Фiнiкiйцы тогда, въ округъ тамъ овыхъ обставши,
Начали всѣ напрерывъ вопрошать о-приключúвшемся съ ними.
Главный спрашивалъ: какъ возмогли притти́-вы на-óстровъ,
Съ коего выжъ убѣжали теперь толь образомъ страннымъ?
Слышно, что-бúнымъ владѣетъ одна лихая Богиня,
Коя отнюдъ никого пристать къ нему не-пускáетъ.
Онъ ктомужъ окружéнъ съ брегóвъ каменúстымъ толь яромъ,
Что невозможно никакъ привалить Корабля не-разбúвши.
Брошены точно и-мы къ нему по-сокрýшшемся Суднѣ,

Менторъ ему говорилъ. А ро́домъ-мы Грáіи [1]) прямо.
Наше Отечество, островъ Іеака поблизу съ Ипіромъ,
Къ коему плытіе вы свое направляете нынѣ.
Вы при-Іолкѣ хотя не-изво́лите остановиться,
Есть Пловущимъ которая вамъ совершенно попу́тна;
Токможъ довольно, да-на́съ съ собой въ Ипіръ привезете.
На́йдемъ-мы тутъ себѣ Друго́въ, насъ-туда́ превезущихъ,
Чрезъ необширно пространство, останется кое прежхать:
Должни мы навсегда вамъ будемъ веселіемъ нашимъ,
Что увидимся паки тамъ съ предража́йшимъ-намъ въ Свѣтѣ.
Менторъ уже́ то былъ всегда вѣщавшій Словесникъ;
А Тилемахъ молчалъ, говорить тому попуская:
Тѣмъ-что его погрѣшности всѣ, на-Земля́хъ у-Калупсы,
Смирену́дрія въ немъ во всемъ умножили болѣй.
Онъ не вѣрилъ себѣ; онъ токмо чувствовалъ нужду,
Слѣдовать всѣмъ завсегда совѣтамъ Ментора зрѣлымъ:
И когдажъ онъ съ нимъ не могъ спроситься словами;
То вопрошалъ взоръ-очéй того, и всяко старался
Мысли въ немъ отгадать, и-по-ни́хъ обращаться поступкой.
Главный тутъ Фінікіецъ, прилѣжно-зря на Тилемаха,
Въ памяти вникъ своей, что нѣгдѣ онаго видѣлъ;

---

[1] Греки.

Но та память была примрачна также и-сна́тна.
Не погнѣвись, говорилъ ему, что-тебя́ вопрошу я,
Не изво́лишь-ли по́мнить, меня что ви́дѣлъ-ты прежде,
Какъ то кажется мнѣ, что-тебя́ я видѣвшій по́мню?
Мнѣ лице твое знакомо есть всеконечно.
То́тчасъ оно́ поразило мою́ представшее память:
Но не знаю того, гдѣ тебя́ случи́лось-мнѣ видѣть.
Мо́жетъ-быть память твоя и-моей́ воспособствуетъ точно.
И Телемахъ отвѣщалъ дивясь и радуясь много:
Тожъ есмь видя тебя, что-меня́ зря са́мъ-быть изволишь.
Видѣлъ тебя, и-тебя́жъ признаваю; толькожъ не-по́мню,
Былоль въ Егуптѣ то, иль было свиданіе въ Турѣ.
Вдругъ Фінікіянинъ тотъ, какъ нѣкто отъ-сна́ восстающій,
И воззывающій въ память свое Сновидѣніе мрачно,
Кое уже́, тому убѣдившуся, бѣгомъ исчезло,
Громко вскричалъ: Телемахъ ты, дружный тогда Нарва́лу,
Мы когда возвратились вкупѣ всѣ изъ-Егупта.
Братъ я-ему́, о мнѣ онъ-тебѣ, мню, сказывалъ часто;
Я оставилъ тебя у-него́ изъ-похо́да прибывшій.
Плыть надлежало мнѣ за-моря́ всѣ въ Ве́тіку славну,
Коея брегъ лежитъ при-столпа́хъ Праклі́евыхъ са́мыхъ
Та́къ-то я-ви́дѣлъ тебя всколзь токмо и мимоходомъ;
Да и-не-ди́вно, что-мо́гъ узнавать здѣсь спе́рва такъ-тру́дно.
Вижду, сказалъ Телемахъ, что ты Адоа́мъ всеконечно.

Я тебя почитай тогда самъ то́лько-что видѣлъ;
Но ты вѣдомъ мнѣ по-слова́мъ Наарва́ловымъ твердо.
О! коль радуюсь я, что-могу́ чрезъ-тебя́ быть-извѣстенъ
О Человѣкѣ, которой всегда́-мнѣ пребудетъ любезенъ.
Всель онъ въ Тѵрѣ еще пребываетъ? Отъ-лю́таго нѣчто
Не пострада́лъ-ли когда подозрѣнный Пѵгмалiо́на?
Сталъ отвѣтствовать и Адоа́мъ рѣчь-сiю пребивая:
Знай, Тилемахъ, что-Тѵхiя тебя ввѣряетъ такому,
Кой пещись о-тебѣ всякороднымъ образомъ будетъ.
Я тебя завезу въ Iѳа́ку прежде Ипiра:
Братъ не меньше тебѣ удружи́тъ, коль и Наарва́лъ Самъ.
Такъ говоря, присмотрилъ ожиданнаго вѣтра нача́ло.
Якари вынять велѣлъ, поднять всѣ Парусы то́тчасъ,
И разсѣкать морскiе во́лны греблею также.
Взя́въ-же отвелъ особь Тилемаха и-съ-Ме́нторомъ къ сло́ву.
Я удоволю, сказалъ Тилемаху, твое Любопытство.
Пѵгмалiо́нъ ужъ-ктому́ въ живыхъ не-пахо́дится нынѣ:
Праведны Боги уже́ отъ-него́ избавили Землю.
Какъ онъ самъ никому никогда не вѣрилъ на-Свѣтѣ;
Такъ и-ему́ никтожъ не могъ повѣриться ра́вно.
Добрым токмо стенали и-бѣгствомъ отъ-Зо́лъ сохранялись,
Не хотя содѣлать ему вреда никако́ва.
Злыи не-мнiли привесть своего живота въ Безопасность,
Если жизни его самого не-лиша́тъ потребляя.

Не находился въ Тѵрѣ ниже́ единъ изъ-Живу́щихъ,
Ко́й-бы вседневно его Недовѣркамъ воззрѣлищемъ
не́былъ.
Стражи его тому подвержены были наипаче.
И какъ-живо́тъ его у нихъ въ рукахъ находился;
То ихъ болѣй боялся онъ, нежъ-други́хъ Человѣковъ,
И умерщвля́лъ-тѣхъ по-мнѣйшу поздору, себя опасая.
Такъ чемъ больше искалъ своего Безопасства ста-
раньми;
Тѣмъ онъ меньше себѣ находилъ того, коль-ни-тща́лся.
Стрегшіи жизнь его въ непрестанной были Напасти,
И не-могли́ изъ страшнаго толь состоянія вытти,
Какъ, Тѵранна того, единою смертію токмо,
Предупрежда́я конечно всѣ подозрѣнія люты.
Преждежъ всѣхъ иныхъ, нечестивая та Астарве́я,
Ты о-кото́рой слыхалъ, бывъ въ Тѵрѣ, многажды
столько,
Въ сердцѣ своемъ, погубить Царя, вознамѣрилась
твердо.
Страстно любила она́ единаго Юношу Тѵрска,
Очень богата и-кра́сна, именемъ Іоаза́ра.
Та хотѣла сего на-престо́лъ посадить воцаривши.
Что́жъ-бы въ намѣрени семъ получить успѣхъ во-
жделѣнный;
То всклеветала Царю изъ двухъ на Старшаго Сына,
Имя ему Фадаи́лъ, что-жела́я не терпѣливно,
Быть Преемникъ Отцу своему, на-сего́ зло-умыслилъ.
Ложныхъ свидѣтелей та подставила, и доказала,
Царь умертвилъ своего неповиннаго Сына бесчастно.
Младшій, Валеаза́ръ нарицаемый, посланъ въ Само́нъ
былъ,

Будтобъ Наукамъ ему и Нравамъ Елладскимъ учиться;
Въ самой-же вещи, какъ Астарвея Царю нашептала,
Что надлежало его удалить, да-не-онъ согласится,
И да-не-вступитъ также въ злый съ Недовольными умыслъ.
Поплылъ сей едва, какъ-Корабль съ нимъ ведшіи Люди,
Бывши подкуплены всѣ отъ-тоижъ Жены прелихія,
Приняли мѣры тотъ потопить во время нощное.
Сами спаслись до-чужихъ Ладей вплавь, ихъ ожидавшихъ;
Такъ-то Царевича тѣ въ глубину морскую низвергли.
Впрочемъ, любовь Астарвеина та не вѣдома токмо
Пигмаліону была одному; онъ внутренно думалъ,
Что никого другаго она никогда не-полюбитъ.
Сей Государь, недовѣрчивый толь, повѣрился слѣпо
Злой-сей Женѣ, что-любовь ослѣпила его пребезмѣрно.
Точно въ тожъ-время, какъ-былъ сребролюбенъ, искалъ-онъ подлоговъ,
Чтобъ истребить богатаго онаго Іоавара,
Коего такъ Астарвея и-толь чрезвычайно любила:
Все богатство хотѣлъ-Царь у-Юноши токмо восхитить.
Но какъ Пигмаліонъ пребывалъ корыстію гнусно
И подозрѣнію, и любви, и алчности къ злату;
То Астарвея отнять у-него животъ поспѣшила.
Мнила, что-можетъ-быть нѣсколько онъ уже догадался,
О Любодѣйствѣ бесчестномъ ея съ тѣмъ-младымъ Человѣкомъ.

Вѣдала сверьхъ, предовольну быть Сребролюбію токмо,
Къ лютости чтобъ понестись Царю на Іоаза́ра.
Такъ заключила въ себѣ, что-теря́ть ни-часа́-еіи недо́лжно,
И потребить его самого упрежденіемъ смерти.
Видѣла та Начальныхъ Людей въ Палатѣ готовыхъ
Ру́ки свои обагри́ть, проліяніемъ Царскія крови.
Слышала день на всякъ о нѣкоемъ умыслѣ новомъ;
Токможъ боялась повѣрить въ своемъ человѣку такому,
Быть который возможетъ еіи Предателемъ въ дѣлѣ.
Но, наконецъ, весьма безопаснѣе тоіи показалось,
Ядомъ втаи окормивши, изве́сть [1]) тѣмъ Птмаліо́на.
Кушивалъ онъ наичаще одинъ, иль съ Оною токмо:
Самъ и-гото́вилъ все про-себя́, что ку́шать-былъ долженъ,
Вѣрить въ семъ ни чьимъ, кромѣ свои́хъ-рукъ, немо́гши.
Онъ заключался въ Палатахъ своихъ въ отдаленнѣйшее мѣсто,
Лучше дабы укрыть ему недовѣрку такую,
И не быть-бы никѣмъ никогда назираему тамо,
Ѣству когда къ Столу своему учреждалъ, какъ-бы-По́варъ.
Сладостей ужъ никакихъ не смѣлъ иска́ть-онъ застольныхъ:
Да и-не-мо́гъ вкусить, самъ-чего́ не-умѣлъ изготовить.
Такъ не токмо Мяса́ приправлены Ку́харьми вкусно,

[1] Умертвить.

Но и-ещё́ Вино, Мле́ко, Хлѣ́бъ, Со́ль-же и-Ма́сло,
Всяка Пи́ща притомъ и-друга́я, всѣмъ обычаи́на,
Быть не-могли́ отнюдъ ему на-потре́бу Столову.
Ѣлъ онъ только Плоды, въ Саду́ съ древъ со́рваны
нимъ же,
Пль Огородный злакъ, который са́мъ-же насѣялъ,
И у-себя́ варилъ тѣмъ о́бразомъ, ска́занным мною.
Впрочемъ, не утоля́лъ-же и-жа́жды другою Водою,
Токмо которую самъ поче́рпнетъ изъ-Кла́дязя, бывша
Въ нѣкоемъ мѣстѣ Палаты, всегдажъ замкне́нна пре-
крѣпко;
А ключи отъ-замко́въ при-себѣ имѣлъ сохраняя.
Коль ни-являлсяжъ надеженъ быть на-свою́ Астар-
всю́;
Токмо и отъ-нея́ непрестанно предохраня́лся.
Прежде себя и ѣсть и пить заставливалъ ону
Изъ всего, на-Столѣ у нихъ тамъ что ни-стоя́ло,
Чтобъ ему не быть, безъ-нея́, отра́вленну я́дом,
И по не́мъ-бы самой не жить ей долѣй на-Свѣтѣ.
Но приняла напере́дъ-та противное Зелье Отравѣ,
Коимъ старуха ея снабдила, злѣйша Самыя,
Бывша Напе́рсница ей во всѣхъ любодѣйныхъ бес-
путствахъ:
По́слѣ чего погубить Царя́ уже́ не-боя́лась.
Се и способъ, какимъ злодѣяніе то соверши́ла:
Въ часъ, они за-столо́мъ въ который начали кушать;
Та Старуха, Пособница ей, помяну́тая мною,
Вдругъ загремѣла великимъ Стукомъ при-нѣконхъ
Две́рях.
Царь, мня-всегда́, что-Убі́йцы къ нему вломиться хо-
тѣли,

Весь становится смущенъ, и къ Двéрямъ бѣжитъ да-
увúдитъ,
Твердоль онѣ весьма заключéны запорами были.
Тóтчасъ Старуха ушла. Царь въ недоумѣнiи сталъ
быть,
И не зналъ что мыслить о-слы́шаномъ стукѣ и-гро́мѣ:
Толькожъ Двереи́ отворить не-посмѣлъ осмотри́ть-бы
прилѣжнѣй.
Въ томъ ободряетъ его Астарвéя, и-ку́пно ласкаетъ,
Да и паки за-Сто́лъ призываетъ, и-про́ситъ поку-
шать.
Ядъ ужъ-она́ вложила между тѣмъ въ чашу златую,
Бѣгалъ онъ когда ко Двéрямъ, при-кои́хъ стучало.
Путмалiо́нъ, какъ-обыкъ, велѣлъ ей прежде напиться.
Выпила та не-боясь на-прiя́то Лѣкарство въ надеждѣ.
Пилъ онъ-и-са́мъ; и вскорѣ пото́мъ ему затошни́лось
И тотча́съ-же упалъ тутъ въ о́мракъ. Но Астарвéя,
Зная, что-мо́жетъ ея убить съ подозрѣнiя мнѣiша,
Стала одежду драть на-себѣ и волосы съ восмъ.
Вотъ объемлетъ Царя умирающа; вотъ прижимаетъ;
Вотъ окропляетъ его и-пото́комъ слезъ дождели-
выхъ:
Пбо хитрая та, лишъ-захо́четъ, то-сле́зы и-льются.
Ка́къ-же увидѣла тамъ, наконецъ, что Царь обезсп-
лѣлъ,
И какъ будто съ духомъ своiмъ уже́ разставался;
То, да-не-въ-па́мять пришедъ повелитъ умертвить-ту
съ собою,
Ласки свои оставивши всѣ и-усе́рдiя знаки,
Въостервѣнившуся ярость пришла ужасно и-стра́шно.
Бросилась та на-него́; и-тогда́ задавила руками.

Та́къ-то умъ-на́шъ ни-Судьби́ны себѣ, ни-впредь-бу
дущи ча́сти,
Да и-ни-ме́ръ не знаетъ счастіемъ превознесе́нный
Перстень пото́мъ сорвала́ съ руки́, съ головы́жъ Ді
диму;
Да и-вели́ла къ себѣ́ туда быть Іоаза́ру,
КосмуПерстень на-пе́рстъ, на-чело́Діадиму взложил
Мнила, что-бывшіи всѣ съ стороны́ея не-заме́длят
Слѣдовать стра́сти сяжъ, и-Царе́мъ проповѣдять Л
бимца.
Но наипаче хотѣвшіи тоіі угождать въ раболѣпств
По́длы имѣли сердца́, корысть любили бездѣльну,
И неспособны отнюдъ къ усердію искренню были.
Сверьхъ-же того во всѣхъ въ нихъ не́было бодрос
смѣлы,
И опасались враговъ, Астарве́я которыхъ имѣла.
Больше боялись еще, что-Жена́ сія нечестива,
Какъ горда́ несносно была, такъ-люта́, зла,-и-скрыт
Каждый желалъ, въ безопасность себѣ, дабы та-п
гибла.
Въ томъ при-Дворѣ, и-въ-Пала́тахъ мятежъ в
сталъ превеликій,
Слышится всюду крикъ: Царя не стало! Скончалс
Тѣ устрашились; другіи хватаютъ оружіе спѣшно
Слѣдствій боятся всѣ: а-что-у́меръ Царь не-горю́ю
Вѣсть полетѣла о-се́мъ отъ устъ къ устамъ пре
тала,
И собо́й огласила весь-Гра́дъ вкругъ Туръ превелик
Только́жъ ниже́ одного не-нашло́сь притомъ челов
Кто́ій-бы тужилъ по-Царѣ надохшемъ скоропости́ж
Смерть его, спасеніе всѣмъ, и людямъ утѣха.

Бывъ пораженъ Наарва́лъ ударомъ толь-стра́шнымъ внезапу,
Много, съ Добро́ты, стеналъ о-злоклю́чшемся Пѵгмаліо́ну,
Предалъ который себя́-самъ отдавшись презлой Астарве́ѣ,
И восхотѣлъ быть паче Тѵраннъ премерзостный са́мый,
Нежели, ка́къ-то Царю́-долгъ, Отецъ подчиненну Народу.
Сталъ онъ мыслить пото́мъ о-всего́ Добрѣ́ Государства;
И поспѣшилъ всѣхъ Добрыхъ Людей собрать воеди́нство,
На спротивленіе той Астарве́ѣ, при-ко́ей-бы Царство
Было еще жесточа́й окончившася смертію Царской.
Зналъ Наарва́лъ, что Валеаза́ръ тогда не-уто́пъ къ дну,
Былъ сей въ море когда поверженъ, въ водѣ и-оста́вленъ
Смерть Астарве́ѣ того утверждавшіи такъ говорили,
Мня что подлинно онъ утонулъ въ Пучинѣ глубокой:
Но при тьмѣ нощной возмо́гъ-онъ избавиться вплавь же,
И Купцы изъ Крита, пришедшіи въ жалость то-ви́дя,
Подали по́мощь ему, и-его́ на-Кора́бль-свой пріяли.
Онъ не-дерзну́лъ возвратиться ктому въ Отеческо Царство,
Подозрѣва́я уже́, что по́сланъ былъ на-поги́бель,
И опасаясь зависти Пѵгмаліо́новы столькожъ,

Сколькожъ притомъ боясь Астарвéиныхъ злыхъ ухи
щреній.
Въ рýбищѣ долго скитался по-брéгу Сирійскаго Мóр
Критскими онъ на-котóромъ былъ покинутъ Купцам
Нужда настала ему и-Стадá пасть, чтобъ препитатьс
Пóслѣ-ужъ способъ нашелъ извѣстить о-себѣ Наа
вáлу:
Мнилъ, что можетъ тайну свою и жизнь преповѣри
Мужу такому, извѣдана коего есть Добродѣтель.
Хоть Отцемъ Наарвáлъ утѣсненный, Сына однако
Онъ любилъ, и-о-пóльзахъ его усердно старался:
Но потому старался о-нéмъ, да-егó недопустить
Выступить изъ своея къ Родителю Должности всяк
Такъ и-склонúлъ егожъ злосчастіе несть терпѣливи
Валеазáръ къ Наарвáлу писалъ: «какъ будетъ п
требно,
«Да возмогу къ тебѣ я-прибыть; то-изволь-ты пр
слать мнѣ
«Перстень златый, по-котóрому тóтчасъ я и-узнаю
«Что ужъ время, прибывшу мнѣ, съединиться съ т
бою».
Не разсудилъ Наарвáлъ, въ жизнь Нутмалióнову цѣл
Въ Тиръ призывать и-къ-себѣ припять тутъ Вале
зáра.
Вéсь-бы Царевичевъ онъ животъ попустилъ на-о
вáгу,
И своiй собственный также привелъ бы въ крайн
бѣдство:
Стóлько-то трудно спастись отъ-Царéвыхъ обыско
было!
Но какъ скоро несчастный сей-Цáрь теченіе жиз

Все совершилъ, концемъ своихъ Злодѣяній достой-
ными;
То и-послалъ Наарвалъ златъ Перстень Валеазару.
Валеазаръ полетѣлъ, и-къ-вратамъ ужъ прибылъ-онъ
Тура
Въ самое время то, какъ-смятеніемъ Градъ колебался,
Вѣдать хотяй, кто-Преемникъ будетъ Иѳмалібну.
Призванъ удобно былъ-онъ отъ Главныхъ, всего и-
Народа.
Всѣ любили его, не глажъ Отца тамъ-надохша:
Сей, напротивъ, былъ всѣмижъ навсе презлѣ нена-
видимъ;
Но для-того, что-была въ немъ Тихость и-Мѣрность
природна.
Долгія тѣ его Несчастія всѣ придавали
Оному нѣкій блескъ, уяснявшій въ-немъ добрыя
Свойства,
И приводившій Тирійцовъ къ нему въ сердолюбную
жалость.
Собралъ тогда Наарвалъ Столповыхъ Мужей Все-
народныхъ,
Всѣхъ и Старѣйшинъ притомъ засѣдавшихъ въ раз-
рядномъ Совѣтѣ;
И Служителей всѣхъ Фінікійской великой Богинѣ.
Валеазару они, какъ-Царю своему, поклонились,
Чрезъ Провозвѣстниковъ же его Царемъ огласили.
Весь Народъ воскликнулъ премножествомъ радост-
ныхъ гласовъ.
То Астарвея услышала внутрь Палатъ пребывая,
Съ подлымъ своимъ и-бесчестнымъ онымъ Іоаза-

Злыи, служившіи ей при жизни Птгмаліона,
Всѣ тотчасъ отъ-нея отстали одну оставляя:
Ибо Злыи боятся Злыхъ, и Злымъ-злѣ не-вѣрятъ,
Да и-по-Злу не-желаютъ, да-будутъ Злыжъ-тѣ въ Силѣ.
Люди пороковъ исполнь, то знаютъ коль имъ-подобны
Употребятъ въ зло власть, и-колико наглы быть-станутъ.
Но о Добрыхъ Злыи въ себѣ разсуждаютъ изрядней,
Тѣмъ что чаютъ найти Снисходительность въ оныхъ и-Мѣрность.
При Астарвеѣ одни остались Сообщники съ нею
Въ самыхъ тяжкихъ и-сурадныхъ Злодѣйствахъ, не возмогая
Ждать себѣ ничего, кромѣ поносныя Казни.
Силой межъ-тѣмъ во-Дворецъ вломились. А-всѣ-тѣ Злодѣи
Силѣ такой не-дерзнули долго сопротивляться,
И старались токмо о-томъ, чтобъ-спастись разбѣгаясь.
Тутъ Астарвея, въ Рабу одѣта, хотѣла укрыться
Самую сквозь тѣсноту. Но-узналъ-ту изъ-Воиновъ нѣкіи.
Вотъ и-поимана та; да-и-трудно всячески было
Недопустить растерзаной ей-быть Народомъ прегнѣвнымъ.
Начали ту уже по грязи влачить за-косыни;
Но Наарвалъ исторгнулъ изъ-рукъ тамъ подлости людны:
Яростьми рѣется внутрь, изъ-устенъ внѣ пламенемъ пышетъ,

Быстры глаза́ ея сверкаютъ острыми искры.
Въ томъ прослажъ она́ увидѣть Валеаза́ра,
Чая тогда ослѣпить и-его́ Красотою своею,
Да и-ему́ дать-наде́жду къ познанію важныя та́йны.
Валеаза́ръ не-возмо́гъ отрещись, да оную слышитъ.
То́тчасъ явила, при Красотѣ, и Тихость и-Скро́мность,
Кои могли умягчить огорченное са́мое сердце.
Льстила его похвалами пріятными нѣжно и-хи́тро;
Пигмалио́нъ коль много любилъ ея, объявила;
Тѣнію преумоли́ла сего, умилиться надъ-не́ю;
Ей надежда единъ есть онъ и-спасе́ніе скоро;
Всѣхъ призывала Бого́въ, какъ будто ихъ почитавша;
Слезъ обливалась обильныхъ и непрерывныхъ ручья́ми:
Бросилась и къ стопа́мъ Царя избраннаго ново.
Но не-забыла притомъ ничего, да-содѣетъ подзорныхъ,
И ненавистныхъ ему, всѣхъ-его́ слугъ-усе́рднѣйшихъ са́мыхъ.
Оклевета́ла затѣмъ самого предъ нимъ Наарва́ла,
Будтобъ онъ-у́мыслъ имѣлъ противу Пигмалио́на,
И подущалъ Народъ, да-его́ возведе́тъ-онъ на-Ца́рство,
Въ предосужде́ніежъ то Самому́ и Валеаза́ру:
Онъ и-хотѣлъ, придала, истребить Царевича Ядомъ,
Равные также взвела Клеветы навѣтуя злобно,
И на-други́хъ Турійцовъ всѣхъ Добродѣтели чтущихъ.
Въ Валеаза́ровомъ сердцѣ найти уповала подобну
И Недовѣренность, и таковыжъ подозрѣнія точно,

Та каковы въ Царѣ, Отцѣ его, ощущала.
Валеазіръ, не могій терпѣть толикія злости
Въ Женщинѣ той, замолчать ей - велѣлъ, и отдалъ
подъ-Стра́жу.
Стражею то́тчасъ она́ въ темницу ввергнута мрачну;
Данъ и-Нака́зъ Мужей изъ-Старѣйшихъ мудрѣйшимъ
с мымъ,
Дѣйствія всѣ ея и-дѣла́ изслѣдовать прямо.
Слѣдствіемъ найдено тѣмъ, съ обстоятельствы
страшными всѣми,
Что она́ отравивъ удавила Путмаліона:
Вся объявилась ея́ - жизнь Злодѣйствъ преисполнена
мерзкихъ,
Надобно стало ту осудить на-мученіе Ка́зни,
Коя за-са́мыя злыя Дѣла́ въ Фінікіи бываетъ,
Пясцножъ, сжечь огнемъ, подгнѣщаемымъ косно и -
мало.
Но какъ-увѣдѣла, что́-ужъ она́ безъ-всяки надежды,
Ярости стала подобна въ себѣ изшедшей изъ-Ада:
Вдругъ приняла при-себѣ носимый ядъ непрестанно,
Да умертвитъ себя убѣгая отъ-сме́рти поносны.
Стрегшіи ту, усмотрѣвши что-стра́ждетъ она́ пре-
безмѣрно,
Ей хотѣли помо́чь; но она́ имъ-и-у́стъ не-отве́рзла,
Давши только знакъ, что-себѣ не-жела́етъ отрады.
Припомяну́ли ей о-Бога́хъ, отъ-нея́ раздраженныхъ:
Вмѣстожъ дабы показать съ Покаяніемъ Стыдъ на́-
лежащій,
Къ Небу глаза́ возвела въ презрѣніи гордости пол-
номъ,
Равно какъ-бу́дто она́ ругалась Бога́мъ справедли-
вымъ.

Бѣшена ярость, при-сей и-Нечестіе злобное также.
Изображенны ея на-Лицѣ умирающемъ были.
Больше ни-слѣда отнюдъ уже Красотъ-тѣхъ не-зри-
лось,
Кои толь-многихъ Людей въ злополучіе крайнее
ввергли.
Вся Умильность ея и-Пріятности всѣ помрачились;
Жара глаза не-имѣющи двигались дикими взгляды;
Корчились губы у-ней и-кривлялись судражнымъ
двигомъ,
Пащеку чемъ отверсту въ зѣвъ содержала великій.
Рожа ея, то-кратка то-долга, косилась ужасно:
Желтая блѣдность и-холодъ всѣмъ-тѣломъ ея овла-
дѣли.
Видѣлась та иногда приходяща въ нѣкую живность,
Толькожъ сіе для-того, чтобъ-завыть ей стономъ
престрашнымъ.
Вотъ, наконецъ, издохла она, оставивши въ страхѣ
Всѣхъ, которы при-ней издыхающей тамъ находи-
лись.
Тѣнь нечестива ея, безъ-сомнѣнія, въ оны жилища
Мрачны сошла, въ которыхъ лютые толь Данаиды
Черпаютъ воду во-вѣкъ сосудами утлыми всюду;
Гдѣ Іксіонъ на-своемъ Колесѣ вертится всевѣчножъ;
Жажду горячу свою утолить гдѣ Тантолъ стремится,
Толькожъ не-въ-силахъ, затѣмъ-что вода отъ устъ
убѣгаетъ;
Сісифъ гдѣ, безъ пользы, камень катаетъ огромный,
Вскачепный коій на верьхъ горы вдругъ падаетъ долу;
И гдѣ чувствуетъ Тітуій свою бесконечно утробу

Вновь всегда оживающу, хищнымъ терзаему [1]) Гv
помъ.
Валеаза́ръ съ рукъ збывшій сіе Чудо́вище мерзск
Благодари́лъ Бога́мъ премногими жертвъ прин
шеньми.
На́чалъ Царство свое поступкой совсѣмъ сопроти
ной
Той, какову имѣлъ въ насъ Пvтмаліо́нъ на-престо́л
Въ прежній цвѣтъ приводить сталъ все Купечест
Торга,
Что ежедневно у-на́съ слабѣло на-ни́зъ упадая.
Требуетъ на Дѣла́ совѣтовъ у Наарва́ла,
Токможъ симъ не-быва́етъ води́мъ Наарва́ломъ и
пра́вимъ:
Ибо все и-вездѣ́ самъ хочетъ видѣть собою.
Слушаетъ мнѣній всѣхъ, себѣ предлагаемыхъ разн
А пото́мъ онъ самъ по лучшему опредѣля́етъ.
Есть люби́мъ превесьма свои́мъ Подда́ннымъ Нар
домъ.
Сердцемъ владѣя сего, имѣетъ Сокровища болѣй,
Нежель Отецъ сребролюбіемъ лютымъ со́бралъ и
на́глымъ:
Нѣтъ Домочадства, которобъ Имѣніемъ съ нимъ н
здѣли́лось,
Буде ему когда въ томъ не обходимая нужда.
Такъ оставляемо имъ его бываетъ извѣстнѣй,
Нежелибъ онъ когда у нихъ отнима́лъ-то насильно
Всяко не-ну́жно ему о Жизни пещись охраняя:
Вѣрная Стража всегда кругъ его́, Любо́вь-то Лю
ска́я.

[1] Беркутъ.

аждый изъ-всѣхъ боится въ себѣ, да тотъ не-по-
гибнетъ;
аждый свой отдастъ Животъ, да-безвреденъ Царь-
будетъ.
нъ Благосчастенъ живетъ, и-Народъ съ нимъ Бла-
гополученъ.
нъ тяготитъ въ преизбытокъ Людей Податями
боится;
сѣжъ опасаются Люди, не-дать бы какъ недовольно.
мъ оставлены всѣ въ изобилiи всяка Достатка;
отъ-Достатка сего не-бываютъ они непослушны,
не-нахальны ниже, потому что всѣ трудолюбны,
ъ Торгу радивы, и-цѣло хранящи древни Уставы.
аки взнеслась въ высоту Фiнiкiя величiя Славна,
Ону Царю одолжена сущи толь-счастiемъ многимъ.
Правитъ при-немъ Наарвалъ. Сей, о! Тилемахъ-
мой любезный,
ынѣ когдабъ увидѣлъ тебя, то коль-бы охотно,
адостно коль одарилъ-бы Дарами тебя въ преиз-
бытокъ!
оль бы весело было ему, Велелѣпна отправить,
преснабдѣнна всѣмъ въ вожделѣнно Отечество
вскорѣ!
акъ не-весьмаль я счастливъ, что-дѣлаю дѣло такое,
амъ-онъ которо хотѣлъ-бы содѣлать съ радѣнiемъ
всякимъ,
ъ островъ Iеаку пойтибъ, на-Престолъ да тамо по-
садитъ
ына Одyссова, Царствовать такожде мудро и-славно,
арствуетъ Валеазаръ какъ и Державствуетъ въ Тyрѣ.
Рѣчь когда сiю Адоамъ окончилъ повѣствуя:

То Тилемахъ, услажденный его Сказаній словами,
Знакамижъ болѣй пріятства въ своемъ Несчаст
ономъ,
Обнялъ дружно того съ сердолюбіемъ искренни
прямо.
Но Адоа́мъ пото́мъ вопросилъ Тилемаха взаимно,
Случаемъ онъ каковымъ зашелъ на островъ Кал
синъ?
Сей, въ свой рядъ, возвѣстилъ ему какъ отбылъ из
Тура;
Какъ и приплылъ въ Купръ, и-наше́лъ тамъ Мен
ра паки:
Все разсказалъ о-свое́мъ путешествіи въ Критск
Землю;
О всенародныхъ Потѣхахъ тамъ на-торже́ственни
Выборъ
Самодержа́вна Царя, по-ушествіи Идомене́я;
Объ Афроди́тиномъ гнѣвѣ; объ-и́хъ потопленіи к
номъ;
О воспріятіи также ихъ благосклонномъ Калипсо
О Богинниной ревности всей изъ Нимфъ ко-е́дино
И о-дѣя́ніи Ментора, въ Море Дру́га низвергша,
Какъ онъ скоро Корабль не-въ-дали Фінікійскій у
дѣлъ.
По разглагольствіяхъ сихъ Адоа́мъ представи
Пиръ-ве́лій:
А чтобъ-на-о́номъ быть веселію въ радости бо́лыш
Со́бралъ утѣхи всѣ и-забавы къ нему совокупно,
Коими можно было въ пути наслаждаться покойн
Въ часъ Стола, Фінікійскими Юноши нѣжно чреди
Въ бѣлыхъ одеждахъ всѣми, притомъ увѣнчанны
цвѣты

Воскурены Ароматы изъ-всѣхъ благовонѣйшихъ лучши.
Всѣхъ на-Гребецкихъ Скамьяхъ сидѣли Свирѣльщики многи:
Сихъ Ахитой прерывалъ играніе, въ разны пріемы,
Сладкимъ согласіемъ Пѣсней своихъ и Лирнаго звука,
Слышимыхъ быть при-Столѣ Боговъ конечно достойныхъ,
И усладить претонкій слухъ самого Аполлона.
Тамъ Тритоны, тамъ Нереиды, Божественность всяка,
Всѣ изъ нихъ, которы послушны суть Посидону,
Чуда Морскія еще, и-Страшилища всѣ водородны,
Бещинъ изъ влажныхъ своихъ и-глубокихъ тѣхъ исходили,
И окружали густо Корабль усладившись звяцаньми.
Юношъ цѣлый Сонмъ Финикійскихъ, весьма благолѣпныхъ,
И облеченныхъ всѣхъ въ бѣлѣйшую снѣга одежду,
Долго плясалъ Земли своея Плясаніе плавно:
А потомъ по-размѣру Егупетскихъ Стопъ расходились;
Но наконецъ Каравода совершили-тѣ Еллинскимъ Строемъ.
По временамъ Трубы оглашали волны морскіе,
Даже до-самыхъ, по-обѣ страны, брегова отдаленныхъ.
Нощи молчаніе, съ симъ тишина морская глубока,
Лунный трясущійся свѣтъ на-поверьхности моря прозрачна,
Неба тусклый Лазорь усыпанный яркими звѣзды,
Зрѣлище то еще пріятнѣе взору явяла.

Бывъ Телемахъ по-сложе́нію живочувстви́тел
Юный,
Всѣми утѣхами тутъ наслаждался; однакъ не-д
зна́лъ онъ
Внутренно сердцемъ свои́мъ попуститься въ с
безъ-мѣ́ры.
По́слѣ какъ-о́нъ испыталъ, съ толикимъ стыдо́мъ
Калипсы,
Коль всякъ Юноша скоръ вспламениться прист
стіемъ жаркимъ,
Всѣхъ забавъ устрашался уже́ неповиннѣ́йшихъ
мыхъ.
Было ему подозрительно все: на Ментора онъ зри
Усмотрѣ́лъ на-его́ лицѣ́, и-очѣ́й-то во-взо́рахъ,
Должно что-мыслить ему объ-утѣхахъ сихъ весь
щихъ.
Радъ находился Менторъ, зря-то́ль его затр
не́нна,
И не-каза́лся отнюдъ, что видѣлъ въ немъ-то́ и-п
мѣтилъ.
Но, наконецъ, умилившись на-ту́ Телемахову Скр
ность,
Такъ говорилъ ему улыбаясь и-въ-мя́гкости сло́в
Вижду изрядно я, чего ты-изво́лишь бояться;
Страхъ такой въ тебѣ хвалы всеконечно достоин
Но однакожъ ему не должно быть пребезмѣрну.
Нѣтъ никого, ктобъ больше желалъ тебѣ веселит
Токможъ безъ-вся́кія стра́сти къ тому и-безъ-мя́
нѣги
Надобны суть тебѣ забавы только такіе,

Коимъ тебябъ облегчить отъ трудо́въ тобою подъя-
тыхъ,
И веселитьсябъ ими тебѣ воздержно и-мѣ́рно;
Но не-такіе утѣхи, въ которыбъ ты - мо́гъ погру-
зиться.
Я желаю веселій тебѣ и скромныхъ и-ти́хихъ,
Да не-подо́бенъ будешь въ нихъ разъярившуся Звѣрю.
Нынѣ прилично тебѣ, отдыхай отъ тягостей мно-
гихъ;
А притомъ, Адоа́му въ угодность, всѣмъ наслаждайся.
Такъ веселись, Тилемахъ, веселись: Благонравія Муд-
рость
Внутрь не-суро́ва въ себѣ отнюдъ, ниже́ и-притво́рна.
Та подающа и-е́сть утѣхи истинны Людямъ;
Та приправляетъ ихъ, и-дае́тъ имъ сладость пріятну,
Чисты да-бу́дутъ онѣ, и-да-бу́дутъ негиблющи также;
Та счетаваетъ Игру и Смѣхъ съ упражненіемъ важ-
нымъ;
Та всегда трудами готовитъ утѣшны забавы,
А отъ тяжкихъ трудовъ забавами возоблегча́етъ.
Мудрости нѣтъ стыда являться веселой во-вре́мя!
Менторъ сіи слова́ говоря, взялъ въ ру́ки самъ
Лѵру,
И на ней сталъ-игра́ть звяцая толь-нѣжно и-сла́дко,
Что Ахіто́й, позавидѣвъ, свою уронилъ съ той до-
са́ды.
Оба его загорѣлись глаза́, онъ въ-Лицѣ измѣнился;
Всѣбъ усмотрили прискорбность его и стыдъ пре-
великій,
Менторска Лѵра когдабъ не - свосто́ргла у - Сльпца-
щихъ се́рдца.

Смѣли едва дохнуть, не-прерва́ть-бы молчанія духомъ,
И не-утра́тить чегобъ изъ-боже́ственнаго онаго звука:
Всякъ боялся, да-то́тъ не-скончи́тъ бряцанія вскорѣ.
Менторовъ также и-гла́съ не-имѣлъ любозвонностей женскихъ;
Но былъ гибокъ, проразистъ, яровъ, и-сла́достенъ Слуху.
Спе́рва онъ воспѣлъ похвалы достойные Зевсу,
Зевсу, Отцу и-Царю́ Бого́въ и всѣхъ Человѣковъ,
Манiемъ кой единымъ Главы Міръ весь потрясаетъ.
По́слѣ Палладу представилъ изъ-мо́зга его исходящу,
Тоесть Мудрость, которую Богъ въ себѣ́-тотъ имѣетъ,
И которая изъ него Самого происходитъ,
Да нау́читъ Людей просвѣтиться ею хотящихъ.
Менторъ Истины сіи пѣлъ умиле́ннымъ-толь Гласомъ,
Теплыя и Побожности со Благовѣрiемъ тако,
Что возмнили себя быть всѣ на-Олимпѣ восхищенныхъ
Зевса предъ самого, котораго Взоры остряе,
Нежели Громы егожъ, и-его́жъ огнисты Перуны.
Пѣлъ онъ-пото́мъ злоключеніе мла́да лѣты Нарки́сса,
Въ собственну кой свою́ Красоту толико влюбился,
Зриму всегда въ прозрачномъ и-чи́стомъ Источникѣ съ бре́га,
Что сокрушился самъ по-себѣ́, и былъ превращенный
Въ оный Цвѣтокъ, который зовется именемъ тѣмже.
Пѣлъ наконецъ тутъ онъ и также рокъ смертоносный,

Бывый Адо́ніду, кой растерза́нъ есть Ве́премъ свирѣпымъ;
А его не могла́ оживить, любя, Афродіта,
Коль ни плакала горько сія, и Небо взывала.
Всѣ, которы его играюща слушали внятно,
Не возмогли никакъ отъ теплыхъ слезъ удержаться;
Чувствуя каждый съ ліяніемъ сихъ несказанную сладость.
Онъ когда престалъ воспѣвать; то всѣ Фінікійцы,
Въ крайнемъ своемъ изумленіи другъ на дру́га смотрили.
Сей говорилъ, что - Орфе́й есть: ибо та́къ - то онъ - Лѵрой
Преукроща́лъ свирѣпыхъ Звѣре́й, влекъ - Дубра́вы и-Го́ры;
Та́къ-то и-Ке́рвера [1]) онъ усыпилъ, такъ точно и-Му́ки
Останови́лъ Іксіо́ну, и-всѣ́мъ Данаі́дамъ пора́вну;
Такъ умолилъ, наконецъ, самого непреклоннаго [2]) Ді́та,
Да изведетъ изъ Та́ртара милу свою́ Еврѵді́ку.
Тотъ восклицалъ: нѣтъ, онъ есть Лінъ, и сынъ Аполлоновъ.
Третій сему отвѣщалъ: обману́лся-ты въ немъ всеконечно;
Онъ есть самъ Аполлонъ. Тилемахъ не меньшежъ дивился:
Ибо не-зна́лъ, чтобъ Менторъ умѣлъ въ совершенствѣ толикомъ,

---

[1] Церберъ Песъ. — [2] Плутонъ.

Голосомъ и воспѣвать, и-играть на Лирѣ персты
Время имѣлъ Ахітóй скрыть зависть въ сердцѣ
бóко
Нáчалъ Ментора также тогда прославлять похвал
Но похваляя словомъ, на-всéмъ-онъ Лицѣ закрасн
И не могъ оковчать своея начáтыя рѣчи.
Менторъ, видя его въ смущеніи, сталъ говорить С
Будто ему пребить хотѣлъ, и-того онъ-утѣшилъ
Всякой хвалой одобряя его, каковы-былъ достои
Токможъ не-мóгъ Ахітóй утѣшиться, чувствуя пр
Что превышаемъ былъ отъ Ментора Скромно
паче
Нежели сладостью коль своего всепріятнаго глас
Въ томъ говорилъ Тилемахъ Адоáму: Пóмн
твердо
Что изволилъ-ты сказывать мнѣ о-пути благосч
номъ
Въ Вéтіку [1]) кóй былъ тебѣ, какъ-отправлялся
изъ Егупта
Дивностей много толь о сей Странѣ повѣствуют
Что едва о ней Сказаніямъ вѣрить возможно.
Благоволúжъ, прошу, увѣрить меня совершенно
Всель, что носится слухомъ о-тóй, есть праведн
вещи
Я тебѣ, сказалъ Адоáмъ, разскажу всеохотно
Сей о-преслáвной Землѣ, твоего Любопытства
стойной
Коя выше всего, что Слава объ-нéй разглашает
Рекъ сіе, и-немéдленно такъ онъ сказывать нача

---

1 Бетіка.

...Бѣтисъ [1]) течетъ въ плодоносной землѣ и тихимъ
подъ-нѣбомъ,
Кое-чисто всегда, освѣщаемо яснѣйшимъ Солнцемъ!
Имя Землѣ отъ-Рѣки, въ Океанъ великій ниспадши,
Въ близости самой отъ-славныхъ Столповъ Праклі-
выхъ тамо,
Гдѣ пресердитое Море, своихъ твердь-Оплотовъ [2])
прорвавши,
Землю Тартисъ отъ-Великія Аѳріки встарь отдѣлило
Мнится, Страна сохранивша пріятность Вѣка златаго!
Зимы теплые въ ней, а-Вореи бурливы не-вѣютъ.
Лѣтній зной срастворенъ всегда отъ-Зефировъ про-
хладныхъ,
Дышущихъ не намѣнно въ средину-дня самую точно.
Такъ то круглый весь-годъ, есть-едино Счетаніе
красно.
И цвѣтоносны Весны, и Есени тутъ плодородны,
Зрящихся тѣхъ подавшихъ себѣ друголюбные Руки.
Нивы въ Долахъ, и на-гладкихъ Поляхъ, на-Горахъ
и-высокихъ,
Дважды на-каждый годъ свою тамъ Жатву приносятъ.
Стороны объ путей опушаются всюду Древами,
Какъ то [3]) Дафнами, какъ [4]) Ріями, какъ [5]) Гелсіміны,
Какъ и Родомъ другимъ зеленистымъ всегда и-цвѣ-
тущимъ.
Горы покрыты вездѣ Стадами дающими Волну,
Тонку и-мягку ту, и-снискуему всѣми Народы.

---

[1] Гвадалквівіръ. — [2] Плотины. — [3] Лавръ. — [4] Граната. — [5] Жасминъ.

Много Рудни́цъ Златыхъ и Сребря́ныхъ въ красно́й
Странѣ той;
Но всѣ Жители просты, а-всѣ́мъ простотою Бла-
женны,
И не-счита́ютъ Злата того и-Сребра́ за-Бога́тство:
Чтутъ едино Людямъ служащее къ истинныхъ нуж-
дамъ.
Мы начавшіи Торгъ отправлять, у оныхъ Наро-
довъ,
Изобрѣли́ то Злато съ Сребромъ у нихъ, какъ-Же-
лѣзо,
Употребля́емы на Рѣзцы́ къ Оратайскимъ Плугамъ.
Внѣ не-имѣя Торго́въ не-имѣютъ потребности въ [1])
Ца́тахъ:
Всѣ они почитаи́ или Пастыри, или Земледѣльцы.
Мало въ той Землѣ Художниковъ разныхъ увидишь:
Не изволяютъ Ремеслъ, кромѣ что прямо потребныхъ
И какъ-больша́я ихъ-ча́сть или Пахарей, или Ското-
водцовъ;
То Рукодѣлія сами они для-себя́ исправляютъ,
Кои жизни простой и благоизбыточной нужны.
Женщины всѣ прядутъ ту-хоро́шу Овчію во́лну,
И ткутъ изъ нея Однопя́дки претонки, пребѣлы;
Также хлѣбы пекутъ онѣ и пи́щу готовятъ:
А сей трудъ есть ле́гокъ имъ, для того́, что всѣ-та́мо
Токмо Мле́комъ, и-Плода́ми питаются, Мя́сомъ-же
рѣдко.
Дѣлаютъ тѣжъ изъ кожъ Овно́въ не прытку́ю обувь,
Для себя самихъ, для-Супру́говъ, также и-Дѣтямъ.

[1]) Монета.

Дѣлаютъ и Шатры, изъ-которыхъ одни-суть изъ-Юфти,
А другіи отъ-нихъ изъ-Коры съ Древъ слижены плотно.
Шьютъ Одежду, и-моютъ ту со-всего Домочадства,
И содержатъ рухлядь свою въ чистотѣ презрядной.
Пхъ одежда удобно и-скоро содѣяться можетъ:
Ибо въ теплой Странѣ одну Однорядочну штуку,
Тонку и-легку ту, и тужъ не скроену носятъ,
Кою всякъ обернуть кругъ тѣла згибомъ умѣетъ,
И даетъ ей Стройность такую, какую похочетъ.
Нѣтъ, я-сказалъ уже, Мущинамъ другаго тамъ-дѣла,
Токмо-что Пашни чредить, и-стрещи Стада многоскотны,
Лѣсъ иногда еще рубить, и-кузнечить Желѣзо:
Да и мало однакъ Желѣзо-то употребляютъ,
Развѣ-что на потребны Орудія при Земледѣльствѣ.
Всѣ Искусства, которы касаются къ [1]) Зодчеству тверду,
Имъ бесполезны, Домовъ отнюдъ какъ-не-Зижущимъ всякихъ.
Симъ, говорятъ они, сверьхъ мѣръ къ Землѣ пригвождаться,
Если Виталищамъ быть долговѣчнѣйшимъ насъ-внихъ живущихъ:
Полно Защиты одной отъ-обидъ воздушныхъ въ Пріютѣ.
Чтожъ до-Наукъ другихъ, у Еллинъ и у-Египтянъ,

[1] Къ Архітектурѣ.

Да и-у-прóчихъ всѣхъ просвѣщенныхъ чрежденьми Народовъ;
То отъ нихъ отвращаются всѣхъ съ презрѣніемъ точнымъ,
Какъ отъ-Обрѣтеній и Хитрованій Чванства и-Нѣги:
Станешь какъ-имъ говорить о Людяхъ, которы умѣютъ.
Строѝть Палаты, красѝть Сребра убранствомъ и Злáта,
Швенныи Вуссы [1]) имѣть, Маргаритами [2]) обогащенны,
И Ароматы Вонéй уханныхъ, пресладкіе Яди,
И Мусікійскій Строй, согласіемъ увеселя́ющій;
Тѣ отвѣщаютъ: Люди сіи несчáстливы прямо,
Что полагаютъ толикій трудъ и-толи́ко Досужество,
Токмо на-врéдъ себѣ самимъ во нравахъ и-сéрдцѣ.
Лишекъ въ мягкость приводитъ сей и упосáетъ,
Да и мучитъ Стяжателей всѣхъ подстрѣканьми всегдашно:
Всѣхъ-же прельщаетъ, которы такихъ достатковъ лишенны,
Чтобъ имъ тѣ пріобрѣсть Неправдой, Обидой, Насильствомъ.
Можноль Добромъ назвать Палишество, служитъ которо
Только къ тому, да-Злодѣйны станутъ всѣ Человѣки?
Люди тѣхъ Земель суть здравѣль нась и-крѣпчáе?
Въ жизни своей пребывáютъ-ли тѣ долговременнѣй насъ же?
Сýть-ли они между собóй въ согласіи бóлыпемъ?

[1] Тонкія травчетыя полóтна. — [2] Земчугъ.

Вѣкъ ихъ весь свободнѣль, миряѣль, и веселяй ли?
Но напротивъ, имъ должно быть ревнивымъ взаимно;
Быть снѣдаемымъ мрачною Завистью всѣкъ-день и всѣкъ час,
Также волнуемымъ быть: Честолюбіемъ, Высокомѣрствомъ,
Страхомъ, Любостяжáніемъ, и Сребролюбіемъ злѣлымъ,
Не могущими знать простыхъ Веселій и-чúстыхъ,
Тѣмъ-что они Рабы толь многимъ нуждамъ и-ложнымъ,
Отъ которыхъ даютъ своему зависѣть Блаженству.
Такъ, продолжалъ Адоáмъ, говорятъ тѣ-разýмныя Люди,
Мудрости всей навыкшіи зря на-простýю Природу.
Очень мерзятся они всѣмъ нашимъ учтивствомъ повсюдным;
Да и должно призна́ть, что Людскость оныхъ велика,
А велика она́ по-своéй Простотѣ вселюбезной.
Всѣ совокупно, Земель не-дѣля́ своихъ, пребываютъ;
Каждо Семéйство правимо тамъ есть Собственнымъ Главнымъ,
Кой тому есть Царь, и есть онъ истинный суще.
Всякъ въ Домочадствѣ Отецъ имѣетъ власть-всю и-прáво,
Всѣхъ наказать своихъ Дѣтей, по рáвнуж и-Внýковъ,
Кои творятъ иль злыя дѣлá, поступаютъ иль-худо;
Не покажúтъ же ихъ-прéжде, всего Родствá безъ совѣта.
Казни такіе почти никогда не-случáются тамо:

Ибо невинность нравовъ, вѣрность, до́лжна пов
ность;
Бѣгство отъ-всѣ́хъ и-поро́новъ въ землѣ-той пита
блаженной.
Кажется, что ушедша отъ-До́льнихъ-насъ Ѳе́мі
къ Горьнимъ,
Ка́къ-то Стіхи поютъ, здѣсь-еще́ межъ-Людьмі
бываетъ
Нужды имъ-нѣтъ въ Судіяхъ, для того́ что собстн
Совѣсті
Каждаго судитъ въ нихъ обвиняя, иль оправдая.
Всѣ Имѣнія общи у-нихъ: Плоды древоносны,
Разныи злаки изъ-нѣдръ земныхъ прозябающи, т
Стадъ многородныхъ млеко, Богатство ихъ-то́ль
бильно
Что толико Людъ-тре́звый, избыточный, мѣр
воздержный
Не имѣетъ потребы, дѣлить между́-то собою.
Каждо Семейство, въ округъ обходя ту краснук
мю
Съ мѣ́ста на-мѣ́сто другое Шатерный До́мъ-свои
носитъ
По́слѣ какъ всѣ истощи́тъ-тамъ Плоды, и вытра
Пя́ствы
Такъ не-имѣ́ютъ другъ-съ-дру́гомъ Помѣсть
Ссоръ и-Стяза́ній
Да и-любо́вь ихъ братска вобще, несмущаема бра
Точно єдино въ нихъ Отсѣченіе тще́тна Богатс
Также и-ле́стныхъ сласте́й и-утѣхъ, сей Міръ с
няетъ

[1] Богиня Правды: Здѣсь положена за Астрею.

Союзство сіе, и Дружество, купно и-Вóльность:
о они всѣ Вóльны, по сéй-же Свободѣ и-рáвны.
Нѣтъ межъ ними отнюдъ никакія другія отмѣны,
кмо котора Искусствомъ въ Старшихъ мудрыхъ бываетъ,
нѣкихъ или Благоуміемъ Младшихъ, но чрезвычайнымъ,
е равняется тѣхъ Добродѣтели всей Престарѣлыхъ.
жный Подлогъ, Насиліе нагло, Клятвопрестýпство,
жбы, Распри, Войны́, и Битвы не возглашаютъ
икомъ свирѣпымъ, ярымъ, и-вóплемъ преядови́тымъ
сей повсюду Странѣ, толико любимой Богами.
ювь Человѣча сея Земли́ никогда обагряла:
ть когда на-нея́ истекающа Агнчая зрится.
ікъ сказýется имъ о-Войнáхъ кроволитныхъ и-Брáнехъ,
о-Побѣдахъ быстрыхъ, Державъ о-Падéніи громкомъ,
о все видимо есть у-други́хъ пресловутыхъ Народовъ;
не могутъ они совершенно тому надивиться.
акъ, говорятъ, Человѣки не-сýть ли смертны довольно,
безъ смерти себѣ взаимно даемыя скоро?
Жизнь толь краткая, кажетсяль имъ долгá въ преизбытокъ?
ýть ли они на-землѣ́ для-тогó, да-другъ-дрýга терзаютъ?

И да-другáго каждый содѣлать стремится Злосчаст
Впрочемъ отнюдъ Нарóды-всѣ въ Вéтікѣ не по
[illegible] мають,
Что у насъ удивляются толь Побѣдителямъ оным
Кои себѣ великія Царства войной покаряютъ.
Что за-безýмство, твердятъ, свое въ томъ став
блаженство,
Чтобъ верьховнымъ Правúтелемъ быть у-друг
Человѣковъ,
Кое Правительство толь трудовъ преисполнено м
гихъ,
Ежели Править разумно, изрядно, и правосудно!
Но почтóжъ и-хотѣть, чтобъ править тѣми насиль
Мудрый всякъ Человѣкъ на сіé отважиться може
Да Предержавствуетъ въ Людехъ послушныхъ,
гами врученныхъ;
Просятъ иль-кóи его, да будетъ Отéцъ-имъ и-П
тыры
Но Самодержствовать надъ Людьми протúву-ихъ во
То быть-пребѣдну весьма, за имѣніе ложныя Чéст
Что ихъ дéржитъ въ Неволѣ онъ и въ Рабствѣ п
подломъ.
Всякъ Побѣдитель, есть Человѣкъ, котораго Боги
Въ гнѣвѣ своемъ посылаютъ на-рóдъ Человѣчес
смертный;
Царства опустошáть, разносить Страхъ, Ужасъ
всюду,
Бѣдность, Отчаяній зло, и-содѣлать толико Рабам
Есть Человѣковъ вольныхъ колико своей по-прирó
Ищущій Славы себѣ, ея не-довóльноль находитъ
Въ мудромъ того Руководствѣ, что-Бóги ему дарова

Мнѝтъ-ли, что-и́нако онъ пріобрѣсть не-возмо́жетъ
хваленій,
Токмо какъ-ста́въ нагъ, несправедли́въ, надменъ,
и-хи́щливъ,
И мучителенъ также Тyранновъ Свои́мъ и-Окре́стнымъ?
Брань и-войну́ начинать единственно токмо достоитъ,
На оборону своеи́ отъемлемой Вольности сильно.
О блаженъ, Треблаженъ, не рабъ который другому,
И въ себѣ не-имѣетъ сего Честолюбія глу́па,
Да другіи́ рабомъ ему изъ-Свобо́днаго будетъ!
Всѣ Побѣдители намъ велеславно толь разглашенны,
Суть подобны онымъ Рѣкамъ, изъ-брего́въ исходя-
щимъ,
Кои, какъ-зри́шь на нихъ, являются очень велики;
Но потопляютъ онѣ вконецъ Поля́ плодоносны.
Вмѣсто того, чтобъ имъ напоить тѣ надобно было.
Такъ когда Адоа́мъ описалъ ту Ве́тіку кра́сну,
То Тилемахъ услажденный, еще различны вопросы
Оному же предлагалъ, въ Любопытствѣ своемъ пре-
великомъ.
Сіи Народы, его вопрошалъ онъ, Ві́на піютъ ли?
Нѣчего пи́ть-имъ отъ-Ві́нъ, предпріялъ Адоа́мъ от-
вѣщая,
Ибо Ві́на источать они всегда не-хоте́ли.
Въ Грба́діи впрочемъ у-ни́хъ Ві́нограднома нѣтъ не-
достатка:
Нѣтъ земли́ изобильнѣи на-Со́къ тѣхъ Ягодъ слад-
чайшихъ.
Но за-довольно пріемлютъ ихъ-ку́шать токмо отъ
Ки́стей,
Какъ и-другіи плоды съ Древесъ. Ві́на́жъ опасаясь

Такъ говорятъ, что-оно́ есть Тлитель рода Людски
Всяко Вино есть нѣкій ядъ, приводящій въ безумст
То не-мертвитъ человѣка, въ Скота его превращае
Здравіе можно и-Си́лы соблюсть безъ-Вина́ Зеннор
ными,
А отъ-Вина́ теряютъ то, и-теря́ютъ Нескверность.
Тутъ Тилемахъ вопросилъ еще: мнѣ-желе́тся
дать,
Брачны Супружества ихъ по-каки́мъ законамъ бы
ютъ?
Каждому въ нихъ, отвѣщалъ Адоа́мъ, имѣть не-
мо́жно
Больше едины Жены, хранимы по-са́му Кончину
Честь Мужей отъ вѣрности ихъ зависитъ къ Суп
гамъ
Столькожъ, зависитъ сколько Честь въ Странахъ
родныхъ,
Женъ къ Мужа́мъ отъ вѣрности, и беспорочія ер
Рода толь-Че́стнаго нѣтъ, ни любящаго чистым Ира
Женскій тамъ-По́лъ прекраснъ весьма и-зѣло́ ми
виденъ;
Но всѣ про́сты онѣ, и скро́мны, и трудолюбны
Бра́ки-суть мирны тамъ, плодородны, притомъ не
зо́рны:
Мужъ и-Жена́ какъ-оди́нъ Человѣкъ есть въ тѣлѣ
губомъ.
Мужъ и-Жена́ раздѣляютъ купно радѣніе къ Дом
Мужъ управляетъ дѣла́, которы внѣ-До́му бываю
А Жена печется о-все́мъ, что въ Домѣ потребно.
Мужу Помощница та, и токмо ему угождаетъ,
Всю Надежду его на-себя́ приводитъ едину,

И веселитъ не толь Красо́й, коль доброй Поступкоіи.
Истинна Сладость Сожительства ихъ пребываетъ до-
смо́рти!
Трезвость, Воздержность, и-всѣмъ Цѣломудріе общее
Людямъ,
Имъ подаютъ долголѣтную Жизнь, и-безъ-вса́кихъ
болѣзней.
Лѣтъ Старики есть по́-сту, и-по́ сту по двацати лѣтъ,
Кои бо́дры еще, и силъ въ ядрености крѣпкой.
Зна́ть-бы хотѣлъ, приложилъ Телемахъ, наконецъ
то-еди́но,
Какъ отъ-Войны́ убѣгаютъ они съ Сосѣдними роды?
Ихъ Естество, сказалъ Адоа́мъ, отдѣлило отъ-про́чихъ,
Съ сторону Моремъ, съ другую высокими Го́ры на-
Сѣверъ.
Впрочемъ, Окрестныи всѣ почита́ютъ-ихъ за Добро-
дѣтель:
Часто Народы, не-мо́гши между собо́й согласиться,
Емлютъ въ Судеи́ ихъ распрамъ своімъ, и имъ повѣ-
ряютъ
Зе́мли и-Гра́ды свои, о-кото́рыхъ Стязаніе и́детъ.
И какъ кроткій сей Ро́дъ никому не-содѣлалъ обиды;
То и-никто́ не-имѣетъ на-ни́хъ Недовѣрія въ мысли.
Всѣ смѣются они, о-Цара́хъ-ихъ когда говорится,
Кои свои́мъ Области́мъ разверстать Предѣловъ не-
мо́гутъ.
Есть ли страхъ, говорятъ, чтобъ Людямъ земли́ не-
доста́ло?
Бу́детъ-ихъ больше всегда, ту нежель возмогутъ воз-
дѣлать.
Вольныхъ Земель и-пустыхъ понеже находится много;

То защищать отъ-Сосѣдей мы и-своихъ не-восхо-
щемъ,
Ежели станутъ они отнимать ихъ-себѣ на-жили́ще.
Въ Во́тіцкихъ оныхъ всѣхъ Обывателяхъ нѣтъ все-
конечно
Гордости, ни Вышемѣрія, и ни Вѣрности злыя,
Зависти, и ктомужъ, разшири́ть-бы Владычество бо-
лѣй.
Та́къ-то Сосѣди отъ-ни́хъ себѣ ничего не-боя́тся;
Да и-не-ча́ютъ, чтобъ-и́мъ Сосѣди страшныжъ могли
быть:
Та и-причи́на, что-и́хъ въ Спокойствіи тѣ оставля-
ютъ.
Ки́нулъ-бы сей-родъ мѣста́, иль Смерть предъизбра́лъ-
бы онъ-па́че,
Нежель чтобъ восхотѣлъ когда подвергнуться Раб-
ству:
Равный его покори́ть-трудъ, смужъ покарять Ино-
родныхъ.
Трудность взаимна сія и-вина́-есть глубокаго Мира
Какъ межъ ними самими, такъ и-Сосѣдями оныхъ.
Рѣчь окончалъ Адоамъ, повѣствуя способъ, кото-
рымъ
Торгъ Фінікіане въ Ве́тікѣ свои́ отправляли и-Ку́плю.
Сіи Народы, онъ говорилъ, превесьма удивились,
Какъ усмотрили по-Мо́рю пловущихъ Людей Чуже-
странныхъ,
Шедшихъ къ нимъ отъ Странъ и-Земе́ль отдаленныхъ
толико.
Дали они создать намъ Градъ на островѣ Га́дисъ [1]).

[1] Кадіксъ.

Приняли ласково насъ, и съ нами всѣмъ подѣлились,
Что у-себя́ имѣли, отнюдъ же платы не-е́мля.
Сверьхъ-же того, и дать восхотѣли всю-да́ромъ ту-
Вѣлну,
Коя отъ-и́хъ потребъ домашнихъ останется лишня;
Подлинно, даръ прислали они сей намъ пребогатый:
Ибо охо́та-ихъ въ томъ, чтобъ-дава́ть излишнее
Страннымъ.
Чтожъ до-Рудни́цъ; то-ихъ-о́тдали намъ безъ труд-
ности всяки:
Имъ не надобны тѣ всегда и-совсѣмъ бесполезны.
Мнилось имъ-всѣмъ, что Люди такіи весьма неразсуд-
ны,
Кои съ толикимъ трудомъ и бѣдствіемъ въ нѣдрахъ
Земленыхъ
Ищутъ того, что-не-мо́жетъ ихъ ни-блаже́нныхъ со-
дѣлать,
Ни удовольствовать истинны нужды ихъ и-потре́бы.
Вы сея Земли́, говорили намъ, не-копа́йте.
Толь въ глубину; взрывать довольствуйтесь токмо
браздами:
Вамъ она́ и-пода́стъ достовѣрно Благо прямое,
Кое васъ препитаетъ во-все́ продолженіе жизни.
Васъ она́ [1]) угобзи́тъ изобильно Плода́ми такими,
Кои всего и-Сребра́ и Злата дражае и-лу́чше,
Тѣмъ-что желательно Злато есть и-Сребро́ Челове́-
камъ,
Токмо да-и́ми промыслятъ Пи́щу себѣ покупая,
Ихъ-бы которой мощи содержать въ жизнь смерт-
ную цѣло.

[1] Дастъ изобиліе.

Часто хотѣли мы научить ихъ плавать по-Мо́рю,
И Людей ихъ Юныхъ отъ-ни́хъ вывозить въ Фінікію:
Но не-хотѣли и-слышать они, да-ихъ-Дѣти навыкнутъ
Точно жить-та́къ, какъ мы, и-въ-подо́бныхъ обратностяхъ нашимъ.
Дѣти нашъ, говорили они, научатся конечно
Нужды имѣть во всѣхъ-тѣхъ вещахъ, вамъ нужны которы.
Ихъ восхотятъ тѣ-имѣть; посему Добродѣтель оставятъ,
Ихъ да-полу́чатъ себѣ худыми Досужствами всѣми.
Будутъ подобны сему, кой-имѣетъ добрые но́ги,
А отвыкшій ходить, привыкаетъ къ нуждѣ всегдашной
Быть другими носи́мъ, какъ-лежа́щій въ не́мощи тяжкой.
Плытію хоть въ Кораблях они удивляются зѣльно,
Хитрости ради въ Искусствѣ семъ; но-притомъ утверждаютъ,
Что Искусство сіе погибельно есть, коль-ни-хи́тро.
Если тѣ-Лю́ди, они говорятъ, имѣютъ Довольство
У себя въ Землѣ всего, что нужно для Жи́зни;
То четожъ искать въ другую плаваютъ съ Страхомъ?
Есть довольно что Естеству, то имъ не-дово́льноль?
Всяко достоіины они потопленій, какъ-и́щущи Смерти
Въ обурева́ніяхъ грозныхъ весьма и въ безднахъ пучинныхъ,
На удовольствіе токмо въ Купцахъ Сребролюбія гнусна.

И на прелесть страстя́мъ во всѣхъ другихъ Человѣ-
кахъ.
Радостно слышалъ сіе Тилемахъ все у Адоя́ма,
И веселился, что-е́сть Народъ еще во-Вселе́нной,
Кой, по-Приро́дѣ правой, былъ-то́ль благонравенъ
и-сча́стливъ.
О! коль Нравы тѣ удаленны отъ-су́етныхъ Нравовъ
И честолюбныхъ, въ Людехъ мнящихся Мудрыхъ
всѣхъ-вы́ше!
Толь испорчены мы, что-едва́ и можемъ повѣрить,
Чтобъ Простотѣ Естественной сей быть истинной
точно.
Мы почитаемъ сихъ Народовъ Нравы такіи
За украше́нную Баснь; но-счита́ть имъ надобно наши
Собственны, за Чудобра́зіе превращено́нно смѣш-
но́е,
Да не-реку́ за-Престу́пство Законовъ Земныхъ и-Не-
бе́сныхъ:
Скаредство, Зло́сть-въ-нихъ; отъ-ни́хъ Стыдъ-и-Пра́в-
да, отбѣгла и-Вѣрность;
А на-сихъ-мѣсто прильнули къ нимъ-Лжи́, и-Обма́ны,
и Ко́вы [1])
И Насилія наглы, Любовь и-къ-Корысти злодѣйска.
Ищется все въ рудокопствахъ Богатство, Алканій
подгнѣта:
Се и вредно Желѣзо, и-вре́днѣй Злато желѣза
Выникли; выникши Брань, обои́мъ-сим [2]) Крушцо́мъ
ратоборна,
Ужъ кровавой рукой ос/робо́йны Оружія машетъ.

[1]) *Коварничества.* — [2]) *Металлъ.*

Всякъ Хищеньми живетъ: ни Гость безопасенъ отъ-
Го́ста,
Ни отъ Зяти и-Те́сть, да-въ-любви́-суть и-Бра́тія
ре́дко;
Гибель куе́тъ Мужъ-Жене́, Супруга ше́тъ-же Су-
пругу;
Матчихи ядъ составляютъ постылымъ Пасынкамъ
лютый;
Ску́ча Отце́мъ-Сынъ, ему до срока пожить дать-не-
хо́четъ.
Пала Любы́ и-Усе́рдность! валяется Жалость по-
прання!
Толь обзгре́нну землю Убійствомъ, смердящуюжъ
Кривдой,
Дѣва, Богинь Правосудна, оставила вѣчно Астре́я [1]).

[1] Богиня Правды.

КОНЕЦЪ ОСМЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Афродіта, досадующая на Тилемаха, проситъ ему гибели у Зевса. Но понеже Судьбы не попустили тому погибнуть; то богиня идетъ, и соглашается съ Посідономъ о средствахъ, къ удаленію его отъ Іѳаки, куда Адоа́мъ везъ, богъ и богиня употребляютъ лестное божество на обманъ. Кормчія Аѳаманта́, который мня приплывша себя къ Іѳакѣ, вплываетъ на всѣхъ Парусахъ въ Пристанище Салантіянъ. Царь сихъ Ідоменéй воспріемлетъ Тилемаха въ новый свой Градъ, гдѣ онъ готовилъ дѣйствительно жертву Зевсу, объ успѣхѣ на бра́ни противъ Мантуріа́нцовъ. Жрецъ, разсмотряя утробы Закланныхъ, обнадеживаетъ Ідоменéя о всемъ, и удостовѣряетъ его, что онъ одолженъ будетъ своимъ благополучіемъ, двумъ симъ Новопріѣзжимъ.

Какъ Тилемахъ, Адоа́мъ-съ-нимъ, бесѣду сію продолжали,
Сонъ позабывши свой, и-прито́мъ же не ощущая,
Что ужъ нощь была въ половинѣ мрачнаго Бѣга,
И по-всему́ земноводному Шару Животны ослабши,
Птицъ и-Звѣре́й, и-Ското́въ, покоились спаніемъ тихимъ;
Нѣкое тутъ Божество враждебно, лестно, коварно,
Инуды ихъ Корабль удаляло тогда отъ-Іѳа́ки,
Коея Кормчій на-не́мъ Аѳама́нтъ искалъ бесполезно.
Самъ Посідо́нъ, хотя Фінікіанамъ былъ и-прія́зненъ,
Долѣй терпѣть не могъ, Тилемахъ что спасся отъ-бу́ри,
Коя метнула его на Камни Калѵпсина бре́га.
Больше досады еще имѣла и Афродіта,
Юношу видя сего, что былъ торжествуя преславно,

Бога Любви побѣдивъ, и-его всѣ сладости льстивны.
Въ горести крайней своей оставила спѣшно Кѵѳе́ру,
Па́фонъ купно свой, Идалію, и-всякіе че́сти
Ей приносимы сущи отъ-всѣхъ на островѣ Кипрѣ.
Болѣй во-всѣхъ-сихъ мѣста́хъ пребывать ужъ не возмогала,
Гдѣ Тилема́хъ превебрегъ презоромъ ея Предержавность.
Се на свѣтлый Олимпъ восходитъ: тамъ-со́браны были
Боги всѣ, къ осіянну зари́ми Зевса Престолу.
Съ мѣста сего созерцаютъ они огнелучны Свѣтила,
Ком текутъ, въ округъ катясь, подъ ономъ ногами.
Видятъ они весь шаръ Земли́ какъ блатную грудку;
Всѣжъ преобширны Моря́ имъ кажутся во́дными капли,
Коими грязная Ко́чечка та по-мѣста́мъ окропле́на.
Са́мыя Царства большія въ очаха́хъ ихъ нѣки Песчи́нки,
Сущіе на поверьхности онаго Блата земна́го.
Родъ Людей исчетный и-Во́инства премноголю́дны,
Ра́вно какъ-Мра́віи тутъ, препираются кои съ собою
Рвясь о-Былинкѣ одной, растущей на-Ку́чкѣ-той Грязи.
Всѣ Безсмертны смѣются дѣламъ и прева́жно великимъ,
Смертныхъ которыя рѣютъ толь слабосильныхъ повсюду;
Да и-явля́ются тѣмъ какъ-Дѣте́й игрушки пустые:
Что у-Люде́й есть Слава, Могу́тство, Величіе, Мудрость;
То почитаютъ Прегорни за-Бѣдность, Слабость, и-Бу́йство.

Въ семъ то мѣстѣ, которо Земли толико превышше
Зевсъ утвердивъ поставилъ свои Престолъ неподвиж-
ный.
Очи его проникаютъ и-въ-самые бездны глубо́ки,
И въ удаленную се́рдца са́маго внутренность входятъ.
Взоры его пріятны толь и ясны толико,
Льютъ тишину въ Міръ весь, и радость веселія сла́дка.
Но напроти́въ, когда свои отрясе́тъ-онъ [1]) Ко́сны;
Небо и-Зе́млю колеблетъ тогда и зыблетъ пре́грозно.
Сами и-Бо́ги всѣ, не-терпя́-зрѣть блистанія Славы,
Окрестъ его, къ Нему въ себѣ приступаютъ со-стра́-
хомъ.
Сущу́ при-Не́мъ въ той часъ Превыспреннихъ
оныхъ Собору,
Вспѣхъ отверзается Домъ всепремо́щна Богове́въ на-
Олимпѣ;
Въ сей и-предста́ла къ нимъ Афродіта съ пріятность-
ми всѣми,
Кои раждаются въ ней Само́й и-е́я украшаютъ.
До́лга одежда ея имѣла сіянія больше,
Нежели цвѣты всѣ распещря́ющи [2]) Іриду нѣжну,
Въ са́мой средин'ѣ темныхъ тучъ и о́блаковъ прач-
ныхъ,
Какъ обѣщаетъ конецъ ужъ бурь ужасшимся Смерт-
нымъ,
Ясностей же возвратъ имъ всѣмъ возвѣщаетъ пріятно.
Ризу ея опоясывалъ Поясъ оный всеславный,
Былъ на-кото́ромъ всѣхъ Благолѣпностей Ликъ про-
явленный.

---

[1]) Власы Кудри. — [2]) Радуга.

Связаны въ тылѣ власы у-Богини Сауромъ златистымъ.

Боги всѣ ея Красотѣ тольми́ почудились,
Что какъ будто ея никогда они не-видали:
Очи такъ-равно ихъ отъ-сія́ній тоя помрачились,
Меркнетъ какъ-Сме́ртныхъ взоръ, когда́-Фівъ [1]), по-но́щи должа́йшей,
Встекши па-Ко́нехъ своихъ освѣщаетъ зрѣніе оныхъ.
Другъ на Дру́га взирали они въ изумленіи многомъ,
А воззрѣніе ихъ возвращалось всегда къ Аѳродитѣ.
Но усмотрили, что-та́ Богиня въ слезахъ находилась,
И что го́рька болѣзнь на-лицѣ ея изъявлялась.
Такъ приступала она къ Престолу Діеву плавно,
Легко паре́ніе какъ бываетъ Птицы въ возду́хѣ.
Зевсъ на-нея́ воззрѣлъ въ благосклонной пріязни щедротно,
Ласково самъ [2]) осклабну́лся, восставъ же обнялъ руками.
Дщерь Любезна, ей говорилъ! почто́ такъ-горю́ешь?
Видѣть слезъ твоихъ не-могу́ безъ жалости въ сердцѣ;
Сердце твое открыть мнѣ, ты ни мало не-бо́йся:
Знаешь горячесть мою́ къ тебѣ и всю сердолюбность.
Та отвѣщала ему хотя и сладостнымъ гласомъ,
Но прерываемымъ тѣмъ вздыханьми глубокими часто:
О Бого́въ Отецъ! Отецъ о всѣхъ Человѣковъ!
Зрящему все возможноль моей не вѣдать печали?
Есть не-дово́льна Паллада тѣмъ, что-съ-земле́ю сравнила
Тро́ю градъ велелѣпный, по-до́лгу мной защищаемъ,

[1] Фебъ или Солнце. — [2] Улыбнулся.

И что-Парѝсу отмстила ною Красоту предпочетшу:
Водитъ еще по-Земли́мъ и-Моря́мъ-всѣмъ Одиссова
сына,
Сына, люту тому Разрушѝтелю града Троянска.
Ею возслѣдуемъ есть Телемахъ само́ю повсюду:
Та и-причи́на, что-вдѣ Сосѣдя́щей-нѣтъ съ прочими
Боги,
Юношу дерзкаго въ островъ Кипръ привела та-Пал-
ла́да,
А привела его на-еди́нственну та́мъ-мнѣ досаду.
Презрилъ мое Могущество онъ почитаемо всѣми;
Не удостоилъ не-то́кмо жертвенникъ мой Ѳуміама,
Но и-измерзи́лся еще служеніемъ празднственнымъ
всякимъ,
Кое тамъ совершается мнѣ во-вседо́лжную по́честь:
Сердце свое заключилъ притомъ отъ всѣхъ услажде-
ній.
Тщетно въ казнь тому Посѣдонъ, по прозбѣ моей же,
Сильныи вѣтры воздвигъ [1]) на-него́ и-кипя́щіе во́лны.
Брошеныи сеи Телемахъ, потоплевіемъ зѣльно ужас-
нымъ,
Къ бре́гу Калипсина о́строва, а воспріятыи на-о́ныи,
Преодолѣлъ и Сына тамъ моего торжествуя,
Коего я прислала туда къ Калипсѣ нарочно,
Да распали́тъ во-младо́мъ любовію Гра́іи [2]) сердце.
Но ни Юность, ниже́ Красота Калипсина ра́вно,
Также ни-о́ныя Нимфъ, наконецъ и-ни-пла́менны
Стрѣлы
Бога Любви, не-могли́ одолѣть ухищреній въ Палладѣ:

[1] Поднялъ. — [2] Грекѣ.

Съ острова та свлекла его. Се я посрамленна!
Малый Дѣтина явѣ ужо́ надъ мной ликовствуетъ.
Дій, Афродіту тѣша, сказалъ ей: пра́вда-то суща,
Дщи моя́, что-Палла́да сердце, въ юномъ Пела́стѣ [1]),
Презащища́етъ отъ-Стрѣлъ твоего любопальнаго Сына,
И что-гото́витъ славу тому превосходну предъ-всѣми.
Жа́ль-мнѣ, что-нѣмъ Олтари твои суть пренебреже́ны;
Но не-могу́ твоему его подвергнуть Могутству.
Я позволяю, любя тебя, да-скитна́ется будетъ
Онъ еще по Мо́рю и по-Землѣ многотрудно;
Да живетъ отдаленъ отъ-Оте́чества ми́ла и До́му,
Всякое Зло терпя, и-во-всѣхъ обращаясь напастехъ:
Но Судбы не-даю́тъ, ни-поги́бнуть ему, и-ни-та́кже
Пасть Добродѣтели въ немъ, во всѣ Сладострастія оны,
Коими ты Человѣковъ всегда улещаешь пріятно.
Такъ посему, Кѵѳерійя [2]), утѣшся, и-бу́ди довольна
Тѣмъ, что-послу́шны тебѣ Прои толь-мно́ги другія,
И что-прежно́жествожъ и Безсмертныхъ тебя почитаетъ.
Сіи вѣщая слова́ Афродітѣ, самъ усмѣхнулся,
Полнъ Благолѣпія и Величества въ зракѣ веселомъ.
Свѣтлости лучъ, подобный проразистымъ молніямъ точно,
Возоблиста́лъ исходя изъ-очеи́ его пламенистыхъ.
Далъ какъ Дщери въ уста лобзаніе пресердоли́обно,
Благоуха́ніе онъ Амвроси́йныя Сладости ра́злилъ,
Весь которымъ Олумпъ тогда услажденъ несказанно

[1] Грекѣ. — [2] Венера.

Быть нечувствительна не возмогла Богиня прекрасна
Къ Ласкамъ симъ, отъ-пребо́льшаго Бога Бого́въ со-
небесныхъ.
Сквозь Слезъ, и Печали ея усмотряема Радость
По всему была Лицу, разлившася нѣжно.
Свой опустила Покровъ, утаи́ть-бы румянность въ [1])
Ланитахъ,
И затрудненіе все, въ которомъ она́ обрѣталась.
Весь Соборъ восплескалъ Бого́въ на Зевсовы рѣчи.
А межъ тѣмъ, ни малѣйша часа Афроді́та не-тра́тя,
Но сослагая въ сердцѣ враждебныя рвенія тако:
Горьнихъ когда склонить не-могу́ Ахеро́нта [2]) под-
вигну.
Се во-мгнове́ніе и понеслась, однакъ къ Посідону,
Да изобрящетъ съ симъ, отмстить бы чемъ Тилемаху.
Все разсказала ему, что самъ ей Зевсъ изглаго-
лалъ
Зна́лъ-я, на-то́ Посідонъ, Судебъ предѣлъ непрелож-
ный.
Но когда потопить не можемъ мы Тилемаха
Въ безднахъ морски́хъ; то,-по-кра́йней мѣрѣ, должны
потщаться
Всячески, чтобъ его содѣлать уже́ пребесчастна,
И емубъ замедлить возвратъ въ вожделѣнну Іѳаку.
Я не-могу́ отнюдъ погубить Корабля Фінікійска,
Въ коемъ онъ плыветъ: я-люблю́ вельми Фінікіанъ:
Тѣ мой-Наро́дъ; другій мнѣ всякій столько не-слу́-
житъ.

---

[1] Щёки. — [2] Ахеронтъ рѣка адская: здѣсь за Плутона особно, а вообще за весь Адъ.

Море чрезъ-нихъ сообщеніемъ есть всѣмъ Людямъ во-Свѣтѣ.
Чтутъ они меня непрестанно многими жертвы:
Праведны, Мудры они, Трудолюбны Купечества въ дѣлѣ;
Всюду привосятъ всѣмъ изобиліе купно выгоду.
Нѣтъ; не-хощу, Богиня, да-Судно разобьется оныхъ.
Но учиню, что Кормчій ихъ свой путь потеряетъ,
И удалится весьма отъ-Іеаки, къ которой онъ-правитъ.
Бывши довольна весьма обѣщаніемъ симъ Афродіта,
Злостно смѣялась, и-вспять, въ парящей своей Колесницѣ;
На цвѣтоносны Луга Идалійски тогда возвратилась;
Гдѣ Благолѣпности, Смѣхъ, Игры, въ знакъ радости должны,
Что увидѣли паки ея, ликовствуя плясали
Окрестъ еяжъ по-цвѣтамъ, развѣвающимъ духъ благовонный.
Тотчасъ послалъ Посидонъ Божество подобно снамъ-Нощи
Въ лжи и-обманѣ, кромѣ что Сны обольщаютъ-всѣхъ Спящихъ;
А Божество сіе во Бдящихъ [1]) чувства чарусть. [2])
Сей злорадный Богъ, окруженный бесчисленнымъ Сонмомъ
Лжей стокрилатыхъ, въ округъ его летающихъ порхомъ,
Налилъ претонкій царовный сокъ Аеманту на-очи,

[1] Въ Неспящихъ. — [2] Заворяживаетъ.

Внятельно кой смотрилъ на-Луны тамъ полную свѣтлость,
И наблюдалъ теченіе звѣздъ, и бре́ги Іѳакски,
Коихъ уже́ ощущалъ поблизу Яры крутыи.
Въ са́мый сей-ча́съ, глаза́ въ томъ Кормчіи больше не-ста́ли
Оному тутъ ничего являть, что истинно было:
Ложное Небо, притворна Земля, показуются виду.
Звѣзды мѣлькаютъ такъ, какъ будто свой-бѣгъ пре-мѣнили,
И какъ будто онѣ теченіемъ вспять возвратились.
Двигъ Олимпа всего каза́лся-течь новымъ закономъ:
Да и-сама́ Земля измѣне́на являлась по-мѣсту.
Кормчію ло́жна Іѳака всегда себя представляла,
Чтобъ проманить его, а въ даль убѣгала прямая.
Коль онъ болѣе плылъ къ сему обманному виду
Бре́га, какъ-о́наго о́строва суще; толь-бо́льше видъ-о́ный
Прочъ отъ-него́ уходилъ: а онъ не-зналъ что-ужъ-мыслить.
Мнилъ иногда, что слышитъ уже́-шумъ въ Приста́нищѣ са́момъ.
Вотъ и-хотѣлъ ужъ онъ, себѣ по данну приказу,
Тайно тамъ пристать къ островку́ въ близи́ отъ-большаго,
Отъ Женихо́въ-бы укрыть Пинелопы, согласшихся обще
На Тилемаха, сего возвращеніе въ Отчество здраво.
Страхъ ему иногда́-былъ отъ-ка́мней, на-бре́гѣ-томъ всюду;

[redacted]

И мнилъ слышать волненій стонъ и ревъ преужасный,
Къ камнямъ катившихся тѣмъ, о кои всѣ разсѣкались.
Вдругъ онъ зрилъ потóмъ, что-земля́ удалéна-есть паки.
Гóры въ дальности той, казались ему облачкáми,
Кои весь иногда Орізонтъ собой затмѣваютъ,
Солнце когда еще изъ-закáта на-óный не-вышло.
Такъ Аѳамáнтъ изумлéнъ-былъ; вліяніежъ Бóжича льстивна,
Кой глазá его омрачалъ, приводило въ такой восторгъ,
Онъ каковаго еще себѣ не чувствовалъ въ жизни.
Мнить покушался ужé, что онъ не бодрствовадъ бдящій,
И что-въ-прельщéніи былъ отъ-пары́ сновидѣнія лóжна.
Тѣмъ между Посідонъ повелѣлъ Встоковѣйнону Евру,
Сильно метнуть Корабль къ Кряжáмъ и-Брегáмъ [1]) Есперіи.
Вѣтръ повинулся ему, и сталъ дуть нагло толико,
Что прикатилъ тотчáсъ Корабль къ Італійскому брéгу,
Кой Посідонъ тому своимъ указомъ назначилъ.
Се ужъ-Заря́ возвѣщала день багряными персты,
Звѣзды ужé, Лучей стыдящися Солнечныхъ зѣльно,
Тѣмъ и-завидящи, слабый свой-óгнь въ Океанъ сокрывали,
Кормчій какъ возопилъ: наконецъ не-могу́ сомнѣваться;

---

[1] Італія.

Мы почитай теперь огорстили островъ Іѳаку.
Въ радости будь, Тилемахъ: чрезъ часъ Пинелопу
увидишь;
Не́глижъ притомъ и-Одѵсса на- [1]) Ѳро́нъ восшедша
обрящешь.
Воплемъ симъ Тилемахъ, бывъ-у-Сна́ въ объятіяхъ
мягкихъ,
Вразъ убуждается, и востаетъ, и-къ- [2]) Корми́лу при-
ходитъ,
Кормчія онъ лобызаетъ, и-чу́ть отверзстыми очи
Блискій весь-Бре́гъ озирая въ концы вперенно [3])
смотритъ:
Но воздыхаетъ притомъ, не видя природнаго мѣста.
Гдѣжъ, ахъ горе! мы, сказалъ? не-Іѳа́ка-то зрится;
Ты, Аѳама́нтъ, обманулся, мню, иль мало ты-зна́ешь
Сей отъ нашея Кряжъ Земли́ удаленный толико.
Нѣтъ, отвѣщалъ Аѳама́нтъ, не-могу́ обмануться ко-
нечно,
Острова видя сего и Че́рни и са́мыи Бре́ги.
Въ жизни моей коль кратъ я-къ-Приста́нищу вашему
плавалъ?
Вѣдаю я изъ Камней всѣхъ тутъ са́мый малѣйшій:
Въ памяти не крѣпчай у-меня́ брегъ Тѵрскій вдру-
же́нъ есть.
Гору сію изво́ль призна́ть, выставляется коя;
Виждь и Камень сей возносящійся будто какъ-ба́шня;
Слы́шишь-ли во́лну разящуся о другі́и-тѣ Камни,
Мо́рю которы грозить своимъ паденіемъ мнятся?
Но не зри́шь-ли Палладинъ Храмъ, въ облака́хъ что-
Главо́ю?

[1] Престолъ. — [2] Руль. — [3] Трохейскій.

[redacted]

Зáмокъ вотъ и Домъ твоего Отца Одѵссéя.
Все не такъ, о мой Аѳамáнтъ, ему Тилемахъ рекъ:
Зрю, напротúвъ, возвышенный брегъ, но токмо сенгла́дкій;
Вижду и-Грáдъ, который отнюдъ собой не-Іѳáка.
О Превыспренни! Иль посмѣваетесь такъ Человѣкамъ?
Въ сихъ рѣчахъ, Аѳамáнту глазá измѣнились внезапу.
Чáры исчезли: узрѣлъ онъ брегъ, какъ въ истинѣ былъ тотъ;
И призналъ тотчáсъ свое заблужденіе точно.
Правда, о Тилемахъ! возопилъ; Богъ нѣкій враждебный
Очаровáлъ мой зракъ: я думалъ видѣть Іѳаку,
И ея мнѣ óбразъ и-вúдъ представлялся всецѣло;
Но теперь онá какъ Сонъ отъ-меня́ исчезаетъ.
Вижу я-Грáдъ другій, Салантъ есть сей несомнѣнно,
Ідоменéй что-создáлъ-вновь, изъ-Крúта ушедъ, въ [1]) Есперíи.
Я ощущаю взносящися Стѣ́ны еще не-свершéны;
Зрю и-Пристáнище не совсѣмъ укрѣплéно внѣуду.
Менторъ, который зналъ и мщеніе отъ Посідона,
И ухищренны пронырства отъ-лю́тыя всѣ Афродіты,
Тóлько-что о заблужденіи Кормчія томъ усмѣхнулся.
Но какъ въ близость къ тому они ужъ приплыли брéгу;
Менторъ вѣщалъ тогда Тилемаху Рѣчи такіе:
Самъ Зевсъ хощетъ тебя искусить, безъ-погúбели токмо;
А искушаетъ за-тѣмъ, да-вратá ко Славѣ отверзетъ,

[1] Італія.

Пóмни труды Ираклíевы, пóмни бѣдства велики;
Да и-всегдá имѣй предъ-очáми напасти Отцовски.
Кто не-умѣетъ терпѣть, Веледушія тотъ не-имѣетъ.
Да утрудишь твоимъ терпѣніемъ, бодростью также,
Люту Тюхíю, которая гнать тебя изволяетъ.
Меньше боюсь тебѣ съ Посідонова гнѣва напастей;
Нежель я опасался лестныхъ Ласкъ отъ-Богúни,
Коя тебя задержать на-своéмъ томъ Островѣ тщилась.
Медлимъ почтóжъ? Да-въ-сіé вплываемъ Пристанище прямо:
Се дружебный Народъ; мы-къ- [1]) Ахéямъ теперь прибываемъ.
Ідоменéй, бывъ гонúмъ отъ-Тихíи, Несчастливыхъ призритъ.
Тóтчасъ входятъ они въ Пристанище то при-Салáнтѣ,
Пýщенъ куда безъ трудности былъ Корабль Фінікійскій:
Тѵряне въ Мирѣ по-Тóргу со-всѣми во-Свѣтѣ Народы.
Зрилъ Тилемахъ въ себѣ съ удивленіемъ Градъ [2]) тотъ Новый!
Рáвно какъ-Стéбль младый, орошенный влагою нощи,
Чувствуетъ утромъ отъ-Сóлнца Лучи его осіявши;
И растетъ; и Пóчечки нѣжны свои развиваетъ;
И простираетъ притомъ своижъ зеленисты Листочки;
И проявляетъ Цвѣткú благовонны съ мастьмú неисчетны;
Да и-въ-мгновéніе каждо блистаніе свѣже въ немъ-зрится:

[1] *Греки.* — [2] Трохейскій.

Такъ процвѣталъ Градъ новый Идоменéевъ на-брегѣ.
Въ каждый день, въ часъ каждый, онъ возрасталъ
веселѣпно,
И казалъ издалéка на-морѣ всѣмъ Чужестраннымъ
Нову Зданій Красу, возносящихся даже до-облакъ.
Брегъ тотъ весь гремѣлъ всегда Художниковъ шу-
момъ,
Также Мла́товъ, и-прочихъ Орудій стукомъ различ-
нымъ.
Тамъ Кова́чи, съ крехтѣніемъ, Мышцы взводятъ и-
сводятъ
Въ ладъ чередо́й, и-верта́тъ Щипца́ми огнисто Же-
лѣзо;
Камней висѝтъ на воздухѣ тма, Опѣпа́ми подъятыхъ
Главныи всѣ ободряютъ Народъ къ труда́мъ и-къ
рабо́тамъ,
Чу́ть-лишь Заря́ появится предъ-Со́лнечнымъ свѣ
томъ идуща;
А Царь Идоменéй, отдающій всюду приказы,
Производилъ Созданіе то непонятнымъ поспѣхомъ
Вшелъ едва Корабль въ Пристанище то Фінікій
скій,
Критяне какъ Тилемаху, и-Ме́нтору также, явили
Искрення и чистосердна Дружества всякіи знаки.
То́тчасъ дали они и-Царю́ знать Идоменéю,
Что къ нимъ прибылъ въ го́сти Сынъ теперь Одис
сéевъ.
Сынъ Одиссéевъ, Царь-воскликнулъ; того любезнаг
Дру́га,
Му́дра Героя того, кѣмъ Тро́ю мы опровергли!
Пусть же придетъ сюда, да-ему́ покажу́-я сердечно

Коль мнѣ былъ любимъ его тотъ самый Родитель.
Тотчасъ предсталъ предъ-него Телемахъ, просящій достолѣпно
Постопріимства себѣ, прежъ имя свое объявивши.
Идоменей отвѣщалъ, въ благосклонномъ и-радостномъ видѣ:
Мнѣ хотябъ о-тебѣ и-никто не сказывалъ прежде;
Токможъ-бы вѣрилъ я, что ты мнѣ знаемъ не-ложно:
Се я вижу въ тебѣ, точъ въ точъ, самого Одиссея;
Се и очи его въ тебѣжъ, исполнены жара;
Се и взоръ егожъ постоянный, острый, и-твердый;
Се весь видъ того, сначала холодный и-скромный,
Коій укрывалъ толь многую живность и благолѣпность.
Я узнаваю еще и-Улыбку збоіливу ону;
Ону поступку обратности, будто всю нерадиву;
Ону сладкую рѣчь, простую, въ сердце входящу,
Коя склонитъ ужъ-прежде, нежели тоій-бы повѣрить.
Еій! ты-Одиссовъ Сынъ, и мнѣ Сынъ такожде будешь.
О моій-дражаішій Сынъ! коій-тебя къ намъ случай приводитъ?
Не для того ль, да-любезна тебѣ Родителя сищешь?
Горе! отнюдъ о немъ никоего Слуха имѣю.
Гнала насъ обоихъ нестерпимо злая Тухія:
Онъ не-возмогъ ни какъ въ свою достигнуть Отчизну;
Я хоть-привлекся въ мою, но-нашелъ-ту исполнену гнѣва,
Гнѣва исполнену ту отъ-Богова на-меня пребесчастно.
Идоменей говоря-такъ, смотрилъ на Ментора много,
Какъ на-такова, Лице чье-сму не-незнаемо было,

Но не могъ Человѣку имени то́чна припомнить.
Тѣмъ между Телемахъ отвѣщалъ ему со-слезя́ми:
О Царь! благоволи́ отпусти́ть не сносную Го́ресть,
Коея не могу отъ-тебя́ сокрыть-я внутрь-се́рдца
Въ часъ таковый, въ который весьма проявля́ть-бы
я-до́лженъ
Радость, и Благодарность тебѣ за-толи́кую Благость
Ты какъ-тепе́рь сожалѣешь толь о-погибшемъ Одиссѣ,
Самъ мое злоключеніе чувствовать тѣмъ побуждаешь,
Что не-могу́ найти моего Родителя въ вѣки.
Многое время уже́ его ищу́-я повсюду!
Боги, толь раздраженныи, не даю́тъ-мнѣ посредства
Ни увидѣть того, ни знать что онъ не-уто́пъ ли,
Ни самому́ притомъ возвратиться паки въ Іоаку,
Гдѣ Пинелопа крушится, отбыть отъ-Наси́льныхъ
хотящи,
Тонкія Вуссы тча, многозу́бчатымъ движа и-Бе́рдомъ
Мнилъ, что-тебя́ узрю́ я радостна въ островѣ Критѣ
Бывъ тамъ, я твою позналъ всю горькую участь;
И не мыслилъ отнюдъ, чтобъ-когда́ мнѣ быть и
Есперіи,
Въ коей изволилъ сіе основать ты Новое Царство.
Но Тухія, котора играетъ надъ Человѣки,
И меня въ премногихъ Странахъ заблуждающа де́р
житъ,
Бросила къ симъ уже́ твоимъ бре́гамъ напослѣдокъ.
Золъ мнѣ-ея́ изъ всѣхъ сіе сношу всеохотнѣи:
Ибо, хотя меня удалила такъ отъ-Отчизны,
Токможъ дала́-мнѣ познать тебя Царя изъ-Царе́
всѣхъ

И благому́дрѣйша, и Веледушнѣйша въ Свѣтѣ всецѣломъ,
Ідоменéй въ сихъ-словáхъ Тилемаха объемлетъ сердечно,
И ведя въ Чертоги свои его вопрошаетъ:
Чтó-то за-стáръ-Мужъ разумный сей, который съ Тобою?
Кажется, что мнѣ прежде случалось онаго видѣть.
Менторъ то, отвѣщалъ Тилемахъ, другъ Менторъ Одуссовъ,
Ввѣрилъ которому сей мое Младенчество нѣжно.
Кто изъявитъ Тебѣ, одолженъ ему́-я колико?
Руку Ідоменéй простираетъ Ментору тóтчасъ.
Мы знакóмы, сказалъ, ужé давнó межъ-собóю:
Пóмнишь-ли въ островъ Критъ твое Путешествіе нынѣ,
И совѣты благіи тамъ мнѣ данны тобою?
Но тогда жаръ юности и преклонность къ утѣхамъ,
Ахъ! къ утѣхамъ пусты́мъ и вреднымъ, мною владѣли.
Надóбно стало меня научать злоключеніямъ многимъ;
Да познáю, чему не-хотѣлъ я вѣрить ни-мáло.
Благобъ, тебѣ когдабъ, о мудрый Мужъ, я-повѣрилъ!
Но съ удивленіемъ я смотрю на-твою́ Престарѣлость,
Коя ничемъ не-измѣнна есть годáхъ по-толи́кихъ:
Краска тажъ въ Лицѣ, Станъ тотъ же прямъ и-не-[1]) сля́ченъ,
Крѣпость сáмая тажъ; Головá посѣдѣла-лишь только.
Царь Державный! ему отвѣщалъ съ почтеніемъ Менторъ,

[1] Згорбленъ.

Ежелибъ бы́лъ-я съ природы моей Ласкатель Придворный;
Тобъ равномѣрножъ сказалъ, что-соблю́лъ-ты-цвѣтъ-Юности тотъ же,
Кой сіялъ на-Лицѣ твоемъ предъ-Троя́нской Осадой:
Но я лучшебъ тебя прогнѣвилъ, нежъ Правдубъ нару́шилъ.
Яжъ и зрю по-твои́мъ Разговорамъ благоразсу́днымъ,
Что не-изво́лишь ты любить Ласкательствъ безстыдныхъ,
И что-не-стра́шно есть говорить съ тобой чистосердно.
Ты премѣнился весьма, и-тебя́бъ безъ-труда́ не-узналъ я;
Свѣтло [1]) вину зрю-сему́: Тобой претерпѣнныя бѣдства.
Но терпя, пріобрѣлъ-ты себѣ прибытокъ великій:
Смиреному́дріе ты получилъ ни съ чемъ несравненно.
Можно легко́ сносить на-Лицѣ морщины премноги,
Сердце когда къ Добродѣтелямъ движется, въ нихъ укрѣпляясь.
Впрочемъ изво́ль-знать, Цари другихъ всѣхъ болѣй ветшаютъ.
Состарѣва́ютъ ихъ въ злоключеніи, времени прежде,
Мыслей трудности, и труды претяжкія тѣла.
Но въ благоденствіи, сладости жизни мягки и-нѣжны
Больше еще изнуряютъ ихъ, нежъ подвиги Ратны.
Нѣтъ не здраваго толь, коль мѣръ не-иму́щіе сла́сти.
Та [2]) вина, что-Цари́, и въ Мирѣ когда и-во-Бра́ни,

---

[1] Причина. — [2] Причина.

Трудъ имѣютъ всегда и-утѣхи сѣдящи Крѣпость,
Кои приводятъ Старость имъ, дней ихъ въ половину.
Трѣзва жизнь, воздержна, спокойна, рѣвна, безстрастна,
И трудолюбна притомъ Человѣка смиренному́дра,
Въ членахъ всѣхъ и-составахъ Юность содержитъ живую,
Коя, безъ-сихъ предохраностей, есть повсечасно готова
Вмахъ отлетѣть на-крилахъ быстропарнаго времени вовся.
Идоменей, усладившись отъ-Ментора сими рѣчами,
Слушалъ-бы долѣй еще его, когдабъ-онъ не-позванъ
Къ жертвѣ, котору принесть былъ долженъ Зевсу велику.
Слѣдовалъ съ нимъ Телемахъ, и Менторъ, при-сонмѣ премногомъ
Ихъ окружавша Народа, который смотрилъ Любопытно,
И тѣснясь межъ-собой, на нихъ какъ-на-новыхъ Пришельцевъ,
Тутъ Салентінцы другъ-къ-другу такъ говорили взаимно:
Разны весьма въ себѣ суть оба тѣ Человѣка.
Въ Юномъ не-знаю-что острое и любезное зрится;
Всѣ благозрачности какъ Красоты такъ-и-Младости вкупѣ,
Осіяваютъ Лице все-его, и-все-тѣло осанкой.
Но Лепота сія не-имѣетъ мягкости женски:
Въ цвѣтѣ такомъ является крѣпокъ, силенъ, работенъ.

Сей-же другій, хотя и въ лѣтахъ уже́ престарѣлыхъ,
Не потерялъ еще своей Ядрености прежни
Спе́рва взоръ его не толь является велій,
Также ни-зра́къ ни-Лице́ показуются толь миловидны;
Но вперѣ́нѣе какъ на-него́ воззришь, то-нахо́дишь
Въ онаго всей простотѣ премногія Мудрости Знаки,
И Добродѣтели, и благородства чуднаго ясно.
Боги сами, когда снисходили къ Смертнымъ на-зе́млю;
Воспріима́ли они, беспрерѣ́чно, о́бразы сі́и
Какъ Пришельцевъ такихъ, такъ-Ходя́щихъ и по-доро́гамъ.

Тѣмъ между приходятъ въ Божницу Зевсову ону,
Кою Идомене́й украси́лъ велелѣпно всю-Зла́томъ,
Храмъ окруже́нъ въ два-ряда́ изъ Мармора стру́йна Столпами,
Ма́ковицъ вещь у-кото́рыхъ сребра отъ чи́ста бѣлѣлась.
Стѣны укладены Каменьми всѣ въ [1]) Лицевидны узоры,
Кои казали Зевса того въ Тельца́ превращенна;
Какъ и-восхи́тилъ Европу, и-плылъ въ Критъ съ нею по-Мо́рю;
Во́лны котораго зрились чтущи говѣ́йно [2]) какъ-Бо́га,
Коль ни былъ въ чужевидномъ везущіи о́бразѣ Дѣву.
Зримы пото́мъ, Рождество и Младость Мино́ева купно;
Въ вѣкъ же свой состарѣ́лыій зримъ-былъ законы дающіій
Острову Криту всему, да-во-вѣки сей процвѣтаетъ.

---

[1] Мусіею или Мозаіком. — [2] Со страхом.

Тутъ Тилемахъ усмотрилъ приключенія главнѣйшія
также
На осадѣ Троянской, гдѣ-Идоменéй воспрославленъ
Воевъ великимъ Приводцемъ, и-кýпно дóблѣйшимъ
Мужемъ.
Въ сихъ представленіяхъ битвъ искалъ Родителя
онъ же:
Коего тутъ и-призна́лъ хватающа Ри́совы [1]) Кони,
Какъ уже́ того Діоми́дъ умертвилъ поразивый;
Прящася объ Ахілла оружіи съ [2]) Айясомъ также,
Предъ Полководцами Воевъ Ахейскихъ въ собраніи
сущихъ;
И наконецъ изъ-Коня́ смертоносна излазяща тихо,
Да проліетъ премногихъ внезапу кровь Іліонянъ.
Скоро его Тилемахъ призналъ по славнымъ дѣ-
ламъ симъ,
О кото́рыхъ слыхалъ сказу́ему По́вѣсть-онъ часто,
И о-кото́рыхъ ему поминалъ самъ множицей Мен-
торъ.
Сле́зы изъ-гла́зъ его потекли обильно струями;
Онъ измѣнился въ лицѣ, и-смущенъ сталъ быть по-
казался:
Идоменéй ощутилъ, хоть-къ-странѣ Тилемахъ от-
вратился.
Въ стыдъ не бу́ди-то, Идоменéй ему говорилъ такъ,
Намъ предъявить, пораженъ ты внутренно зрящій
колико
Отчею славою, и егожъ злоключеніемъ многимъ.
Тѣмъ между стекался Народъ исисчетными Сонмы

[1] Резъ. — [2] Аяксъ.

Подъ преобширны Присѣнки въ Столпáхъ тѣхъ порядка двойнаго,
Коими оный Храмъ огражде́нъ былъ вкругъ благокрасно.
Было два-Ли́ка [1]) млады́хъ Отроковъ и Юнотокъ рáвно
Кон въ хвалу Стіхи воспѣвали оному Богу,
Де́ржитъ который въ десницѣ своей огнеметны Перуны.
Дѣти и́збраны всѣ изъ красныхъ Прекрасныи были,
Съ долгими по рамена́мъ [2]) ниспуще́нными стройно власами.
Ихъ главы увязе́ны Шинко́въ [3]) благовонныхъ Вѣнками.
Всѣ облече́ны они въ одежду бѣлу нарядно.
Жертву Идомене́й принесъ [4]) Сто-теле́чную Зевсу,
Да милосердуя онъ его покроетъ на-Бра́ни,
Кою Царь предпріялъ на-свои́хъ Сосѣдей окрестныхъ.
Кровь изъ-закла́нныхъ Животныхъ дымящаяся всюду лiется:
Та клокотала въ глубо́ки златыя и-сребряны чаши.
Старъ Мужъ тамъ Ѳеофанъ, другъ-Бога́мъ, и Храма Священникъ,
Жертвы всея въ приносъ главу мнѣлъ покровенну
Краемъ едины́мъ Полы, отъ Ризы багряныя верьхни.
По́слѣ Утробы смотрилъ, которы еще трепетались.
Вше́дъ-же на-Сто́лъ Трiножный Священiй, о-Бо́ги! воскликнулъ:

---

[1] Хоръ. — [2] Плеча. — [3] Розы. — [4] Екатомва.

Что за-Пришéльцы тѣ-два́, которыхъ Небо прислало?
Брань предпріята безъ-о́ныхъ намъ была́ Смертоносна;
И Салáминъ-бы, прегромко падъ, съ землею сравнился,
Прéжде-нежъ онъ отъ-своúхъ основаній вознесся свершенный.
Мла́да Ироя ярю отъ-Премýдрости руководи́ма!
Смертнымъ устамъ не-позво́лено болѣй нѣчто глаголать.
Въ сихъ словахъ, взоръ весь у-него́ освирѣпѣлъ дичаво,
И загорѣвшись глаза́ сверкали быстрыми искры.
Зрился онъ-ви́дай иное, не-что́ предъ нимъ пребывало:
Все краснѣлось Лице, былъ-смуще́нъ, и-себя́-внѣ въ восторгѣ;
Онъ цѣпенѣлъ, и-власы поднялúсь, и-уста́-ужъ нѣмѣли;
Мышцы [1]) воздѣянны выспрь стояли окрѣпшии недвижно;
Толще нѣкакъ стеналъ, человѣческимъ нежели гласомъ;
Весь запыхался; не-мо́гъ содержать въ себѣ заключенна
Божеска духа, который его возмущалъ преужасно.
О блаженъ ты Идоменéй! возопи́лъ-онъ еще такъ.
Что зрю! Коль несчастія многи суть отвращенны!
Коль миръ сладостенъ внутрь! Коль-сраже́нія внѣ кроволитны!

[1] Ру́ки.

Коль и-пресла́вна Побѣда! О Тилемахъ! Превос
дишь
Подвиги Самъ твоими труды Родителя Сла́вна:
Стенетъ на-пра́хѣ врагъ го́рдый твои́мъ-же Меч
прободенный;
Падаютъ мѣдны врата предъ-тобо́й, и крѣпки [1])
бра́ла.
Велія о Богиня! Да-бу́дь Родителя. . . О Юнъ!
Узришь ты наконецъ. . . Изре́къ-то, и-ста́лъ
словесенъ,
Ра́вно какъ-ну́димый кѣмъ въ молчаніи быть [2])
бокомъ.
Ви́дя-то, оледенѣлъ весь-Наро́дъ отъ хлад
страха.
Идомене́й трепеща не-смѣетъ просить, да-сконча́
Самъ Тилемахъ изумленъ стои́тъ, и-едва́ онъ-по
летъ
Слышанно, вѣритъ едва что тѣ прорицанія слыш
Ментеръ единъ, духъ Божескій коего тотъ не
зыбнулъ,
Слышалъ-ты, Идомене́ю вѣщалъ, что-поста́вили Бо
Съ кѣмъ ни-срази́шся, Побѣда тебѣ подастся
ло́жно;
Бу́дешь-же ты одоленъ успѣхомъ оружія, Мла́д
Чаду сему, твоего [3]) Клеврета, купно и-Дру́га.
Не позавидь ему; да токмо въ собственну пользу
Употреби́, чрезъ-него́ тебѣ отъ-Бого́въ подаемо.
Идомене́й, въ себя еще не-прише́дъ изумленны
Тщетно Рѣчей искалъ: языкъ-былъ его неподвиж

---

[1] Загражденія, Заборы. — [2] Трохейскій. — [3] Товар

Рѣзвѣе бывъ Тилемахъ, сказалъ такъ Ментору словомъ:
Слава толика меня не льститъ; но-слова́-тѣ послѣдни,
„Узришь ты наконецъ", означаютъ что совершенно?
Узрю Отца моего, иль у́зрю токмо Іоаку?
Горе! За-чо́мъ онъ словъ не могъ окончать провѣщая!
Онъ оставилъ меня теперь въ сомнѣніи бо́льшемъ.
О Родитель! Тебя́ль самого я паки увижду?
Истиналь то? Ахъ льщусь! О злое Пророчество са́мо!
Ты восхотѣло играть надъ-бесча́стнымъ мною Человѣкомъ.
Толькобъ еще одно Словцо, и-я-былъ-бы въ Блаженствѣ.
Менторъ ему говорилъ: чти-говѣйно что-Бо́ги являютъ,
А познава́ть не-трудйсь, они чего не-даю́ть знать.
Должно всегда Любопытству дерзостну быть постыжденну.
По благосердой Мудрости, Боги скрываютъ отъ-Сме́ртныхъ
Въ не проницаему тьму Судбину сихъ непреложну.
Есть полезно предвидѣть, что-на́мъ долгъ дѣлать изрядно;
Но не меньшежъ полезно не-зна́ть, что-отъ-на́съ независитъ,
И что-хотя́тъ о насъ поставить Боги Благіи.
Сими рѣчьми Тилемахъ воздержался съ трудомъ превеликимъ.
Іоменей, пришедый въ себя, прославля́ть-же тутъ-на́чалъ
Дія велика, приславша къ нему толь преблагосе́рдо

Юна какъ Тилемаха, такъ и Ментора му́дра,
Да Побѣдитель будетъ онъ надъ-свои́ми Врагами.
На веселѣнномъ Пирѣ, по-же́ртвѣ той учрежденномъ,
Такъ вѣщалъ онъ тѣмъ обоимъ Пришельцамъ пріятнымъ.
Я признаю́, что не-зна́лъ еще какъ Царствовать должно,
Въ Критъ когда возвратившійся былъ по-оса́дѣ Троянской.
Знаете, Други, сами мои злоключенія люты,
Кои Ца́рства меня лишили въ томъ-о́стровѣ славномъ,
Ибо сказа́ли-вы мнѣ, что-прису́тственны по́слѣ-тамъ были.
Сча́стливъ-же тѣмъ превесьма, что-уда́ры Тухи́и жестоки
Мнѣ послужили, да-я́ научусь быть мѣрнѣй отселѣ.
Плылъ по-серди́тымъ Пучинамъ я Бѣглецъ ненавистный,
Коего месть, отъ-Бого́въ, и отъ Человѣковъ, гонила.
Вся Великость моя́ служила прошедшая токмо,
Чтобъ бесчестнѣй Паденію быть моемужъ и-несно́снѣй.
Кро́ясь я убѣжалъ, съ моими Домашними Боги,
На сей брегъ пустый, на-кото́ромъ Зе́мли-всѣ были
Терніемъ и покрыты Волчце́мъ, и также Лѣса́ми,
Явну за-ста́рость самóй Землѣ современными тѣми;
Ди́чію Де́бреи еще Звѣря́мъ въ жилище свирѣпымъ.
Всѣмъ же тѣмъ почитай неприступнымъ, не-то́-что прохо́днымъ.
Радъ я былъ занять, съ немногими Ратники вкупѣ,

И съ Клевреты, которы со-мно́й-же Злосчастнѣй-
шимъ были,
Дикія сіи мѣста́, и-себѣ содѣлать Отчизну,
Какъ не-имѣвшій уже́ отнюдъ надежды ни-ма́лы,
Ви́дѣть-бы мнѣ когда опять тотъ островъ блаженный,
Боги на-ко́емъ дали мнѣ родиться для-Ца́рства.
Ахъ! говори́лъ-я въ себѣ, что то за странна премѣна!
Коль внезапу все-тве́рдое ру́шившись въ Долъ обва-
лилось!
Что за страшный примѣръ я всѣмъ Царямъ на Прес-
то́лахъ!
Всѣмъ бы зрить надлежало меня Имѣющимъ Скиптры,
Да образцемъ они моимъ научиться возмогутъ.
Мнятъ, не-имѣть себѣ никакія къ боязни причины,
Ради своей высоты сверьхъ прочихъ всѣхъ Человѣ-
ковъ:
Да Вознесеніе то и-вели́тъ отъ-всего́ опасаться.
Страшенъ я-былъ Врагамъ, а-мои́мъ Подчиненнымъ
любезенъ:
Повинова́лся мнѣ сильный Народъ, и сей бранноно́с-
ный.
Слава Имя мое разгласила въ земляхъ далечайшихъ.
Царствовалъ въ островѣ я плодородномъ и превесе-
ломъ:
Сто Гра́до́въ ежегодно мнѣ-да́нь пребогату платили.
По́данны всѣ признавали меня отъ Зевсовы крови,
Зевса, родившася въ собственной имъ Землѣ и-при-
ро́дной.
Всѣ любили меня какъ Внука Мино́ю премудру,
Чьи Уставы ихъ содѣваютъ толь-Си́льныхъ и-Сча́ст-
ныхъ.

Кой же былъ недостатокъ въ моемъ толикомъ Блаженствѣ,
Развѣ что-си́мъ-бы умѣть наслаждаться воздержно и-мѣ́рно?
Но и Гордость моя́, и Ласкательство слушано мною,
Вдругъ ниспровергли въ верьхъ-дно́мъ Престолъ мой тамъ невозвратно.
Толь скорости́жна паденія страхомъ ве́сь-я содрогся;
И всѣ-узрѣвшіи то, внутрь отъ-у́жаса вострепета́ли.
Такъ падутъ и всѣ Цари, которыи ходятъ
При́хотямъ по своимъ, и-Ласка́телей тѣхъ по-совѣтамъ!
Тща́лся-я, радостно днемъ являть Лице и-наде́ждно,
Да подкрѣплю тѣмъ бодрость въ Пришедшихъ купно со-мно́ю.
Ну, говорилъ я имъ, построимъ себѣ-мы-Градъ новый,
Ко́й-бы утѣшилъ насъ о всемъ, чего мы лишились.
Насъ окружаютъ Народы къ сему́-намъ подавшіи о́бразъ:
Видимъ-мы Градъ Тарантъ отъ насъ вознося́щійся блиско;
Съ Лакедемо́нцами то Фала́нтомъ осно́вано Царство.
Имя далъ Філокти́тъ Петі́ліей Граду Велику,
Онъ который созда́лъ на семъ же брегѣ прекрасно.
И Метапо́нтъ еще есть-подо́бная также Усадьба.
Меньшель потщимся мы скитавшихся всѣхъ-сихъ Пришельцевъ?
Къ намъ Тухі́я не-бо́льшежъ находится не милосерда.
Сими словами моихъ услаждая всю-го́ресть Клевретовъ.

Самъ нестерпиму болѣзнь сокрывалъ въ глубокости
сéрдца.
Радостно я желалъ, да-дневный меня свѣтъ-остáвитъ,
И да-покрóетъ нощь своимъ Сумракомъ густѣйшимъ,
Мнѣ въ свободѣбъ мою оплакивать люту Судбину.
Горьки потóки слезъ изъ-моихъ очей истекали;
Сладкагожъ Сна не-имѣлъ-я всегда и-пріятна Покоя.
Паки въ наставшій день начинáлъ-я-трудъ съ новой
Охотой.
Отъ сего то, Менторъ, меня состарѣвшися видишь!
Ідоменéй, окончивъ сказаніемъ собственну горесть,
Требовать у Тилемаха сталъ и-у-Мéнтора купно
Пóмощи въ брáни той, которую выдержать долженъ.
Я отвезу, говорилъ, васъ-въ-Іѳáку, какъ-Брáнь совер-
шится;
Да и-пошлю Суда ко всѣмъ брегáмъ отдалéннымъ,
Чтобъ получить тамъ точную вѣдомость объ Одуссеѣ.
Бýря, иль-Гнѣвъ Божества кудабъ его ни-метнýли;
Всячески онаго я извлещи возмогу и-оттýду.
Боги да-дáруютъ то, чтобъ токмо здравствовалъ цѣло!
Васъ же я отпущу въ Корабляхъ построенныхъ
лучше,
Нежели были когда подобныи въ островѣ Критѣ:
Всѣ-тѣ изъ-срýбленныхъ древъ на-горѣ всеистин-
ной Ідѣ,
Велій на-кóей и-Сильный самъ Зевсъ былъ порож-
денный.
Оны священны древá на-волнáхъ погибнуть не-мó-
гутъ:
Вѣтры и-кáмни боятся ихъ, и ихъ почитаютъ.

Самъ Посѣдонъ, въ своемъ жесто́ко вре́ющемъ [1]) гнѣвѣ,
Грозную бу́рю на-ни́хъ отнюдь воздвигнуть не-де́рзнетъ.
Будьтежъ увѣрены вы посему, что благоспѣшный
Вашъ возвратъ въ Іоаку имѣетъ быть, и-бестру́дный:
Да и-ниже́ кто му враждебна Божественность нѣка
Здѣлать посмѣетъ, чтобъ ва́мъ скитаться по-мно́гимъ Пучинамъ.
Но и-Пре́ядъ отсюду есть не-великъ и-спосо́бенъ.
Вы Фінікійскій Корабль, васъ-приве́шій сюда, отпусти́те:
Тщитесь токмо себѣ пріобрѣсть нарядную Славу,
Въ преутвержде́ніи новаго Ідомене́ева Царства;
Да за-несча́стія всѣ онъ-себѣ полу́читъ Награду.
Симъ, о Чадо Одиссово! будешь Отца ты-досто́инъ.
Хо́ть-бы уже́ его Судбы низвели непреклонны,
Въ мрачное и подзе́мное Царство угрюмаго [2]) Ді́та;
Но услажденна Елада въ тебѣ зрить онаго будетъ.
Въ сихъ словахъ Тилемахъ преслѣкъ рѣчь Ідомене́ю.
Пинъ уже́, сказалъ, отпустимъ Корабль Фінікійскій.
Медлимъ долго почто́жъ, и ору́жія мы не-пріе́млемъ,
Да нападемъ на-твои́хъ Супостатовъ такъ ополченны:
Стали также и-на́мъ они Врагами пора́вну.
Ежели мы одержали Побѣду, бія́сь въ Сікеліи,

---

[1] Кипящемъ. — [2] Плутонъ.

Станемъ биться когда за-едино Еллядскихъ Проевъ,
Кои неправедный градъ Пріамовъ съ землею сравнили?
Слышанный Гласъ Пророченія по вдохновенію свыше,
Не попускаетъ намъ о томъ сомнѣваться ни-мало.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Ідоменей объявляетъ Ментору причину бра́ни на Мантуріанцовъ. Разсказываетъ, что сіи Народы уступили ему спе́рва са́маго брегъ Есперіи, на коемъ заложилъ свой Градъ; что Сами они удалились на близкіе Го́ры, гдѣ понеже на нѣкоторыхъ изъ нихъ учинено нападеніе отъ Станицы Подданныхъ его, то сей Народъ прислалъ къ нему въ Посольствѣ двухъ Престарѣлыхъ Мужей, съ коими онъ поставилъ Мирныи Завѣты; а что, по Союза сего Нарушеніи, учиненномъ отъ Незнавшихъ объ немъ изъ егожъ Подвластныхъ, сіи Люди готовятся воевать на него. Въ са́мое то время, въ которое Ідоменей разсказывалъ сіе, Мантуріанцы, поспѣшившіи воспріять оружіе, подступили подъ градъ Сала́нтъ. Несторъ, Филоктитъ, и Фала́нтъ, коихъ Ідоменей мнилъ быть ни при которой сторонѣ, шли на него въ Воинствѣ Мантуріанскомъ. Ментор выходитъ изъ Саланта, и идетъ одинъ къ Непріятелямъ съ предложеніемъ Мира.

Менторъ, въ покойной зря благосклонности на Тилемаха,
Бывша исполнь уже́ веледушны гарячести къ Битвѣ,
На́чалъ такъ говорить: я-весьма́-радъ, о-сынъ Одуссеевъ,
Видѣть въ тебѣ изрядное толь пристрастіе къ Славѣ;
По́мнижъ однакъ, что-Оте́цъ получи́лъ-ту у-Еллинъ при-Тро́ѣ,
Бывъ благому́дрѣй въ себѣ и-умѣренней такожде прочихъ.
Самъ Ахіллей, хоть не побѣдимъ, хоть не уязвляемъ,
Хоть достовѣрно притомъ разносилъ Страхъ-и-Сме́рть-онъ повсюду
Гдѣ ни-сража́лся, да-то́лько не-мо́гъ взять Града Троянска:

Легъ при-стѣна́хъ градски́хъ побѣди́тель Екторовъ храбрый,
Ставъ побѣжденъ, и давъ торжество Осаждаемымъ славно,
Но Одиссъ, въ комъ Мудрость водила мужество ратно,
Внесъ и огнь и мечъ оградъ Іліо́нскихъ въ средину:
Пали отъ-ру́къ его высокіе оные башни,
Кои чрезъ-де́сять лѣтъ грозили всей-на́-все Елладѣ.
Сколько Паллада есть превышше [1]) Арнса бра́нна;
Скромная столько и смотреливая Крѣпости сила
Всю превосходитъ кипящую, и свирѣпую храбрость.
На́чнемъ же, посему, чтобъ-познать-намъ окрестности прежде
Бра́ни сея, которую нынѣ вы́держать должно.
Не отрицаюсь я ни отъ каковыя напасти:
Но мню Идомене́й, ты-сказа́ть намъ первѣе долженъ,
Праведналь брань твоя; пото́мъ на-кого́ ту-подъе́млешь;
А наконецъ, на оную си́лъ-тыжъ имѣешь колико,
Чтобъ возмощи чрезъ то вожделѣнна чаять успѣха.
Идомене́й отвѣщалъ: какъ-къ-сему́ мы прибыли бре́гу;
То на немъ былъ всюду Народъ обитателемъ [2]) Дивій,
Кой по-лѣса́мъ скитался питаясь ловлей единой,
И плода́ми съ Древесъ, приносящихъ тѣ самородно.
Сіи Народы, по-и́мени ко́и-суть Мантуріанцы,
Преустрашились узрѣвши Суда и-Оружіе наше:
Тотчасъ они на Го́ры ушли, и въ Де́бри густые.
Но какъ Воины нѣки отъ-на́съ, любопытствуя видѣть

[1] Марсъ. — [2] Дикій.

Всю Страну, и-притóмъ гонять восхотѣвши Еленей,
Встрѣтились съ дикими тѣми Людьми, бѣжавшими
въ Глýши;
То Начальники оныхъ имъ сіе говорили:
Мы оставили весь морскíй брегъ, толь-намъ пріятный,
Оный бы-нáмъ уступить; а-для-нáсъ вотъ только остались
Гóры одни, и тѣ почитай невсходимые Гóры.
Такъ посему справедливо есть, да остáвите рáвно
Нáсъ-вы на-нихъ пребывать въ тишинѣ и въ вольности нашей.
Вы, скитаясь теперь разсѣянно, слáбѣйши насъ всѣхъ:
Въ нашей волѣ васъ потребить, и-отъ-вáшихъ Клеврétовъ
Вóвся еще утанть Злоключеніе Смертное ваше.
Но обагрíть мы рукъ не-хотúмъ здѣсь кровію люто
Намъ подобныхъ во-всéмъ Человѣковъ. Ступайтежъ отсюду;
Пóмните, что животомъ одолжéны-вы Людскости нашей:
Не забывайте отнюдъ, что-Нарóдъ, по вашему грубый,
Далъ наставленіе вамъ какъ-о-Мѣрности, такъ о-Щедрóтѣ.
Наши, такъ отпущéны бывши Вáрвары тѣми,
Въ Станъ возвратились свой, и-повѣдати чтó-имъ случилось.
Ратныи Люди всѣ на то весьма осерчали;

Приняли также за-стыдъ, что Критяне жизнію должны
Людямъ бѣжавшимъ тѣмъ, которы Нашимъ казались
Больше подобны Медвѣдямъ быть, а не Человѣкамъ.
Се на ловлю пошли въ числѣ ужъ мнóжайшемъ первыхъ,
И ополченны притомъ всякородно оружіемъ бранным.
Вскорѣ попались Дики тѣ-имъ, на сихъ и-напали;
Бой прежестокій былъ: летали Стрѣлы отвсюду,
Такъ какъ падаетъ градъ на Класы въ бурное время.
Дúви принуждены уйти на-тѣ-Гóры крутые,
Наши за-ними куда не-дерзнýли слѣдáми погнаться.
Вскорѣ потóмъ они ко мнѣ прислали въ Посольствѣ,
Двухъ изъ-свойхъ Благомудрыхъ Мужей и тѣхъ Престарѣлыхъ,
Кои предстали предъ-нáсъ съ прошеніемъ твердаго Мира.
Дары мнѣ принесли, состоящіи въ Кожахъ Звѣриныхъ,
Ими убитыхъ, притомъ въ Плодáхъ въ землѣ-сей растущихъ.
По Дарóвъ поднесеніи тѣхъ, говорúли-намъ тако.
О Царь! дéржимъ, какъ-вúдишь Самъ, въ рукѣ Мечъ-единой,
А въ другой рукѣ вѣтвь [1]) Мáсличну мы предъявляемъ.
(Подлинно, было у-нúхъ въ рукахъ и то и-другóе).
Се Миръ, се и брань; изволь избирать что-угóдно:

[1] Оливную.

Мыжъ охотнѣй себѣ и-любе́знѣй Мира желаемъ:
Въ бра́ни спасенія нѣтъ, всѣ просимъ хранитель
Мира.
Миръ люби, мы-тебѣ уступить вдругъ не усумнилис
Брегъ всеприя́тный Морскій, гдѣ Солнце обильно
Землю
Всю творитъ, и-плоды изъ-нея́ производитъ пр
сладки.
Миръ сладчай Овоще́й тѣхъ всѣхъ; и мы отлучили
Для него, на-высо́кіе сіи Го́ры и-Хо́лмы,
Кои покрыты всегда и льдомъ и снѣгомъ хрущ
тымъ,
И на-кото́рыхъ нѣтъ ни-цвѣто́въ Весною пестр
мыхъ,
Ни прозябеній родо́въ, приносимыхъ въ Есень б
гату.
Въ мерзости есть у насъ звѣроправіе о́но свирѣпо,
Кое, именъ подъ-Красо́й Любочестія также и-Сла́в
Идетъ, безумно стремясь, разорять чужіе Селитвы
И проливаетъ кровь Человѣковъ, себѣ братородны
Буде сія твое льститъ сердце ложная Слава;
То мы-тебѣ отнюдъ и-ни-ма́ло въ ней не-завѣдимъ
Мы сожалѣемъ тебя, и просимъ Бого́въ милос
дыхъ,
Насъ сохранить навсегда отъ-нейстовства всѣхъ
ковaго.
Если Науки, которымъ Еллины толь навыкаютъ,
И учтивость когда, ока́зуема ими толико,
Въ нихъ не-вдыха́ютъ, какъ-то́кмо сію прокля́ту
правду;
Томы счита́емъ себя преизбыточно Благополучны

Что но-имѣемъ въ себѣ Преимуществъ сихъ недостойныхъ.
Въ славу намъ будетъ всегда, чтобъ быть Невѣждамъ и-Грубымъ;
Но Справедливымъ притомъ, и Людскости полнымъ, и-Вѣрнымъ,
Чуждимъ Корысти, еще находящимъ Довольствіе въ маломъ,
Да и-презоръ превелимъ имѣющимъ къ Нѣжности тщетной,
Коя творитъ, что-бываетъ нужда въ имѣніи многомъ.
Любимъ-мы паче всего въ насъ Здравіе, Благоощадность,
Крѣпость какъ тѣлесную, такъ и-душевную Силу,
Зѣльну Любовь къ Добродѣтели, Страхъ Боговъ непрестанный,
Добрую Склонность къ нашимъ Роднымъ, къ Содружнымъ Преданность,
Вѣрность ко-всѣмъ, Умѣренность въ Счастіи, въ бѣдствіяхъ Твердость,
Бодрую Смѣлость всегдабъ говорить намъ Истину сущу,
Мерзость безмѣрную ко всему Ласкательству въ Людяхъ.
Вотъ каковы Народы, мы-коихъ тебѣ представляемъ
Въ блискихъ Сосѣдей, и-тѣхже еще въ Союзниковъ вѣрныхъ.
Ежели гнѣвныи Боги такъ тебя ослѣпляютъ,
Что отъ-просимаго Мира намъ отказать ты-восхощешь;
То познаешь, но-поздо познаешь, что-Люди, которы

Любятъ по-Мѣрности Миръ, суть-престрáшнѣе всѣ
кихъ на-Брáни.
Тѣ Старики когда мнѣ такъ говорили Словами,
Я не могъ на-нихъ, вперенно зря, насмотрѣться:
Дóлги Брады имѣли они, не-расчéсаны впрочемъ;
Главъ власы кратчайшіи тѣхъ, но-сѣдúной бѣлѣйш
Брови густыи, притомъ навислыя; яркіи очи;
Твердый взоръ, и бóдру Осанку, Сановность почети
Важную рѣчь, повелительны власти исполнену
гласѣ;
Прóсту Обратность всю, и-отнюдъ ничемъ непри
ворну.
Мѣхи Звѣрины, служивши онымъ вмѣсто одежды
Узломъ на одномъ изъ-рамéнъ ихъ связаны были,
И попускали видѣть мышцы жúлисты паче,
Также и-мышицы тѣльнѣйши, нежель у-нáшихъ
Аѳлúтовъ.
Дáлъ-я тѣмъ-двýмъ Посланцамъ отвѣтъ, что Ми
желаю.
Искренно мы положили вкупѣ многи Завѣты;
Призванныхъ всѣхъ Богóвъ свидѣтельствомъ тѣ у
вердили:
И потóмъ отпустилъ я оныхъ обратно съ Дарáмиж
Но изгнавшіи Боги меня изъ Царства наслѣдна,
Не утрудились еще гонить меняжъ злополучна.
Наши Ловцы, не могши толь-скóро увѣдать о-Мúр
Встрѣтились въ тотъ же день съ полкомъ тѣхъ Ва
варовъ многимъ,
Пóсланныхъ кой Своихъ провождалъ изъ наше
Стана;

[1] Бойцы, борцы.

Жóстоко тѣ напали на-сúхъ, и-премнóгихъ убили,
Да и-прогнáли въ Лѣсъ оставшихся всѣхъ отъ-убíйства.
Вотъ-же Война межъ нами вдругъ опять загорѣлась.
Вáрвары сíи мнятъ, что-отнóдъ не могутъ ужъ-вѣрить,
Ни обѣщаніямъ нашимъ, ниже́ и клятвамъ Священнымъ.
Чтóжъ-бы сильнúй имъ быть, на насъ восвать положившимъ;
То призывáютъ въ пóмощь себѣ они Локріáнцовъ,
Апулíáнцовъ еще, Врутíáнцовъ, и Луканíйцовъ,
И Кротóнянъ ктомужъ, и-Перíтцовъ, и [1]) Врентисíйцовъ.
Се Луканíйцы къ нимъ прибывáютъ, всѣжъ въ Колесницахъ
Вооружéнныхъ тѣхъ сѣкущими въ бѣгѣ Косáми.
Изъ Апулíйцовъ, каждый покрытъ есть Кожей Звѣриной,
Коихъ который самъ убилъ въ Лѣсáхъ уловляя;
Нáлицы носятъ они свилевáты съ острымъ желѣзомъ:
Всѣ вышиною почти Исполúнскаго [2]) возраста Люди;
Крѣпкими ихъ тѣлá отъ подвиговъ толь становятся,
Что одно на нихъ воззрѣніе въ ужасъ приводитъ.
Лóкряне, изъ Еллады пришедшіи, корепемъ дышутъ,
Ибо въ нихъ-бóлѣе зрится Людскости, нежели въ прочихъ:
Но приложили, Еллúнскихъ войскъ къ исправной Наукѣ,

[1] Брундузяне. — [2] Гигантскій.

Ва́рварску Крѣпость, и-жи́знь суро́ву; за-тѣмъ-т
и-ста́ли
Му́жи быть они всеконечно не побѣ́димы;
Легкія носятъ щиты изъ-Топо́левыхъ Пру́товъ сплe
тёны,
Кожею тѣ покрыты, мечижъ предолги имѣютъ.
Вру́тіи суть легки́ на-бѣгу́, какъ-Еле́ни, иль-Се́рны
Мнятъ, что-мягча́йшія сіи травы не-сминаютъ но
гами,
Такъ что-едва́ на-пескѣ слѣдъ стопъ своихъ остаi
ляютъ:
Видимы вдругъ они нападаю́щи на Супостатовъ,
Также и-вдру́гъ съ очей спискающи въ скорост
равной.
Кротоніа́тцы метать изъ-луко́въ искусцы стрѣлами;
Еллинъ обычный отнюдъ напрящи́ таковаго не-м
жетъ
Лу́ка, тѣ каковы у-Крото́нянъ всеобще бываютъ:
Еслибъ они когда прилѣжали къ нашимъ Потѣхам
То всеконечнобъ на-нихъ всегда Побѣдители были
Стрѣлы-ихъ всѣ омочёны въ Соки травъ ядовитыхъ
Езера кои растутъ на-брегахъ, какъ слышно,
Аорна,
Ядъ котораго есть смертоносенъ всяку Животну.
Чтожъ до-Нерѝтянъ, Мессапіа́нцовъ, и Врентисіи
цовъ;
То ничего не-имѣютъ въ удѣлъ, какъ токмо едину
Силу тѣлесну, притомъ неискусное Мужество
Битвахъ.
Вре́ски[2]) и-Кличи ихъ, при-врагово́въ видѣніи, страшни

[1] Аве́рнъ. — [2] Ве́рескъ.

Употребля́ютъ они довольно Пращу удало.
И затмѣваютъ во́здухъ весь бросаніемъ Камней:
Но однакъ сражаются всѣ безъ всяка порядка.
Все тутъ, Менторъ, чего ты-желя́лъ да-увѣдаешь точно:
Знаешь ужо́ теперь сея Войны какъ-причину,
Такъ кто, и каковы въ себѣ, Непріятели наши.
По изъясненіи семъ Тилемахъ, сражаться пылая,
Мнилъ, что-ему́ воспріять оружіе токмо осталось.
Менторъ еще удержалъ; а-вѣща́лъ такъ Идомене́ю:
Для́чегожъ сами вотъ и-Локрійцы, Народы Елладски,
Съ Ва́рвары соединя́ются на однородныхъ Пела́сговъ?
Для́чего, многи Усадьбы цвѣтущи на-са́момъ семъ-Бре́гѣ,
Не имѣютъ себѣ Войны, какову ты имѣешь?
Ты говоришь, о! Идомене́й, что не утрудились
Боги еще тебѣ гонители быть и-понынѣ:
Яжъ утверждаю впрекй, что-еще́ тѣ не довершили
Преподава́ть тебѣ наставленія всемилосе́рдо.
Много Несчастій толь, уже́ тобой претерпѣнныхъ,
Не научили тебя еще, что надобно дѣлать,
Предупредіть бы Брань и въ началахъ сію успокоить
Сказанно все отъ-тебя́ о Вѣрности Ва́рваровъ оныхъ,
Кажетъ довольно, что-съ-ни́ми пребыть возмогъ-бы-ты въ Мирѣ.
Ахъ! свирѣпая Спесь привлекаетъ бѣдственны Бра́ни.
Мо́гъ-бы ты-да́ть имъ-Зало́гъ, и-отъ-ни́хъ Зало́гъ-взять обратно.
Можноб легко́ послать тебѣ съ Посланцами тѣми,
Нѣкихъ Начальныхъ твоихъ, да тѣхъ безопасно проводятъ.

По возновленіи Бра́ни, еще примирять надлежало
Имъ представляя сіе, что - Напа́докъ на - ни́хъ уч
нился
Отъ Незнавшихъ; что-съ-ни́ми Союзъ поставле
святѣйшій.
Долженъ ты-былъ имъ-дава́ть спорученія тѣми пр
симы,
И прежестокую Казнь назначить свои́мъ Подчине
нымъ,
Кои дерзнулибъ нару́шить тотъ вашъ Миръ утвер
денный.
Но случилось чтожъ по семъ начатіи Бра́ни?
Я разсудилъ, рекъ Цоменéй, что подло то-было
Чтобъ намъ-иска́ть, и-проси́ть униженно толь-В
варовъ гнусныхъ,
Спѣшно которыи со́брали всѣхъ могущихъ с
жаться,
Купно и-по́мощи всѣ испросили себѣ отъ-Окре́
ныхъ,
Коимъ содѣлали насъ Подозрительныхъ и Ненави
ныхъ.
Мнѣ показалось, что-было сіе безопасное са́мо,
Чтобъ захватить на-Гора́хъ доро́ги нѣки поспѣши
Кои были отъ-ни́хъ весьма небре́жно стрегомы.
Намъ безъ-труда́ удало́сь, и-чрезъ-то́ въ состоя
стали,
Да разоряемъ легко́ тѣсня мы Ва́рваровъ грубыхъ
Башни велѣлъ-я создать, съ которыхъ Воины наш
Могутъ разить непріятелей всѣхъ съ горъ къ на
нисходящихъ.

Къ ни́мъ-же мы-са́ми входить внутрь можемъ, когда́-намъ угодно,
И разорять у нихъ Обиталища лучшія самы.
Симъ, въ состоянiи мы противиться, Силой неравной,
Множеству пренесчётну тому, окружающу насъ всѣхъ.
Впрочемъ, Миръ межъ ними и - на́ми сталъ - о́чень быть-тру́денъ.
Мы не можемъ оставить имъ всѣ оные Башни,
Безъ подверженiя насъ всегдашнимъ оныхъ Набѣ́гамъ;
Да и-они́ почитаютъ тѣ за-твердыни прекрѣпки,
Здѣланны ради того отъ насъ, да ихъ порабо́тимъ.
Менторъ такъ на-сіе́ отвѣтствовалъ Идомене́ю:
Мудрый ты-Ца́рь, и хощешь, да-су́щая Истина будетъ
Словомъ тебѣ являема, безъ умягченiя всяка.
Ты не-изъ-сла́быхъ тѣхъ Людей, которы боятся
Оную видѣть всю, не-имѣяжъ силы къ поправѣ,
Употребля́ютъ власть на - защи́ту погрѣшностямъ многимъ,
Кои могли они неразсудно прежде содѣлать.
Знать изволь, посему, что-Наро́дъ сей Ва́рваръ, Невѣгласъ,
Дивное подалъ тебѣ наставленiе мудрой поступкой,
Что пришелъ онъ самъ просить не лѣностно Мира.
Требовалъ онъ сего у-тебя́ за Сла́бость-ли нѣку?
Мужества нѣтъ ли въ немъ? на-тебя́жъ къ восстанiю средствiй?
Видишь, что-о́нъ достаточенъ всѣмъ: онъ къ Бра́нi привыченъ,

И подкрѣпляемъ еще Сосѣдей премножествомъ страш
ныхъ.
Нынѣ за-чѣмъ-же его не слѣдуешь Мѣрности хвал
ной?
Стыдъ безсѣльный, притомъ еще и ложная Слава,
Вергли тебя въ сіе Злополучіе бѣдъ и-напастей.
Ты боялся содѣлать врага пребезмѣрно спесива;
А не-боялся содѣлать его преизбыточно сильна,
Соединеніемъ на себя Племенъ толь-несмѣтныхъ.
Сіи Башни на-что, которы толико ты-славишь,
Тѣкмо-какъ чтобъ твоимъ Сосѣдямъ погибнуть к
нечно,
Иль чтобъ-тебѣ самому отъ нихъ пропасть-же сл
ряе,
Предберегущу себя отъ близкаго мнѣніемъ рабст
Башни ты поставилъ тѣ на-твою безопасность;
А отъ Башенъ сихъ и-находишся въ бѣдствѣ тол
комъ.
Крѣпкая сама стѣна Государству есть, Справедл
вость,
Добрая Вѣрность, Умѣренность, и претвердa Б
дождность,
Коя въ Сосѣдяхъ есть, что-отнюдъ не хочешь и-мы
лить,
Да завладѣешь у-нихъ чрезъ-твое хищеніе Земли.
Падаютъ Стѣны вдругъ отъ разныхъ ключеній и
запныхъ:
Не постоянна [1]) Тухія всегда бываетъ на-Брани;
Но Любовь и-Надежность твоихъ Сосѣдей око
ныхъ,

[1] Фортуна.

Если они узнали въ тебѣ умѣренность точно,
Дѣлаютъ Область твою всегда быть не побѣдиму,
И никогда почитай еще невоюему также.
Буде когда нападетъ на-нея́ Сосѣдъ не-по-Пра́вдѣ,
Прочіи всѣ, хотящіи быть ей цѣло невредной,
То́тчасъ и-друго́ъ за-нея́ ополчаются и защищаютъ.
Столькихъ подмогой Племенъ, находящихъ точную
пользу.
Въ томъ, да-твою́ соблюдутъ, усилишся ты наболѣй,
Нежели Башнями, зло отъ-кото́рыхъ твое неис-
цѣльно.
Ежелибъ спе́рва уйти отъ-Сосѣдняя зависти вздумалъ;
Тобъ твой-начи́нающійся Градъ процвѣталъ въ благо-
счастнѣйшемъ Мирѣ,
И тыбъ былъ Судія Есперіи́скимъ всѣмъ-симъ На-
родамъ.
Нужъ, теперь поправлять потщимся Будущимъ
Прошло.
Началъ-мнѣ сказывать ты, что-на-Бре́гѣ семъ оби-
таютъ
Еллински разны Усадьбы, Селеніемъ собственнымъ
кажда.
Сіи Народы тебѣ помогать, мню, не отрекутся:
Не позабыли они, по-вели́кому Имени точно,
Ни Мино́я Зе́всова Сына, ниже́ совокупно
Собственныхъ и твоихъ трудовъ при-оса́дѣ Троян-
ской,
Гдѣ ты-себя́ отмѣнялъ многократно, также и-сла́в-
но,
Межъ Ахейскими всѣми, бывшими тамже, Князя́ми,

Въ общей Войнѣ отъ-всея́ нанесенной Тевкри́ицам
Еллады.
Для́чегожъ ты, при случаѣ семъ, прилѣжно и
тщи́шися
Всѣ-тѣ къ твоей сторонѣ привлещи Елладски Усадь
Всѣ тѣ, Идомене́й отвѣщалъ, возпламѣрилась твер
Не стоять ни-за-ту́ страну, ниже́ за-другу́ю.
Не для-того́жъ, чтобъ имъ не-имѣть усердія нѣка
Мнѣ помощи́; но-что-Сла́ва, съ нача́ла больша́я б
мѣрно
Города нашего, ихъ привела въ устрашеніе много
Гра́іи [2]) сіи, пора́вну другіи также Народы,
Всѣ убоялись, да - мы не - лиши́мъ ихъ Вольно
сладки.
Всѣжъ возмнили, что-ка́къ покоримъ мы Ва́варо
горныхъ;
То понесемъ и далѣе мыжъ Властолюбіе наше:
Вкратцѣ сказать, всѣ на́все намъ суть здѣсь сов
тивны.
Сами и-тѣ, не воюютъ которы проти́ву-насъ явно
Всѣ желаютъ паденія намъ, и-сего́ всеконечна;
За́висть-же ни одного Союзника не оставляетъ.
Странная крайность! еще предпріялъ такъ М
торъ вѣщая;
Мо́щнѣйшій быть хотяй, си́мъ мощь твою сок
шаешь:
Внѣ-ты когда ненавистно воззрѣлище Страха Со
дямъ;
Внутрь тогда изнуряешь себя усильствіемъ къ бр
О! несча́стливъ Идомене́й, и-сугу́бо несча́стливъ,

[1] Трояне. — [2] Греки.

Коего бѣдствіе не научило, какъ-то́кмо что-вно́лы.
Надобноль пасть вторично тебѣ, дабы научиться
Предусмотра́ть грозящее Злo Царямъ величайшимъ?
Во́лю-мнѣ дѣйствовать дай; разскажижъ самъ токмо подробно,
Ко́и-суть Грады Елладски, съ тобой не-хотя́щи дружиться?
Градъ Тарантъ, отвѣщалъ Царь, есть изъ оныхъ Начальный;
Онъ построенъ, уже́ тому три года, Фалантомъ.
На́бралъ въ Лако́ніи сей премногое множество Юношъ,
Тѣми рожденныхъ женами, которы своихъ позабыли,
Въ брань продолжавшуся ту при-оса́дѣ Тро́ѣ, Супруговъ.
Сіи когда возвратились; то-и́хъ жены постарались.
Ласкою всѣхъ утолить, и-согрѣшшими имъ не-явіться.
Юность [1]) та многолюдна, рожденна безъ-бра́ка законна,
Больше не-зна́я себѣ ни-Отца́ ни Матери купно,
Жизнь самовольну вела, и-еще́ самовольну безъ-мѣры.
Строгость Уставовъ бесиутство ихъ унала́ таковое.
Всѣ пристали къ Фала́нту они, Предводителю смѣлу:
Не устрашиму, притомъ и-весьма́ еще властолюбну,
Хитростьми и привлекать сердца́ умѣюпцу крайно;
Прибылъ на-сіи онъ брегъ съ Лаконі́йцами юными тѣми:
Здѣлали сіи вторый здѣсь Лакедемо́нъ изъ-Тара́нта.

[1]) *Парѳеніане.*

По съ другія страны Філоктѝтъ, великую Славу
Толь пріобрѣтшій себѣ на той осадѣ Троянской,
Тѣмъ что-принесъ туда подъ градъ Ираклі
Стрѣлы,
Въ близости сей-же воздвигъ Петілійски высо
Стѣны;
Подлинно мѐньшій градъ, но правимый лучше
ранта.
Мы, наконецъ, и Градъ Метапóнтъ здѣсь блиско
имѣемъ,
Нéсторомъ мудрымъ съ Пуляны онаго, крáсно
дáнный.
Какъ же, Ментóръ еще, въ Есперíи, Нéстора в
ешь,
А не-умѣлъ его къ своймъ преклонѝть-ты-здѣсь по
вамъ?
Нéстора, видѣвша много тебя разяща [1]) Дардáнц
Съ коимъ еще пребывалъ всегда въ дружелюбіи
номъ?
Дружбы лишенъ я тоій, рекъ Идоменéй отвѣщая,
Сихъ ухищреньми Людей, по имени Вáрваровъ то
Способъ они нашли, его такъ удостовѣрить,
Будтобъ хотѣлъ я быть Тиранномъ здѣсь въ Есп
Выведемъ мы его изъ-обмáна, сказáлъ-на-то Мент
Видѣлъ его Телемахъ въ Пулóнѣ, прéжде-нежъ
быт
Онъ сюда селить свою преведенну Усадьбу,
Прежде еще путешествій и-нáшихъ искать Одс
Онъ не могъ позабыть Троя того, и-ни-также

[1] Троянъ.

Знаковъ Любви, къ любезнымъ сыну его Тилемаху.
Но исцѣлить недовѣренность въ немъ, есть дѣла Гла-
зиза.
Данными страхи Сосѣдямъ твоимъ брань-сія воспа-
лилась;
Страхомъ развѣянными всѣхъ погаситься она и-возмо-
жетъ.
Я повторяю еще: мнѣ дай ты дѣйствовать волю.
Идоменѣй по семъ, обнимая Ментора крѣпко,
Сердца въ умильность пришелъ, и-не могъ проглаго-
лать ни-слова.
Но наконецъ на силу изрекъ таковые-онъ рѣчи:
О! Престарѣлый и-мудрый Мужъ, присланный Бо-
гами
Всѣ пороки мои, съ погрѣшеньми моими, исправ-
вить.
Я признаюсь, что-меня раздражилъ всякъ-другій-бы
конечно,
Ктобъ мнѣ смѣло такъ говорилъ, какъ ты, хоть-и-
правду;
И признаюсь, что-единъ меня ты токможъ прекло-
нишь
Мира къ исканію: ибо намѣрился я иль-погибнуть,
Иль побѣдить моихъ конечно всѣхъ Супостатовъ.
Но справедливо, твоимъ повѣрить паче Увѣтамъ
Мудрымъ толико, нежель моей послѣдовать Страсти,
О блаженъ Тилемахъ! ты-отнюдъ заблуждать не-воз-
можешь,
Какъ то я, долгого-что Вождя толика имѣешь.
Менторъ! Дѣлай какъ-хощешь: въ тебѣ есть Божеска
мудрость.

Ей! Паллада сама́ никогда подать есть-могу́ща...
Лучше сих, ниже́ и-спаси́тельных паче, Сове́тов.
Ну, поиди́, обѣщай, заключай, отдава́й-все что-
на́ше:
Идоменей подтвердитъ Дѣла́ тобой учрежденны.
Въ ихъ разсужденіи семъ, услышаны всѣми внезапу:
Стукъ глухій Колесницъ, зыкъ, и-ржа́нія Конска, и-ку́пно
Четверонóжна копыта что-тóпотомъ По́ле-все воетъ;
Стра́шный-же шумъ человѣческъ, и-тру́бныи гласы весь-во́здухъ
По́лнящи звукомъ проразистымъ и бранноносным прегрозно.
Вскликнуто, вотъ Непріятели адѣсь обшедшіи кру́гомъ,
Чтобъ миновать имъ Хóды Путей стрегомыхъ прекрѣпко:
Вотъ всѣ и́дутъ они подъ-Сала́нтъ съ осадою сильно.
Старыи Мужи и-Же́нскій полъ вдругъ ужа́сшися врятся.
Ахъ! почтобъ оставлять, говорили, Отчизну любезну,
Тотъ плодоносныи Критъ, и-съ-Царе́мъ злоча́стнымъ-симъ ѣхать,
Толь по многимъ Моря́мъ къ поставленію новаго Града,
Кой обратится въ пепелъ и-пра́хъ не вдолгѣ какъ-Тро́я?
Видимы были съ верьху Стѣнъ, построенныхъ ново,
Въ по́лѣ обширномъ, блестящи отъ-Со́лнца Шлемы съ бронями,

Также Щиты непріятельски; всéжъ-то глазá помрачало.
Видимъ былъ и Копій тынъ, покрывавшій всю-Зéмлю,
Какъ покрывается та густóю Жатвою Клáсовъ,
Кою готовитъ [1]) Гимúтра на-нúвахъ Сікáнскія Енны,
Лѣтней порóй, въ награду за-всѣ труды Земледѣльцу.
Были ужé усмотряемы тутже и Колесницы,
Вооружéнны сѣкущими Кóсы; притомъ и-отлúчно
Видѣлся каждый Народъ, исшедшій на-брáнь смертоносну.
Менторъ, восшедъ на-высóкую Башню, да-лýчше ихъ-вúдитъ,
Сталъ; и-очáми Полкú Мантурíйски зерцалъ [2]) онъ окрестъ!
Ідоменéй съ Тилемахомъ, за-нúмъ послѣдовалъ вскорѣ.
Менторъ, смотрѣніемъ тѣмъ, вдругъ-съ-однóй страны и-увúдѣлъ
Тутъ Філоктúта, съ другой же Нéстора купно и-съ-Сыномъ,
Именемъ сей Пісістрáтъ отъ всѣхъ нарицаемый обще.
Нéсторъ удобно познáнъ по старости вѣка мастúта.
Какъ то? Менторъ взгласилъ, о Ідоменéй! ты-такъ-вѣрилъ,
Что Філоктúтъ и Нéсторъ себѣ за-довóльно пріяли
Токмо, Тебѣ не-подáть чтобъ пóмощи къ дѣлу набрáни.
Сежъ они и-восстáли еще на-тебя́ ополченно:
И, то правда когда, Полкú вотъ сíи другіи,
Идутъ которы толь порядочно, тóль-же и-тúхо,

---

[1] Церера. — [2] Трохейскій.

Лакедемо́нски суть Полки́, ведо́мы Фала́нтомъ.
Все и всѣ на-тебя́! Ніедина нѣтъ и-Сосѣда
На семъ Брегѣ, которагобъ ты Врагомъ не-содѣлалъ
Зѣльнымъ себѣ, хоть и не-жела́лъ Супоста́тъ-онъ да-
бу́детъ.
Рекъ, и-снисхо́дитъ спѣшно Ментóръ съ оныя
Башни.
Идетъ къ вратамъ градски́мъ, къ которымъ враги
приближались.
Тѣ повелѣлъ отворить; а Идоменéй, удивляясь
Много Величеству, онъ съ каковымъ то дѣйствовалъ
бодро,
И спросить не-дераéтъ, какой намѣрокъ имѣетъ.
Ментóръ, никтобъ не слѣдовалъ съ нимъ, даéтъ-знакъ
рукою.
Самъ грядетъ къ Непріятелямъ, преудивúвшимся
странно,
Что одного Человѣка зрятъ къ себѣ приходяща.
Падали имъ показалъ вѣтвь Мáсличну, Мира во-Знáмя:
А когда подшóлъ-такъ что-мóгъ отъ оныхъ быть-
слышимъ.
Тo ихъ-проси́лъ, собрать Вождéй всѣхъ въ Воинствѣ
Главныхъ.
Тóтчасъ, какъ-тѣ собрались, вѣщалъ имъ Рѣчь тако-
вую.
О! вседушны Людіе, толь отъ многихъ Народовъ,
Кои цвѣтутъ именами въ богатой сей Есперíи;
Вѣмъ-васъ пришедшихъ сюда по-всеóбщей къ Воль-
ности пользѣ.
Ревность вашу хвалю; но-позвóльте, да-я́ вамъ-пред-
стáвлю

Легкое средство къ храненію Вольности той вождѣнны,
Также и-Слáвы Народовъ всѣхъ, безъ-пролúтія крови,
Несторъ, о-мýдрый Несторъ, котораго усмотрѣвáю
Въ семъ Собранiи, ты изволишь знать совершенно,
Коль Воiна смертоносна есть и сáмымъ-тѣмъ Людямъ
Кои ея начинаютъ съ сущею правдою дѣла,
И совокупно еще съ Богóвъ покровительствомъ явнымъ.
Брань, величайше изъ-всѣхъ золъ есть, которыми Боги
Преудручáютъ, по-сúлѣ Судебъ своихъ, Человѣковъ.
Ты позабыть отнюдъ того никогда не-возмóжешь,
Грáiи что, и-колúко чрезъ-дéсять лѣтъ претерпѣли,
Стóя Осадой всѣ подъ-несчáстнымъ Градомъ Троянскимъ.
Что за-раздóры между Вождáми Главными Еллинъ!
Что за странна и-мнóга еще самонравность Тухíи!
Что за-убíiство Нелáстамъ мышцею Ектора сúльна!
Чтó-то ктомужъ за-несчáстiя и во-Градáхъ-всѣхъ словутыхъ,
Бывшiя отъ Воiны Царей ихъ въ долгу небытность!
Но въ возвратъ, потопли одни при-горѣ Кафарéйской;
А другiи Супружницъ на-Лóнѣ смертiю згибли.
О Превыспренни! такъ посему, вы въгнѣвности вашей
Вооружúли на-тóтъ Походъ все Племя Ахейско!
О Есперíiски Народы! Прошу Богóвъ милосердыхъ,
Вамъ не-подáть никогда Побѣды толь смертоносны.
Трóя ужé Пепелище одно, то сущая правда;
Но полéзнѣй-бы Грайямъ, чтобъ-въ-слáвѣ ещé-та стояла,

И чтобъ-негóдный Пáрисъ наслаждался Еленой бес
честно.
Тыжъ Філоктúтъ, долговременно толь въ злоключ
ченíяхъ бывый,
И оставленный такъ отъ всѣхъ на островѣ Лемнѣ,
Не убоишсяль подобны найти на Брáни подобной?
Вѣмъ, что-Лакóнски Народы Сиятенія также терпѣли
Бывшія отъ долговременна толь отъ дому отсутства
Ихъ Князéй, Полководцевъ, и-Вóиновъ такожде храб
рыхъ,
Всѣхъ-же пошедшихъ тогда на Брань противу Тев
крíйцовъ.
О! вы Еллины, кои прешли сюда въ Есперíю,
Вы прешли всѣ-въ-ней по-причúнѣ токмо Несчастíй
Бывшихъ Послѣдствами отъ Троянскія оныя Брáни
Такъ пронзрекши, Менторъ пошелъ въ близь к
Пулáпамъ тамо;
Да и Несторъ, узнавъ его, подступúлъ-же поближе
Радуюсь, Менторъ! тебя, вѣцáлъ-онъ, увидѣвши
паки.
Много прошло-лѣтъ, какъ-вúдѣлъ тебяжъ первокра
но въ Фокíдѣ;
Былъ-ты пятнатцати лѣтъ еще, и-тогдá я-предв
дѣлъ,
Что ты будешь толико мудръ, колико ужъ-нынѣ.
Но по-какóму въ сíи мѣстá ты случаю прибылъ?
Средства какіяжъ твои къ сего окончанію Свара?
Идоменéй на-себя́ къ нападенію всѣхъ-насъ принудил
Мы не-желáли всѣжъ какъ токмо единаго Мира.
Каждый изъ-нáсъ, желать тишины былъ въ крáй
нѣйшей нуждѣ:

Но не-могли́ отъ-него́ мы больше быть безопасны.
Онъ нару́шилъ свои обѣщанія ближнимъ Сосѣдамъ.
Миръ съ нимъ быть, посему, не-возмо́жетъ Миромъ надежднымъ:
Сей послужитъ ему, Союзъ нашъ токмо разсыпать,
Нынѣ который намъ едина единственно по́мощь.
Всѣмъ показалъ Племенамъ другимъ властолю́бный-онъ замыслъ,
Чтобъ конечно привесть ихъ всѣ работы подъ-и́го;
Та́къ-что не-мо́жно ничѣ́мъ-намъ защи́тить Вольности нашей,
Токмо какъ низложи́ть-бы того заведе́нно-вновь Царство.
Насъ вѣроломство его принуждаетъ, да-на́ми погибнетъ,
Иль да-воспріи́мемъ отъ Самого яре́мъ-всѣ поддантства.
Если обрящешь средство, ему возмогли́бъ-мы повѣрить,
И обнадѣяться твердо на-Ми́ръ, поставленный прямо;
То всѣ-Наро́ды здѣсь оружіе вергнутъ охотно:
Да и въ радости сущей мы призна́емъ отъ-се́рдца,
Что ты въмудрости насъ за-собо́й оставляешь далече.
Менторъ ему отвѣщалъ на-сіе́: о му́дрѣйшій Несторъ!
Знаешь, что-мнѣ Одиссей Тилемаха сына повѣрилъ.
Юноша сей горя́ познать Родительску участь,
Прибылъ къ тебѣ въ Пило́нъ, воспріятъ гдѣ та́къ-онъ Тобою,
Какъ могъ чаять Отцу своему отъ вѣрнаго дру́га:
Да́лъ-ты, его проводить, твое и Чадо любезно

Онъ предпріялъ потóмъ Путешествія моремъ далéки
Былъ въ Сикелíи, въ Егúптѣ, въ островѣ Кúпрѣ, и
въ-Крúтѣ.
Вѣтры, иль-Бóги паче на-сéй-Брегъ его изсадили,
Онъ когда желалъ плова возвратиться въ Іѳаку.
Прибыли мы сюда ко времени, какъ усмотряю,
Да отведемъ всѣхъ васъ отъ Брáни прекроволúтны.
Ужъ не Ідоменéй; да Сынъ премýдра Одúсса,
Также и-я́ споручаюсь во-всéмъ, обѣщáнно что-бý
детъ.
Менторъ когда говорилъ такъ съ Несторомъ в
Войскѣ Союзномъ;
Ідоменéй тогда, съ Тилемахомъ и-Крúтяны всѣми,
Стóя арилъ на-него́ съ высоты Стѣнъ Града Салúнта
Тамъ примѣчали, онъ-Мéнторску рѣчь какъ ту вос
пріиметъ,
И желалибъ слышать притомъ обоихъ Престарѣлыхъ
Несторъ слылъ всегда Царемъ въ Дѣлахъ преискус
нымъ,
И пресловеснымъ Царемъ еще, изъ-Царéй-всѣх
Елладскихъ:
Онъ укропцалъ единъ, подъ Троéю во-врéмя Осады,
Пылкій Ахíлловъ гнѣвъ, Спесь въ Агамемнóнѣ чре
мѣрну,
Въ Аíясѣ всю свирѣпость, Стремительствожъ и в
Діомúдѣ.
Сладкое слово изъ-устъ его всегда истекало,
Рáвно-какъ нѣкíй токъ Млека, иль Меда росúста.
Глась единственъ его былъ всѣмъ тѣмъ слышим
Ирóямъ:
Всѣ молчали, когда свои уста онъ-отвéрзетъ:

Токмо что-о́нъ утолять могъ въ Ставѣ разгласій не-
стройность.
На́чалъ-же чувствовать ужъ безгоду Старости хладны:
Но слова́ въ немъ были еще исполнены жара.
Онъ Бытія прошедши разсказывалъ сильно и-дѣльно,
Да премногимъ свои́мъ нау́читъ опытомъ Юность:
Всежъ разсказывалъ то благолѣпно, хоть ме́дленно
нѣкакъ.
Сей, престарѣлости толь маститыя, Мужъ препоч-
тенный,
Въ крайнее бывъ удивленіе всей повсюду Елладѣ,
Тутъ показался лишенъ своея Словесности цѣлы,
Такожде и всего своего Величества бо́дра,
Чуть лишъ-яви́лся Ментор съ нимъ собесѣдуяй вкупѣ.
Старость его увядша при-Ме́нтора Древности зрилась,
Коего къ крѣпости Силъ Ветшаніе какъ не-косну́лось.
Менторски всѣ Слови́, хотяжъ и важны и-про́сты,
Были живы однакъ, и власть совершенну имѣли,
А другому сего ужъ не доставало всемѣрно.
Все что-вѣща́лъ, то Кратко, Точно, было и Тве́рдо.
Онъ никогда ужъ не повторялъ изглаголанна Словомъ;
И никогда не-вѣща́лъ, какъ токмо что-ну́жно для-
Дѣла.
Если былъ принужде́нъ говорить объ-одно́й не-од-
на́жды,
Чтобъ впечатлѣть вещь паче, и-па́че удостове́рить;
То всегда изъяснялся окру́гами новыми Рѣчи,
Употребля́я притомъ Подобій чувствительныхъ о́б-
разъ.
Было еще Снисходящее въ немъ и-Весе́лое нѣчто,
Онъ когда хотѣлъ Другихъ соотвѣтствовать нуждамъ,

И вперить въ глубину ихъ Разума Истину вѣку.
Обажъ тѣ Человѣка, толь досточтимы помногу,
Были въ унильное Зрѣлище тутъ предстоявшимъ Народамъ.
Всѣ когда Союзники тѣ, супостаты Салáнту,
Ихали другъ-друга тѣснясь, да-ближáе-ихъ видѣть возмогутъ,
И да-услышатъ мудрые тѣхъ бесѣды взаимны;
Идоменéй тогдажъ, да-и-всѣ ему Подчиненны,
Силились всяко узнать, своими алчными взоры,
Взоры своими еще напряжéнными въ óстру вперенность,
Что могли означать движенія частыя оныхъ,
Что разверстія рукъ, что разны обратности тѣла,
И наконецъ, что видъ Лицá въ измѣненіяхъ скорыхъ.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТЫЯ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ, видя Ментора посредѣ Союзниковъ, хочетъ вѣдать о происходящемъ между ними. Велитъ себѣ отпереть и отворить ворóта Салантінскія, приходитъ къ Ментору, а прибытіе его и поспѣшествуетъ попремногу, къ воспріятію Союзникамъ Мирныхъ Завѣтовъ, кои тотъ предлагалъ отъ Ідоменея. Цари, какъ ужé Пріятели, вступаютъ въ Салантъ. Ідоменей воспріемлетъ все что поставлено. Даются взаимно съ обѣихъ сторонъ Аманаты; да и приносится общая жертва между Градомъ и Станомъ, въ подтвержденіе того Союза.

Тѣмъ между Тилемахъ, въ нетерпѣніи весь пребывая,
Отъ окружавша Людства его отлучается тайно.
Идетъ къ онымъ вратамъ, которыми вышелъ и-Мéнторъ:
Сіи велѣлъ себѣ отверзть, и-велѣлъ самовластно.
Вскорѣ Ідоменéй, при-себѣ быть-егó помышлявый,
Зритъ дивясь Того текуща срединою Пóля,
И приходяща ужé тамъ въ сáмую къ Нестору близость.
Несторъ его узнаéтъ, и-спѣши́тъ, но шагомъ тяжелымъ,
Самъ предусрѣсть хотяй, и-приня́ть идуща достойно.
Ринулся тутъ Тилемахъ на выю къ Мужу почетну,
И объемлетъ крѣпко того не-вѣщáя ни-слóва.
Но наконецъ вопіетъ: о мой Отецъ предражайшій!
Я нарицать тебя такъ не сомнѣваюсь ни-мáло:
Злое счастіе, что не-найдý Родителя тóчна,
Благостижъ всѣ, въ избытокъ мнѣ явлéнны Тобою,

Милымъ имéнемъ звать тебя позволяютъ по-пра
О мой Отéцъ! Дражáйшій Отецъ! Тебя-зрю-я н
О да яжъ возмогу съ Одиссеемъ свидѣться рáвн
Если что-мóжетъ меня, лишенна того, вдѣсь-утѣ
То что-въ-тебѣ Самого того зрю нынѣ Другаго
Несторъ, слыша сіе, не могъ отъ слезъ удержа
Да и тайную радость имѣлъ, что такожде видѣл
Слéзы тещи́ съ благолѣпіемъ по Тилемаха лани
Тутъ Красота, Умильность; притомъ благо
Осанк
Юнаго, и незнакóма сего, безопасно ходяща
По непрiязнымъ Полкáмъ, Союзниковъ всѣхъ уд
Иль то Сынъ, говорили они, Престарѣлаго Му
Кой пришелъ и вступи́лъ въ разговоры съ Несто
нашим
Подлинно, тожъ Благомудріе въ лѣтахъ неисход
толи
Въ семъ онó прекрасно еще процвѣтать начин
Не по-годáмъ-же и-у́мъ проявляя и-мýжествен
мысл
Въ томъ произноситъ ужé плоды въ изобилiи
Ментóръ, обрадованъ бывъ что въ Несторѣ
сердолюбнос
Онъ съ каковою прiялъ къ нему Тилемаха при
Въ пользу употреби́лъ сію расположность изр
Се, говорилъ ему, сынъ-Одиссовъ, Елладѣ люб
И любезный только тебѣ, о мýдрѣйшій Несто
Се́-онъ, тебѣ его отдаю какъ-залóгъ драгоцѣн
Въ вѣрности Идоменéевыхъ всѣхъ обѣщанiй
ны
Можешь Самъ разсудить, что-отнúдъ я не по

Гибель Сыновня послѣдствомъ была̀бъ по-Отцо́вой утратѣ;
И Пинелопабъ несчастная Ментора преукори́ла,
Какъ пожертваго Сына ея властолюбію а́лчну
Новаго здѣсь Царя Салентійска, гра́дъ-сей заведша.
Съ симъ зало́гомъ, пришедшимъ къ вамъ собо́й добровольно,
Коего также и-Бо́ги, Любители Мира всегдашни,
Я́вно прислали теперь, уже́ я сомъ начинаю,
О! вы Людіе, со́бранны толь отъ многихъ Наро́довъ,
Вамъ представлять Предложенія въ вѣкъ о [1]) Мирѣ твердомъ.
Мира отъ-и́мени шумъ глухій по-ряда́мъ-всѣмъ услышанъ.
Всѣ различныя тѣ Племена скрежетали отъ-гнѣва,
Мнящи что-тра́тятъ время свое невступле́ніемъ въ битву:
И помышляли, что-всѣ разгово́ры-тѣ были нарочно,
Чтобъ устудить въ нихъ жаръ, и-отня́ть Корысть-ихъ надежду.
Болѣе всѣхъ Мантуи́йцы сносили не терпѣливно,
Что и-еще́ ихъ Идомене́й обмануть уповаетъ.
Часто они порывались прервать у Ментора рѣчи:
Ибо весьма опасались, да-му́дры толико бесѣды.
Не преуспѣютъ отъ-ни́хъ отвесть Союзниковъ ихъ же.
Начали ужъ не-довѣривать бывшимъ Еллинамъ въ зборѣ.
Менторъ, сіе ощутивъ, поспѣшилъ недовѣрность умножить,

[1]) Трохе́йскій.

Чтобъ въ сердца́ Несогласіе всѣхъ тѣхъ вкинуть Народовъ.
Я признаваю, вѣщалъ, что Мантурія́нцамъ причина
Къ жалобамъ есть, и-чтобъ-тре́бовать имъ удовольствія нѣка
За вреды, и-оби́ды всѣ, претерпѣнные ими;
Но не праведно также́де есть, чтобъ-и-Ели́ны, кои
На Кряжѣ́-семъ живутъ Усадьбами, были подзорны,
И ненавистны всѣмъ Земли́ сея́ж Старожиламъ.
Должно, впреки́, межъ-собо́й быть Гра́іямъ соединѣ́нными,
И дознавать къ себѣ́ отъ-други́хъ презрядны поступки.
Надобно только имъ пребывать умѣренными всяко,
И никогда у-свои́хъ земли́ не хитить Сосѣдей.
Знаю, что-Идомене́й, по-несча́стію, страхъ причинилъ вамъ;
Но легко́ исцѣлить всѣ въ васъ Недовѣрности сущи.
Самъ Тилемахъ, и я, мы-у-ва́съ Сослага́таи [1]) будемъ,
Преспоручая́сь объ-Идомене́евой Вѣрности доброй.
Мы пребудемъ въ вашихъ рукахъ, доколѣ исправно,
Купно и-вѣрно, все исполнится вамъ Обѣщанно.
Больше всего, возгласилъ, раздража́етъ-васъ, о! Мантурійцы,
Критскіи что Полки́ захватили ваши доро́ги
На горахъ у васъ невнача́й, и са́мымъ-тѣмъ средствомъ,
Могутъ способно входить противу вашея воли,
Толь почасту, коль Самимъ имъ будетъ угодно,

---

[1]) Амапаты.

Въ землю, въ которую вы отъ нихъ удалились нарочно,
Имъ да-оста́вите Гладкую, на брега́хъ что при-Мо́рѣ.
Тѣ Доро́ги, которы отъ-Кри́тянъ еще укрѣпле́нны
И высокими башни, исполнь Людей ополченныхъ,
Суть, посему, Причина истинна вашея Бра́ни.
А Вина́-сей, извольте повѣдать, е́сть-ли другая?
Главный тогда у Мантуріа́нцовъ вышедъ вѣщалъ такъ:
Мы чего не-содѣлали, да отъ бра́ни убѣгнемъ?
Боги Свидѣтели намъ, что не отрекли́сь-мы отъ-Ми́ра,
Какъ тогда, когда убѣжалъ Миръ-отъ-на́съ невозвратно,
И Властолюбіемъ Критянъ тѣхъ беспокойныхъ толико,
И приведеніемъ насъ въ невозможность болѣе вѣрить
Клятвамъ ихъ, коль ни утверждаемымъ всѣми Бога́ми.
Родъ безумный! приведшій насъ, по-великой неволѣ,
Крайно Отчаянныхъ на себя подняться Войною.
И безопасства иска́ть-намъ въ его погибели смертной.
Сіи Доро́ги доколѣ они соблюдутъ за-собо́ю;
Бу́демъ-мы думать всегда, что Зе́мли наши похитятъ,
И что-хотя́тъ привесть насъ всѣхъ въ бесчестное рабство.
Еслибъ правда, чтобъ-то́кмо хотѣли-жить въ Мирѣ съ Сосѣди,
Тобъ они отъ насъ устуи́пленым были довольны:
Но восхотѣлибъ хранить и Входовъ въ землю такую,
Коеябъ не имѣли на-Во́льность злыхъ помышленій.
Но не знаешь ты-ихъ, о Мужъ Престарѣлый и-му́д-

Крайнимъ Несчастіемъ знать мы ихъ научились и
Сами.
Такъ престань-же, о-Мужъ Богами толико любимый!
Ты въ замедленіе брань приводишь справедливу и
нужну,
Миръ безъ-которы не-можетъ надежденъ быть в
Есперіи.
О родъ не благодарный, лестный, жестокій, строп
тивый,
Гнѣвными зѣльно къ намъ который присланъ Богами
Въ насъ покой помутить, и въ казнь за нашихъ по
роки!
По наказаніи, о-Боги! насъ за насъ-же отмстите:
Будете вы ко-врагамъ не мнѣе, коль-къ-намъ прав
судны.
Ты сохранишь Дій, самъ-Ты соблюдешь насъ-отт
рода сего въ вѣкъ!
Рѣчь на-сію весь Сонмъ показался пришедый в
подвижность:
Видѣлось, что съ [1]) Ерінніей Арисъ [2]) бѣгалъ ря
дами,
Ярость во-всѣхъ сердцахъ распаляя къ сраженій
грозну,
Кою въ нихъ утушить всеконечно Ментеръ старался
Паки вѣщать предпріялъ-онъ, то-видя, сими словами
Ежелибъ я прекланялъ единственно васъ обѣ
щаньми;
Тобъ возмогли благословно вы отрещись и-не-вѣрити
Но приношу достовѣрны-вамъ вещи, теперь всѣ-го
товы.

[1] Беллона. — [2] Марсъ.

Если въ залогъ не-хотите имѣть Телемаха со-мною;
То лисятцать дадутся вамъ Человѣковъ изъ-Крита́нъ,
Презнаменитыхъ явѣ Людей, и тѣхъ-же прехрабрыхъ.
Праведно также́е есть, чтобъ-и-вы [1]) Сослага́тасъ дали:
Пбо Идомене́й желая искренно Мира,
Мира сего желаетъ безъ-стра́ха и-по́длости всяки.
Мира желаетъ онъ, какъ сами того́-вы желали,
Смиренному́дріемъ, и отъ скромныя мѣрности ра́вно,
А не къ жизни преѣжной съ любви, иль съ слабости нѣки,
Види напасти, которыми Брань ему угрожаетъ.
Онъ погибнуть готовъ, или побѣдить всеконечно:
Но Миръ предпочита́етъ онъ и-пресла́вной Побѣдѣ.
Стыднобъ было ему, страшиться быть побѣжде́ну;
Но боится онъ, да-не-ка́къ не праведенъ будетъ:
Та́къ-что исправить свои погрѣшности онъ не-стыди́тся.
Вамъ ополченною Самъ Десницею Ми́ръ-сей привеситъ;
А положить надменно Завѣты не изволяетъ:
Ибо присильный всякій Миръ ни во́что не-ста́витъ.
Миръ желаетъ, которымъ Соперникибъ были довольны,
Кой бы зависти всѣ окончалъ, и о́стры досады,
И кото́рый-бы всѣ исцѣлилъ недовѣрности въ сердцѣ.
Словомъ, Идомене́й имѣетъ мысли такіе,
Сами ему каковыбъ имѣть, какъ знаю, желали:

[1] Амапатовъ.

Надобно токмо о-сём васъ точно удостовѣрить.
Удостовѣрить-же васъ не будетъ трудности мнѣйшія
Ежели вы послушать словъ моихъ восхотите,
Съ сердцемъ прямо безстрастнымъ, и-всѣмъ спокойствіемъ Духа.
Слушайтежъ, о Народы исполнены мужества храбра!
И вы мудрыи толь Вожди, и-толи́ко союзны!
Слушайте, что обѣщаю вамъ отъ Ідоменѣя.
Не справедливо, входить ему въ Сосѣдніе зе́мли;
Не справедливо, ходитьи-Сосѣдямъна-Зе́мли Царевы
Хощетъ, да-Ба́шни высокими тѣ укрѣпленныи входы
Будутъ хранимы всегда посреднихъ Воинствъ Полка́ми.
Несторъ, и-ты́ Філоктѝтъ, вы Еллины рода началом
Но при случаѣ семъ на Ідоменѣя восстали:
Такъ ему благосклонныхъ быть-лу́чше-васъ, нижневозможно.
Вамъ нужна́ есть общая польза Мира и-Во́льность:
Будьтежъ вы Са́ми Стра́жи путей, виновныхъ сей Бра́ни.
Вамъ не меньше пользы, не допускать всеконечно,
Чтобъ Есперѝйски Народы не разорили Салѝнта,
Еллинска но́ва Селенія, вашимъ точно подобна;
Коль и не допускать, да Ідоменѣй не-возмо́жетъ
Зе́мли Сосѣдей своихъ себѣ присвоить хищеньми:
Вы равновѣсіе такъ содержѝтемежъ-тѣмъи-другѝми
Вмѣсто чтобъ Мечъ и Огнь разносить вамъ злоби въ Народѣ,
Коій любить вамъ, какъ Соплеменный, должно и

Дайте Славу себѣ, быть-Ходатаями и Судіями.
Скажете мнѣ, что-Завѣты сіи былибъ преднивы,
Ежелибъ вы могли обнадежены быть достовѣрно,
Что нхъ Идоменéй по вѣрности доброй исполнитъ:
Но теперь и въ семъ удовольствую васъ-я не-ло́жно.
Будутъ тѣ Сослага́тан [1]) во взаимномъ залогѣ,
Я о-кото́рыхъ вамъ предложилъ; а будутъ дотолѣ,
Какъ всѣ-Путя́, что въ Спо́рѣ, въ ваши ру́ки прі́идутъ.
Цѣлыя и Есперіи когда Спасеніе, также.
И самого Сала́нта, и-ку́пно Идоменея,
Станетъ во-вла́сти у-ва́съ; не будетель симъ вы-довóльны?
На кого вамъ-уже́ имѣть недовѣренность въ сердцѣ?
Пль-то на-ва́съ самихъ? Вы-не-смѣете Идомене́ю
Вѣрить, а-Идоменéй обмануть васъ толь непрекло́ненъ,
Что самого себя вамъ онъ повѣряетъ всемѣрно.
Ей! онъ хощетъ ввѣрить вамъ-Жи́знь, Спокойствіс,
Вольность,
Всѣхъ Подчиненныхъ себѣ, и-себя́ самого непрерѣчно.
Ежели правда, что-вы́ желаете добраго Мира;
Се Миръ, се и добрый Миръ вамъ-прино́сится нынѣ,
Миръ, отъемлющій всяку [2]) вину къ воспященію
пре́чну.
Я повторяю еще, не-изво́льте конечно вы-ду́мать,
Что то Идоменéя Страхъ и робость приводитъ,
Вамъ къ обѣщанію сихъ, толико полезныхъ приносовъ:

---

[1] Аманаты. — [2] Причина.

Мудрость и Справедливость къ тѣмъ его прекланя
ютъ,
Не взирая отнюдъ на-отъ-ва́съ припису́емо, не́гли [1]
Слабости то его, что дѣлаетъ за Добродѣтель.
Онъ съ нача́ла содѣлалъ здѣсь погрѣшности нѣки;
Но во славу ставитъ себѣ признаніе оныхъ,
Сими приносами вамъ, которыми васъ упреждаетъ.
Есть то Слабость, есть Величавность достойная смѣх
Есть своея Невѣжество грубое собственны пользы,
Чтобъ уповать своихъ возмощи́ утайть-всѣ Поро
Гордымъ за-ни́хъ стояніемъ, и оправданіемъ гордым
Кто согрѣшенія всѣ непріятелю самъ признаваетъ,
И обѣщаетъ за-тѣ удовольствіе са́мъ-же содѣлать;
Тотъ оказу́етъ ясно симъ, что-грѣши́ть-ужъ не-х
четъ,
И что должно всего Непріятелю зѣльно боя́ться
Отъ поступки толико Му́дры, толико и-Тве́рды,
Развѣ восхощетъ конечно съ Мужемъ такимъ пом
риться.
Бойтесь весьма попустить, да-не-въ-ря́дъ-свой о
ва́съ обвинитъ.
Если откажетесь вы отъ Мира, и-ку́пно отъ-Пра́вд
Къ вамъ приходящихъ, и-ру́ки вамъ простирающих
явно;
То и-за-Ми́ръ и-за-Пра́ву отмщеніе васъ не-минуе
Идомене́й, которому должно было боя́ться,
Здѣсь ощутитъ Бого́въ на-себя́ весьма раздраже
ныхъ,
Сихъ ощути́тъ уже́ на васъ распалившихся гнѣво

[1] Можетъ быть.

И Тилема́хъ-же и-я́, мы-Побо́рники будемъ по-
Пра́вдѣ.
Я воспріемлю въ Свидѣтелей вышнихъ Бого́въ-всѣхъ
и-ни́жнихъ,
Пресправедли́вымъ симъ отъ-меня́ Предложеніямъ
даннымъ.
Сіи слова́ окончивъ, возвысилъ Менторъ десницу,
Да предпокажетъ всѣмъ Племенамъ вѣтвь масличну
ону,
Коя въ его рукѣ была въ знакъ Мира желанна.
Главныи, зря на-него́ изблиска, чудящися были,
И отъ-заре́й, въ очахъ блиставшихъ его, омраченны.
Онъ явился въ Величествѣ, и со властію тако,
Что былъ-превы́шше всего созерцаема въ смертныхъ
Вельможахъ.
Сладость пріятныхъ и-дѣльныхъ словъ сердца́ восхи-
щала.
Были подобны они словамъ, гласимымъ чаровно,
Кои, въ глубокомъ молчаніи нощи, остановля́ютъ
Вразъ и-Луну́, и Звѣзды всѣ посрединѣ Олумпа,
Превозмуще́нны моря́ утишаютъ, во́лнъ-же и-вѣтровъ
Шумъ утоляютъ и-сви́стъ, и-тече́нію са́мыхъ-рѣкъ
быстрыхъ
Повелѣва́ютъ быть какъ-на-нѣкоемъ взвѣсѣ стоя́щу.
Менторъ былъ посредѣ Народовъ яростныхъ
оныхъ,
Какъ Іа́кхъ [1]), окруженный нѣкогда лютыми [2])
Ті́гры,
Кои, забывши свирѣпость свою́, къ нему приходили,

---

[1] *Ба́кхусъ.* — [2] Бабры.

Силою сладкаго гласа его, да ноги оближутъ,
И да-тому́ повинутся всѣ прилащеньми своими.
То́тчасъ въ Воинствѣ всемъ глубо́ко молчаніе стало.
Всѣ Вожди́ вперенно смотрили одинъ на-друга́го,
И не-могли́ отнюдъ прекословить сему человѣку,
Да и-нижде́ понять, кто былъ-онъ таковъ въ Земно
родныхъ.
Всѣ Полки́, неподвижно стоя́, глазъ-съ-него́ не-сво
дя́ли.
Всѣ не смѣли вѣщать, да-Ему́, имя-еще́ возгласящу
Нѣчто къ нимъ, быть слышиму ими Препоной не
бу́дутъ.
Хоть ничего не-нашли́ прибавить къ Сказанну Оными
Токможъ всѣ-рѣчи его преизбыточно кратки каза
лись:
Всѣбъ желали, вѣщать его долговременнѣй тожде.
Все изреченное имъ въ сердца́хъ-ихъ какъ-врѣзан
стало.
Слово вѣщавша любили всѣ, и вѣрили Сло́ву:
Каждый былъ-а́ченъ слышать тогда и-малѣйши
слоги,
Кои отъ-у́стъ его, какъ медвенный Сотъ, истекали.
Но наконецъ уже́, по-весьма́ молчаніи долгомъ,
Слышимъ быть-ста́лъ, шумъ-глухі́й, возносившійс
мало помалу.
Не́былъ то-шу́мъ отъ-Наро́довъ тѣхъ негодующих
въ сердцѣ;
Былъ, напротиву, ихъ-вре́скъ [1]) пріятный и благо
склонный.

[1] Вереск.

Зрилось на-ли́цахъ всѣхъ не́ зна́ю-что свѣтложъ и-
ти́хо.
Мантуріа́нцы, толь огорченны, всѣ ощущали,
Что оружіе ихъ изъ рукъ у нихъ выпадетъ.
Звѣрообразный Фала́нтъ, съ своими Лакедемо́нцы,
Былъ удивленъ, что-желѣза утроба его умилилась.
Прочіи со воздыхать ужъ начали Мира желая,
Имъ который былъ извѣстно показанъ не-да́вно.
Всѣхъ Філоктѣтъ чувствительнѣй, отъ испыта́нныхъ
Несчастій,
Не возмогъ никакъ отъ-проли́тія слезъ укрѣпиться.
Несторъ, не-мо́гши ни-сло́ва тутъ проглаголать въ
восторгѣ,
Менторски всѣ въ который его восхитили рѣчи,
Обнялъ сего; да-и-всѣ вдругъ тѣ Племена и-Наро́ды,
Ра́вно какъ-бу́дто къ тому былъ знакъ имъ вѣрный
препо́данъ,
Вскликнули: о благомудрый мужъ сѣдины маститы!
Насъ безоружныхъ ты творишь. Миръ! Миръ! да-вер-
шится.
Несторъ хотѣлъ начать говорить въ тожъ са́мое
время;
Но Полки́, въ своемъ нетерпѣніи, всѣ убоялись,
Да не онъ тогда представитъ нѣкую трудность.
Миръ! Миръ! вразъ возгласили еще отвсюду пре-
громко.
Было не-мо́жно отнюдъ привесть къ молчанію оныхъ,
То́кмо-какъ воплемъ отъ-всѣхъ Вождёй: Миръ! Миръ!
совершился,
Радостно то́жъ-все да-то́жъ восклицавшихъ въ игра-
ніи се́рдца!

Несторъ вря, что-вѣщáть надлежащее Слово не
мóжно,
Только сіе одно сказалъ: ты видишь, о-Мéнторъ!
Могутъ колико словá Человѣка добраго суще.
Мудрость когда, и-когдá Добродѣтель съ нею вѣ
щаетъ;
То Пристрастія всѣ онѣ утоляютъ конечно.
Праведный гнѣвъ премѣнился нашъ въ дружелюб
ность сердечну,
И въ пламенѣющи толь желанія Мира претвéрда:
Сей мы-пріéмлемъ таковъ, каковъ подается тобою.
Рекъ, и всѣ Вожди, въ знакъ-Согласія, рýки про
стерли,
Вѣрность дай и-прими, говоря, споручения [1]) длaньми
Менторъ побѣгъ ко Града вратамъ, да-отвéрзутс
оны,
И да-изыдетъ Идоменéй безъ-опáсности всяки.
Несторъ тѣмъ между обнималъ Телемаха вѣщая:
О! любезное чадо мудрѣйшаго Мужа изъ-Éллинъ,
Чадо любезно Богáмъ, велеродіе отъ [2]) Одусса!
Бýди толикожъ мудръ, желаю, а-бóлѣе счáстливъ!
Éсть-ли тебѣ объ немъ извѣстіе малое нѣко?
Память твоемъ объ-Отцѣ, ты кому точно подобен
Намъ къ утоленію здѣсь послужила нашего гнѣва.
Самъ Фалáнтъ, хотя свирѣпъ, и-жестóкъ, и-надм
менъ,
И никогда хотя не-видáлъ онъ мýдра Одусса,
Въ жалость однакожъ пришелъ о-взаймныхъ несча
стіяхъ вашихъ.

---

[1] Ладонями. — [2] Троянскій.

И Тилема́хъ-ужъ свои былъ-сказа́ть приключенія нудимъ,
Менторъ когда возвратился вспять, и съ Ідоменéемъ,
Также и-съ-Кри́тскими Юноши всѣми, шедшими по́слѣ.
Ідоменéя зря, ощутили Союзники обще,
Что въ нихъ гнѣвъ на-него́ во всѣхъ еще вспламенялся:
Но Рѣчь- отъ-Ме́нтора сей погасила гото́вый-огнь вспыхнуть.
Медлимъ почто́жъ, говорилъ, заключить Сою́зъ-тотъ священный,
Коему Боги Свидѣтели, и-Защитники будутъ?
Да отмщеваютъ зань [1]), когда кто изъ Нечестивыхъ
Де́рзнетъ нару́шить чи́нлибо, и да-вся-Зла́я отъ-Бра́ни,
Не подавляя Народовъ Вѣрныхъ и Неповинныхъ,
Вергнутъ на властолюбну Главу, вѣроломну, прокля́ту,
Кой попере́тъ ногами святое Право Союза!
Мерзокъ да-бу́детъ онъ какъ-Бога́мъ, такъ и Человѣкамъ!
Да никогда наслаждается сей плодомъ Вѣроломства!
Да Евме́ніды [2]) адски, подъ-о́бразомъ грознымъ ужасно,
Придутъ, и-бѣшенство въ немъ, и-отча́янность купно возбудятъ!
Мертвъ да-паде́тъ, безъ всяки надежды быть погребе́ннымъ!
Трупъ его да будетъ въ корысть-Псамъ, и-хи́щнѣйшимъ Птицамъ!

[1] За него. — [2] Фуріи.

И да сидетъ во-Адъ, и-въ-кромѣшнюю [1]) Тартар
Бездну,
Мучимый Тантала злѣй, Іксіона, и Данаидянъ!
Но, вопреки, да Миръ сей такъ неподвижимъ пребу
детъ,
Каменный какъ самъ-Атлантъ на-хребтѣ Небеса
держащій!
Да всѣ чтутъ его, съ наслажденіемъ, сіи Народы,
Пользуясь въ Роды Родовъ отъ-него драгими плодами
Да Имена присягнувшихъ нань [2]) съ любовію будут
И съ почтеніемъ Внуковъ въ устахъ у позднѣйших
нашихъ!
Да сей Миръ, основанный на-Правдѣ и-Вѣрност
доброй,
Будетъ всѣмъ-Мірамъ въ примѣръ у всѣхъ Племен
въ поднебесной!
И да всѣмъ Племена, восхотящія быть благосчастны
Соединенными между собой въ дружелюбность от
сердца,
Также и-въ-искренность не лицемѣрну, и прав
душну,
Тщатся слѣдовать въ семъ Племенамъ Есперійских
во-вѣки!
По окончаніи словъ сихъ, Цомендій и-другіи
Всѣ Цари, присягнули на-Міръ въ предъявленны
Завѣтахъ.
Сшедшись руки даютъ взаимно, и посреднѣ
Поля садятся, и-рѣчь уже дружелюбну вѣщаютъ.

---

[1]) Въ претемную, и въ прехладную. — [2]) Трохейскій.
[3]) На него.

Се въ подтвержденіе, и затрещалъ-Громъ ударовъ раасыпныхъ!
Въ томъ и-дано́ [1]) Сослага́таевъ странъ съ обѣихъ Двенатцать.
Хочетъ въ числѣ семъ быть Тилемахъ отъ Идомене́я:
Но не-могли́ согласиться, чтобъ Ме́нтору съ нимъ-же отдаться,
Тѣмъ что хотѣли всѣ у Идомене́я ему быть,
Какъ въ спорученіе по его поступкѣ и-дѣлѣ,
Также и-всѣхъ палатныхъ его Совѣтниковъ сущихъ,
Даже до-всѣхъ обѣщанныхъ вещей исполненія цѣла.
Въ жертву закла́ны межъ-Гра́домъ и-Во́инствомъ сто [2]) Кравъ бѣлыхъ,
Кравъ тели́цъ, бѣлизною своею снѣгу подобныхъ,
Столькожъ числомъ и-Тельцо́въ тогожде бѣлаго цвѣта,
Коихъ рога́ позлащенны, вѣнками украшены были.
Слы́шимъ-былъ и на са́мыхъ горахъ, стоя́щихъ по-близу,
Рыкъ жертвъ, па́давшихъ отъ Ножа священнаго на́-земь;
Кровь парна́я лилась повсюду кипящимъ потокомъ;
Много вина́ самолучшаго въ Тре́бы тамъ изливалось;
Зрители Внутреннихъ всѣ наблюдали утробы закла́нныхъ;
Кои отъ-жи́ностей, въ нихъ пребѣвшихъ, еще трепетались.
Сіи Жерцы на требищѣ тамъ Ѳуміа́мы курили,
Выспрь восходящіи вьясь столбомъ густѣйшаго дыма,

---

[1] Аманатовъ. — [2] Трохейскій.

Коихъ пріятный духъ по по́лю всему́-былъ ухаем
Воины тѣмъ между съ обѣихъ сторонъ, переставш
Другъ на Друга взирать непріязненнымъ окомъ сп
рѣпства,
Начали межъ собой говорить о-прикло́чшемся оны
Се уже́ отдыхали они отъ-трудо́въ понесенныхъ;
И насыщались, какъ предвкушая, Мира благими.
Многіи въ нихъ, подъ-Троей изъ бывшихъ съ Ідом
не́мъ,
Не́сторскихъ тутъ узнали на-то́й же бра́ни Служи
шихъ.
То́тчасъ всѣ обнялись между собо́й любосердно,
И взаимны себѣ приключенія тутъ объявляли,
Послѣ-какъ въ прахъ ниспровергли тотъ-гра́дъ вел
лѣпный толико,
Бывшій Асіи всей въ украшеніе преузоро́чно.
Се уже́ и-посѣли они на-траве́-тамъ веселой;
Увѣнчава́ли себя притомъ изъ-цвѣто́въ и-вѣнка́ми
И совокупно пили Вино, приносимо изъ-Гра́да
Въ чашахъ большихъ, да праздну́ютъ день тотъ п
благосча́стный.
Ментеръ внезапу рекъ: о-Царіи и-Вожди со
купны!
Вы отнынѣ уже́, подъ равнымижъ всѣ Именами,
Властію и различныхъ Мужей управляемы также
Будете токмо единъ Народъ и Людство едино.
Такъ то праведны Боги, за-мно́гу любовь къ Чело
камъ,
Коихъ они сотворили, хотя́тъ-быть Связанію вѣч
Иль Сопряженію, ихъ совершенна Согласія въ
ляхъ.

Весь Человѣческій родъ есть токмо одно Домочадство,
Но всея землю́ по-лицу́ разсѣяно въ Сонмахъ.
Братія люди всѣ, и-люби́ться какъ-Сро́дники должны.
Горе тѣмъ Нечестивымъ, что-и́щутъ лютыя Славы,
Въ кро́ви Братій своихъ, кото́ра-кровь собственна
их же!
Правда, Брань иногда бываетъ не обходима:
Но то Стыдъ Человѣчъ, не-минуе́на что становится.
О Цари! Не-гласи́те, желать что до́лжно-есть Бра́ни,
Бранію да пріобрящетъ славу себѣ Бранноносецъ:
Нѣтъ отнюдъ, безъ-любви́ къ человѣкамъ истинны
Славы.
Собственну Славу свою́ кто въ Свѣтѣ предпочита́етъ
Чувствіямъ всѣмъ Человѣчества, е́сть-тотъ Чудо́ви-
ще гордо,
Тотъ напыще́нно Страшилище, не Человѣкъ всеко-
нечно.
Не пріобрящетъ еще, онъ-кроме́ и ложныя Славы:
Слава прямая какъ-въ-Мѣрности, такъ и въ Благости
токмо.
Могутъ льстить ему, въ удовольство безумнаго Чван-
ства;
Но всякъ втайнѣ скажетъ о-не́мъ, говоря чистосердно:
Онъ бесла́вие тѣмъ, что-жела́лъ Неправдою Славы.
Люди не-до́лжны его любить, Людей не-люби́вша,
И проливавша ихъ-кро́вь отъ лютости превелича́вны.
Царь блаженъ, который Народъ свой любитъ серд-
дечно,
Есть который люби́мъ отъ-него́, который Сосѣдямъ
Вѣритъ свои́мъ, и-которо́му вѣрятъ Сосѣди взаимно!
Сей не токмо противу ихъ не ходитъ войною,

Но и не допускаетъ ихъ межъ-собо́й воеваться;
Онъ подаетъ причину всѣмъ Племенамъ чуждеро
ными,
Счастію всяко завидѣть Людей ему Подчиненныхъ,
Что они себѣ его въ Предержаща имѣютъ.
Такъ извольтежъ, извольте по временамъ собираться
О вы! Правящи мо́щнѣйши Грады во-всей Есперіи
Дѣлайте лѣтахъ по-ка́ждыхъ трехъ Съѣздъ нѣгл
всеобщій,
Гдѣбъ Царямъ присутствовать всѣмъ здѣсь ны
присущимъ,
Чтобъ возновлять Союзъ обѣщаніемъ клятвенным
новымъ,
Чтобъ подтверждать Дружелюбіе всѣмъ же искрен
паки,
И чтобъ межъ собой посовѣтовать общихъ о-но́л
захъ.
При такомъ всегда преизящномъ Согласіи вашемъ,
Будетъ внутрь земли́ сея, благокра́сны толико,
Миръ, Тишина, и Слава, и-Че́сть, и-Обилі́е всяко:
Внѣжъ всегда вы-пребыть имѣете не побѣдимы.
Токмо одно Разгласіе, кое изрыгнуто Адомъ,
На томленіе и мученіе всѣмъ Человѣкамъ,
Можетъ все помутить конечно ваше Блаженство,
Боги которое вамъ, по милости, уготовля́ютъ.
Несторъ ему отвѣщалъ: ты видишь самъ по-удо́
ству,
Мы съ каковымъ, и-охо́тно какъ, сей Миръ сове
шаемъ;
Коль и-дале́ки ктомужъ воевать по суетной Славѣ,
Пль по-непра́ведной Алчности, да себя увеличимъ,

Въ предосужде́ніе всѣмъ Сосѣдямъ нашимъ окрестнымъ.
Но что дѣлать, какъ-бу́дешь близъ Государя нахальна,
Знать не-хотя́ща другаго Закона, кроме́-что Прибытка,
И назирающа токмо, да-хи́титъ-онъ Царства чужія?
Мнить не-изво́ль, что Слово мое объ Идомене́ѣ.
Нѣтъ: я-о-не́мъ уже́ не-имѣю мысли такія;
То Адра́стъ, Давніа́нскій Царь, кой насъ устрашаетъ:
Намъ не-Безсме́ртныхъ кто, Супостатъ угрозителенъ Смертный.
Сей презираетъ Богово́въ, и мнитъ что всѣ Человѣки,
На землѣ рожденныи, суть порожде́ны, да-Слу́жатъ
Славѣ токмо его работы Игомъ преподлымъ.
По́данныхъ быть не хочетъ, да-Ца́рь и-Оте́цъ-имъ пребудетъ:
Хочетъ имѣть въ нихъ-Рабо́въ себѣ и-Покло́нниковъ съ страхомъ;
Требуетъ и неотмѣнно всегда онъ Божески че́сти.
Но всежъ время сіе, и-была́ слѣпая Тухія
Благопоспѣшна его Начинаніямъ пребеззако́ннымъ.
Мы на-Сала́нтъ нападать длятого́ поспѣшили Осадой,
Чтобъ намъ Сла́бѣйша прежде избыть въ непріятеляхъ нашихъ,
Токмо начавшаго здѣсь на Брегѣ Усадьбой селиться,
Да обратимъ пото́мъ мы всѣжъ Оружіе наше,
Си́льнѣйша и на-того́ Врага, Супостата другаго.
Онъ у-Со́юзниковъ нашихъ Градо́въ ужъ множество по́бралъ.
Кротоніа́тцы на-дву́хъ сраженіяхъ имъ одолѣны.
Всякія средства, и-спо́собы вся́ки-онъ употребля́етъ,

[redacted]

На удовольствіе полное здѣсь своему Властолюбству.
Сила иль-Хи́трость, ему преизрядны кажутся обѣ;
Толькобъ онъ возмогъ низложить себѣ Сопротивныхъ.
Со́бралъ не-смѣ́тны числомъ въ Ларцы́ Сокровищъ Богатства:
Войско его обученное и пріобыклое къ Бранемъ.
Всѣ Полководцы искусны суть у-него́ и-досу́жи:
Онъ себѣ дознаваетъ отъ-ни́хъ услуги велики
Смотритъ бодрственно Самъ и не дреманно за-всѣ́ми,
Дѣйствуютъ кои его повелѣній точной по-си́лѣ.
Же́стоко всѣхъ казнитъ за малую са́му погрѣшность;
А награждаетъ щедро себѣ за-услу́жность явле́нну.
Доблесть его самого ободряетъ храбрость и-Во́йска.
Былъ-бы то Ца́рь совершенъ, когдабъ Справедливость и-Вѣ́рность,
Пра́виломъ были ему въ обратностяхъ всѣхъ и-посту́пкахъ.
Но ни-Бого́въ не-бои́тся, ни Со́вѣсти онъ угрызеній:
Чтитъ ни-вочто́ и Славу еще, и-на-о́ну взираетъ
Какъ на тщетный Призра́къ, на-мечта́ніе нѣко пустое,
Кое воздерживать можетъ едины Разумы слабы.
Токмо чтитъ за-Добро́, и вещественно твердое Благо:
Много Богатства стяжать, веселиться Сладостьми всѣми,
Страшну быть-всѣ́мъ, и родъ Человѣчъ имѣть подъ-нога́ми.
Вскорѣ Войско его на наши Зе́мли пріидетъ;
Тѣ и на́чнетъ громи́ть-всѣ Мечемъ и-Огне́мъ истреб-

Будежъ Союзъ толь многихъ Племенъ, и-Наро́довъ различныхъ,
Насъ въ надлежащее не приведетъ Состояніе Силы,
Сопротивля́ться ему Отпоромъ бодрымъ и-сме́лымъ;
То надежда наша вся конечно погибнетъ,
Згибнетъ конечно надежда, пребыть намъ въ Вольности нашей.
По́льза-въ-томъ Идомене́ева есть, какъ-и-на́ша всѣхъ-По́льза,
И всеконечна Польза еще и не обходима,
Да воспротивимся мы сему звѣроправну Сосѣду,
Кой не те́рпитъ отнюдъ, и-терпѣть нимало не-мо́жетъ,
Да что Вольное будетъ въ его ближайшемъ Сосѣдствѣ:
Всѣмъ и-всему́ единъ стремится быть Предержащій.
Ежели будемъ мы, по-несча́стію, имъ побѣжде́ны;
То трепетать и-Сала́нту сегожъ Злоключенія должно.
Такъпоспѣшимъ-же мы-всѣ егопредварить совокупно,
И совокупно роги ему сломить препотщимся.
Несторъ когда сіе говорилъ попечительнымъ словомъ,
Всѣ тогда приближались идя́ стопа́ми ко-Гра́ду:
Слава летитъ, въ немъ о-Ше́дшихъ людьми услышана всѣми.
Шествовалъ свѣтлый Соборъ предсылая и-Вѣстницу Радость,
А усрѣтала Царей Безопасность въ ласкѣ привѣтовъ,
Ру́ки свои простирая къ пріятію ихъ достолѣпну:
Ибо Идоменей просилъ тѣхъ всѣхъ преучтиво,
Также и Гла́вныхъ Вожде́й, и-Нача́льныхъ надъ Ратоборцы,
Да соизволятъ впити во-Гра́дъ его благосклонно,
И дать имъ, по Ве́чери, нощь препроводятъ покойну.

КОНЕЦЪ ПЕРВЫЯНАДЕСЯТЬ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Несторъ, именемъ всѣхъ Союзниковъ, проситъ помощи у Ідоменея На Д
анцовъ Непріятелей ихъ. Менторъ, хотящій благоучредить городъ Сал
и пріобучить Народъ къ Земледѣлію, совершаетъ такъ, что они до
ствуются имѣть Тилемаха Вождемъ сту человѣкъ благородныхъ Кри
По отбытіи сего, Менторъ осматриваетъ исправно все навсе въ Горо
въ Пристанищѣ; развѣдываетъ о всемъ, заставляетъ Ідоменея пред
сать новыя Уставленія для Купечества и для градскаго Порядка; т
раздѣлить Народъ на-седмь Частей, коего Родъ и Степени различаетъ
ностію одеждъ; и наконецъ, запретить роскошь и бесполезныя Худо
тва, дабы Художникамъ досужнѣе было прилежать къ Земледѣлы
которое онъ въ честь приводитъ.

Воинство все уже свои разставляло Палатки;
Такъ что было богатыми Поле покрыто Шатрам
Всякихъ разныхъ цвѣтовъ, утомленныи гдѣ Ес
рійцы
Сладкаго сна ожидали себѣ въ отраду спокойно.
Какъ-же Цари, съ своимъ Возслѣдствіемъ, въ Гор
вступили;
То явились дивящися всѣ, что-такъ въ-краткое вр
Многое толь число велелѣпныхъ построено Здані
И что-превелія Брань не-могла содѣлать препонь
Новому Граду расти, и вдругъ украситься Изр
ствомъ.
Мудрости въ Ідоменеѣ, и-бодрствію въ немъ у
вились,
Что основалъ толикаго онъ изящества Царство.

Да и всякъ заключилъ, что-понеже Мíръ-съ-нимъ
поставленъ;
То Союзники быть имѣютъ весьма многомощны,
Ежели съ ними онъ съединится на Давніáнцовъ.
Предложенó о семъ отъ нихъ тутъ Ідоменéю:
Сей не-возмóгъ отрещись отъ-предлóга толь спра-
ведлива;
Да и дать обѣщалъ отъ сéрдца помóщное Войско.
Но какъ Ментóръ вѣдалъ все, что было потребно,
Быть Государству въ себѣ завсегда довольно цвѣтущу;
То усмотрилъ, что Ідоменéевы силы военны,
Были велики не-стóль, коликими оны казались:
Такъ, отведъ особь, ему представилъ вѣщая.
Видишь, что-нáши тебѣ старанія не бесполезны:
Градъ Салáнтъ отъ-Несчáстій, ему угрожавшихъ, из-
бавленъ.
Надобно только тебѣ его взнесть славу до-óблакъ,
Мудростижъ дѣйствомъ сравниться съ дѣдомъ тво-
имъ же Мінóемъ,
Въ сáмомъ Правительствѣ всѣхъ у-тебя́ Подвласт-
ныхъ Народовъ.
Я продолжаю тебѣ говорить свободно и-смѣло,
Мня что-такъ-хóчешь самъ, и-что-сáмъ же ты про-
клинаешь
Всяко Ласкательство. Сíи Цари когда похваляли
Всю Велелѣпность твою; тогда въ себѣ помышлялъ я
О твоихъ поступокъ продерзости, сéй-же великой.
Къ слóву Продерзости, Ідоменéй въ лицѣ измѣ-
нился,
Очи его помутились, самъ закраснѣлся пылая,
Да и-едвá едва не-пресѣкъ онъ Ментору рѣчи,

Чтобъ ему показать своего содѣтельность гнѣва.
Ментóръ ему говорилъ почтеннымъ и-гóлосомъ скромнымъ,
Но свободнымъ и-смѣлымъ однакъ: Продерзости слово
Есть досадно тебѣ, какъ вижду я́-то изрядно.
Вся́къ-бы другій, кромѣ меня, согрѣши́лъ-тѣмъ конечно:
Ибо долгъ почитать Царей, и не раздражать ихъ
Нѣжности и тогда, когда имъ-впреки́ говорится.
Истина и сама́ по-себѣ имъ есть непріятна,
Безъ пріобщенія къ оной словъ безмѣрно досадныхъ.
Но я-возмни́лъ, что-ты-мо́жешь снесть безъ-противности всяки,
Да говорю съ тобой безъ предумягче́ній приправы,
Тожъ чтобъ открыть тебѣ твою Погрѣшность велику.
Есть произволъ мой сей, да-тебя́ пріучу неотмѣнно
Слышать вещамъ имена по-назва́нію собственну точно;
И да уразумѣть дамъ, что, какъ станутъ другіи
Напомина́ть въ совѣтахъ тебѣ о-твои́хъ-же поступкахъ,
Тѣ никогда не-посмѣютъ сказать помышляема прямо.
Должно, когда желаешь быть въ томъ-отни́дъ не-обма́нутъ,
Болѣй тебѣ всегда понимать, нежъ сказано ими
Тѣхъ о всѣхъ вещахъ, не-въ-твою́ честь кои случатся.
Впрочемъ, хощу умягчить слова́ твоя для-потре́бы;
Но полезно тебѣ, чтобъ-съ-тобо́й, Человѣкъ беспристрастныі

И не-желáющъ корысти себѣ, говорилъ жесточае.
Всякій другій никогда предлагáть-такъ не-дéрзнетъ суро́во:
Истины ты не-увúдишь, какъ-то́кмо одну половину,
И сію прикровенну еще прекрасными виды.
Сихъ отъ словъ ужъ Идомене́й, порывчивость перву
Всю утишившій, Нѣжности самъ своея устыдился.
Видишь, Ментору рекъ, что-твори́тъ, быть-ласка́ему, на́выкъ.
Я тебѣ одолженъ спасеніемъ новаго Царства:
Всяку отъ-у́стъ твоихъ мнѣ истину слышать, блаженство.
По умились надъ-Царе́мъ, отъ-ласка́вій яда погибшимъ,
И не-возмо́гшимъ найти, въ своихъ злоключеніяхъ са́мыхъ,
Толь вeледушныхъ Людей, ему къ изъявленію Правды.
Я не-имѣлъ мена никого довольно любивша,
Чтобъ, да-не-прúдетъ подъ-гнѣвъ, говорилъ-мнѣ кто-и́стину цѣлу.
Въ сихъ словахъ, на-оча́хъ у-него́ навернулись и-сле́зы,
И вдругъ Ментора обнялъ онъ прижавъ сердолюбно.
Сей Престарѣлый Мужъ тогда къ нему возглаголалъ:
Въ крайней болѣзни вижду себя теперь принужденна
Вещи тебѣ объявлять, и вещи тѣ прежесто́ки;
Но могуль измѣнить тебѣжъ, укрытіемъ Правды?
Будь на мѣстѣ мосмъ: чтожъ-понынѣ былъ-ты обма́нутъ;
То ты самъ обольщаемъ хотѣлъ всегда́-быть конечно.

Ты опасался весьма Совѣтниковъ всѣхъ чистосердных.
Тщился-ль искать людей не любящихъ всяки Корысти,
И преспособныхъ тебѣ прерѣкать своими словами?
Тщился-ль о-Людехъ такихъ, наименѣе кóимъ-бы рваться
Да угодятъ тебѣ, быть-самíмъ беспорочнымъ въ поступкахъ,
И въ состоянiи такъ осуждать безъ мя́гка потворства
Стра́сти твои, да-и-всѣ неправедны мнѣнiя также?
А когда находилъ себѣ Ласкателей явныхъ;
То отгоня́лъ-ли ты-и́хъ отъ-себя́ съ бесчестiемъ вѣчнымъ?
И опасалсяль ихъ словамъ ты вѣрить Румяннымъ?
Нѣтъ, нѣтъ; ты ничего отнюдъ того не-содѣлалъ,
Дѣлаютъ что, которыи любятъ истину сердцемъ,
И которыи суть достойны ту-Истину вѣдать.
Нужъ, ободрившсяль теперь смириться подъ-Истины руку,
Коя тебя осуждаетъ Сама́ Приговоръ подписуя.
Я сказалъ, что-тебѣ приноситъ толь-мно́го хваленiй;
То недостойно, какъ-то́кмо хулимо быть попремногу.
Ты, имѣя внѣ толь многихъ себѣ Супостатовъ,
Не утвержденну еще твоему угрожающихъ Царству,
Въ самое время то твоего внутрь новаго Града,
Токмо и-мыслилъ все о зданiяхъ превелелѣпныхъ.
Та причина твоимъ нощамъ всѣмъ толь беспокойнымъ,

Ка́къ-то изволилъ ты мнѣ искренно Са́мъ-же призна́ться.
Ты истощилъ твои Сокровища всѣ и-Бога́тства;
И не-потща́лся отнюдъ ни объ умноженіи Людства,
Ни о-чрежде́ніи сихъ Земель весьма Плодоносныхъ.
Не надлежалось взирать на-сіе́ двоякое Дѣло,
Какъ основаній на-Дво́йцу существенна Царска Могутства?
Должно много имѣть Людей хорошихъ и-си́льныхъ;
Многимъ быть-до́лгъ и-хоро́шимъ Нивамъ, да-си́хъ препитаютъ.
Надобно было быть долговременну Миру снача́ла,
Въ благопоспѣшество Людей твоихъ умноженію должну.
Тщаться тебѣ подобало о-пло́дномъ весьма Земледѣльствѣ,
Также и-о́бъ учрежденіи са́мыхъ мудрыхъ Законовъ.
Тщетная Честь притолкнула тебя безднъ-и-Про́пастей къ жерлу.
Болѣе коль стремился ты показаться великимъ;
Спѣшнѣе толь низлагалъ твою прямую великость.
Нынѣ потщи́сь-же исправить погрѣшности сіи толики.
Останови́ть изволь всѣ-твои́ большіе работы.
Пышность кинь сію, разорить твой Гра́дъ-весь могущу.
Дай отдохнуть всѣмъ Людямъ твоимъ въ спокойствіи мирномъ.
Тщись о-доста́ткѣ имъ, да-спряга́ются бракомъ удобнѣй.
Знай, что-толи́ко ты-Царь, колико Подвластныхъ имѣешь:

Мо́щи мѣра твоей не-простра́нство земель овладѣ
ных,
Но Подчиненныхъ Людей число на-земля́хъ-тѣ
живущихъ.
Землю стяжи себѣ хоть-посре́дственну токмо пр
странствомъ:
Ту насели́ неисчетнымъ Людомъ, работнымъ, до
жимъ;
Людствожъ сіе, приложи, да любитъ тебя всеусерд
Мощнѣе будешь, и-счастливѣй ты, и-прослáви
далеко,
Нежели всѣ Воители, опустоша́ющи Царства.
Чтожъ посему, рекъ Ідоменéй, мнѣ дѣлать съ І
рями?
Иль признаться я-до́лженъ въ моей имъ сла́бо
нынѣ?
Правда, я не-радѣлъ объ-Ора́тайствѣ, и совокупно
О Купечествѣ, толь на сихъ брега́хъ всеудобномъ
Тщился я-то́кмо, да-гра́дъ созижду преузоро́чный
Должноль уже́ себя посрами́ть-мнѣ, дражайшій м
Ме́норъ,
Столькихъ въ соборѣ Царей, и-откры́ть мою́ не
зумность?
Ежели надобно; то хощу, и-содѣлаю то́тчасъ,
Коль ни-болѣзненно есть, для того́-что меня ты-
ста́вилъ,
Что Царь истинный, кой Царемъ для-свои́хъ П
чиненныхъ,
И кой-себя́ всего отдавать повиненъ Подручным
Долженъ предпочита́ть всегда спасеніе Царства,

Собственной Славѣ своей, коль-она́ ни есть вожделѣнна.
Чувственность есть сія достойна Отца многолюдству,
Ментор'ъ вѣщалъ; по сей-то единственно Благости се́рдца,
А отнюдъ не по велелѣпію тщетному града,
Я признаваю въ тебѣ Царя вседостойнаго вла́сти.
Но долгъ честь блюсти для пользы са́маго Царства.
Мнѣ попусти: симъ-Царя́мъ я всѣмъ внуши́ть-такъ имѣю,
Что обязался свято ты возставить Одусса,
Ежели жи́въ-онъ еще, или ужъ-Одуссова Сына,
Въ Царскую мощь въ Іоакѣ; и-что́ ты силою хощешь
Всѣхъ изгнать Пинелопиныхъ тѣхъ Жениховъ пребезстыдныхъ.
Могутъ удобно они понять, что-на-ту́ брань-потре́бны
Воинства многи, со-мно́ги снаряды, и ополченьми.
Такъ согласятся всѣ, да спе́рва-имъ малую по́мощь
Ты Людей отряди́шь, противу тѣхъ Давніа́нцовъ.
Къ симъ словамъ показался Идомене́й Человѣкомъ
Ра́вно такимъ, съ котораго тяжкое бремя снимаютъ.
Знаешь, любезный другъ, говорилъ онъ Ментору живо,
Честь мою́, и Славу сего новорождшася Града,
Коего ты тапшь истощаніе ближнимъ Сосѣдямъ.
Ка́къ-же сказать, что-пошлю́ Одуссу войско въ Іоаку,
Иль уже́ Тилемаху, сыну его, на-подмо́гу,
Самъ Тилемахъ когда повиненъ итти на-Давніи́цовъ?
Но сомнѣваи́ся заботно, ему отвѣтствовалъ Ментор'ъ:

Я ничего не-скажу́, кромѣ единыя Правды.
Тѣ Суда которыя по́шлешь ты, да-Торго́влю
Возобнови́шь у-себя́, поплывутъ ко бре́гу Ипірску.
Дѣло сугубое тамъ совершатъ они совокупно:
Перво, къ брегамъ твоимъ воззовутъ Купцевъ чуже
странныхъ,
Коимъ въ Сала́нтѣ платежъ чрезмѣрныхъ пошлин
не-снóсенъ;
А другое, навѣдаться объ Одиссеѣ потщатся
Ежели живъ; то-ему́ не-въ-дали́ отъ-Пучи́нъ-сих
быть-до́лжно,
Кои волнуются межъ Италіей между и-Елла́дой;
И увѣряютъ, его что видѣли у Фінікіянцовъ.
Будежъ о-нёмъ отнюдъ никакія не-бу́детъ надежды
То Корабли́-тѣ услужатъ сыну его знаменито.
Такъ разнесутъ въ Іѳакѣ всеи́, и-въ-земля́хъ всѣхъ
окре́стныхъ,
Имени страхъ Тилемаха младо́го, котораго обще
Думаютъ всѣ, какъ-его́ и-Отца́, конечно умерша.
Такъ Женихи Пинело́пины вѣсти сея убоятся,
Что возвратится онъ вспомогаемъ Союзникомъ сил
нымъ;
А Іѳакіянцы не-де́рзнутъ сложить Подчиненія иго;
И Пинелопа себѣ получи́тъ утѣшеніе много:
Да и-всегда́, взять-Супру́га новаго, будетъ не-скло́нна
Образомъ симъ ты-услу́жишь самъ Тилемаху въ то
вре́мя,
Какъ онъ вмѣсто тебя, съ Союзники здѣсь Италійски
Дѣйствовать станетъ противу тѣхъ Давніа́нцовъ пре
храбро.
Идомене́й, по сихъ словахъ, устремленно воскли
нулъ:

Царь преблаженъ, подкрѣпляется кой благоумны
Совѣты!
Другъ мудръ-и-вѣренъ Царю, побѣдительныхъ луч-
ше Оружій.
Но преблаженнѣе Царь, кой-своё ощущаетъ Бла-
женство,
И обращать умѣетъ добры совѣты на-пользу!
Ибо многажды такъ бываетъ, что-прочъ отлучаютъ
Отъ повѣренній своихъ Людей добродѣтельно мудрыхъ,
Коихъ боятся, что-Благи суть, да слухи приклонятъ
Къ льстивымъ Ласкателямъ, тѣмъ что-отъ-нихъ не-
страшатся Предательствъ.
Я и самъ въ сію внспровергся точно Погрѣшность;
И тебѣ возвѣщу злоключенія всѣ превелики,
Всѣжъ пришедши ко-мнѣ толпою отъ-ложнаго друга,
Льстилъ который Страстямъ моимъ по-надеждѣ еди-
ной,
Что и я льстить стану его страстямъ-же взаимно.
Менторъ удобно всѣмъ объявилъ Царямъ-тѣмъ
Союзнымъ,
Идоменею что-долгъ о-дѣлахъ Телемаха стараться,
Въ самое время то, какъ-сей-вскорѣ съ ними отъ-
идетъ
Тѣ за-довольно имѣть разсудили въ собственномъ
Войскѣ,
Юнаго сына Одиссу, и-сто съ нимъ юныхъ-же Кри-
тянъ,
Коихъ Идоменей далъ-ему, да слѣдуютъ купно.
Былъ то самый цвѣтокъ и-чело Благородства млада-
го,
Кое Царь сюда привелъ изъ Крита съ собою.

Менторъ ему, послáть-ихъ на-ту́ войну, присовѣтáлъ.
Должно, вѣщалъ онъ такъ, попещись въ тихомирное время,
Чтобъ размножить тебѣ у-себя́ многолюдство Подручныхъ.
Но дабы твой весь Народъ не-испóртился нѣгой,
И не-забылъ совершенно всего военнаго дѣла;
Долгъ посылать на-чужíе Войны Благородство младое.
Сихъ довольно, всего къ содержанію рода всегдашно,
Въ ревности къ Славѣ, въ любви къ Оружію, къ Мужеству бóдру,
Также въ охотѣ къ Трудáмъ, въ небоязни къ сáмой и-Смéрти,
Въ точномъ всего, наконецъ, умѣніи бранна Искусства.
Всѣ Союзны Цари отправились въ томъ изъ-Салáнта,
Идоменéемъ довольны, и-Мéнторомъ преуслаждéнны;
Радостижъ были исполнь, что-ведýтъ съ собой Телемаха.
Сей не-возмóгъ никакъ не быть въ чрезмѣрной болѣзни,
СъДругомъ своймъ когда разставаться надобно стало.
Какъ Союзны Цари прощались съ Идоменéемъ,
И заклинались ему, соблюдутъ что-съ-нимъ-вѣчную дружбу;
Менторъ держалъ Телемаха въ своихъ объятіяхъ крѣпко,
Самъ же слышалъ что-былъ его оропаемъ слезами.
И нечувствителенъ къ радости, такъ Телемáхъ-тутъ глаголалъ,

Что иду себѣ заслуживать громкую Славу:
Токмо болѣзнь меня разлученія нашего томитъ.
Мнится, что-вижду еще злополучное оное время,
Въ кое меня Египтяне отъ тебяжъ тамъ-отторгли,
И развели, надежды къ свиданію паки лишивши.
Менторъ на-сіи слова отвѣщалъ его утѣшая:
Здѣсь, говорилъ ему, разлученіе наше различно.
Есть добровольно сіе, и будетъ время на-кратко;
Тыжъ отлучаешся самъ искать достойны побѣды.
Должно, Чадо мое, да-меня ты любишь не-столько
Сердцемъ гарячимъ, сколько-симъ вѣрнымъ, твердымъ, и-честнымъ.
Надобно конче тебѣ къ моему привыкнуть отсутству:
Ты не будешь меня имѣть ежечасно съ собою;
Мудрость паче сама, и паче сама Добродѣтель,
Нежели при тебѣ присутствіе Ментора ветха,
Да вдыхаютъ въ тебя всю Должность хвальнаго Дѣйства.
Сіи слова говоря, Богиня Ментора въ видѣ,
Всѣмъ Егідомъ [1]) своимъ покрывала тогда Тилемаха.
Та вливала въ него Духъ Мудрости, и Смотреливость,
Мужество не устрашимо, и-тихи Воздержности мѣру,
Кои вкупѣ съ собой весьма обрѣтаются рѣдко.
Ты иди, вѣщалъ такъ Менторъ, бѣдствій въ средину,
Сколько кратъ тебя ни-имѣетъ къ онымъ-звать нужда.
Князь бесчеститъ болѣй себя убѣгая напастей
На Спораженіяхъ, нежъ никогда не-ходя-тамъ сражаться:

[1] Щитъ Мінервинъ.

Мужеству въ томъ, кто-Начáльствуетъ, быть не должно по сомнѣнну,
Буде спасти Вождя́, иль-Царя́, есть нужно Народу
То нужняй, обоюдны не-ви́дѣть въ немъ-Мужества Славы.
Пóмни, что-всѣмъ въ образецъ быть долженъ всякъ Предводитель:
Всѣхъ Ратоборцевъ примѣръ его да одушевля́етъ:
Бѣдъ не боíсяжъ, о! Тилемахъ, ни-напастей пре грозныхъ;
Згибни въ Бою́, и-что-Дóбль [1]), о томъ не-дава́й сомнѣваться.
Льстители, кои найпаче тебѣ отсовѣтывать станутъ
Тѣмъ подвергаться бѣдамъ при случаяхъ не обходимыхъ,
Первыи скажутъ втай, что-въ-тебѣ нѣтъ Бодрости смѣлы;
Если удобна увидятъ тебя опшуться при-дѣлѣ.
Но притомъ не-стреми́сь искать напастей безъ пóльзы:
Храброе Мужество, есть Добродѣтель въ себѣ по толику,
Благоразу́мiемъ правимо то поколику бываетъ.
Инако, е́сть-то безумный жизни презоръ, да-и-Звѣрство:
Въ пылкой храбрости нѣтъ ничего надежднаго точно
Въ бѣдствiяхъ кто не-въ-себѣ, Опроме́тъ тотъ паче не-Вóинъ:
Нужно сму не-въ-себѣ такъ быть, да будетъ безъ стрáха,

[1] Великодушенъ.

Тѣмъ-что-не-мо́жетъ того одолѣть спокойствіемъ
се́рдца;
Онъ не-бѣжи́тъ когда, то,-по-ма́лой мѣрѣ, мятется.
Тратитъ свободу Ума своего, толь надобну тамо,
Дѣльное что повелѣть, уловить всякъ случай на-
по́льзу,
Стѣну Противныхъ сломить, услужи́ть-же Отечес-
тву твердо.
Буде гарячесть въ немъ Рядоваго Воина только;
То Полководческа онъ разсмотренія внутрь не-имѣ-
етъ:
Да не-имѣетъ еще и-проста́го въ истинѣ жара.
Ибо и-Во́инъ долженъ хранить при-Сраже́ніи ра-
зумъ,
И наблюденія всѣ, къ послушанію скору приказамъ.
Кто продерзостно, не разсудивъ, предвергается бѣд-
ству;
Тотъ Благочиніе все Военное тѣмъ помучаетъ,
Злый образецъ подаетъ Продерзости и Безразсудку,
Да и-все-Во́йско еще подвергаетъ погибели часто.
Всѣ, которыи предпочита́ютъ свою́ Славолюбность
Общихъ дѣлъ безопасности, тѣ достойны по-до́лгу
Казней жестокихъ, отнюдъ же не воздаяній почет-
ныхъ.
Такъ блюдись ты, Чадо мое, и-блюдись преопасно,
Славы искать себѣ съ нетерпѣніемъ тѣмъ невоздерж-
нымъ.
Средство прямое къ ея сысканію, токмо сіе есть,
Подожида́ть благосчастнаго случая въ тихомъ спо-
койствѣ.
Вся Добродѣтель болѣй толь почетна бываетъ;

Коль оказу́етъ себя простѣ́йшу, и-сирóминѣйш
больше,
Больше еще и-враждéбнѣйшу коль величавост
всякой.
Ибо когда настаетъ напаствовать не обходимо;
То наступаетъ тогдажъ имѣть и способы новы
Какъ къ Прозорливству, такъ-къ-бóдрой Смѣлост
не устрашимо,
Сíмъ-жебъ еще возрастать отчасу́ наивышше и
вышше.
Пóнижъ, всегда убѣгать отъ зависти всѣхъ Чел
вѣковъ.
А напротúвъ, и самъ не-завúдуй всѣхъ-же успѣхам
Всѣхъ хвали за все, что-хвалы достойное будетъ:
Но похваляй разсудно, о-Дóбромъ тверди всеохоти
А укрывая что-Хýдо, и-сéрдцемъ о-тóмъ сожалѣя
Самъ не-рѣши ничего при-старѣйшихъ гдѣ Поли
водцахъ:
Опытъ имѣютъ тѣ-мнóгъ, каковаго ты не-имѣешь
Слушай словъ-úхъ, а слушай ихъ-слóвъ съ почте
емъ внятнымъ.
Требуй совѣта у-нúхъ, проси Искуснѣйшихъ
мыхъ;
Да подадутъ тебѣ наставленія всѣ пожеланны;
И не-стыдúсь отнюдъ присвоять Наученію оныхъ
Лучшее все, что-тобóй когда ни-содѣлано будетъ.
Но, наконецъ, никогда всеконечно рѣчéй-ты
слýшай,
Коими кто въ тебѣ возбудить Недовѣрность вос
щетъ,
Иль восхощетъ и-Зáвисть еще другимъ Полков
памъ:

Имъ всегда говори съ Надеждою и чистосердно.
Ежели мнишь, что - они́ предъ - тобо́ю въ чемъ проступились;
То имъ сердце открой, изъявляя твои всѣ-причи́ны.
Если чувствовать могутъ сея Благородство Поступки;
То ихъ ты усладишь превесьма, и-отъ-ни́хъ-же возможешь
Все получить, чего ожидать причину имѣешь.
Будежъ, впрекѝ, они не-весьма́ такъ благосерде́чны,
Чтобъ приступить къ твоимъ Разумѣніямъ, и согласиться;
То предусмотришь самъ, что-сноси́ть въ нихъ-Непра́вое долженъ:
Самъ воспріимешь мѣры, да-съ-ни́ми не развратишся,
Даже когда уже́ оконча́тся Брань совершенно;
Такъ не будешь имѣть ничего себѣ въ укоризну.
Паче всего, никогда не сказывай нѣконимъ Льстивцамъ,
Кои обычно вездѣ Несогласіе любятъ разсѣять,
Къ жалобамъ всѣхъ причинъ на-Вожде́й въ томъ Воiискѣ, гдѣ-бу́дешь.
Я останусь здѣсь, продолжалъ такъ Ментóръ словами,
Идомене́ю да-по́мощь подамъ во всемъ что-потре́бно
Есть Ему, хотящу рачить о-Блаже́нствѣ Подвластныхъ;
И поправить притомъ свои Погрѣшности нѣки,
Кои содѣлалъ онъ, по-худымъ безмѣрно Совѣтамъ,
И по лестнымъ рѣчамъ отъ-Ласка́телей не правосердныхъ,

Во учрежденіяхъ всѣхъ своего здѣсь новаго Царст
Тутъ Телемахъ не-возмо́гъ никакъ въ себѣ уд
жаться,
Ментору чтобъ не-яви́ть удивленія, купно Презор
Къ Идомене́евой той поступкѣ не достохвальной:
Но то Менторъ ему воспретилъ суровѣйшимъ г
сомъ.
Ль, говорилъ, дивишся что-Лю́ди достойныя вс
Люди суть еще, и-еще́ въ себѣ изъявляютъ
Нѣкіе Слабости, сродные толь Человѣкамъ всеоб
Будучи въ Ко́зняхъ бесчисленныхъ, и въ Хлопот
неотлучныхъ
Отъ Правленія, и отъ-Престо́ла Царскаго всюду?
Правда, Идомене́й въ Величіяхъ пышныхъ воспи́т
Но кто изъ Любомудрыхъ всѣхъ охраниться воз
жетъ
Отъ Ласкательства, ежелибъ былъ на онаго мѣст
Правда и-то́, что-повѣрился онъ преизбыточно ми
Людямъ такимъ, которы ему Паперсники стали.
Но и-премудры Цари обмануты часто бываютъ,
Коль ни-вельми́, да-въ-обма́нъ не-впаду́тъ, прилѣ
стрегутся.
Царь не можетъ пробыть безъ-Мужей въ Со
Начальныхъ,
Коимъ егобъ облегчать, а-ему́бъ-быть на-бныхъ
деждну,
Тѣмъ-что единъ всѣхъ Дѣлъ никакъ управить не
си́лахъ.
А кто́мужъ Царю не столько вѣдомы прямо
Всѣ Предстоящи предъ-ни́мъ, ихъ сколько Све
ники знаютъ

Ибо его всегда окружаютъ въ надѣтыхъ Личинахъ,
И, да-обма́нутъ егожъ, ухищряютъ способы всяки.
Ахъ! драгій Тилемахъ, испытаешь сіе преизлишно.
Въ Людяхъ нѣтъ Добродѣтелей, нѣтъ Дарованій ис-
комыхъ.
Коль ихъ ни наблюдаетъ кто испытно и-бо́дро;
Но ежедневно зритъ, что ихъ онъ не постигаетъ.
Не удается еще и-содѣлать, да-лу́чшими будутъ;
Въ чемъ есть Обществу нужда велика, не-ма́ла и-
по́льза.
Всякъ имѣетъ-Упрямство свое, Невѣстность, и-За́-
висть:
Ихъ преклонить не можно, не-мо́жно и-та́кже испра-
вить.
Больше коль Людей, которыми править потребно;
Болѣе толь имѣть Помощныхъ Совѣтниковъ должно,
Чтобъ совершать чрезъ нихъ, чего Самому́ не-воз-
мо́жно:
А чемъ болѣе нужны тѣ Совѣтные Мужи,
Ка́стибъ которымъ часть своея належно повѣрить;
Больше тѣмъ подверженъ самъ обмануться бываешь.
Сей Царей сего дня всѣхъ охуждаетъ не-ща́дно;
Утрѣжъ станетъ править самъ и хуже конечно:
Да и-въ-такіяжъ впадетъ погрѣшенія, и несравненно
Въ худшіи еще, ему когда Могущество дастся.
Всякъ Простыій, не-безсмы́сленъ когда, и-Слове́сенъ
отчасти,
Всѣ чрезъ то покрываетъ свои Пороки природны;
Осіява́етъ вящше притомъ Дарованія свѣтлы;
И является быть Человѣкъ достойный помногу
Всѣхъ тѣхъ мѣстъ, отъ-кото́рыхъ онъ удаленъ пре-
бываетъ.

По Власть всѣ Испытанію срогу Таланты поди
щетъ,
Кое въ нихъ обрѣтаетъ Погрѣшности многи и
стра́нны:
Есть подобно въ себѣ Величіе нѣкоимъ Сте́кламъ,
Всяку намъ-ве́щь которы весьма величайшую к
жутъ.
Всѣ пороки какъ-бу́дто растутъ на-мѣста́хъ-тѣ
высокихъ,
Гдѣ и малое Нѣчто имѣетъ слѣдства большія,
И гдѣ ле́гка проступка разитъ ударомъ пренагльн
Весь упражняется Людъ; наблюдать одного Чел
вѣка,
И наблюдать всякъ часъ, судя его безъ-пощады.
Тѣ Судіи, того состоянія прямо не-зна́ютъ,
Въ коемъ находится онъ, вознесенный вышше-всѣ
прочихъ.
Не ощущаютъ трудностей въ томъ несказанно и
ликихъ;
И не-хотя́тъ, дабы ктому онъ былъ Человѣкомъ:
То́ль-то великому въ немъ желаютъ быть Совершс
ству!
Царь, колико ни-До́бръ, и-ни-Му́дръ, Человѣкъ и
престанно:
Разумъ его предѣлы имѣетъ, и-та́кже Добро́та.
Есть въ немъ Правъ, и Стра́сти, и-ку́пно Привыкл
ти многи,
Коимъ онъ не-весьма́ иногда Повелитель бываетъ.
Хитрымъ Сонмомъ онъ окруже́нъ и алчнымъ
рысти.
По́мощей всюду себѣ искомыхъ, нигдѣ не-нахо́ди

Падаетъ каждый день, хоть - стрежéтся, въ нéку ошибку,
То по-своúмъ Страстя́мъ, то-Людéй по-Страстя́мъ-же Пономóщныхъ:
Чу́ть-лишь погрѣшность поправитъ, какъ-сé упадаетъ въ другую.
Есть таково́-то Царей состояніе са́мыхъ Великихъ,
Са́мыхъ въ себѣ Просвѣщенныхъ, и-тѣхъ Добродѣтельныхъ са́мыхъ!
Предолговре́менны, и самолучшія Ца́рства - суть кратки,
Кратки вельми, говорю, и-вельми́ же не совершенны,
На поправленіе при Концѣ всего Поврежденна,
Въ первомъ чего началѣ еще не-хотѣлось исправить.
Царство съ собою несетъ всѣ-исчи́сленны бѣдности сíи:
Мощь Человѣча подъ-бре́менемъ толь подгибается тяжкимъ.
Должно всемѣрно Царей жалѣть, и-жалѣть извинная.
Жалостиль и недостойны они, что должны толикимъ
Множествомъ править Людей, которыхъ бесчисленны нужды,
И отъ-кото́рыхъ толи́къ-трудъ хотящимъ править изрядно?
Сиѣло сказать, достойны Люди горькаго плача,
Что имъ правимымъ быть отъ-Царя́ не-отло́жно достоитъ,
А отъ-Царя́, подобнагожъ имъ по-всему́ Человѣка:
Ибо надобнобъ было Бога́мъ Человѣковъ исправить.
Но не меньшежъ и Цари суть Плача достойны,
Что не-друго́е они, какъ токмо единственно Люди,

Тоесть, въ себѣ по рáвнужъ не совершенны и-слáбы;
А что долгъ имъ править Людей неисчетно премногихъ,
Всѣхъ же тѣхъ поврежденныхъ, и всѣхъ еще прековарныхъ.
Въ боязости тутъ Телемахъ ему отвѣтствовалъ тако:
Идоменéй отъ-себя́ тамъ въ Критѣ Царства лишился;
А безъ-совѣтовъ твоихъ и-второ́гобъ лишился въ Салáнтѣ.
Вѣдаю, Менторъ ему, что-его́ Погрѣшности тяжки;
По съищи въ Елладѣ всей, и въ-други́хъ Инославныхъ
Также Земляхъ, Царя безъ-поро́ковъ и тѣхъ-же-безмѣрныхъ.
Мужи великіи всѣ въ своихъ сложеніяхъ Се́рдца,
И въ характерѣ Умовъ своихъ недостатки имѣютъ:
Въ сихъ достохвальнѣйши тѣ, которы ихъ познаваютъ,
И заблужденія всѣ свои поправить трудятся.
Иль не мнишь, что-Одиссъ, великій Одиссъ твой-Родíтель,
Кой образецъ, и есть примѣръ Царя́мъ-всѣмъ Елладскимъ,
Слабости также имѣетъ свои, и-свои́хъ недостатки?
Еслибъ Паллада ему не-была́ Руководствомъ повсюду;
Сколькобъ кратъ преткнулся онъ въ бѣдахъ и-напáстехъ,
Въ кои его приводила всегда непріязна Тухíя?
Сколькожъ Богиня сія здержавала его направляя,
И вела всегда путемъ Добродѣтели къ Славѣ?

Да и-не-чáй притомъ, какъ-егó на-Престóлѣ увидишь
Царство имуща въ Іѳакѣ, со-слáвой громкой толико,
Онаго тамъ узрѣть безъ всякаго не совершенства:
Нѣсколько увришь тѣхъ-въ-нéмъ, и-ещé великихъ
конечно.
Вся Еллада, Асíя вся, и островы Мóря
Всѣжъ удивлялись ему, на тѣ не-взирáя пороки:
Множество дивныхъ Свойствъ приводятъ въ забытíе
оны.
Былъ превесьмабъ ты-блажéнъ, удивляться Родителю также,
И подражать непрестанно ему, какъ-не-лóжну примѣру.
Такъ привыкай же, о! Тилемахъ, ожидать отъ-великíихъ
Сáмыхъ во-Свѣтѣ Людей, того единственно токмо,
Что Человѣчество производúть и-содѣловать можетъ.
Младость, безъ-óпытовъ сущи, стремится въ хуленія горды,
Кои ея отвращаютъ отъ-всѣхъ примѣровъ достойныхъ,
Чтобъ ей слѣдовать тѣмъ, и тѣмъ подражать неотмѣнно,
И ввергаютъ ту въ Непреúмность не исцѣлиму.
Должно не-тóкмо тебѣ любить и чтить Породивша,
И подражать ему, хотя и не совершенъ есть;
Но и-высóкую честь являть же Идоменéю.
Не взирая на-всé, что мною въ немъ осужденó,
Онъ чистосердъ съ природы, прямъ, правосуденъ, щедротенъ,
И благодѣтеленъ также; Мужество въ немъ совершенно;

Всякій Подлогъ и Ложь кленетъ, когда-тѣ познáет
Истинно слѣдуетъ онъ своего наклонности сéрдца:
Внѣшни Таланты велики въ немъ-всѣ, и-Престó
сразмѣрны.
Искренность въ нéмъ-же къ признанію всѣхъ П
грѣшностей бывшихъ,
Тихость его, и-егó терпѣніе толь безотвѣтно,
Что попускаетъ себѣ говорить прежестокіе рѣчи,
Бодрость его на-себя́, да-испрáвитъ погрѣшнос
явно,
И да-чрезъ-тó осужденій всѣхъ онъ станетъ пр
вышше,
Дýшу истинно въ немъ зѣло показуютъ велику.
Счастіе, иль Совѣтъ, охранить отъ-погрѣшност
нѣкихъ,
Могутъ, вѣдаю то, посредственна изъ Человѣковъ
Но чрезвычайная токмо одна Добродѣтель конечн
Въ силахъ есть, преклонить Царя, прельщенна Л
сканьми
Долго толь, своего къ поправленію дѣла не-прáва.
Славнѣй восстать такъ, нежъ никогда не падать
Погрѣшность!
Идоменéй въ погрѣшности впалъ, но впáлъ-онъ
таніе,
Всѣ почитай Цари непрестанно въ какіе впадáютъ
Толькожъ никто изъ нихъ, къ своему исправле
должну,
Дѣлать того не тщится, что-óнъ содѣлать потщал
Я дивился ему и въ тѣ мгновенія сáмы,
Въ кои мнѣ попускалъ, говорить себѣ прекослови
Ты удивляйся также ему, Телемáхъ-мой любезны

Меньше для-Сла́вы его, твоея колико для-По́льзы,
Сіи тебѣ подаю совѣты не лицемѣрны.
Ментор'ъ чувствовать далъ Тилемаху Рѣчію сею,
Коль есть вредно, и-па́губно коль быть не Справедливу,
Чтобъ охуждать, судя прежесто́ко, других'ъ Человѣковъ;
А особливо тѣх'ъ, суть кои отягоще́ны,
Многимъ трудомъ въ Правительствѣ, трудностьми всякими въ немъ же.
По́слѣ ему сказалъ: Тебѣ къ отбытію время;
Нужъ, изволь итти; Прости́! и по́мни Совѣты.
Буду тебя ожидать я здѣсь, Тилема́х'ъ-мой дражайшій!
Кто боится Бого́въ, отъ-Люде́й не-имѣетъ-тотъ Страха.
Будешь въ смертельных'ъ бѣдствах'ъ ты: но вѣдай не-ло́жно,
Что Паллада тебя отнюдъ никогда не-оста́витъ.
Въ семъ Тилемах'ъ присущну быть-мни́лъ Саму́ю Богиню:
Онъ-бы еще и-призна́лъ, что та вѣщаетъ конечно,
Да наполнитъ его упованіемъ не усумнѣнным'ъ;
Ежелибъ не возвела Богиня къ Ментору мысли,
Так'ъ ему говоря: не-забу́дь же, Милое Чадо,
Всѣх'ъ попеченій моих'ъ о-Тебѣ, во время Младенства,
Да ты будешь мудръ и храбръ, как'ъ твой и-Роди́тель.
Ты ничего не дѣлай, чему не быть-бы достойну
Всѣх'ъ великих'ъ его Образцо́въ, совокупнож и-Пра́вилъ,

Кои тебѣ предписаны о Добродѣтелахъ [illegible].
Солнце всходило уже́, и Горъ верьхи позлащало;
Вышли Цари когда изъ-Салáнта къ собственнымъ Воямъ.
Сíи Полкú, облежавшíи Градъ, пошли благостройно,
И благокрасно, всѣ Вождя́ми своими ведо́мы.
Зрилось желѣзо вездѣ, стоя́щее въ Ко́пiяхъ тыномъ;
А разновидныхъ Щитóвъ помрачались сiянiемъ очи:
Туча взнялáсь до сáмыхъ облакъ пыльнаго Праха.
Идоменéй велъ, съ Ментóромъ, въ Поле Царéй-тѣхъ Союзныхъ,
Прочъ которы отъ-Стѣнъ градскúхъ тогда удалялись.
Но наконецъ разлучились, давши съ обѣúхъ-странъ знаки
Искренни, и праводу́шны, и-ку́пно истинны дружбы:
Такъ-что Союзники всѣ ужъ больше не сомнѣвались,
Чтобъ поставленну Миру тому не быть постоянну,
Въ Идоменéѣ когда благосердiе точно познали,
Кой имъ íнаковъ, нежели былъ онъ суще, представленъ.
Ибо о-нéмъ не-по-свóйствамъ его разсуждали природнымъ,
Но по-Совѣтамъ льстивнымъ тѣмъ и не Справедливымъ,
Слушая коихъ обыкъ на ихъ утверждаться всечасно.
Войску отшедшу, Идоменéй самъ Ментора всюду
Нáчалъ по-Гра́ду водить, и-всѣ-чáсти показывать въ оном.
Нужъ посмотримъ, Менторъ вѣщалъ, колико имѣ-

Какъ во Градѣ семóмъ Людей ; такъ и-въ-Пóлѣ насельныхъ:
Дóлжно-нимъ вѣрное всѣмъ Исчисленіе нынѣ содѣлать.
Сколько есть у-тебя́ Земледѣльцовъ межъ-óными всѣми ;
Сколькожъ и-Зе́мли твои въ Посредственны годы приносятъ
Жита, Вина́, и Масла, и-всѣхъ потребностей прочихъ
Способомъ симъ позна́емъ, Земля подаетъ-ли толико,
Надобно есть колико, да-всѣ препитаться возмогутъ;
И подаетъ-ли еще, да-своихъ отъ-Избытковъ чужіе
Можетъ Страны снабдить продажей купли Законны;
Мы разсмотримъ ктомужъ Кораблей число съ Мореходцы :
По сему разсуждать о-твоихъ всѣхъ Сплахъ достоитъ.
Вше́лъ-онъ въ Пристанище, и входилъ на каждое Судно :
Спрашивалъ, тѣ торговать въ которы плавали зе́мли;
Вещи какіе туда, и-какіи товары возили,
И какіи назадъ привозили также оттуду,
И полагаемъ колйкъ-былъ расходъ на Судно пловуще;
Были Займы́ возобратны между Купцами колики,
Коль и-Содру́жества людны ихъ и тверды бываютъ,
Чтобъ позна́ть тѣ праведныль, и наблюдаютсяль вѣрно,
Онъ, изпослѣдокъ, еще вопрошалъ о-разби́тіи Суденъ,
И о-други́хъ въ Торга́хъ злоключеніяхъ видимыхъ часто,
Предупредйть бы въ Купечествѣ толь разоренія многи,

Тѣмъ-что Купцы, какъ алчны всегда къ велику прибытку;
Многажды то предпріемлютъ, что-сѝлъ ихъ всячески вышше.
Онъ совѣтовалъ, да казнимы жѐстоко будутъ
Всѣ, которы себя объявляютъ ложно въ упадкѣ:
Ибо, кои въ себѣ не-имѣютъ Вѣрности злыя,
Не объявляютъ себя никогда безъ-причѝны Пропадшихъ.
Купно Прáвила онъ предложилъ, по-котóрымъ ужъ трýдно
Всѣмъ объявлять себя Безсовѣстнымъ Падшими вóвся:
Онъ поставилъ Судей, Купцыбъ симъ Сказки давали,
О Таварахъ своихъ, о-прибыткѣ, и о-расхóдахъ,
Такожде и о всѣхъ предпріятіяхъ Тóргомъ отвозныхъ.
Имъ-бы взятáго въ Долгъ отнюдъ не-отвáживать въ Страхи,
И Своегобъ отваживать имъ одну половину.
Многимъ втомужъ вобщѐ начинать предпріятія оны,
Коихъ не-мóгутъ одни поднять безъ-Таварищей мóчныхъ;
А порядкубъ Содружествъ сихъ быть не нарушѝму
Срогими Казньми тѣмъ, которы преступятъ Уставы:
Вольность въ Купечествѣ чтобъ всегдажъ была совершенна.
Да и-не-тóкмобъ сей Налогами не утѣсняться;
Но обѣщать еще и-награ́ды Людямъ Купецкимъ,
Кои въ Салантъ привлещи возмогутъ нову Торговлю.

Такъ не недля туда стеклись отвсюду Народы.
Града сего Купечество стало суще подобно,
Какъ и-Прили́ву къ брега́мъ, такъ и Отливужъ морскому.
Ца́ты [1]) втекали внутрь, какъ-Волна́ течетъ за-Волно́ю.
Все входило туда и всежъ исходило свободно.
Все входившее было полезно; а-что́ исходило,
То исходя, на-обме́нъ, оставляло другія Богатства.
Гро́зна Расправа тажъ предсѣдала въ Пристанищѣ са́момъ,
И посредѣ Пріѣзжавшихъ всѣхъ толь многихъ Народовъ.
Вольность, и-до́брая Вѣрность, и-чи́стая Искренность мнились,
Съ Башенъ высокихъ тѣхъ, призывать Купцовъ чужестранныхъ.
Каждый изъ си́хъ, иль отъ восто́чныхъ брего́въ онъ прибу́детъ,
Гдѣ ежедневно изъ-не́дръ глубинныхъ Солнце восходитъ,
Иль отправится отъ конецъ велики Пучины,
Въ кою Свѣтило то, утружденное бѣгомъ всечасным,
Лучъ-свой, и-жа́ръ, и Свѣтъ, и сія́ніе кроетъ за шедши,
Жилъ спокойно, и-жи́лъ еще въ безопасности всякой,
Въ Градѣ Салѣнтѣ томъ, какъ-въ-свое́й природной Отчизнѣ.

---

[1] Деньги.

Чтожъ до Града въ Стѣнахъ; то Менторъ всѣ осмотрилъ внутрь
И Анбары, и-Лавки всѣ Художничи таиже,
Всѣ и Площади Общенародны, и-всякое мѣсто.
Онъ запретилъ Товары всѣ изъ-земе́ль Инородныхъ,
Кои могли ввести въ Сала́нъ и Роскошь и-Нѣгу.
Опредѣли́лъ одежду, пи́щу, уборы, пространство,
И домо́въ украшенія всѣмъ Состояніямъ разнымъ.
Утвари всѣ отрѣшилъ изъ-Сребра́ и Злата всеобще;
И рекъ Идомене́ю: кромѣ единаго средства
Я не вѣмъ, чтобъ-содѣлать Народъ твой въ Прото-
ряхъ мѣренъ:
Самъ ему не будь образцомъ къ нждивенію многу.
Впрочемъ, Тебѣ на внѣшности всей оказывать должно
Нѣкую Свѣтлость Величества, и блистаніе нѣко;
Вла́сть-же твоя довольно весьма означена будетъ,
Стражею какъ твоею, такъ и-Служи́телей сонмомъ,
Да и-Вельмо́жъ, предъ-Престо́ломъ твоимъ всегда
Предстоящихъ.
Будь одеждой изъ-то́нки Волны Червле́ны доволенъ.
Первыи всѣ да-имѣютъ изъ-то́й же Ше́рсти одежду;
А вся разность между тобой и ними да-бу́детъ
Красокъ единственно въ цвѣтѣ, но-ты еще да-имѣешь
Ле́гку Опу́шку вкругъ по-воскри́ліямъ швенную
златомъ.
Лицъ у первѣйшихъ быть Опу́шкѣ круго́мъ Багряничной;
У вторыхъ-же да-сею По́лы токмо краси́тся;
Третіи Полъ до-среды Багряницу ту да-имѣютъ;
Обѣ Пе́рсей страны у-иныхъ да тою возблещутъ:

Прочіи всѣ, да-Плащи́ и Рясы свои безъ-Опу́шекъ,
И безъ всякихъ отмѣнъ, въ простой Чистотѣ, обле-
каютъ.
Разность Цвѣто́въ различитъ Состоянія также Сте-
пени,
Безъ [1]) Маргари́тъ, безъ-Сребра́, безъ Злата, безъ-
Ка́мней дражайшихъ.
Распредѣли́ притомъ Состояній Степени по-Ро́ду..
Тѣ да токмо стоятъ на первой Степени Особы,
КоихъДревнѣйшій Родъ, и есть блистательный паче.
Всѣ которы достойность имѣютъ, Власть-же и-чи́на,
Будутъ довольны по-Пе́рвыхъ быть непосредственно
въ Славѣ,
Тѣмъ что Древніи тѣ Честьми давно препочте́ны.
Люди, не-то́ль Благородны, уступятъ Породѣ Ста-
рѣйшей;
Токмобъ ты-Са́мъ не-прива́дилъ ихъ зазнаться все-
мѣрно
Въ счастіи томъ Высокомъ своемъ, и-прескро́мъ
излишно,
И чтобъ Са́мъ-же хвалилъ ты явно оныхъ Поступки,
Кои въпреспѣяніяхъ себя поведутъи мѣрно и-скро́мно.
Меньше всѣхъ подвержена Зависти та́-есть Отмѣна,
Коя приходитъ отъ-до́лгаго давнихъ Предковъ по-
рядка.
Но Добродѣтель довольно себѣ поощреній полу́-
читъ,
И потщится довольножъ всякъ служить Государству;
Ежели станешь Вѣнцы давать и-Знаме́на въ Награду
За презрядны Дѣянія ихъ, да-и-е́сли тѣ-будутъ,

[1] Жемчугъ.

Знакъ Благородства начеяшася Чадамъ содѣявши
Оны.
Первы Степени Особы да-но́сятъ бѣлые Ризы,
Вкругъ отъ-Подо́ла на-ни́хъ Бахраму́ висячу имѣ
А на-Руке́ златъ Перстень, на-Вы́и Ца́ту [1]) златую
На Цѣпочкѣ злато́й-же повѣшену съ о́бразомъ Ца
скимъ.
Быть вторыя Степени въ Одеждахъ Лазо́ревы
чинно,
Также имѣть имъ вкругъ Бахраму́ съ подола вися
Съ Сребряны́мъ Перстнемъ на-Пе́рстѣ, безъ-Ца
впрочемъ на-Вы́и.
Третіей Платье Степени да-бу́детъ Зелено́ по-цвѣ
Безъ Бахрамы, и-безъ-Пе́рстня, съ одною Цат
токмо.
По Четверта Степень Рудожелтый цвѣтъ да-имѣе
Пятая въ цвѣтъ Степе́нь да-одѣнется Алый [2]) Ш
ко́вый;
Въ цвѣтъ Гули́нный шестая да облечется пристой
Всѣ Седмыя, которы суть изъ нижня Народа,
Цвѣтъ Однорѝдкамъ свои́мъ дадутъ пусть Дым
тоси́ній.
Се Одѣяніе всѣхъ седми Состояній различныхъ
Для находящихся въ нихъ Людей Свободныхъ
Во́льныхъ:
Ибо Рабамъ темносѣраго ку́таться въ рубища цв
Та́къ-то безъ-про́тореи всѣхъ почти различит
имѣетъ
Каждый, и-бу́детъ по своему Состоянію каждый

---

[1]) Медаль. — [2]) Розовый.

Сими проженутся еще изъ-Салúнта Художества оны,
Кои къ единой токмо Пышности служатъ во-Свѣтѣ.
Люди пагубныхъ сихъ Художествъ употребятся,
Иль къ Рукодѣліямъ всѣмъ потребнымъ, которыхъ не-мно́го,
Иль къ Войнѣ, или къ Купечеству, иль къ Земледѣльству.
Ты не-терпи́ отнюдъ никогда никакія премѣны,
Какъ въ веществѣ Сукна́, такъ и въ покро́яхъ Одежды.
Есть недостойно, чтобъ-Лю́ди, опредѣле́нныи къ жизни
И не-игру́шечной и Благородной, толь упражнялись
Изобрѣтать, примышлять, премѣнять Наряды притворны,
И чтобъ-они́ Женамъ своимъ позволяли, которымъ
Былибъ такія не-сто́ль Упражненія въ стыдъ и-за-зо́рность.
Падать всегда въ Излишества сіи вѣтренотщетны.
Менторъ, подобенъ Садовнику бывъ тогда преискусну,
Кой отъ Древъ плодоносныхъ негодное все отсѣкаетъ,
Такъ старался отсѣчь и-пресѣчь конечно всю-Пышность,
Тлитъ котора и-то́ль повреждаетъ чистыи нравы:
Онъ приводилъ къ Простотѣ Благородной и-мѣрной всѣ-вѣщи.
Опредѣли́лъ онъ также Пи́щу Господску и-ра́бску.
Стыдъ-то коликъ, говорилъ, что-Высо́кіи са́мыи Люди,

Всю поставляютъ свою́ Великость въ различіи яде
Коими въ мягкость, и-въ-нѣгу, и-въ-сла́бость ду
приводятъ,
А нечувствительно здравіе тѣла всего погубляютъ
Должно имъ поставлять свое конечно Блаженство,
Въ мѣрности, въ силѣ что-мо́гутъ Другимъ Бла
содѣлать,
И во Славѣ, котору дѣла́ прино́сятъ-имъ до́бры.
Мѣрна Воздержность простую Пи́щу дѣлаетъ вкус
Ибо она́ подаетъ, со здравіемъ твердымъ и-цѣлы
Сладости чистые тѣ, и Сладости тѣ постоянны.
Такъ на-Столѣ твоемъ быть Яди долгъ самолучше
Но уготованной той однакъ безъ-разли́чны п
правы:
Все Искусство я́домъ сіе Людей отравляетъ,
Кое охоту даетъ къ яденію свыше потребы.
По́нялъ Цомене́й, что-вина́ его въ попущени
Всѣмъ вобще своего Обывателямъ новаго Града,
Нравы свои повреждать и тлетво́рно изнѣжив
также,
Всѣ Законы Міно́евы толь нарушая не-бре́жно,
Кои сей-да́лъ о-Возде́ржности и о трезвости мудр
Но благоумный Ментóръ ему изъяснилъ толковит
Что и-Зако́ны тѣ, хотя и возобнови́тся,
Суетны будутъ, когда не дастъ имъ о́бразъ-са
Царскій
Силы, котору отъинуды имъ получить не-возмо́ж
То́тчасъ Цомене́й учредилъ, какъ-Столу́-быть в
дневно:
Ставить на-се́й велѣлъ Пшеничный хлѣбъ пре
рядный;

А Вино домородно, что-свѣже, что-очень и-вкусно,
Но не многожъ того, съ простымъ Мясъ-варе́ніемъ
сы́нымъ,
Сы́рѣчь съ такою Пи́щею, кушивалъ сы́нъ-онъ какую,
Съ прочими Еллины, бывъ при-осадѣ Града Троянска.
Жалобъ никто не смѣлъ приносить на пра́вило оно,
Кое самъ-Царь положилъ, исполняя оное самъ же:
Да удержался и-всякъ отъ-расхо́довъ и разносло́въ,
Начали было въ которы уже́ погружаться безъ-мѣры.
Менторъ отсѣкъ пото́мъ Мусікію нѣжну и-же́нску,
Стала котора вконецъ всю Юность изнѣживать сильно.
Срого не-ме́ньше онъ запретилъ Корчемные Пѣсни:
Упосе́ваютъ то́ль-же онѣ, коль-пія́ныя Вина,
И производятъ нравъ крикливый и пребезстыдный.
Всю Мусікію и-Пѣніе отдалъ въ праздники Храмамъ,
На прославленіе въ нихъ Бого́въ, и также Проевъ,
Давшихъ собою примѣръ Добродѣтелей чудныхъ и-рѣдкихъ.
Быть еще украшеніямъ Зо́дческимъ [1]) онъ не-позво́лилъ,
Въ Хра́махъ кромѣ-что однихъ, каковы Столпы и-Присѣнки [2]),
И съ Лица́ Причелины [3]), и другія подобны;
Зо́дчества далъ образцы просто́го, однакъ благолична,
Стро́ить-бы на Пространствѣ токмо Посредственномъ Домы,

[1] Архітектурнымъ. — [2] Портікъ. — [3] Корнішъ.

Тѣмъ-бы веселымъ, тѣмъ и-выгóднымъ быть для-Семéйства:
Такъ чтобъ-Предóмъ стояли они къ здоровому виду,
Чтобъ въ нихъ-Покóямъ быть межъ-собóю не-стѣснéннымъ нимáло,
Чтобъ Порядку и Чистотѣ храниться удобно,
И чтобъ на Содержаніе много не исходило.
Онъ восхотѣлъ, чтобъ-при-всѣкомъ Домѣ Имени знáтна,
Быть, по-Столóвой, еще не-большóму Покою нарочно,
Ради почетнѣйшихъ Лицъ, и-Граждáнъ честныхъ-же и Вóльныхъ.
Но запретилъ прежестóко излишество въ Домѣ Покоевъ,
И велелѣпіе въ сихъ превосходно Богатствомъ чрезмѣрнымъ.
Разныя тѣ Образцы Домáмъ, на-Семéйство взирая,
Не большúмъ иждивеніемъ Града Часть украсили,
И содѣлали прáвильну ту и-порáдочну дивно,
Вмѣсто того, что-другáя Часть, ужé окончáнна
По самовольству Людей, и-по-úхъ же пышности тщетной,
Нѣчто имѣла, хотя и-былá Богатствомъ отлична,
Въ видѣ своемъ не столь казисто, и не-покóйно.
Новый сей-Грáдъ создáнъ весьма есть въ краткое время:
Ибо Елладскій ближайшій Брегъ снабдилъ изобильно
Добрыми Зóдчими, купно Шпіръ, и-Предѣлы другія;
Прибылúжъ тѣ Художники, и работныя Люди,

Точно съ предлогомъ такимъ, чтобъ, по окончаніи дѣла,
Имъ возъимѣть себѣ Селенія окрестъ Салáнта,
Зéмли взять же, тѣ распахать, тѣ также удóбрить,
И размножить Людей во всей Насельности оной.
Ментору Живопись, купно и-Рѣзьба, такими явились
Изъ Художествъ Художествы, конхъ оставить недóлжно:
Но восхотѣлъ, чтобъ-въ-Салáнтѣ Художникамъ быть-симъ не-мнóгимъ.
Онъ учредилъ Училище, гдѣ Предсѣдательми были
Мастеры, знанія силы въ дѣлѣ семъ превосходна,
Кои свóимъ свидѣтельствомъ Ученикóвъ разсмотряли.
Не подобáетъ въ сихъ, говорилъ, благородныхъ Наукахъ
Подлому быть ничему, и не совершенному рáвно.
Слѣдственно, имъ обучать долгъ Юношей Смысла такóва,
Кои надежду даютъ о-себѣ довольно велику,
И съ природы клóнятся сами они къ совершенству.
Прочіи суть рождéны къ дѣламъ не столь Благородным:
Сихъ долгъ употребля́ть къ обычаíнымъ Общества нуждамъ.
Но Ваíтели и Зографы потребны конечно,
Памяти на соблюденіе о Человѣкахъ великихъ,
И о-велúкихъ, и-бывшихъ прежде Дѣйствіяхъ славныхъ.
ВъЗданіяхъ общенародныхъ, или уже́ на-Гробúницахъ,

Должно хранить всѣ Изображе́нія, что предста
ютъ
Все содѣлано, отъ Добродѣтели не обычайны,
Отчеству на услуженіе, иль Человѣческу роду.
Впрочемъ Мѣрность и Непрото́рность въ Мен
мудромъ
Не возмогли не-позволить всѣхъ Строеній огромн
Въ коихъ ристать-бы на-Ко́нихъ, бѣгать искусн
Колескахъ
Биться Кулачнымъ Боемъ, и Кистене́мъ, и-Боро́
И отправлять другіи Подвиги, свойственны Грай
Пріобучающи Тѣло къ гибкостямъ бо́льшимъ
крѣпшимъ
Онъ отрѣшилъ число необъятно Купцовъ, пр
ющихъ
Травчеты [1]) Ру́бы и-ши́тьи, за превысокую цѣ
Также Златыи Сосуды, или Серебряны, кон
Съ рѣзьбою Божескихъ Лицъ, Человѣческихъ,
довъ Животныхъ
А наконецъ всѣ Во́дки, всѣжъ благовонные Ма́ст
Онъ восхотѣлъ еще, да-Убо́ры каждаго Дому
Будутъ просты, притомъ и-да-бу́дутъ онижъ д
вѣчны
Такъ что всѣ Салантѝнцы, которы явно тужили,
Что Убоги они и-Скудны, чувствовать стали,
Сколько Богатствъ уже́ у нихъ остается изли
Но то-Богатство было все и-обма́нно и-ло́жно,
Ихъ которое толь въ Недостатокъ всѣхъ приво
А они уже́ быть начали прямо Богаты

---

[1] Парчи и Штофы.

Тѣмъ, коль-охо́тнѣе Прихоти всѣ имѣть преставали.
Симъ ботатиться, вѣщали въ себѣ, чтобъ-такія Богатства
Пренебрега́ть, которыя всю истощаютъ Державу:
И умалять, до-потре́бъ природныхъ единственно, нужды.
Менторъ спѣшилъ осмотрить Оружейныи такожде Домы;
Тожъ для-того́, да знаетъ Оружія всякія въ оныхъ,
И Снаряды военны, и-всѣ потребности купно,
Въ до́бромъ-ли суть состояніи, и въ надлежащемъ Призорѣ.
Ибо должно, вѣщалъ, всегда быть къ Бра́ни готову,
Чтобъ когда, по-несча́стію, къ неіі не быть принуждену.
Онъ изобрѣлъ, что многаго всюду не доставало.
То́тчасъ со́браны и Кузнецы, и-Лите́йщики Мѣди.
Видимы стали горящіе быть и Пе́щи и-Го́рны,
И вихредымны Столбы, и Пламы огня́мъ-тѣмъ подобны
Кои подземны суть, и-Горо́й изрыгаются Этноіі.
Слышимъ былъ-Мла́тъ стучай, а На́коваль всяка стонала
Отъ непрерывныхъ, и-ча́стыхъ еще, по каждоіі, ударовъ.
Гулъ на ближнихъ Горахъ, на-брега́хъ и-морски́хъ раздавался:
Вся́къ-бы возмнилъ себя на Островѣ ономъ живуща,
Нѣсть [1]) гдѣ, ободряя себѣ сработныхъ Кукло́повъ,

[1] Вулканъ.

Сильно куетъ Отцу боговъ острометны Перуны;
И, по-предзрѣнію толь благоумному, видимы стал
Всѣми, въ глубокомъ Мирѣ, уготовле́нія къ Бра́ни
Менторъ вышелъ пото́мъ изъ града съ Идомене́е
И узрѣлъ большое пространство земель Плодо
ныхъ,
Кои лежали впустѣ безъ-вся́ка чрежденія Плуго
Ины чредимы явились токмо что въ половину,
Тожъ нерадѣніемъ и отъ скудости Пахарей нивы
Кои лишенны Людей, лишались и-бо́дрости такж
Также и-сі́лъ привесть Земледѣльность въ свое
вершенство.
Менторъ видя Поля́ невоздѣланны Ралом Се
скимъ,
Такъ Царю говорилъ: се Зе́мли требуютъ токмо
Жителей обогати́ть, но-Насе́льниковъ тутъ не-и
ютъ.
Во́змемъ-же лишнихъ всѣхъ Рукодѣльниковъ он
во-Гра́дѣ,
Коихъ все ремесло не служитъ, какъ-пра́вы по
тить,
И дади́мъ-имъ чредить Раздолы сі́и съ Холма́ми.
Правда, Несчастіе то, что сі́и люди умѣютъ
Въ прі́ѣдныхъ токмо Художествахъ трудъ п
га́ть-свои́ всегдашніи,
А не-привы́чны отнюдъ къ работѣ, сущей на-Ни́в
Но вотъ средство, какимъ сіе неудобство поправ
Должно по-ни́хъ раздѣлить всѣ зе́мли сі́и пусты
И призвать къ нимъ въ по́мощь Людей въ сосѣд
живущихъ,
Кои у-ни́хъ отправлять имѣютъ претяжку работ

Здѣлаютъ сіи то, за-награ́ды себѣ надлежащи,
Емлемы отъ Плодовъ, принесенныхъ самими Землями,
Кои они потрудятся воздѣлать и-мя́гко удо́брить.
Сіи въ послѣдствіе и владѣть въ нихъ частію могутъ,
И быть въ твой Народъ включенны, кой не многолюденъ.
Былибъ тѣ работя́щи, притомъ и-Зако́намъ послушны;
А то ихъ у-тебя́ не будетъ По́дданныхъ лучшихъ,
И пріумножатъ они твое не-пома́лу Могутство.
Такъ изъ Града твои Художники всѣ преселенны,
Дѣтокъ своихъ обуча́тъ труду и жизни суро́вой.
Сверьхъ же, Зо́дчіи всѣ, изъ-земе́ль чужестранныхъ пришедши,
И трудящися здѣсь твоего въ созиданіи Града,
Такъ наняли́сь, чтобъ-имъ-ча́сть земель твои́хъ-же воздѣлать,
И у-тебя́ пребывать Земледѣльцами сильными по́слѣ.
Ты изво́ль-ихъ къ Твоимъ причесть по-сверше́ніи дѣла:
Любо имъ-бу́детъ свою́ провожда́ть-жизнь подъ-вла́стію сущимъ,
И подъ-таки́мъ Правительствомъ, кое льго́тно-есть нынѣ.
Но какъ-они́ свѣре́жи тѣломъ и трудолюбны;
То примѣромъ свои́мъ возбу́дятъ къ работѣ конечно;
Тѣхъ на-Поля́ преселенныхъ изъ-Гра́да Людей рукодѣльныхъ,
Съ коими всѣ они совокупно смѣшаны будутъ.
Въ слѣдствіе, вся Земля расплоди́тъ ужъ сильны Семейства,
И къ Земледѣльству токмо всегда прилѣжащи радиво.

Впрочемъ, Ты не-зоботься людей сихъ объ умножении:
Ро́дъ-ихъ конечно не-вдо́лгѣ станетъ быть неисчетный,
Только́бъ самъ ты гладкій путь-да́лъ къ Сочетаніямъ брачнымъ
Спо́собъ-же сей къ Супружеству есть простъ очень и-ле́гокъ.
Всѣ почти Человѣки склонность имѣютъ къ женитвѣ.
Ежели ты налогами отягощать-ихъ не-ста́нешь;
То легко́ проживутъ съ своими Дѣтьми и-Жена́ми:
Ибо земля никогда не-быва́етъ не благодарна:
Всѣхъ питаетъ своими плода́ми чредя́щихъ-ту́зѣльно:
Токмо Добръ своихъ не-даётъ къ ней не прилѣжащимъ.
Больше́ль у Селянина Дѣтей? тѣмъ-бога́тѣй-онъ паче,
Ежели самъ Государь не-приво́дитъ онаго въ скудость.
Дѣти ихъ отъ-млады́хъ ногте́й пособствуютъ имъ же:
Младшіи въ нихъ Овецъ проганяютъ на-па́жити тучны;
А постарѣй которы, пасутъ тамъ-Стада́ многоскотны;
Старшіи́жъ са́мы съ Отцемъ на Нивѣ рабо́таютъ вкупѣ.
Тѣмъ между, Домочадицы Мать вспоможенна другими,
Столъ готовитъ Мужу простый, своимъ-же и-Дѣтямъ,
Коимъ должно притти въ Домъ отъ трудо́въ цѣлоденныхъ.
Дѣло ежъ доить Кравъ, -Ове́цъ, доить Козъ-пригна́нныхъ;

Такъ что зрится Млеко тещи́ большѝми ручьѝми.
Въ Горнѣ разводитъ огонь, при-кото́ромъ все́-то Семе́йство
Ставитъ въ забаву себѣ, пѣть Пѣсенки це́лый-тотъ вечеръ,
Въ предожида́ніи Сна дружелюбномъ, совсѣмъ беспорочномъ.
Па́хтаетъ Масло на-Сы́ръ она́жъ, она́жъ припасаетъ
Всякій Садо́вый Плодъ, и-хранѝтъ Овощъ Огородный.
Пастырь приходитъ въ домъ съ своею свирѣлію съ Паствы,
И Домочадству на-не́й играетъ новые Пѣсни,
Кои пе́ренялъ слухомъ онъ отъ Ку́щицъ [1]) приближнихъ.
Входитъ Оратай съ Плугомъ свои́мъ везомымъ Волами,
Идутъ которы, уставши съ трудо́въ, ишеи склонивши,
Медленнымъ ша́гомъ и-ти́химъ, бодѣцъ коль ни понуждаетъ:
Тягости всѣ и-рабо́та вся, съ днемъ купно конча́тся.
Маръ, что Сонъ, по-судба́мъ Бого́въ, разливаетъ наземлю,
Сладостьми всѣ утоляетъ своими мрачны заботы,
И въ услажденіи все Естество содержитъ спокойномъ.
Всякъ засыпаетъ трудовъ не-предвидя воутріе вставши.
О блаженъ сей родъ Человѣковъ не любочестныхъ,
Не подзорливыхъ, не ухищренныхъ, и не-ковáрныхъ!

[1] Шалашъ.

Токмобъ Боги Царя Благосерднаго имъ даровали,
Кой бы радости ихъ не-мути́лъ никогда неповинны!
Но какая ужасная есть то бесчеловѣчность,
Чтобъ отнимать у нихъ, въ произволахъ пречесто-
лю́бныхъ,
И препышныхъ еще, Плоды приносимы Землями,
Кои они отъ-щедро́тъ Естества себѣ получаютъ,
И получаютъ притомъ своего Лица́-же и-въ-по́тѣ?
Токмо одно Естество моглобъ, отъ-оби́льнаго нѣдра,
Все пода́ть неисчетну числу Человѣковъ воздержныхъ,
И трудолюбныхъ. Но-спе́сь-то Людей, и о́ныхъ-же
нѣга,
Кои Подручныхъ имъ приводятъ въ гнусную Бѣд-
ность.

Чтожъ содѣлаю я, рекъ Ідомене́й вопрошая,
Если тѣ-Лю́ди всѣ, по-Поля́мъ я коихъ разсѣю,
О чреждени земель радѣть, какъ должно, не бу́дутъ?
Дѣлай, Менторъ ему, вопреки́ бываему обще.
Всѣ Государи Лакомы, и Дальновидностей чужды,
Токмо стараются отягоща́ть Налогами оныхъ,
Кои бодрственнѣй суть и-досу́жѣй стяжаніе множить:
Ибо надѣются тѣмъ получить способнѣе плату;
Купножъ не-сто́ль бременятъ, отъ лѣности кои скуд-
няе.
Преобрати́ сей рядъ худы́й, изнуряющи Добрыхъ,
А награждающій Зло, нерадѣніе въ духъ совводящій,
То́ль-же Царю самому́, коль-всему́ смертоносное Цар-
ству.
Дань наложи, наложи плате́жны такожде [1]) Пе́ни,

---

[1] Штрафы.

лще Наказанія сихъ жесточайши на-всѣхъ тѣхъ,
не-станутъ радѣть о Пашнѣ своей всеприлѣжно;
о какъ-мо́гъ бы ты наказать Оружниковъ роб-
ких.
омъ мѣста́ и-притѝны свои оставльшихъ на-бра́ни.
сопротивъ, награждай, и-дава́й Семе́йствамъ-тѣмъ
льготу,
и, множа себя, умножаютъ чрежденіе Пашенъ.
:корѣ ихъ Домочадство все расплодиться имѣетъ,
а и всѣ изъ нихъ ободрятся рабо́тать на-Нивахъ,
І работа еще сія быть станетъ почетна:
Все Земледѣльство уже́ презираемо болѣй не-бу́детъ,
Тѣмъ-что не-бу́детъ оно́ толь многимъ зломъ изможденно.
Узрится Плугъ, Побѣдителей возобращаемъ руками,
Отчество храбро свое защи́тившихъ отъ Супостатовъ.
Столькожъ будетъ въ честь прилѣжно радѣть о-На-
слѣдствѣ,
До́брѣ пріятомъ отъ-Пре́дковъ своихъ въ Миръ бла-
гополу́чный;
Сколько и-сла́вно, что-то́ защи́тилъ всякъ вседушно,
Во времена Нестроеній и-Бра́ни свирѣпыя шумовъ.
Вся Насельность всядѣ процвѣтетъ прекрасна ко-
взо́ру.
Матерь Гимѝтра [1]) уже́ увѣнчается Класы златыми.
Вакхъ [2]), угнѣтая ногами Гро́зды самъ Виноградны,
Дастъ потещи́ съ хребто́въ-горъ потокамъ ліющимся
чисто,
Тѣмъ ліющимся то́камъ Вина́, что-и-Не́ктара слаждше.

---

[1] Церера. — [2] Бахусъ.

Въ тучныхъ Юдоляхъ всѣхъ воскликнутъ Пастыр
гласы,
Пастырей, при ручіяхъ свѣтлоструйныхъ друж
сѣдящихъ,
И счетающихъ Пѣніе тамъ со звукомъ Свирѣл
ными,
Да и-гласящихъ иль-грусти свои, иль сладки утѣх
А въ то время Стада-ихъ расходятся всюду по-ала
И промежду гуляютъ Цвѣтовъ отъ-Волковъ безъ-
лани.
Самъ не-признаешься, Іоменей, быть счастли
пресчастливъ,
Что Источникомъ будешь Благъ толико премноги
И что дашь твоего жить-подъ-сѣнію Имени собна,
Многимъ Народамъ толь, въ любезномъ толико Ci
койствѣ?
Слава сія не-сладчайшаль Славы, Земли чтобъ-г
бить,
Чтобъ разливать повсюду, почти толикожъ и-въ-Дб
При Побѣдахъ, колико между Побѣжденными ро
Смертноубійство, Смятеніе, Страхъ, Содрогате
ство, Ужасъ,
Всяку Болѣзнь, Гладъ, -и-саму Отчаянность горш
Смерти?
О Блаженны Цари, любимы довольно Богами,
И вседушны довольно толь, да быть изволяютъ
Сладостьми такъ всего Народа себѣ подчиненна,
И да кажутъ всѣмъ временамъ, въ ихъ собстве
Царство,
Зрѣлище толь прекрасно, и-тольдостопамятно
вѣки!

Цѣла Земля, не то чтобъ-щити́ться отъ-о́наго Силы
Ставя премноги сраженія, вѣрно сама́бъ прибѣжала,
И къ стопа́мъ-бы его припала, прося униженно,
Да соизволитъ Царствовать онъ предержавно надъ-
не́ю.

Ідомене́й на-сіе́: когда ужъ Людіе будутъ
Въ мирѣ такомъ пребывать, и въ такъ изобиліи вся-
комъ;
То испортитъ Достатокъ ихъ, и-они́ совосстанутъ
Силами всѣми противъ меня, имъ данными мною.
Не опасайся, Менторъ сказалъ, сего не удобства:
То предлогъ, приводимый всегда на-ласка́тельство
хитро
Всѣмъ Государямъ, любящимъ толь расточительность
многу,
И хотящимъ Людей своихъ разорить чрезъ-нало́ги.
На Неудобность сію Лѣкарство на́йдено прежде.
Всѣ положе́нныи нами Законы о Земледѣльствѣ,
Жизнь ихъ всю весьма содѣлаютъ трудополо́жну;
А въ Доста́ткѣ своемъ возъимѣютъ нужное токмо:
Ибо мы-Про́мыслъ всякъ отсѣкаемъ дающій излишно.
Сей и-Доста́токъ еще умалится легкостью Браковъ,
И умноженіемъ всѣхъ Домочадствъ конечно великимъ.
Каждо Семейство, какъ-ста́вши уже́ весьма много-
людно,
А у-себя́ не-имѣ́я довольства Земли́ равномѣрна,
Будетъ стараться сію чредить трудомъ неусыпнымъ:
Нѣга и-Пра́зность Людей содѣваютъ мятежныхъ и-
на́глыхъ.
Будетъ у-ни́хъ, то правда, Хлѣбъ и-дово́льно хоро-

Но не будетъ у-нихъ кромѣ единаго Хлѣба,
И кромѣ Плодовъ земныхъ, получе́нныхъ работой
Чтожъ бы Людямъ твоимъ въ сей мѣрности бы
непрестанно;
То долгъ нынѣ распредѣли́ть Земе́ль-всѣхъ простр
ство,
Коимъ каждому изъ Домочадствъ владѣть по-разны
На-седмь Часте́й раздѣленъ мной, знаешь, Наро́
твоей всеобще,
Тожъ по разности онаго всѣхъ Состояній разл
ныхъ.
Каждому не позволять Домочадству каждыя ча́ст
Какъ владѣть толико Земли́, колико потребно,
На препитаніе всѣхъ Особъ, составляющихъ оно.
Сей Уставъ когда нерушимо будетъ храниться;
То Благородныи Люди отнюдъ уже́ не-возмо́гутъ
Пріобрѣта́ть себѣ Земли́, сверьхъ Бѣдныхъ, излиш
Будутъ Зе́мли у-всѣхъ, но-у-ка́ждаго очень не-мно
И чрезъ то понудится всякъ чредить-ту прилѣжи
Если по-вре́мени многомъ Земель ужъ здѣсь не-
ста́нетъ;
То разсылать въ Преселенія долгъ Усадьбы по-ча
Кои распространя́тъ еще сіе Государство.
Мню, что предопасти́сь тебѣ надлежитъ все
нечно,
Чтобъ не быть Віну у-тебя́ всеобщу надъ-мѣру.
Ежели сверьхъ потребы наса́дятся гдѣ Виноградны
То, наконецъ, исторгать ихъ должно не обходимо
Есть источникъ Віно превеликихъ золъ межъ-На
домъ:
То причиняетъ Болѣзни, Стязанія, Свары, Мятеж

Празность, Лѣность къ труду, Беспорядокъ во-всѣхъ
Домочадствахъ.
Такъ да-блюдётсяжъ Вино какъ нѣкое токмо Лѣкар-
ство,
Иль какъ нѣкое здѣсь Питіе, но рѣдкое очень,
Кое да-бу́детъ употребля́емо только при-Же́ртвѣ,
Иль и въ праздничны Дни, да-и-въ-сіи дни чревы-
чайны.
Но не-надѣйся сему быть Пра́вилу, важному столько,
Быть наблюдаему, ежели Са́мъ-ты примѣромъ не-бу́-
дешь.
А съ другія страны, смотрить, да-храня́тся всемѣрно,
И ненару́шимо, тѣ положе́нны Ми́ромъ Законы,
О воспитаніи что Дѣтей въ малолѣтствіи сущихъ.
Долгъ учредить всенародны Училища, въ коихъ
учить бы
Страху къ Бога́мъ, Любви къ Отечеству, Чтивству къ
Законамъ,
Да и-сему́, чтобъ предпочита́ть Честь-Утѣхамъ и-
Жи́зни.
Градонача́льникамъ должно быть, назира́ть-бы ко-
торымъ
Всѣ Домочадства, и-Нравы всѣхъ Подчиненныхъ
Державѣ;
Болѣежъ самъ назирай, длятого́ что-ты-Ца́рь, а-то-
зна́читъ,
Что ты Пастырь, смотрить денноночно твои́мъ-
всѣмъ за-Ста́домъ,
Предупреди́шь-симъ Злодѣйствъ премножество и
Пребесчинній.
Ко́ихъ-же ты не-возмо́жешь предупреди́ть назирая;

Казньми тѣхъ наказуй жестóко и беспощадно:
Есть милосердіе то, чтобъ быть примѣрамъ Казненій,
Тѣмъ-что Неправды они рыскъ борзый обуздавáютъ.
Малымъ пролитіемъ Крови большое потóмъ уцѣлѣетъ,
И пребываютъ въ страхѣ всѣ безъ-казнéнія чáста.
Но что за проклятое Прáвило есть таковое,
Мнить, и въ твердь полагать своѝ безопасность всецѣлу,
Въ преозлобленіи всѣхъ, и-Людéй въ утѣсненіи тяжкомъ?
Не подавáть-имъ отнюдь никогда никакихъ Наставленій,
Не приводить ихъ всѣхъ ни-къ-святóй Добродѣтели также,
Къ нимъ никогда ужъ не приходить и-въ-любóвь чистосерду,
Страхомъ сильно ввергать въ безнадежду отчаянность оныхъ,
Рѣя тѣхъ устремлять такъ къ не обходимости сущей,
Чтобъ иль имъ не-мощи никогда дышáть-ужъ свободно,
Иль чтобъ иго свергать твоея Тираніи въ Господствѣ;
Есть-ли прямое то-срéдство, Царствовать пребезмятéжно?
Сéй-ли-то путь, который ведетъ къ вóжделѣннѣйшей Славѣ?
Нóяни, что Цáрства, въ которыхъ Верьховный есть Самодержнѣй,
Царства суть-тѣ, гдѣ-Верьхóвныи меньше Власти имѣютъ.

Емлютъ, и-всѐ разоряютъ, одни всѣмъ-владѣютъ въ Державѣ;
Но тощится сія, что-всѣ-пу́сты Поля́ остаются:
Малятся Грады на-вся́къ день, и пресыхаетъ Торговля.
Царь, который Царемъ единъ быть всяко не-мо́жетъ,
А Царемъ онъ отъ подчинившася токмо Народа,
Самъ приходитъ въ Ничто отъ ма́ла тончая по-ма́лу,
Уничтоже́ніемъ тѣмъ нечувствительнымъ обще Людей всѣхъ,
Онъ отъ-кото́рыхъ Богатство и-всѐ получаетъ Могутство.
Царство его и-Людьми́ становится и- [1]) Нѣнзьми скудно.
Гибель послѣдня сія изъ всѣхъ есть превеличайша,
И притомъ изъ са́мыхъ она́ невозвратныхъ всеиѣрно:
Власть его пребезмѣрная та, что-она́ Самодержна,
Подлыхъ рабовъ себѣ толикожъ чрезъ-то́ содѣваетъ,
Есть у-него́ колико всѣхъ достоiйныхъ въ Подданствѣ.
Всякъ ласкаетъ ему, Поклонникомъ вся́къ-же быть-хо́четъ,
Да и всякъ отъ-его́ трепещетъ мнѣiшаго взора.
Но подожди Вещей преобратности токмо начаты.
Преподобля́тная Сила сія, возведенна чрезъ-мѣру
До Преизлишествъ такихъ, которы суть-на́глы несносно,
Не устоитъ тогда, и-ника́къ удержаться не-смо́жетъ.
Нѣтъ Прибѣжища ей къ сердцамъ Народа Подчинна:
Все утомила она́ раздраженное Тѣло Державы.

---

[1] Деньги.

Члены Тѣла сего желать принудила всяко,
Всѣжъ тѣсъ жаромъ однимъ, такія Премѣны подобны.
Первымъ самымъ ударомъ ей, Истуканъ-весь низверженъ,
И препопранъ въ поспѣшности всѣхъ Почитавшихъ ногами.
Ненависть и Презоръ, и-боязнь, Недовѣрность, Досада;
Словомъ, всѣ востаютъ на Власть, толь-враждебную, Страсти.
Царь, кой-въ-своемъ преспѣяни, самоюжъ вещію тщетнымъ,
Не обрѣталъ ниже одного когда Человѣка,
Смѣлъ-бы который ему доносить всю Истину прямо,
Не изобрящетъ-же ни одного въ своемъ злоключени,
Ктобъ его извинять, илибъ защищать удостоилъ,
Отъ устремленныхъ Враговъ и-ярящихся всѣхъ Супостатовъ.
Рѣчи по-сей, преклонённый Менторомъ твердѣйше въ сердцѣ,
Доменей поспѣшилъ дѣлить всѣ праздные Земли,
Ихъ населять бесполезными всѣжъ Художники тѣми,
И тогдажъ исполнять все-по-мѣрамъ пріятымъ конечно.
Коижъ Зодчіямъ опредѣлилъ, тѣ токмо оставилъ:
Ибо они не-могли ихъ-чредить Окончанія прежде
Всѣмъ своимъ, еще не-свершённымъ, Работамъ во-Градѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯНАДЕСЯТЬ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Ідоменéй разсказываетъ Ментору обнадѣяніе свое на Протесілáя, и ухищренія сего Любимца, бывшаго въ согласіи съ Тімокрáтомъ, на погубленіе Філоклію, и на измѣну ему Самому. Признавается что, бывъ предуловлéнъ клеветами сихъ двухъ человѣковъ на Філоклія, далъ указъ Тімокрáту убить того въ нѣкоемъ Походѣ, гдѣ былъ Корабленачальникомъ у него: что понеже Тімокрáту не удалось злодѣйства произвесть дѣломъ; то Філоклій пощадилъ его, а самъ отбылъ въ островъ Самóнъ, поручивъ Начальствованіе надъ Кораблями Полумéну, коего Ідоменей самъ назначилъ своимъ указомъ: и что, не взирая на Предательство Протесілáево, не восхотѣлъ никакъ содѣлать, да его избудетъ.

Се ужъ Слава объ Ідоменéевой льготной Державѣ,
Сонмы премноги Людей со всѣхъ сторонъ привлекаетъ;
Кои въ Салáнтъ приходили къ его причисляться Народу,
И подъ-Владычествомъ толь любезнымъ быть-счáстливы вполнѣ.
Се ужъ тѣ Поля́, долговременно бывши толико
Терніемъ, и Волчцемъ, и Злакомъ безсочнымъ покрыты,
Всѣ обѣщаютъ собой изобильную Жатву повсюду,
И приносъ Плодовъ по-то-врéмя невидѣнныхъ тамо.
Нѣдро свое Земля отверзаетъ óстрію Рала,
И богатства готовитъ самá Земледѣльцу въ награду.
Возоблистáла надежда Благъ по-мѣстáмъ-всѣмъ Благая.
Видимъ сталъ и-въ-Долáхъ, и-на-Хóлмахъ Овецъ преизбытокъ,

Скачущихъ и блеющихъ тамъ по-трáвѣ густорослой;
А большія стадá Воловъ, Тельцóвъ-же и-Юницъ,
Всѣ оглашаютъ своíмъ мичаніемъ Гóры высоки;
Малъ и-велúкъ сей Скотъ къ утученію служитъ всѣхъ-Нáшенъ.
Ментóръ нашелъ къ Скотоводству сему прямое посредство:
Идоменéю подалъ совѣты полезныя Ментóръ,
Да съ Невкéты, сосѣднимъ Родомъ и не-далéкимъ,
Онъ производитъ мѣну излишними всѣми вѣщами,
Коихъ ктому имѣть въ Салáнтѣ не надлежало,
Тѣ на-Стадá, которыхъ нéбыло у Салантíйцовъ.
Въ сáмое время тожъ и Градъ и-окóльныя Сéла,
Были цвѣтущія всѣ исполнены Юности крáсно,
Коя въ бѣдности ужъ давно своей унывала,
И не-дерзáла, боясь не-примнóжить-бы золъ, пожениться.
Кáкъ-же увидѣли въ Идоменéѣ Людскость толику,
И что хощетъ быть Отецъ имъ всѣмъ чадолюбенъ;
То не-ужéктому страшились Глада всеобща,
Также Бичéй ни-другúхъ, и-нижé напастей смертельныхъ,
Небо которыми всю наказýетъ преступную Землю.
Слышимы стали вездѣ тамъ радости тóкмо-что гласы,
Тóкмо-что пѣсни Пасущихъ Стадá, и Пашущихъ Нивы,
Кои такимъ ликовствомъ[1]) Уменéи свои прославляли.
Всякъ-бы возмнилъ зрить[2]) Нáна, и-Сáтуровъ многихъ и-Фáвновъ,

[1] Браки. — [2] Панъ, и Сатуры, и Фавны суть Лѣсные боги.

Съ Нимфами сѣшанныхъ всѣхъ, и плящущихъ хо́рами купно
И по звону Цѣвницъ, и въ сѣни Рощи густыя.
Всюду была тишина, веселіе, радость, спокойство:
Но ликовство то было умѣренно, тѣ м-забавы
Токмо служили имъ, отъ-трудо́въ отдохнуть да-возмо́гутъ;
А отъ-сего́ и-остря́й онѣ и сладостнѣй были.
Мужи, дней престарѣлыхъ, дивясь что-дѣйствительно видятъ,
Видѣть чего не-могли́ уповать въ состарѣвшемся вѣкѣ,
Плакали радости отъ преизбытка въ себѣ сердолюбно.
Ру́ки они къ небесамъ свои воздѣвали дрожжащи:
Самъ осѣни́, говорили всѣ, о! Зевсъ превеликій,
Самъ осѣни́ Царя, тебѣ толико подобна,
Кой превелій есть-да́ръ отъ-тебя́ и-тобо́й ниспосла́нный.
Ца́рь-нашъ рожденъ на-сіе́, да-творитъ Добро Человѣкамъ:
Са́мъ-же воздаи́-то Царю, что мы отъ-него́ воспріемлемъ.
Правнуки наши, отъ-си́хъ происшедшіи впредь Сочетаній,
Коимъ поспѣшствуетъ Царь, ему одолже́ны всѣмъ-бу́дутъ,
И самимъ Рождествомъ своимъ, а Царь быть-имѣетъ
Истинный са́мый Отецъ себѣ Подчиненныхъ въ Державѣ.
Юноши также и-Юнотки всѣ, что-во-Браки вступили,

Радость свою́ проявляли похвалъ воспѣваніемъ всякихъ
Оному, отъ кого себѣ получили ту-ра́дость;
Имя его уста́-всѣхъ, и-па́че сердца́ величали.
Мнились счастливы быть, когда́-онъ увидится ими.
Всячески токмо боялись, дабы его не-лиши́ться:
Онаго Смерть былабъ умертвіемъ каждому Дому.
Идоменéй тогда признался Ментору явѣ,
Что никогда не чувствовалъ бо́льшія сладости сердцемъ,
Какъ чтобъ-люби́му быть, и-премно́гимъ счастіе дѣлать.
Ябъ сему не-возмо́гъ отнюдъ, говори́лъ-онъ, повѣрить:
Да и-каза́лось мнѣ, что все Величіе Царско
Въ томъ состоитъ, да всѣ Царей конечно боятся;
Что всѣ прочіи суть для нихъ содѣланы Люди;
И что Слышано мной о-Царя́хъ, которыи были
Какъ Любовь, такъ Сладость свои́мъ подвластнымъ Народамъ:
Все мнѣ Баснію быть и Лжи вымышленьми являлось:
Я теперь сіе ужъ вѣдаю истиной точной.
Долженъ тебѣ разсказать, какъ-мое́ отра́влено сердце
Ядомъ, отъ-мя́гкихъ ногте́й, о-Царе́й всѣхъ власти верьховной:
Та причина и-е́сть всѣмъ-мои́мъ Несчастіямъ въ жизни.
Идоменéй посемъ такъ на́чалъ сказывать повѣсть.
Протесіла́й, меня не многими старѣе лѣты,
Былъ изъ Юношъ всѣхъ, я-люби́лъ котораго болѣй:
Рѣзва и-смѣла природа его была́-мнѣ по-вку́су.

Сей пріобщился ко-всѣмъ моимъ въ забавахъ утѣхамъ;
Сей никогда моимъ страстямъ безъ-ласка́нія не-былъ;
Сей и-приве́лъ-мнѣ въ подзоръ другаго Юношу также,
Собственно кой Філокле́емъ былъ у насъ именуемъ.
Страхъ имѣлъ-онъ Бого́въ, съ веледушіемъ, скро́мнымъ-же токмо:
А поставлялъ Великость не-въ-то́мъ, емубъ возноситься;
Но побѣждать себя, ничегожъ, и-что-по́дло, не-дѣлать.
Онъ говорилъ всегда о-моіхъ мнѣ смѣло порокахъ:
А когда не смѣлъ говорить, то-молча́ніе са́мо
И на-лицѣ его печаль, мнѣ-дово́льно являли,
Было ему что-во-мнѣ непріятно и достохульно.
Спе́рва сія его мнѣ Искренность нравилась очень;
Да и часто ему заклинался моими словами,
Что я буду слушать его во-всю-жи́знь неотложно,
Мнѣбъ отъ хитрыхъ Ласкателей предохрани́ться конечно.
Онъ предлагалъ мнѣ все, что-я-до́лженъ дѣлать изрядно,
Шествовать чтобъ по-Стопа́мъ моего мнѣ Дѣда Міноя,
И чтобъ счастливу быть мосму и Царствію кунно.
Мудрости онъ не-имѣлъ твоея глубочайшія, о-Ме́нторъ!
Токможъ его наставленія тверды были довольно:
Ибо нынѣ я-то́ всемѣрно самъ признаваю.
Мало помалу Протесіла́й, ухищреньми своими,

Кой Завистливъ, и Честолюбія былъ преисполненъ,
Мнѣ привелъ Філокла́я тогда въ совершенну постылость.
Сей, неискателенъ бывъ, далъ-уси́литься Протесила́ю;
Токмо самъ продолжалъ говорить мнѣ истину точну,
Я когда его въ чемъ ни позво́лилъ-бы слушать:
Прямо о-по́льзѣ моей, не о себѣ онъ-стара́лся.
Протесила́й нечувствительно такъ меня предувѣрилъ,
Что есть онъ Человѣкъ угрюмый, строптивый, и го́рдый,
Кой мою́ Поступку всю и-Дѣла́ охуждаетъ;
Кой для-того́ у-меня́ ничего себѣ и-не-про́ситъ,
Что ничего имѣть отъ-меня́ по спеси не-хо́четъ;
И кой ищетъ Славы всегда Человѣка тако́ва,
Есть который весьма Честе́й всѣхъ вышше собою.
Что сей Юноша, о́нъ-же еще приложи́лъ-мнѣ внушая,
Смѣло меня порочащій толь за-погрѣшности многи,
Всѣмъ о нихъ говорить и-другимъ дерзновенно толикожъ;
И предовольно знать даетъ, что-меня́-онъ не-лю́битъ.
А что такъ ничтожитъ меня; то-стремя́тся, по-Сла́вѣ
За Добродѣтель свою́, проложить себѣ путь-къ-Престо́лу.
Спе́рва не-мо́гъ повѣрить я, чтобъ-хотѣніе было
У Філокла́я, меня низложить съ Престола законна:
Въ истинной есть Добродѣтели Искренность и Чистосердность,
Коимъ отнюдъ никогда не можно быть Лицемѣрнымъ,

І въ которыхъ никто и-никáкъ обмануться не-мóжетъ;
Гокмо ихъ всегдабъ примѣчáлъ-онъ вниманіемъ должнымъ:
Свѣтятся какъ [1]) Адамáнтъ въ желтовидномъ пéрстневомъ Златѣ.
Но Філоклíева на мои всѣ слабости твердость,
Ужъ началá меня утруждать, и быть-мнѣ досадна.
Протесілáевыжъ всѣ угожденія, купно Досужство
Не исчерпаемо тѣмъ, да-обрáщетъ-мнѣ новы утѣхи,
Чувствовать болѣй еще мнѣ-давáли суровость Другаго;
А я нѣкогда такъ и-открылся Протесілáю:
О! тебя, къ которому лѣтами éсмь-я ближайшій,
Юноша мнѣ прелюбезный, объемлю искреннимъ сердцемъ,
И Клеврета себя представляю на-слýчаи всяки:
Мной безъ-тебя́ ни кая снискаться Слава имѣетъ.
Протесілáй однакъ, терпѣть самъ не возмогая,
Чтобъ какъ-всея́ клеветы я на Філоклíя не-кúнулъ,
Взялъ произволъ, на-него́ не-внушáть мнѣ болѣй словами,
А увѣрить меня чемъ-нибýдь рѣчéй-всѣхъ крѣпчайшимъ.
Сежъ какъ и довершилъ меня обманýть-онъ Коварствомъ.
Мнѣ присовѣтовалъ онъ послать Філоклíя, да-бýдетъ
Главный на Кораблях, которымъ тогда надлежало
Ратовать на Кораближъ противны изъ Карпаéіи;

[1]) Алмазъ.

Что́жъ-бы меня къ сему преклонить, говори́лъ-о
мнѣ тако:
Знаешь, что-я́ не-подзо́бенъ ему отъ-меня́ похвала
Я признаю́, что-онъ-хра́бръ и смысленъ въ дѣлѣ
енномъ.
Онъ послужитъ тебѣ и-услу́житъ всякаго лучше:
Польза твоя, на-него́ мнѣ больше всяки досады.
Радъ я былъ, Правоту таковую видя не-ло́жно
Въ сердцѣ Протесила́я, которому я предповѣрилъ
Дѣлъ управленіе все моихъ наважныхъ въ Держав
Обнялъ я его въ восторгѣ радости зѣльны;
Сча́стлива мнилъ въ избытокъ себя, что-Пове́ре
ность отдалъ
Всю Человѣку мою́, который быть-мнѣ явился
Всякія Стра́сти, еще и-Корысти всякіяжъ, выше.
Но, ахъ горе! коль Государи жалѣніи достоіины!
Онъ зналъ лучше меня, Самому́ былъ нежель я-в
домъ.
Зналъ, что-Царя́ недовѣрчивы суть и неприлѣжащ
Суть Недовѣрчивы, по непрестанному опыту въ л
дяхъ,
Хитростей ихъ и-Кова́рствъ, а-Царя́ Людьми так
выми
И окруже́ны всегда; но не Прилѣжащи они же,
Тѣмъ что-Заба́вы ихъ и-Утѣхи прочъ отвлекаютъ
И что-имѣютъ Особъ, за Нихъ которые мыслятъ,
Такъ что Сами они отнюдъ не-хотя́тъ потрудитьс
Уразумѣлъ, что-не-тру́дно привесть меня въ Не
вѣрность,
Также и-въ-За́висть къ такому изъ Человѣковъ

е преминетъ показать Дѣяній виды великихъ;
Большежъ, что Небытность его дастъ-ему́ преспо-
собность,
Ставить на-о́наго всякіе Сѣти, какіе захочетъ.
Но Філоклій, отлучаясь, предвидѣлъ что-мо́жетъ
случиться.
Памятуй, мнѣ говорилъ, что-ужъ-са́мъ не-могу́ оправ-
даться;
Что ты слушать будешь всегда моего Супостата;
И что-служа́ Тебѣ, съ потеряніемъ жизни самы́я,
Вмѣсто Награды твою себѣ получу́-я Немилость.
Ты обманулся, ему сказалъ я-на-то́, всеконечно:
Протесіла́й не такъ о-тебѣ, какъ-о-не́мъ-ты, смыш-
ляетъ:
Хвалитъ онъ Тебя, и-Тебя́жъ съ почитаніемъ любитъ;
Да и мнитъ достойна Тебя всѣхъ Должностей важ-
ныхъ.
Ежели на́чнетъ онъ говорить о-Тебѣ-что Противно;
То моея къ себѣ лишится Милости вѣрно.
Не опасайся отнюдъ ничего; изволь отправляться;
И не-старайся, какъ-то́кмо мнѣ услуги содѣлать.
Отбылъ онъ, простившись со-мно́й въ печальнѣй-
шемъ видѣ;
А оставилъ меня весьма въ состояніи странномъ.
До́лженъ-я, Менторъ, тебѣ признаться, что-я́сно-
мнѣ было,
Коль потре́бно-есть многихъ имѣть при-себѣ чело-
вѣковъ.
Съ коимибъ могъ совѣтовать, и что-быть-ху́же не-
мо́жетъ,
" такъ са́мыхъ и-дѣлъ для-успѣха,

Чтобъ полагаться совсѣмъ на-едúну токмо Особу.
Я испыталъ, Філокліевы что благоумны Совѣты
Предохранúли меня отъ-Погрѣшностей многихъ напастныхъ,
Въ коибъ Протесілáева спесь меняжъ ниспровергла.
Чувствовалъ я, что-былá Добрóты твердь въ Філокліи,
Такожде и Правоты, каковыя въ Протесілáѣ
Не ощущалъ никогда. Однакъ ему попустилъ я
Нѣкій голосъ рѣшительный взять, которому нéбылъ
Самъ ужъ я почитаи въ состоянiи сопротивлáться.
Былъ утружденъ я, быть межъ ними всегда обоими,
Коихъ не возмогалъ никакъ согласить совокупно;
А въ утружденiи семъ я-хотѣлъ, по слабости, лучше
Нѣчто пускать на-отвáгу, хотя Дѣламъ и-въ-убытокъ,
Чтобъ Самомýотдыхать мнѣ было возможно въ свободѣ.
Ябъ не-дерзнýлъ говорить и-себѣ Самомý Произвола,
Толь бесчестнаго, коiи побудилъ меня поступить такъ.
Но бесчестный сей Произволъ, въ стыдъ-менá приводившiи,
Сильно дѣiствовалъ таи моего въ глубокости сéрдца,
И причиною былъ прямою всего, что-я-дѣлалъ.
Тамъ Філокліи уловилъ нечаянно тѣхъ Супостатовъ;
Полну и одержалъ надъ ними славно Побѣду;
Да и-спѣшúлъ, какъ-возмóжно скоряе, вспять возвратиться,
Предупредúть-бы ему Навѣты, которыхъ боялся.

Но вотъ Протесіла́й, не-имѣ́въ поры́ благослу́чны,
Чтобъ меня обману́ть, къ нему написалъ своеручно,
Будто желаю я, да онъ не-уме́длитъ ни-ма́ло,
И нападетъ, Побѣ́дитель, на-о́стровъ весь Карпаѳі́ю.
Подлинно, удостовѣ́рилъ меня, что-могу́-я удобно
Завоева́ть тотъ островъ весь и-подвла́стнымъ содѣ-
лать.
Но потщался онъ-та́къ, что многаго не доставало
Въ томъ предпріятіи всемъ Філокліо, котораго также
Нѣкоимъ онъ Указамъ подвергъ, причинившимъ раз-
личны
Трудности, и Препоны большіе во исполненіи.
Тѣмъ между преносилъ къ нему все на́всеСлужитель;
Косго я имѣлъ при-себѣ плутоватаго очень,
Всѣ наблюдавшаго дѣйства мои со всѣми рѣчами,
Хоть и-каза́лись они, что-съ-собо́й не видятся часто,
И что-отню́дъ согласія не имѣютъ взаимна.
Сей Служитель, коій Тімокра́томъ именова́лся,
Нѣкогда мнѣ донесъ, какъ будто великую таіну,
Что дознался онъ одного пребѣдственна дѣла.
Хочетъ, онъ говорилъ, Філокліи морско́е все-Во́йско
Употреби́ть на то, чтобъ-ему́ быть-Царе́мъ въ Кар-
паѳіи.
Главныи надъ Полка́ми твоими къ нему прилѣпились;
Ратныи всѣ его задо́брены также дарами,
Большежъ еще Самоволіемъ пагубнымъ, кое дано́
имъ.
Онъ напыще́нъ есть самъ своею Побѣ́дою зѣльно.
Вотъ Письмо, имъ-Самимъ начертанно къ единому
Дру́гу,
О произволѣ всемъ, что-Царе́мъ содѣлаться хощетъ:

Нѣльзя Сомнѣнію быть при толь очевидной Уликѣ.
Я прочелъ то-Письмо́ Рука Філокліева зрилась;
Но подъ-его́ совершенно и-то́чно подписанось По́черкъ;
Здѣлалъ-то Протесіла́й самъ съ тѣмъ заодно Тімокра́томъ.
То письмо привело меня въ престранное Диво:
Я непрестанно его читалъ, и-не-мо́гъ-я повѣрить,
Чтобъ Філокліеву быть тому Письму не-отмѣнно,
Всѣ приводя въ мою́ смущенную память признаки,
Что не любитъ Корысти онъ, и-что-Вѣренъ всецѣло.
Чтожъ однако при-всѣ́мъ томъ могъ я дѣлать пристоі́но?
Какъ не вѣрить Письму, мнилъ въ коемъ я достовѣрно,
Руку себя Філокліеву прямо и-су́ще признавша?
Лишъ Тімокра́тъ усмотрилъ, что-не-мо́гъ-я противиться больше
Хитрости и Коварству его; то-повелъ онъ-ихъ-да́лѣй.
Я дерзнулъ, говорилъ опинаясь мнѣ, указать здѣсь
Только единo Словцо́ въ Філокліевѣ семъ Написани?
Онъ своему Пріятелю пишетъ, что-мо́жетъ надежно
Съ Протесіла́емъ тотъ говорить о нѣкоемъ дѣлѣ,
Кое впрочемъ тутъ объявляетъ Зна́чкомъ, не-Бу́квой.
Конче Протесіла́й одномыслен есть Філокліо;
И они межъ-собо́ій, во вредъ тебѣ, примирились.
Знаешь, что-Протесіла́й понуждалъ тебя неотступно,
Чтобъ Філокліа послать Войной на тѣхъ Карпаѳій-цовъ.
Нѣсколько времени ужъ, какъ онъ пересталъ всеко-

На Філокліа тебѣ говорить непріязнымъ Навѣтомъ,
Какъ то дѣлывалъ прежде того въ многократномъ
пріемѣ.
На сопротивъ, онъ хвалитъ его, и-всегда извиняетъ;
Списку имѣютъ уже́ межъ-собо́й дружелюбну до-
вольно.
Нѣтъ сомнѣнія, Протесіла́й съ Філокліемъ взялъ-мѣры,
Всю раздѣлить по-пола́мъ Карпаѳію завоева́нну.
Видишь, что-о́нъ восхотѣлъ быть-сему́ Предпріятію
прямо
Пра́вилам всѣмъ вопреки́, и-что-хо́четъ, да-все́ пре-
погибнетъ
Войско твое, въ удовольство своей Честолюбности
токмо.
Какъ бы довле творить и сталъ Філокліевой ра́вно,
Еслибъ они межъ-собо́й еще пребывали въ Не-
дружбѣ?
Нѣтъ, конечно нѣтъ сомнѣнія тутъ ни-малѣйша,
Чтобъ имъ-не-бы́ть обоимъ въ согласіи предумыш-
лённомъ,
Да вознесутся во-вла́сть они велику взаимно,
Мо́жетъ-же быть, и-да-Ца́рственный твой Престолъ
ниспровергнутъ.
Такъ тебѣ говоря, я знаю что подвергаюсь
Гнѣву ихъ на-себя́, когда, не-взира́я ни-ма́ло
На мои чистосердны тебѣ извѣстія сіи,
Ты еще въ рукахъ ихъ-всю-вла́сть оставить изволишь.
Но что-мнѣ-ну́жды, я-то́лькобъ донесъ всю истину
сущу.
Сіи послѣдни слова́, провѣщанны предъ-мно́й Ти-
мокра́томъ,

Се́рдца внутрь моего впечатлѣлись крайно глубоко.
Не сомнѣвался ктому Філокліевѣ я объ-измѣнѣ;
Да ужъ не довѣрялъ и Протесілаю, какъ-Дру́гу.
Тѣмъ между Тімокра́тъ внушалъ мнѣ-сіе́ непрестанно:
Ежели ждешь, когда Філокліи покоритъ Карпаѳію;
То ужъ время, его удержать всѣ умыслы, у́йдетъ.
Ты его захватить поспѣшій, когда́-то возможно.
Мнѣ премерзско такое Людей укрывательство было.
Бо́льше-ужъ я не зналъ, кому надлежало и-вѣрить.
По Філокліевой той измѣнѣ, не-зрилъ Человѣка
Всей на-землѣ, меня которагобъ уже Добродѣтель
Удостовѣрить могла о-себѣ, и-не-да́ть сомнѣваться.
Я положилъ вѣроломца того погубить не-заме́дливъ;
Но опасался притомъ не-пома́лу Протесіла́я;
И не зналъ, что дѣлать съ нимъ съ самимъ надлежало.
Страшно мнѣ-было его изобрѣсть толико виновна;
А страшился уже́ ему я вѣрить надеждно.
Но, наконецъ, въ мятежѣ моемъ, не могъ удержаться,
Чтобъ не молвить ему, Філокліи что ста́лъ-мнѣ подозренъ.
Онъ показался быть удивле́нъ, и мнѣ представлялъ онъ
Правую всю поступку его и скромную очень;
Распространи́лся въ егожъ услугахъ, и-сло́вомъ единымъ,
Здѣлалъ все, да удостовѣрюсь я всеконечно,
Что тому онъ-Сообщникъ во-все́мъ былъ дѣлъ прекрайній:

А съ другія страны, Тімокра́тъ не-теря́лъ благовре-
менствъ,
Мнѣ къ наблюденію бо́льшу сего́-ихъ Согласія обща,
И къ тому, да скло́нитъ меня погубить Філокла́я,
Могъ еще въ рукахъ имѣть его я-доко́лѣ.
Виждь, любезный мой-Ме́нторъ, колико Цари́-суть
бесчастны;
Такожде виждь, коль на люде́й-имъ надѣяться можно;
И коль-подве́ржены быть въ игру другимъ человѣ-
камъ,
Суще въ то-вре́мя, когда Человѣки оны другіи
Кажутся, что въ трепетніи къ ихъ Стопа́мъ припа-
да́ютъ!
Я возмнилъ, что-вельми́ содѣлаю преухищре́нно,
И въ пень Протесіла́я остановлю́ не-отло́жно:
Тайно послалъ къ морско́му Воинству я Тімокра́та,
Чтобъ ему Філокла́я тамъ умертвить безпощадно.
Протесіла́й до-конца́ являлъ свое Лицемѣрство,
И обманулъ меня способнѣе тѣмъ, что-каза́лся
Какъ таковый Человѣкъ, въ обманъ который дается.
Вотъ Тімокра́тъ полетѣлъ, и-нашелъ онъ тамъ Фі-
локла́я
Очень довольно въ своемъ нападеніи томъ затруд-
не́нна.
Оскудѣва́ло все-на́все ему, длятого́-что не-зна́я
Протесіла́й, погуби́тъ-ли врага Письмо́-то подложно,
Способъ имѣть хотѣлъ другіи тому на-погибель,
Тоесть, худый Успѣхъ въ Предпріятіи, онъ о-кото́-
ромъ
Толь обнадежилъ меня, и кой приведетъ всеконечно

Мнѣ Філокліи въ гнѣвъ, да-и-въ-пагубужъ вдругъ
неизбѣжну.
Трудную сей ту-Войну содержалъ чрезъ Бодрость
едину,
И своимъ Благоумiемъ, и Любовiю также,
Войско къ нему какую всегда имѣло все-навсе.
Въ Воинствѣ всѣ хоть - признали, что - то Нападеніе
было
И продерзостно, и смертоносно, всей - мѣрой для -
Крiтянъ;
Каждый трудился однакъ съ толикимъ усердiемъ
порязнь,
Что какъ-егобъ-жизнь, иль счастіе въ томъ состояло
Успѣхѣ.
Каждый доволенъ былъ попускаться на-смерть еже-
часно,
Толь при мудромъ Вождѣ, и-да будетъ любимъ, при-
лѣжащемъ.
Надобно было всего Тiмократу конечно бояться,
Главна того потребить хотящу Войска въ срединѣ,
Кое любило его сердечно толь и-пристрастно.
Но Любочестiя бѣшенство слѣпо есть и-безумно:
Не находилъ ничего Тiмократъ претруднаго къ дѣлу,
Толькобъ ему возмощи удовольствовать Протесiлая,
Съ коимъ хотѣлъ мнѣ быть Правiтель самоверьхов-
ный,
Послѣ какъ Філокліи ктому въ живыхъ-ужъ не-ста-
нетъ.
Протесiлай не могъ терпѣть Человѣка предобра,
Косго видъ, злодѣйствамъ его былъ-укоръ непре-
станный,

И кой замыслы въ немъ представлять мнѣ могъ очевидно.
Двухъ Тимократъ подкупилъ Начальниковъ, бывшихъ всегдашно
Не отлучныхъ нигдѣ Филокліевы тамъ отъ-особы.
Онъ обѣщалъ обоимъ отъ-меня-имъ награды большіе;
А потомъ Филоклію сказалъ, что-моимъ-же указомъ
Прибылъ туда, сообщить ему повелѣнія тайны,
Кои долженъ явить въ присутствіи тѣхъ-двухъ Начальныхъ.
Вотъ Филоклій заключился съ ними, и съ Тимократомъ.
Сей тогда поразилъ Филоклія однажды Кинжаломъ:
Вскользь попалъ ударъ, и-далеко не углубился.
Тутъ Филоклій, не здробивъ, Кинжалъ у-него отнимаетъ,
И сей употребилъ на тѣхъ-двухъ, и-[1]) нань совокупно.
Въ самое время тожъ прегромко кричать начинаетъ:
Всѣ прибѣжали, тотчасъ и двери збили съ запоровъ,
Отняли и Филоклія изъ-рукъ тѣхъ-троихъ человѣковъ,
Въ робости кои своей нападали на-одного слабо.
Взяты они; и-тотчасъ-бы на-части разорваны были,
Толь осерчаніе Войска всего велико имѣлось,
Еслибъ самъ Филоклій не унялъ Множества яра.
Послѣ взялъ-онъ особно къ себѣ одного Тимократа,
И вопрошалъ его безъ гнѣва и-тихости въ духѣ,
Что привело его къ толико проклату Злодѣйству.

[1]) На него.

Тутъ Тімокра́тъ, страшась да-не-сме́рти предастся
достойной,
То́тчасъ ему объявилъ повеле́ніе, данное мною,
И на-письмѣ Указъ, убить Філокла́я пріѣхавъ.
И какъ-Преда́тели суть обычайно по́длы и-ро́бки;
То спасти свой-живо́тъ и тщался единственно болѣй,
Протесіла́евъ весь-у́мыслъ тотъ Філокла́ю сказуя.
Но Філокла́й въ себѣ содрогшійся ужасомъ хлад-
нымъ,
Видя толико мрачную злость въ человѣкахъ живу-
щихъ,
Волѣ произволъ исполненный скромныя мѣрности
точно:
Войску всему объявилъ, Тімокра́тъ что есть непови-
ненъ;
И въ безопасности въ Критъ его отосла́лъ - онъ воз-
вратно.
Отдалъ притомъ Начальство надъ-Во́инствомъ всѣмъ
Полумѣ́ну,
Коего опредѣли́лъ я самъ моимъ тѣмъ-ука́зомъ,
Какъ Філокла́й потребленъ отъ-среды Живыхъ быть-
имѣетъ.
Онъ, наконецъ, увѣнчалъ Полки́ мнѣ - о - вѣрности
должной;
Са́мъ-же пошелъ, и сѣлъ въ Кораблецъ малъ нощи
при-мра́кѣ:
Да и въ ономъ отъѣхалъ въ островъ Само́нъ благо-
счастно,
Гдѣ пребываетъ спокойно уедине́нъ-же и-ску́денъ,
Дѣлая, на препитаніе тамъ себѣ, Истуканы,
И не-хоти́-ужъ о-лю́дяхъ, толь неправдивыхъ, и-
слышать,

И·кой замыслы въ немъ представлять мнѣ могъ очевидно.

Двухъ Тимократъ подкупилъ Начальниковъ, бывшихъ всегдашно
Не отлучныхъ нигдѣ Филокліевы тамъ отъ-особы.
Онъ обѣщалъ обоимъ отъ-меня́-имъ награды большіе;
А потомъ Филоклію сказалъ, что-моимъ-же указомъ
Прибылъ туда, сообщить ему повелѣнія тайны,
Кои долженъ явить въ присутствіи тѣхъ-двухъ Начальныхъ.
Вотъ Филоклій заключился съ ними, и съ Тимократомъ.
Сей тогда поразилъ Филоклія однажды Кинжаломъ:
Вскользь попалъ ударъ, и-далеко не углубился.
Тутъ Филоклій, не здробивъ, Кинжалъ у-него́ отнимаетъ,
И сей употреби́лъ на тѣхъ-двухъ, и-[1]) на́нь совокупно.
Въ са́мое время тожъ прегромко кричать начинаетъ:
Всѣ прибѣжали, тотча́съ и двери збили съ запоровъ,
Отняли и Филоклія изъ-ру́къ тѣхъ-трои́хъ человѣковъ,
Въ робости кои своей нападали на-о́наго слабо.
Взяты они; и-тотча́съ-бы на-ча́сти разо́рваны были,
Толь осерчаніе Войска всего велико имѣлось,
Еслибъ самъ Филоклій не унялъ Множества я́ра.
По́слѣ взя́лъ-онъ особно къ себѣ одного Тимократа,
И вопрошалъ его безъ гнѣва и-ти́хости въ духѣ,
Что привело его къ толико прокляту Злодѣйству.

[1]) На него.

Тутъ Тімокра́тъ, страшась да-не-сме́рти предастся
достойной,
То́тчасъ ему объявилъ повеле́ніе, данное мною,
И на-письмѣ Указъ, убить Філокла́я пріѣхавъ.
И какъ-Преда́тели суть обычайно по́длы м-ро́бии;!!
То спасти свой-живо́тъ и тщался единственно болѣй,
Протесіла́евъ весь-у́мыслъ тотъ Філокліо сказуя.
Но Філоклій въ себѣ содрогшійся ужасомъ хлад-
нымъ,
Видя толико мрачную злость въ человѣкахъ живу-
щихъ,
Волѣ произволъ исполненный скромныя вѣрности
точно:
Войску всему объявилъ, Тімокра́тъ что есть непови-
ненъ;
И въ безопасности въ Критъ его отосла́лъ - онъ воз-
вратно.
Отдалъ притомъ Начальство надъ-Во́инствомъ всѣмъ
Полуме́ну,
Коего опредѣли́лъ я самъ моимъ тѣмъ-указомъ,
Какъ Філоклій потребленъ отъ-среды Живыхъ быть-
имѣетъ.
Онъ, наконецъ, увѣнчалъ Полки́ мнѣ - о - вѣрности
должной;
Са́мъ-же пошелъ, и сѣлъ въ Кораблецъ малъ нощи
при-мра́кѣ:
Да и въ ономъ отъѣхалъ въ островъ Само́нъ благо-
счастно,
Гдѣ пребываетъ спокойно уедине́нъ-же и-ску́денъ,
Дѣлая, на препитаніе тамъ себѣ, Истуканы,
И не-хоти́-ужъ о-лю́дяхъ, толь неправдивыхъ, и-
слы́шать,

Большихъ о Царяхъ, которыхъ имѣть пребесчастныхъ,
И преслѣдныхъ изъ-всего человѣческаго Рода во-Свѣтѣ.
Ментеръ остановилъ на мѣстѣ-семъ Идоменея.
Чтожъ, говорилъ, познилъ-ли-ты сущую истину вскорѣ?
Нѣтъ, рекъ Идоменей; познавалъ-я отъ-мала по-малу
Хитрости Протесилаевы и Тимократовы адски.
Нѣсколько послѣ, они межъ-собой и-поссорились также:
Ибо Злымъ-Людямъ пребыть во-взаимномъ согласіи трудно.
Ихъ раздоръ довершилъ показать мнѣ пропасть глубоку,
Коея тѣ на самое дно меня ниспровергли.
Инъ когдажъ то такъ, предпріялъ рѣчь Ментеръ и-паки,
Ты сознобилъ-ли тѣхъ обоихъ збить-съ-очей невозвратно?
Ахъ! отвѣтствовалъ Идоменей, иль-тебѣ неизвѣстны
Слабости, купно и затрудненія всѣхъ Государей?
Сіи когда предадутся безсовѣстнымъ Людямъ и-дерзскимъ,
Кои толь искусно имъ умѣютъ быть-нужны;
То Государи себѣ не могутъ-ужъ чаять свободы.
Всѣ, которыхъ они наиболѣй въ себѣ презираютъ,
Суть наивящше отъ-нихъ Благодѣтельствомъ взысканы многимъ.
Протесилаемъ мерзился я; однакожъ оставилъ
Всю въ рукахъ у-него по прежнему власть неотмѣнно.

Странное диво! Я-рáдостенъ былъ, что онаго знаю;
Силыжъ притомъ не-имѣлъ у-него къ отнятію
власти,
Кою ему попустилъ имѣть чрезмѣрну и-крáйню.
А съ другíя страны находилъ его имѣ-выгóдна;
И снисходяща, и-льстíть Страстямъ всѣмъ-моíмъ
прискусна,
И ктомужъ преусердна къ моíмъ-же прибыткамъ и-
пóльзамъ.
Словомъ, имѣлъ-я причину себя извинять за-ту-Слáбость:
Ибо истинны я не зналъ Добродѣтели твердо,
Тѣмъ-что избрать не-умѣлъ Людей Добродѣтельныхъ точно,
Кóимъ-бы править такъ моими всѣми дѣлами.
Мнилъ, что нѣтъ на-Землѣ отнюдъ Добродѣтельныхъ
прямо,
И что вся Добродѣтель Призракъ есть токмо прекрасный.
Пользы что, помышлялъ въ себѣ, быть-сему громогласну,
Чтобъ свободиться отъ-рукъ человѣка превращéнна,
А чтобъ-попáсться къ другому не-бóльше Доброму
также,
Будетъ который ни-мéньше Лакомъ, ни-Искрененъ
паче?
Войско Морское можъ-тѣмъ, съ Полумéномъ, вспять
возвратилось:
Я не мыслилъ ктому покорить Карпаéйскій весь-
óстровъ,

Большемъ о Царяхъ, которыхъ мнитъ пребесчастныхъ,
И преслѣпыхъ изъ-всего человѣческаго Рода во-Свѣтѣ.
Ментеръ остановилъ на мѣстѣ-семъ Идоменея.
Чтожъ, говорилъ, позналъ-ли-ты сущую истину вскорѣ?
Нѣтъ, рекъ Идоменей; познавалъ-я отъ-мала по-малу
Хитрости Протесилаевы и Тимократовы адски.
Нѣсколько послѣ, они межъ-собой и-поссорились также:
Ибо Злымъ-Людямъ пребыть во-взаимномъ согласіи трудно.
Ихъ раздоръ довершилъ показать мнѣ пропасть глубоку,
Коея тѣ на самое дно меня ниспровергли.
Инъ когдажъ то такъ, предпріялъ рѣчь Ментеръ и-паки,
Ты сознзволилъ-ли тѣхъ обоихъ збить-съ-очей невозвратно?
Ахъ! отвѣтствовалъ Идоменей, иль-тебѣ неизвѣстны
Слабости, купно и затрудненія всѣхъ Государей?
Сіи когда предадутся безсовѣстнымъ Людямъ и-дераскимъ,
Кои толь искусно имъ умѣютъ быть-нужны;
То Государи себѣ не могутъ-ужъ чаять свободы.
Всѣ, которыхъ они наиболѣй въ себѣ презираютъ,
Суть наивящше отъ-нихъ Благодѣтельствомъ взысканы многимъ.
Протесилаемъ мерзился я; однакожъ оставилъ
Всю въ рукахъ у-него по прежнему власть неотмѣнно.

Странное диво! Я-радостенъ былъ, что онаго знаю;
Сильныхъ притомъ не-имѣлъ у-него къ отнятію власти,
Кою ему попустилъ имѣть чрезмѣрну и-крайню.
А съ другія страны находилъ его мнѣ-выгодна;
И снисходяща, и-льстить Страстямъ всѣмъ-моимъ преискусна,
И ктомужъ преусердна къ моимъ-же прибыткамъ и-пользамъ.
Словомъ, имѣлъ-я причину себя извинять за-ту-Слабость:
Ибо истинны я не зналъ Добродѣтели твердо,
Тѣмъ-что избрать не-умѣлъ Людей Добродѣтельныхъ точно,
Коимъ-бы править такъ моими всѣми дѣлами.
Мнилъ, что нѣтъ на-Землѣ отнюдъ Добродѣтельныхъ прямо,
И что вся Добродѣтель Призракъ есть токмо прекрасный.
Пользы что, помышлялъ въ себѣ, быть-сему громогласну,
Чтобъ свободиться отъ-рукъ человѣка превращенна,
А чтобъ-попасться къ другому не-больше Доброму также,
Будетъ который ни-менѣше Лакомъ, ни-Искренемъ паче?
Войско Морское мнѣ-тѣмъ, съ Полуменомъ, вспять возвратилось:
Я не мыслилъ ктому покорить Карпаѳійскій весь-островъ,

Протесіла́й-же не-мо́гъ никакъ толь-скрыва́ть пре-
глубоко,
Чтобъ не-уви́дѣть мнѣ, коль быль-онъ печаленъ о-
вѣсти,
Что Філоклій безопасенъ уже́ пребываетъ въ Само́ѣ.
О коль трудно есть, не-явить на-лицѣ-всемъ Зло-
дѣйства!
Менторъ здѣсь и-еще́ вопросилъ же Ідомене́я,
Не продолжалъ ли сей, по толи́ко проклятой измѣнѣ,
Преповѣря́ть свои Дѣла́ всѣ Протесіла́ю?
Я былъ, Ідомене́й говорилъ, Дѣламъ врагъ-вели́кій,
И неприлѣженъ толь, что-никакъ мнѣ было не-
мо́жно,
Безъ его и Рукъ, и Словъ, и-Стара́ній проняться:
Вѣсь-бы порядокъ пресобрати́ть вконецъ надлежало,
Кой учрежденъ былъ мной для легости мнѣ и-вы-
го́ды,
И научить еще ина́го вновь Человѣка.
Но на-сіе́ то Силъ у-меня́ всемѣрнобъ не-ста́ло:
Лучше хотѣлъ-я всегда имѣть зажму́рены очи,
Да не вижду Протесіла́евыхъ всѣхъ Ухищреній.
Симъ утѣшался однимъ, что-явля́лъ Особимъ надежд-
нымъ.
Свѣдуща быть себя объ-его́ невѣрности точно.
Такъ я мнилъ, что есмь проводи́мъ отъ-него́ въ по-
ловину,
Тѣмъ-что я-зна́лъ проводи́ма себя́-быть при-слу́чаѣ
всякомъ.
По временамъ давалъ я знать и Протесіла́ю,
Что скошу я иго его то не терпѣливно.
Часто люби́лъ-я во-всемъ ему наотрѣзъ прекословить,

Нѣчто еще охуждать при всѣхъ изъ-Содѣланна
онымъ,
И рѣшить то не по-его́, да прямо въ противность.
Но какъ-онъ-ме́дленность зналъ мою́ и такожде Лѣ-
ность;
То не-смотря́лъ ни мало на-всѣ мнѣ не удовольства:
Употребля́лъ иногда понужденія дней не-терпя́пци,
А иногда внѣдрялся льстивно, и прегибался.
Большежъ, когда онъ усмотрѣва́лъ, на-него́ что-я-
гнѣвенъ;
То сугубилъ свои старанія, мнѣ да-изыщетъ
Новы Забавы совсѣмъ меня изнѣжить способны,
Иль да вринетъ меняжъ въ начатіе дѣла како́ва,
Гдѣбъ былъ случай ему себя пренадобна дѣлать,
И показать бы къ Славѣ моей великую Ревность.
Яжъ хотя отъ-него́ и-весьма́ самъ предохраня́лся;
Но сей способъ, моимъ Страстямъ въ ласкательствѣ
нѣжномъ,
Не преставая меня къ нему прилѣплялъ безотрывно.
Онъ меня облегчалъ въ моихъ Затрудненіяхъ тяж-
кихъ;
Онъ приводилъ всѣхъ въ трепетъ моею властію тою:
И наконецъ, я-не мо́гъ лишиться его всеконечно.
Но содержа его такъ-на-мѣстѣ, всѣхъ я-прину́дилъ
Добрыхъ Людей быть не въ состояніи, истинны
пользы
Мнѣ къ представленію, и сея къ изъясненію тверду.
Отъ времен-тѣхъ уже́ ктому не слышимо стало,
Ни одного въ монхъ совѣтахъ свободнаго сло́ва:
Истина прочъ на вѣки вся отъ-меня́ удалилась.
Грѣхъ, который Царямъ Паденіе уготовля́етъ,

Казнь мнѣ далъ, что-принесъ я въ жертву того Фі-
локлія
Протесілаеву Любоначальству срогу и-люту.
Всѣ имѣвшіи ревность къ моей Особѣ и-къ-Царству,
Предразсудили, меня ужъ не выводить изъ-обма-
новъ,
Послѣ данна того образца, толико ужасна.
Самъ, дражайшій мой-Ментеръ, я боялся презѣльно,
Чтобъ сквозь мраки всѣ не-проникнула Истина прямо,
И чтобъ та не-дошла до-меня при-Ласкателяхъ са-
мыхъ:
Ибо, какъ-я ужъ небылъ въ силахъ слѣдовать оной;
То ея весь свѣтъ казался мнѣ наискученъ.
Чувствовалъ самъ въ себѣ, что табъ во мнѣ возбу-
дила
Всѣ угрызенія, и раскаяній острые мысли,
А отвлещи отнюдъ не-могла́бъ отъ зла пресмер-
тельна.
Нѣга моя, и Сила, какую взялъ-ужъ надъ-мною
Протесілаій по-не-многу, меня всего погружали
Въ нѣкій отчаяній родъ къ полученію паки свободы.
Я не-хотѣлъ зрить-ни-самъ Состоянія толь пребес-
честна,
Ни попускать, да видятъ оное всѣ и-другіи
Знаешь, Ментеръ драгій, вышемѣрность Суетства
полну,
Также и-ложную Славу, въ какихъ Цари возраща-
ютъ:
Не хотятъ никогда, да-Царіи не правыми будутъ;
Чтобъ утаить грѣхъ-одинъ, сто цѣлое должно-ихъ
дѣлать.

Вмѣсто чтобъ признаться, что-онъ, въ томъ-иль-въ-
томъ, обманулся,
И потщаться скорѣй изъ-всего заблужденія выйти;
Надобно ужъ попустить, да-всю-жизнь обольщается
лжею.
Вотъ Царей Состояніе слабыхъ и нерадивыхъ!
Да и-мое, по мѣрамъ всѣмъ, то самое было,
Мнѣ когда надлежало ѣхать къ осадѣ Троянской.
Я, отправляясь туда, оставилъ Протесіла
Всѣми уже одного Дѣлами правяща властно.
Былъ-онъ всему Судія въ небытность мою пренад-
менный;
И по-изволу устроевалъ рядъ бесчеловѣчно:
Критское Царство стенало все отъ-его Тиранній;
Но никто Озлобленія Людямъ не-смѣлъ мнѣ-дать-вѣ-
дать.
Каждый зналъ, что я боялся Истину видѣть,
И что лютому толь предавалъ всѣхъ Протесілаю,
Ктобъ на-него ни-хотѣлъ предпріять, доносить-мнѣ
навѣты.
Но чемъ меньше была, загремѣть на онаго смѣлость;
Самымъ больше тѣмъ и наглѣе зло умножалось.
Онъ потомъ принудилъ меня отгнать Мирiона,
Мужа храбра того, коiй-со-мною подъ-Троей былъ
толь-славно.
Возненавидѣлъ сего, какъ-и-всѣхъ любимыхъ-мнѣ
бывшихъ,
И проявившихъ въ себѣ Добродѣтель нѣкую хвальну.
Знай же, Ментеръ драгій, что всѣ Несчастія
горьки
Произошли, и мнѣ отъ-того приключились конечно.

Сыну смерть моему не столько Критянъ возбудила;
Сколько моимъ всѣмъ слабостямъ месть отъ-Боговъ раздраженныхъ,
И отъ-Людей всѣхъ ненависть мнѣ за Протесилая.
Я какъ пролилъ кровь моего любезнаго Чада;
То всѣ Критяне, презирая правленіемъ лютымъ,
Не имѣли уже ни малы къ терпѣнію Силы:
А ужасность, сего при нихъ послѣдняго дѣйства,
То наружу все и вымчала яростнымъ бунтомъ,
Что у нихъ давно въ глубинѣ сердецъ ужъ-кипѣло.
Былъ Тимократъ со мною тогда на-Троянской Осадѣ.
Сей оттуду Протесилаю отписывалъ тайно
Все, что онъ ни-возмогъ увидѣть когда, иль-увѣдать.
Чувствовалъ прямо я, что весь находился во-плѣнѣ:
Но старался не-мыслить о-томъ, свободиться не-чая.
Критяне, мнѣ прибывшу, когда уже взволновались;
То Тимократъ и Протесилай канпервѣйши были,
Кои спасать себя разсудили немедленнымъ бѣгствомъ.
Не сомнѣваюсь, меня бъ они оставили конче;
Еслибъ бѣжать я непринужденъ-былъ такъ-скорожъ, какъ-оны.
Истинно, Ментеръ, есть, что-беспутныи въ счастіи Люди,
Слабы и-трепетны суть всегда въ злоключеніи остромъ.
Тотчасъ кружится у-нихъ голова, какъ скоро исчезнетъ
Самогосподственна оныхъ власть, и-безмѣрно могутство.

Видимы суть ползущи толь, коль парящими были:
Въ тотъ же часъ отъ-единa Края преходятъ къ другому.

Менторъ посемъ предпріялъ, вѣщалъ такъ Идоменею:

Но для чегóжъ ты, сихъ обоихъ Человѣковъ-вточъ зная,
Ихъ еще при-себѣ имѣешь, какъ-то-я вижду?
Я не-дивлюсь, что-съ-тобóй-имъ сюда прибыть восхотѣлось:
Лучшему быть ничему сего, для-ихъ-пóльзъ, не-возмóжно.
Я понимаю еще, что-содѣлалъ-ты щедрое дѣйство,
Имъ-же убѣжище въ семъ дая Поселеніи новомъ.
Но почтó и нынѣ еще ты имъ предаешся,
Пóслѣ толико, и-тóль нестерпимыхъ, опытовъ многихъ?

Ты не-изволишь знать, рекъ Идоменéй отвѣщая,
Сколько опыты всѣ бесполезны суть Государямъ,
Въ нѣгѣ живущимъ, и-въ-лѣности, и безъ всѣхъ размышленій:
Всѣмъ недовольны они, а-поправить нѣтъ-бóдрости въ оныхъ.
Лѣта многія толь, мося къ нимъ-привычки всегдашни,
Есть Цѣпь-желѣзна, къ симъ обоимъ меня приковавша:
Ибо они отъ-меня́ ежечасно не отступали.
Да и здѣсь онижъ меня въ тѣ вринули оба
Толь безмѣрны всѣ расточенія, видѣлъ-ты кои.
Новорождéнную и сію истощили Державу;

Брань привлекли на-меня́, безъ-тебя́ мнѣбъ-отъ-ко́ей
пасть-было.
Скоробъ въ Сала́нтѣ я испыталъ несчастія Критски.
Но, наконецъ, ты очи мои отворилъ, [1]) да вижду,
Ты и бодрость въ меня вдохнулъ, не-имѣлъ-я ко-
торы,
Чтобъ избавиться мнѣ отъ рабства сего на-свобо́ду.
Я не знаю, что-ты во мнѣ изволилъ содѣлать;
Но отъ дней твоего здѣсь въ Градѣ присутствія на-
шемъ,
Чувствую, что весьма я сталъ весь-инымъ Человѣ-
комъ.
Менторъ посемъ еще спросилъ у Ідомене́я,
Какъ ужъ Протесіла́й поступалъ дѣлъ въ сей пере-
мѣнѣ?
Нѣтъ хитряй ничего; рекъ Ідомене́й, какъ-что-здѣ-
лалъ
Вымысломъ онъ, по-твое́мъ сюда прибытіи точно.
Употреби́лъ съ стороны все спе́рва, да-нѣсколько
вкинетъ
Въ разумъ и-се́рдце мое Недовѣрія и Подозрѣній.
Не говорилъ ничего про-тебя́; но разныхъ я-ви́дѣлъ
Часто ко-мнѣ Людей съ увѣщаніемъ симъ приходя-
щихъ,
Что обоихъ весьма тѣхъ-Прише́льцевъ должно
бояться.
Есть одинъ изъ нихъ, говорили они, Сынъ-Одусса,
Тоесть Сынъ Лестца́ извѣстнаго цѣлому Свѣту;
Но Человѣкъ другій незнаемый, Разумажъ хи́тра:

---

[1] Трохейскій.

Оба они привыкли скитаться изъ-Царствія въ Царство.

Ктóжъ - [1]) вѣсть, объ-умыслѣ ихъ и на сіе воспріятомъ?

Сіи Бродящіи сами всѣмъ откровенно сказýютъ,
Что, гдѣ были въ земляхъ, въ нихъ-смятéніи дѣлали много.
Сежъ Держава сія есть-новá, и не утвержденна:
Мнѣйше ея опровергнуть съ основы Движенійце можетъ
Протесíяй ни слóва отнюдъ; но - старáлся дать - вúдѣть,
Мнѣ напасть, и лишекъ весь всѣхъ сихъ поправленій,
Ты къ которымъ меня приводилъ твоими Совѣты:
Онъ уловлялъ мóй привсемъ томъ собственну пользу.
Если ты приведешь, говорилъ, Нарóдъ-твой въ обильность;
То ужé отнюдъ не-захóчетъ оный трудиться:
Будутъ Люди спесивы всѣ, непослушны, продерзки,
Да и-готóвы всегда бунтовать, и-всегдá волноваться.
Слабость одна, и Бѣдность притомъ, ихъ дѣлаютъ гибкихъ,
И препятствуютъ имъ противиться Влáсти законной.
Часто старался онъ получить ту первую Силу;
Чтóжъ бы склонить меня, покрывалъ то ревности видомъ,
Также и-всѣмъ усердіемъ къслужбѣ моей и-прибытькамъ
Людямъ отрадою, мнѣ говорилъ, власть Царску унизишь;

[1]) Знаетъ.

и́мъ-же Народу всему и-содѣлаешь вредъ невозвратный:
Гребуетъ Людъ, для-споко́йствія собственна, ни́скобыть держанъ
Сказывалъ я на-сіе́, что-Наро́дъ содержать постараюсь
Въ должности, дѣлая самъ себя ему достолюбна,
Безъ тогожъ, моея чтобъ нѣчто убавилось власти,
Коль ни-вели́ку стану тому показывать льготу;
Также всегда казня, по-досто́инству, всѣхъ Виноватыхъ;
А наконецъ, воспитаніемъ добрымъ Дѣтей снабдѣвая,
И во весь Народъ ввода благочинность исправну,
Вѣсть-бы ему жизнь про́сту, трезву, и трудолюбну.
Подлинно, яжъ говорилъ, подчинить не можноль Народа,
Не приводя его помирать со-всегда́шняго Глада?
Что за-суро́вость толика? что за-Поли́тіка звѣрска?
Видимъ колико Племенъ, содержимыхъ тихо и-льго́тно,
Токиожъ вѣрныхъ всегда Законнымъ своимъ Государямъ?
Бунты всѣ происходятъ отъ-го́рдости и беспокойства
Са́мыхъ Знатныхъ Людей, и-Боля́ръ толь Властолюби́выхъ,
Если имъ-да́стся всѣмъ премзбыточно Вольность больша́я,
И страстя́мъ-ихъ попу́ститься распростираться безмѣрно;
Да происходятъ ещо́ тѣ отъ-мно́гихъ Больши́хъ-же и-Ма́лыхъ,

Въ нѣгѣ, и-въ-Праздности, и пребывающихъ въ роскоши всякой:
Тѣмъ причина итонужъ и-премно́гое Множество Ратныхъ,
Но таковыхъ, которымъ Война и Брани любезны,
Что не-сискали себѣ полезнаго Промысла въ Мирѣ.
И напослѣдокъ, Люде́й-всѣхъ Отчаянность больно тѣснимыхъ:
Ибо Жестокость, и Вышемѣрность Царей, сихъ-и-Нѣга,
Дѣлаютъ ихъ въ себѣ самихъ неспособныхъ всемѣрно,
Чтобъ имъ-смотри́ть за всѣми Члены въ своемъ Государствѣ,
Тѣмъ бы предупреди́ть Матежи быть возмогущи.
Се что-причи́нами есть Возмятенія́мъ всякимъ и-бу́нтамъ;
А не Хлѣбъ, оставляемый въ [1]) сѣдьОратаю мирну,
Кой онъ-стяжа́лъ Лица́ своего въ каплекапающемъ по́тѣ.
Протесіла́й, какъ-уви́дѣлъстояща меня неподвижно
Въ пра́вилахъ сихъ; то-яви́лъ поступку противную первой:
На́чалъ имъ слѣдовать самъ, длятого́-что не-мо́гъ опровергнуть.
Сталъ притворяться любившимъ тѣ, признавать-ихъ за-тве́рды,
И мнѣ быть благодаренъ, что-Свѣтъ отъ-меня́ получилъ въ томъ:

[1] Пи́ща.

Предупрежда́лъ онъ все, что было мнѣ вожделѣнно,
Чтобъ облегчить всѣхъ Бѣдныхъ; мнѣ представлялъ самъ-онъ-пе́рвый
Крайнюю нужду ихъ, и-кричалъ на-Расхо́ды безмѣрны.
Знаешь ты-са́мъ, что-тебя́ онъ хвалитъ, тебѣ довѣряетъ;
Всячески тщится о-всѣ́мъ, по-твои́мъ угодностямъ дѣлать.
Чтожъ касается до Тімократа: то-се́й начинаетъ
Быть не столько въ любви, какъ прежде, съ Протесіла́емъ:
Онъ восхотѣлъ быть самъ отъ-него́ независящъ ни-ма́ло;
Протесіла́южъ стало то и-въ-доса́ду, и-въ-за́висть.
А по ча́сти, сея отъ ихъ взаимныя Ссоры,
Я и-позна́лъ достовѣрно оныхъ все Вѣроломство.
Ментеръ, устенъ въ ослабленіи, рекъ такъ Ідомене́ю:
Какъ то? Былъ толико ты-сла́бъ, что-быть-му́чимъ давался,
Тожъ чрезъ много лѣтъ, двоимъ Предателямъ явнымъ,
Коихъ самъ зналъ всѣ Предательства, всѣ и-Кова́рства!
Ахъ! не вѣдаешь, Ідомене́й рекъ, мощны колико
Люди Плутцы надъ слабымъ Царемъ, и тѣмъ перадивымъ,
Кой во всѣхъ своихъ дѣлахъ на нихъ положился.
Но съ другія страны, мной-тебѣ ужъ сказан прежде,

Протесілай что-теперь воспріемлетъ твои-всѣ увѣты,
И прозорливости всѣ твоимъ, для-всеобщія пользы.
Менторъ паки такъ предпріялъ рѣчь въ важнѣйшемъ видѣ:
Вижду весьма колико Злыи превозногаютъ
Добрыхъ Людей, у-Царей находиться кои возмогутъ:
Ты сему и Самъ одинъ изъ страшныхъ примѣровъ.
Ты говоришь, что-уже тебѣ мои-отверсты-суть очи,
Что до Протесілая; но-тѣ еще затворены,
Тѣмъ-что Правленіе дѣлъ ты-оставилъ сему человѣку,
И человѣку сея весьма недостойному жизни.
Вѣдай, что-Злыи не-суть неспособны Доброе дѣлать:
Дѣлаютъ то, какъ-и-Зло, когда Честолюбію въ пользу.
Дѣлать имъ-Зло не трудно, затѣмъ-что Доброты лишенны,
И никакая твердь Добродѣтели оныхъ не-держитъ.
Но и-Добро тѣ также удобно дѣлать возмогутъ:
Ибо Порочность являться Добрыми ихъ понуждаетъ,
Да обманутъ взирающихъ всѣхъ на-себя Человѣковъ.
Свойственнож долгъ сказать, они весьма неспособны
Ни къ каковой Добродѣтели, хоть отвнѣ такъ-изряятся:
Да способны прибавить токмо къ прочимъ порокамъ
И еще порокъ, который другихъ-всѣхъ проклятѣй;
Сей же толь проклятый Порокъ, есть въ нихъ Лицемѣрство.
Ты восхощешь доколѣ конечно Доброе дѣлать;

Протесіла́й готóвъ-же-то дѣлать будетъ съ тобою,
Чтобъ ему соблюсти при-себѣ́-власть, емужъ порученну.
Но хоть малу усмотритъ въ тебѣ къ ослабленію Склонность;
То ничего не-оста́витъ онъ, да-низри́нуть возможетъ
Паки тебя въ заблужденіе, и да-приня́ться свободно
Будетъ ему за-свою́ Природу свирѣпу и-ле́стну.
Мóжешь-ли съ честію жить, и быть въ совершенномъ Спокойствѣ,
Зная, что-се́й Человѣкъ отъ-тебя́ ни-на-ча́съ не-отхóдитъ,
А что мудрый и-вѣ́рный тотъ Філоклі́й пребываетъ,
Въ скудости, и съ бесчестіемъ, преудале́нный въ Самóнѣ?
Самъ, о Ідомене́й, признаваешь ты несомнѣнно,
Что человѣки Лестцы и-Плутцы, присутственны кои,
Слабыхъ тѣхъ Государей въ обманъ всегда привлекаютъ:
Но приложить къ сему еще тебѣ надлежало,
Что Государи имѣютъ Несчастіе всѣ и-другóе;
А сіе Другое Перваго е́сть-же не-ме́ньше,
Кое въ томъ, что-они́ забываютъ легкó Добродѣтель,
Всѣ и-Услу́ги того Человѣка, кой неприсутственъ.
Множество все, Предстоящихъ тѣсно Людей предъ-Царя́ми,
Есть причина, что-нѣ́тъ ніединаго въ нихъ таковаго,
Кой на-себя́ обрати́лъ-бы ихъ-вня́тіе очень вперенно:

Ибо они хоть-Прису́щимъ, но-Льсти́вымъ, суть пораженны;
Прочее все вылетаетъ изъ-па́мяти порхомъ пребыстрымъ.
А особливѣй, есть Добродѣтель имъ-ма́ло угодна,
Тѣмъ-что она́ не токмо ихъ никогда не-ласка́етъ,
Но, вопреки́, всегда противится имъ прекословя,
И осуждаетъ притомъ всѣ Слабости ихъ безъ-пощады́.
До́лгъ-жель дивиться тому, что-они́ не-любимы бываютъ,
Какъ ничего, кромѣ Величія, Пышности горды,
И Любострастныхъ Утѣхъ, не любящи болѣе Сами?

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ КНИГИ.

ТИЛЕМАХІДЫ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Менторъ принуждаетъ Ідоменéя сослать Протесілáя и Тімокрáта въ островъ Самóнъ, а возвратить оттуду вспять Філоклія, чтобъ быть сему въ чéсти при немъ паки. Игесіппъ, которому данъ сей Указъ, исполняетъ оный съ радостію. Прибываетъ сей съ тѣми обоими въ Самóнъ, гдѣ свидѣлся съ другомъ своимъ Філоклíемъ, препровождавшимъ тамъ, съ удовольствіемъ, жизнь убогую и уединенную. Філоклій сей соглашается съ великимъ трудомъ возвратиться къ Своимъ: но признавъ, что такое есть благоволеніе богóвъ, садится въ Судно съ Игесіппомъ, и приплываетъ въ Салáнтъ. Ідоменéй, который ужé весь сталъ иный Человѣкъ, воспріемлетъ его дружественно.

Сíи словá изгласивъ, присовѣтовалъ Ідоменéю
Менторъ, что-дóлжно Протесілáя, и съ Тімокрáтомъ,
Коль возможно скоря́й, сослать въ Изгнаніе óно;
А возвратить оттуду вспять къ себѣ Філоклíя.
Трудность едина токмо Царя еще воспящала,
Тѣмъ-что боялся онъ Філоклíевы срогости зѣльно.
Я признаю́сь, говорилъ такъ, что не-могу́ не-боя́ться
Нѣсколько, паки его сюда возвращенія скóра,
Коль того ни-люблю́, и сердцемъ всѣмъ почитаю.
Я отъ мягкихъ моихъ ногтéй пріобыкъ ко-всегдáшнимъ.
Какъ Похваламъ, къ угожденіямъ такъ, и рáвно къ услугамъ,
Кои въ семъ изобрѣсть, не-могу́ уповать, Человѣкѣ.
Все содѣваемо мною когда, емужъ не-по-нрáву,
Пасмурный видъ его довольно являлъ, что-онъ-ху́литъ.

Онъ когда и-быва́лъ одинъ особно со-мно́ю;
То обращался почтительно, скромно, однакожъ
угрюмо.
Ви́дишь-ли, Менторъ ему отвѣтствовалъ, какъ Го-
судари,
Ядомъ ласкательствъ отра́влены сущи, изобрѣта́ютъ
И преугрюмымъ, и пресуровымъ все, что-въ-себѣ
есть
Искренно, прямо, свободно, вѣрно, и чистосердно?
Такъ они еще и мнятъ, что-нѣтъ-ре́вности къ онымъ,
И что-усе́рдія, и любви нѣтъ и́хъ-же ко-Вла́сти;
Ежели кто въ себѣ не-имѣетъ рабскаго духа,
И не льститъ Могуществу ихъ толь не справедливу.
Всякая рѣчь вельможна и-смѣла, имъ-е́сть горделива,
И осуждающа та, и тажъ возмутительна купно.
Нѣжны толь становятся они, что-не-Льстивное каждо
Имъ превесьма досадно есть, и ихъ раздражаетъ.
Но мы по́йдемъ-же далѣй еще. Я такъ полагаю,
Что Філокліи въ себѣ угрюмъ, и-суро́въ отъ-при
ро́ды.
Но суровость его и-угрю́мость не-лучше́ль конечно,
Пагубна Льщенія о́на въ твоихъ Мужа́хъ-тѣхъ Со-
вѣтныхъ?
Гдѣ Человѣка ты изобрящешь безъ-вся́ка порока?
А порокъ, говорить тебѣ всю Истину смѣло,
Есть не-тако́й-ли, котораго до́лженъ-ты мнѣе
бояться?
Что говорю? Не-поро́къ ли нужный, твои́хъ-всѣхъ
Пороковъ
И къ исправленію, и къ одолѣнію Хладности къ

Хладности, въ-кою тебя Ласкательство превозвер-
гáетъ?
Надобенъ есть тебѣ Человѣкъ, который любилъ бы
Истину сáму одну, и-тебя́ единственно съ нею;
Правду всегдабъ говорилъ, не-смотря́ что-тебѣ-та
противна;
Одолѣвáлъ бы всѣ твои убѣжища хитры:
А человѣкъ сей, надобный толь, есть тотъ Філокліи
Самъ.
Пóмни, что-всякій Царь есть трижды и-трíжды въ
блаженствѣ;
Если единъ въ его человѣкъ родится Державу,
Все таковое въ себѣ веледушіе точно имѣяй,
Кой Государства всего Сокровище есть предрагое:
И что-боя́ться Царю отъ-Богóвъ долгъ кáзни пре-
крайни;
Буде того, своíмъ недостоинствомъ, вóвся лишится,
И не-умѣніемъ употребля́ть себѣ-же на-пóльзу.
Чтожъ до-порóковъ всѣхъ, находящихся въ людяхъ
прелобрыхъ;
То надлежитъ умѣть, познавать въ-нихъ-Собóй Не-
достатки:
Самъ поправля́й-тѣ, и-слѣпо-ихъ ревности не пре-
давайся.
По благосклонно изволь ихъ слушать, въ нихъ-чти́ть
Добродѣтель;
Явно и-всѣмъ показýй, что ту отлича́ть-ты умѣешь:
Начежъ блюдись пребывать Отличателемъ токмо
толь-дóлго.
Всѣ поврежденны Цари, какъ-то-ты-былъ испорченъ
всемѣрно,

Будучи только довольны презоромъ къ людямъ растлѣннымъ,
Употребля́ютъ притомъ къ Дѣламъ тѣхъ всякимъ надеждно;
И своими еще надѣляютъ ихъ Благодѣйствы.
А съ другія страны, оказу́ются такожде вѣдать
И людей преизрядныхъ тѣхъ, Добродѣтельны кои;
Но симъ токмо даютъ похвалу рѣчами пустую,
Имъ не-дерза́я повѣрить ни-Дѣлъ, ни-къ-свое́й-же и-Дру́жбѣ
Ихъ допустить, и-ниже́ наградить ихъ Мздовоздая́ньми.
Ідомене́й тогда сказалъ, что стыдно безъ-мѣры
Медлившу толь ему, свободить утѣсненну Невинность,
И дать онымъ казнь, которы его обольщали.
Менторъ уже́ преклонилъ Царя, безъ трудности многи,
Прочъ отъ-себя́ Любимца отвергнуть на-вѣки всегдашни,
Ибо какъ-ско́ро такіи Наперсники станутъ подзорны,
И докучны свои́мъ Благо́дѣтелямъ; то Государи,
Отъ утружденій и въ затрудненіяхъ, болѣй не-и́щутъ,
Только да-збу́дутъ-ихъ съ рукъ, Государской дружбѣ исчезшей,
И позабытымъ бывшимъ вконецъ тѣхъ всяческимъ службамъ.
Имъ Любимцовъ паденіе то не драго бываетъ,
Толькобъ чтобъ-и́хъ они уже́ не видѣли больше.
Се немедленно втайнѣ Царь повелѣлъ Игесі́ппу,

Бывшу единому при Дворѣ изъ-Начáльниковъ первыхъ,
Взять подъ стражу Протесілáя, и Тімокрáта;
Да и-отвéзть ихъ въ островъ Самóнъ прекрѣпко блюдомыхъ:
Тамъ оставить Тѣхъ, а-въ-Салáнтъ привесть досточтимо,
Изъ заточившаго мѣста того, Філоклія изгнанна.
Тотъ Игесíпъ сему повелѣнію толь удивился,
Что не-возмóгъ, отъ-великія радости, не прослезиться.
Нынѣ точно ужé, говорúлъ-онъ Царю, ты-извóлишь
Всѣхъ твоихъ обрадовать пренесказáнно Подвластныхъ:
Оба они твоимъ Несчастіямъ всѣмъ-суть причина;
А потому онижъ твоего всего и-Нарóда.
Дватцать ужъ-лѣтъ, какъ-отъ-нихъ всѣ стенутъ Добрыи люди;
Да и-едвá стенать и смѣютъ рыдать не-утѣшно.
Ихъ толúко-то есть Тýранство Лютости полно!
Всѣхъ подавляютъ они къ тебѣ дойти восхотѣвшихъ
Способомъ нѣкимъ другимъ, а-не-ихъ отнюдъ чрезъпосрéдство.
Тутъ Игесíпъ открылъ Царю премножество много
Какъ Вѣроломствъ, такъ Бесчеловѣчій содѣянныхъ ими,
Царь о-которыхъ нижé когда и слухомъ увѣдалъ,
Тѣмъ-что никто не смѣлъ на нихъ доносить обличая.
Долго счислять, каковы-ихъ Злодѣйства и-кáкъ бѣсновались!
Онъ объявилъ Царю увѣданный тайный ихъ-умыслъ

И заговоръ, къ погубленію Ментора смертнымъ убійствомъ.
Царь въ превеликій ужасъ пришелъ отъ-всего́ что-услышалъ.
Сежъ Игесіппъ поспѣшилъ взять въ Домѣ Протесіла́я:
Ме́ньшій хоть-До́мъ, но-поко́йнѣе и веселя́е-былъ Царска;
[1]) Зо́дчество въ немъ сіяло весьма искуснѣйшимъ строемъ;
Протесіла́й сорудилъ его Грабленьми съ Безсильныхъ.
Былъ-онъ тогда въ Покойцѣ созда́нномъ изъ-Ма́рмора бѣла,
Въ близости са́мой отъ-Мыльни его, лежай нерадиво
На багрецо́вомъ Ложѣ всемъ златошвенномъ богато.
Зрился быть утружденъ, и вельми́ изнуре́нъ-онъ трудами.
Брови его и-глаза́ казали нѣчто Смущенно,
Насмурно, Дико, Разбродчиво, купно Суро́во, Свирѣпо.
Первыи Люди въ Державѣ въ округъ на-Ковра́хъ-тамъ сидѣли,
Пристроева́я ли́ца свои по онаго Взору,
Коего всѣ наблюдали мгновеніе мнѣйшее о́ка.
Онъ едва отверзетъ уста, какъ-ужъ-всѣ восклицаютъ,
Преудивля́ясь тому, что онъ проглаголать изволитъ.
Нѣкто изъ-Гла́вныхъ Сонма ему разсказывалъ все то,
А разсказывалъ онъ съ прибавленьми крайно смѣшными,

[1] Архітектура.

Протесіла́й что въ пользу Царю изряднаго здѣлалъ.
Вотъ и-Другі́й егожъ тамъ удостовѣ́ривалъ твердо,
Что Зе́всъ, Матерь его обманувъ, ему былъ-Роди́тель,
И что-онъ-Сы́нъ Отца Бого́въ всѣхъ Вышнихъ и-Ни́жнихъ.
Та́мъ-же одинъ изъ-Пі́йтовъ, Стіхи ему воспѣвая,
Въ нихъ говорилъ, что Протесіла́й, наставленный Мусы,
Равенъ есть Аполлону Сложеньми разумными всѣми.
Тамъ и-еще́ иный, безстыднѣйшій перваго вдвое,
Именова́лъ его въ своихъ Стіхахъ пустозвонныхъ,
Изобрѣта́телемъ всѣхъ Наукъ, и-Отце́мъ-же Народа,
Что Попеченьми своими содѣлывалъ сей Преблаженнымъ:
Изобража́лъ Его рогъ-въ-рукѣ́ Изобилій держаща.
Протесіла́й всѣ-Хвалы́-тѣ себѣ присвояемы слушалъ
Видомъ невнятнымъ весьма, отвращеннымъ, еще и-презо́рнымъ,
Какъ Человѣкъ, кой знаетъ себя достойна пребо́льшихъ,
Дѣлая Милость велику, что-та́къ и-хвали́ть попускаетъ.
Былъ Ласкатель, пріемшій Дерзость шептаніемъ въ ухо,
И ему внушеніемъ тутъ Насмѣянія по́дла,
Всѣмъ учрежденіямъ тѣмъ, о-кото́рыхъ Менторъ старался.
[illegible] ...бнулся: вотъ-все́ Собраніе о́но

Начало вдругъ ужъ-смѣяться, хотя въ нихъ часть
и-большая
Не могла знать-еще, что было сказано Шептомъ.
Но какъ Протесилай свой-видъ-взялъ суровый и-
горды́й;
То всякъ паки пришелъ и въ страхъ и-въ-молчаніе
мрачно.
Многіи отъ Благородныхъ, тутъ-бывшихъ, часа
ожидали,
Протесилай въ кой къ нимъ обратится, и-станетъ-
ихъ слушать.
Были они смущенны въ себѣ, и-въ-себѣжъ затруд-
ненны;
Тѣмъ что-хотѣли ему о Милостяхъ бить челомъ нѣ-
кихъ.
Ихъ молительный весь приклонъ, былъ-ходатай за-
нихъ же:
Зрились покорны толь, коль-пришедша предъ-Же́р-
твенникъ матерь,
Молитъ когда Богові о-цѣльбѣ единственну Чаду.
Видѣлись всѣ исполнь усердія къ Протесилаю,
Хоть въ сердцахъ и-кипѣли не укротимѣйшей зло-
бой.
Въ самое время сіе Пресіпъ не чаянно входитъ;
Емлетъ тотчасъ онъ въ руки свои Мечъ Протесилаевъ,
И объявляетъ ему при всѣхъ, повелѣніемъ Царскимъ,
Что повезетъ его въ Самонъ въ заточеніе вѣчно.
Къ симъ словамъ все-того Любимца Надменіе пало,
Какъ отвалившійся Камень отъ-вершка горы пре-
крутыя.

Въ трепетѣ се къ ногамъ Игесíпповымъ онъ припадáетъ:
Плачетъ, молчитъ, бормочетъ, трясется, объемлетъ колѣна
Въ скорости у того Человѣка, котораго прéжде,
Только за-чáсъ единъ, не удостоúлъ самъ воззрѣнiй.
Всѣ Почитавшiя онаго, видя Егожъ въ вѣкъ-погúбша:
Льщенiя вдругъ премѣнили свои въ наруганiя óстры.
Времени нé далъ ему Игесíпъ, ни-простúться съ Своими,
И ни-съ-собóю взять всѣ Пúсьма таiнѣйши нѣки:
Забрано все, и-къ-Царю все отнесенó пресохранно.
Взятъ былъ и Тiмократъ подъ стражу въ тожъ-сáмое время;
А его удивленiе и быть стало прекрáйно:
Ибо мнилъ, что,-имѣяй Ссору съ Протесiлáемъ,
Онъ не могъ паденiемъ онаго пáсть-же стремглавно.
Тóтчасъ они въ приготовленномъ Суднѣ пóсланы оба.
Прибыли и въ Самóнъ: Игесíпъ тѣхъ-Несчáстныхъ тамъ-кúнулъ;
А въ верьхъ бѣдностей имъ, онъ-остáвилъ ихъ совокупно.
Тамъ укаряютъ они другъ дрýга влодѣйствы своими,
Суть которы причúной Паденiю оныхъ взаимну.
Тамъ живутъ, Салáмтъ безъ-надéжды паки увидѣть,
Осуждены въ разлученiи жить съ дѣтьми и-женáми,
Не говорю, съ Другáми, которыхъ они не-имѣли.
Сóсланы оба такъ себѣ въ не знаему Землю,
Гдѣ къ препитанiю имъ обоимъ нѣтъ средства другаго,
Токмо какъ-трýдъ ихъ рукъ, по-толь-мнóгихъ лѣтахъ, отъ-нúхъ же

Препровожде́нныхъ въ Сла́дости, въ Пышности, въ Нѣгѣ роскошной.
Были подобны они весьма Звѣря́мъ-двумъ свирѣпымъ:
Ибо всегда находились готовы терзать тотъ-друга́го
Тѣмъ между Игеси́пъ спросилъ у Жителей мѣста,
Гдѣ Фіокліи́, и-дале́коль на-о́стровѣ тожъ, обитаетъ?
Сказано, что жилище его далече отъ-Гра́да,
Нѣкоей на Горѣ, на-кото́рой Пещера едина
Вмѣсто была ему и Храмины, также и-До́му.
Всѣ говорили съ большимъ удивленіемъ томъ о-Прише́льцѣ.
Времени отъ того, какъ-на-о́стровѣ семъ, утверждали,
Онъ пребываетъ, отнюдь никому досады не-дѣлалъ.
Каждый изъ-на́съ болитъ объ-его́ Терпѣніи, ра́вножъ
И о-Труда́хъ, а-дивится въ немъ Спокоистію духа.
Онъ ничего не-имѣя, зрится всегда предоволенъ.
Здѣсь хотя удаленъ отъ дѣлъ, безъ всяка Достатка,
И безъ всякія Власти; однакъ и-при-то́мъ обязу́етъ
Малымъ нѣчимъ тѣхъ, которыхъ судитъ достоіныхъ:
Многія онъ умѣетъ Досужства Ближнихъ къ услугамъ.
Идетъ къ вертепу тому Игеси́пъ не медля ни-ма́ло.
Онъ обрѣтаетъ его всеконечно пустъ и-не-за́пертъ:
Скудость вся Фіокліева, да простота́-же и-нра́вовъ
Дѣлали, что исходящу ему замыка́ть-дверь не-ну́жно.
Гру́ба была у-него́ [1]) Рогозіна вмѣсто постели.
Рѣдко и раскладывалъ огнь, какъ-не-я́дшіи Варенія:
Лѣтомъ, свѣжими онъ питался токмо Плода́ми,

[1] Рогожа.

А Зимою, Фіники въ пи́щу съ Сиконами были.
Чистый Источникъ, падавшій Скатертью съ дикаго Камня,
Жажду его утолялъ, и-служи́лъ емужъ оновеными.
Не́было у него въ вертепѣ, кроме́-что орудій,
Тѣхъ-же потребныхъ къ[1]) Ваянію, нѣсколько также и-Кни́жекъ,
Кои читалъ всегда въ часы себѣ уреченны;
И читалъ, да-не-сво́й украси́ть онъ Разумъ возможетъ,
Ни удовольствовать и своежъ Любопытство пора́вну:
Но дабы научиться чему отъ-трудо́въ отдыхая,
И позна́ть-бы, какъ-быть преуспѣетъ Добрый по-се́рдцу.
Чтожъ до-Ваянія; то прилѣжалъ къ сему по-причи́нѣ
Токмо такой, утвердить бы въ тѣлѣ на́выкъ всегдашній,
Праздности злы убѣжать, Препитаніе купно промыслить:
Не́-былъ-бы въ тягость онъ никому изъ всѣхъ Человѣковъ.
Какъ Пгесиппъ вшелъ въ тотъ вертепъ; то-весьма́ удивился
Всѣмъ Работамъ въ немъ, которые начаты были.
Тутъ усмотрилъ онъ Зевса, коего Ли́чная Свѣтлость
Толь была исполнь величія также и-сла́вы,
Что всеудобно позна́ешь Отца безсмертнымъ и Сме́ртнымъ.

[1]) Рѣзьба.

Ви́димъ-былъ [1]) Аресъ еще, въ свирѣпствѣ суро́вомъ
и-гро́зномъ.
Но всего нѣжнае была небоо́ка Паллада,
Всѣ Науки, и-всѣ Художества одушевля́яша.
Зрилось Лице ея благородно, и-ку́пно умильно;
Станъ высокъ, и стро́енъ Станъ, и-свобо́дно оса-
нистъ.
Въ дѣйствіи толь живомъ представлена му́дра Богиня,
Что возмнилъ бы всякъ ту шествовать вскорѣ хо-
тящу.
Палюбова́вшись видѣніемъ тѣхъ Игесіпп [2]) Исту-
ка́новъ,
Вышелъ того изъ-верте́па, и-та́мъ издале́ка увидѣлъ,
Книгу читающа онъ на-травѣ Філокліа подъ-дре́-
вомъ.
Идетъ къ сему: Філокліи-же, его уже́ ощутившіи,
Думать не-зна́етъ что. Нили́, размышля́лъ-такъ
особно,
Есть Игесіппъ-то, я-съ-ко́имъ толь-до́лго-жилъ въ
сродноі Елладѣ?
Но за че́мъ-же прибыть ему на-сеі-о́стровъ толь-
да́льныі?
То не Тѣнь-ли его идуща по-сме́рти отъ- [3]) Стута?
Въ семъ ему тогда сомнѣніи внутренно бывшу,
Се Игесіппъ уже́ къ нему толь блиско подходитъ,
Что не-возмо́гъ не-призна́ть-онъ его, не-объя́ть и-
рука́ми.
Тыль, говорилъ, моі-драгіи, любезныі, и-дре́вніи
Пріятель?

---

[1] Марсъ. — [2] Статуи. — [3] Адское озеро.

ая внезапность, тебя и бу́ря на-се́й-брегъ извергла?
ы по-како́й отлучился причинѣ отъ-о́строва Крита?
Не злоключеніель, и моему подобноежъ точно,
Кое тебя съ Отечествомъ, общимъ намъ, разлучаетъ?
Но Игесі́ппъ отвѣщалъ ему: то-не-Слу́чай несчастный.
Да, вопреки́, Бого́въ безсмертныхъ крайняя милость,
Коя меня сюда благосчастно приводитъ на-о́стровъ.
То́тчасъ ему разсказалъ Тvранство, бывшее долго,
Протесіла́ево, всѣ коварства его съ Тімокра́томъ,
Всѣ несчастія, въ кои низвергли Ідомене́я,
Также сего паденіе, странное толь, Государя,
Бѣгство притомъ его на брега́ уже́ Італійски,
И на тѣхъ созданіе Града но́ва Сала́нта,
Ментора и Тилемаха въ сей прибытіе купно,
Мудрыя Пра́вила всѣ, умъ Царскій какими наполнилъ,
И просвѣтилъ наставленьми своими крайнѣйшій Менторъ;
А напослѣдокъ, и обои́хъ-тѣхъ Предателей гибель.
Придалъ еще, что-приве́зъ-онъ въ Само́нъ-ихъ въ Изгнаніе вѣчно,
Тѣ которое дали толико страдать Філоклію;
И окончалъ свое Сказаніе такъ объявляя,
Что указъ имѣетъ, его въ Сала́нтъ-везть съ собою,
Гдѣ Царь, зная невинность въ немъ, всѣ хощетъ повѣрить
Какъ Дѣла́ ему, такъ-его́ и-взыска́ть благодѣйствы.
Ви́дишь-ли, такъ отвѣщалъ Філоклій, верте́пецъ-сей малый,
Годный паче Звѣре́й къ укрытію внутрь пресвирѣпыхъ,

Нежели въ немъ обитать сердолюбнымъ по-о́бразу людямъ?
Я наслаждался въ немъ, толи́ко-лѣтъ, бо́льшимъ покоемъ,
И тишиной, нежъ-въ-златы́хъ Палатахъ о́строва Крита.
Люди, кто́му мнѣ ужъ обмановъ не-дѣлаютъ всякихъ;
Я и-не слышу вижо́ Рѣчей ихъ льстивыхъ и-вре́дныхъ:
Ну́жды-мнѣ болѣе нѣтъ уже́ въ нихъ-отню́дъ никакія.
Ожесточе́нные ру́ки мои на трудъ и-рабо́ту,
Мнѣ промышляютъ удобно пи́щу просту́ю къ потребѣ.
Легкій са́мый мнѣ, какъ зришь, Рубъ [1]) надобенъ только,
На прикрытіе все наготы моея, не-иму́щу
Въ лишнихъ потребы одеждахъ, живущу здѣсь преспокойно,
И вкушающу сладости полны драгія Свободы,
Кою полезно употребля́ть отъ Книгъ научаюсь.
Я чегожъ еще поищу между человѣки,
Толь которы завистливы, не постоянны, и-ле́стны?
Нѣтъ, нѣтъ, мой драгій Игеси́пъ, Игеси́пъ-мой любезный;
Не позавиждь ты мнѣ, прошу, въ моемъ благодействѣ.
Протеси́лай самого себя обманулъ, Скиптродержца
Такъ обмануть хотѣвъ, и-меня́ погубить всеконечно;

[1] Холстина. Полотно. Суконце.

Но онъ мнѣ отнюдь никако́ва зла не-содѣ́лалъ:
Да, вопреки́, содѣ́лалъ Добро всѣ́хъ Благъ величайше.
Онъ избавилъ меня отъ-волны, при-дѣ́лахъ и-заботы:
Я ему одолже́нъ, что уедине́нъ пребываю,
И что-заба́вами толь беспорочными въ томъ наслаждаюсь.
Такъ возвратись ты, о! Игесі́пъ, возвратись къ Самодержцу,
И воспособствуй ему сносить Вели́чества бѣдность;
Да и бу́дь-то при-не́мъ, что мнѣ быть хочешь прибо́номъ.
И какъ очи его, не-зерца́вшіи Правды толь-до́лго,
Нынѣ отверзсты тѣ́мъ, что Ментором ты именуешь,
То да де́ржитъ его всегда при-себѣ не-отлу́чно.
Чтожъ до-меня́; то ужъ по-мое́мъ потопленіи въ бѣдствѣ,
Мнѣ неприлично кому отставать отъ-Пристани́ща ми́ла,
Бу́ря меня на-кото́рое толь благосчастно извергла.
О коль-Цари́ достоі́ны слезъ, неутѣшна и-пла́ча!
О коль-Служа́щіи Симъ сожалѣ́ній также достойны!
Ежели злы; то-коли́ко отъ-нихъ Человѣковъ страдаетъ,
И каковы уготованы въ мра́чномъ-нимъ Тартарѣ Му́ки?
Еслижъ Добры; то сколько препонъ одолѣ́ть-имъ достоитъ?
Сколькихъ же и-Сѣте́й убѣжать имъ должно и-Ко́зней?

Сколько Золъ претерпѣть надлежитъ, несть трудностей сколько?
О! Игесіппъ, оставь быть-меня́ здѣсь сча́стливо Ску́дна:
Есть Добродѣтели то, на-Преле́стное не поползнуться.
Такъ Філоклію тогда вѣщавшу въ зѣльности сло́ва,
Зрилъ на-него́ Игесіппъ всегда въ удивленіи многомъ.
Прежде сего, видалъ онъ часто онаго въ Критѣ,
При управленіи Дѣлъ Государственныхъ важныхъ и-мно́гихъ,
Блѣдна въ лицѣ, прискорбна, су́ха, всего истощавша:
Ибо Природа гаряча въ немъ притомъ и-рети́ва,
Онаго преизмождáла всего трудомъ беспокойнымъ.
Видѣть не-мо́гъ безъ-доса́ды Пороки отъяты отъ-Ка́зни:
Быть хотѣлъ всегда при-Дѣла́хъ исправности крайней,
Коей подобны никто при тѣхъ никогда не-нахо́дитъ.
Такъ-то прилѣжность его истребляла въ немъ-здра́віе нѣжно!
Но въ Само́нѣ егожъ Игесіппъ зрилъ по́лна и-крѣпка.
Не взирая на-лѣта его, цвѣтущая младость
Возобнови́лась вся на-лицѣ́ у-него́ и-въ-осо́бѣ.
Тре́зва жизнь, покойна, порядочна, и трудолюбна,
Здѣлала въ немъ срастворяя какъ-бу́дто Сложеніе ново.
Ты дивишся, видя меня измѣненна толико,
Такъ тогда говорилъ Філоклій, а самъ осклаблялся:
Уедине́ніемъ свѣжъ я сталъ и-здоро́въ совершенно.
Подали то́-мнѣ мои Непріятели и Супостаты,
Я чего въ превеликомъ не-мо́гъ изобрѣсть Благоденствѣ.

Иль ты хощешь, да-я́ оставлю Благо прямое,
И да рыщу за-о́нымъ, которое лестно и-ло́жно?
Да и-[1]) углѣ́бну паки притомъ во-всѣ-бѣ́дности прежни?
Лю́тѣе, ахъ! не будь самого и Протесіла́я;
И [2]) поне́ уже́ не-завѝдуй-мнѣ въ счастіи ономъ,
Коимъ я, отъ-него́ получивъ, здѣсь толь наслаждаюсь.
Сежъ Игесіппъ тогда ему представилъ, но-тщетно,
Все что-спосо́бное мнилъ къ его преклоненію се́рдца.
Иль, посему, нечувствителенъ ты, ему говорилъ онъ,
Къ сладости, свидѣться паки со-всѣ́ми твоими Родными,
И со Други, которы тебѣ возвратиться желаютъ,
Коихъ одна и-наде́жда, узрѣть Тя, въ радость приводитъ?
Но и ты, какъ-боя́йся Бого́въ, и любящій Должность,
Иль за-Ничто́, служить твоему Царю, почитаешь,
Также ему помогать, хотящему Доброе дѣлать,
И толь многихъ Людей сотворить въ житіи благосчастныхъ?
Вольноль отдаться такъ [3]) Любомудрію дикому точно,
Предпочита́ть себя всему Человѣческу роду,
И любить свой паче покой Граждани-всѣхъ Блаженства?
Всякъ возминитъ, что-съ-доса́ды Царя не хоще́шь-ты видѣть.
Чтожъ восхотѣлъ-онъ тебѣ содѣлать Зло, какъ-и-пра́вда;
То Зло-содѣлалъ такому, котораго точно не-вѣдалъ.

---

[1] Завязну. — [2] Хотя́-ужъ. [3] Філософія.

Онъ не истинну, до́бру, пра́ведну-толь Філокліо
Быть возжелалъ въ погибели: разнаго онъ Человѣка
Отъ него наказать повелѣлъ тамъ Казнію тою.
Нынѣ когда уже́ тебя онъ вѣдаетъ прямо,
И за-Друга́го отнюдъ за-кого́ въ себѣ не-прі́емлетъ;
То и чувствуетъ всю къ тебѣ онъ древнюю дружбу,
Древнюю Дружбу сію въ своемъ ужъ сердцѣ воскресшу.
Онъ ожидаетъ тебя, объять простираетъ и-ру́ки:
А въ нетерпѣніи своемъ, онъ-и-дни́ и-часы́ исчитаетъ.
Бу́детъ-ли сердце въ тебѣ жестоты какъ Мѣди троїнныя,
Чтобъ ты былъ всегда твоему Царю непрекло́ненъ,
Съ нимъ совокупножъ и-всѣмъ сердечнымъ, Друга́мъ-же и-прі́снымъ?
По Філокліи, бывъ-снача́ла обрадованъ въ сердцѣ умильно,
Какъ лишь токмо узрѣлъ, и-призна́лъ уже́ Игесі́ппа,
Слушаяжъ рѣчь его, своїй-прі́ялъ видъ паки суро́вый.
Ра́вно-какъ твердый Камень, разимый вѣтрами всуе,
О коїй ревомъ бушу́йнымъ стеня разбиваются во́лны.
Онъ пребывалъ неколебимъ, и-про́зьбы, ниже́ и-доводы,
Не находили отверстія въ онаго сердцѣ ко-вхо́ду.
Но въ часъ, какъ побѣдить Игесі́ппъ сталъ отчаява́ться,
Самъ Філокліи, вопросивши́й Бого́въ паре́ніемъ птичьимъ,
И утробами жертъ, и-другі́ими познаменаньми,
Точно увѣдалъ, что-до́лженъ слѣдовать за Игесі́ппомъ.

Болѣй ужъ-онъ не-противился, и уготовился ѣхать;
А однакъ жалѣя весьма по-своей-той Пустынѣ,
Въ коей толико лѣтъ жизнь препроводилъ-онъ спокойно.
Ахъ! говорилъ, почто́ мнѣ-тебя́ долгъ нынѣ оставить,
О любезный Вертепъ, гдѣ Сонъ прилеталъ ко-мнѣ сла́дкій
Всякую нощь, отъ-дневны́хъ трудовъ меня́ да-покóитъ!
Въ скудости здѣсь моей, судбинные [1]) Мíры спряда́ли
Нити златые, и-нити серебряны, шёлковы нити.
Палъ въ многострýйныхъ слезахъ, покланяясь оной [2]) Найя́дѣ,
Коя толь-до́лго его отъ чисты Воды́ напаяла,
Также и-Нимфамъ, жившимъ на-всѣхъ Горахъ тамъ-окóльныхъ.
Иха [3]) Богиня его услышала жалость плачевну,
И повторила ту не-еди́ноцци гласомъ печальнымъ,
Всѣмъ Божествамъ, пребывавшимъ въ близи́, Лѣснымъ и-Напóльнымъ.
Сѣсть въ Корабль, Філокліи ужъ прибылъ во-Гра́дъ съ Игесíппомъ.
Мнилъ, что-несча́стливый Протесілай, устыдѣнія полный
И досады притомъ, его не-захóчетъ-ужъ видѣть;
Но солга́лся-онъ въ томъ: поврежденнаго се́рдца Особы,
Не имѣютъ отнюдъ стыда, и-всегда́жъ тѣ-гото́вы

[1] Па́рки. — [2] Наіяды суть Нимфы Источниковъ и рѣкъ. — [3] Эха.

Всяку Негодность казать, и всякіе подлости дѣлать.
Скромно себя Філоклій закрывалъ, да-не-бу́детъ тѣмъ-ви́димъ:
Онъ опасался умножить въ немъ-бѣдность, ему оказу́я
Счастіе Не́друга, на его возносима падени.
Протесіла́й-же, впреки́, Філоклія совался увидѣть:
Онъ хотѣлъ привесть его въ сожалѣніе сердце,
И преклонить того, да-о-не́мъ Царя́-онъ умо́литъ,
Чтобъ повелѣлъ ему въ Сала́нтъ возвратиться прощенну.
Чи́ста вельми Філоклі́ева Искренность не попустила
Дать обѣтъ о прозбѣ, тому́бъ-быть обратно въ Столицѣ:
Вѣдалъ-онъ прямо, возвра́тъ-бы его былъ вреденъ колико.
Но разговаривалъ тихо съ нимъ, сожалѣя о-не́мъ же,
Всячески и старался притомъ его онъ-утѣшить;
Увѣщава́лъ да-Бого́въ къ милосердію двигнуть потщится,
Чистыми Нравы, ещежъ и-вели́кимъ терпѣніемъ Золъ всѣхъ.
И какъ-увѣдалъ, что у-него́ Царе́мъ-же отъято
Все Богатство его, полученно Неправдой проклятой;
То ему обѣщалъ двѣ сіи вещи содѣлать,
Кои пото́мъ исполнилъ исправно въ вѣрности сущей.
Перва изъ-тѣхъ, не-оста́вить Дѣтей его и-Супру́ги,
Кои въ Сала́нтѣ остались въ убожествѣ крайнѣйше гнусномъ,
Негодова́нію общенаро́дну подвержены купно.
А другая, ему посылать, въ сей островъ далекій,

Нѣкую по́мощь изъ Сребра, нищетѣ на-отра́ду.
Парусы тѣмъ между распушаются вѣтромъ поспѣшнымъ
Не терпѣливно скори́тъ Игесі́ппъ Філоклі́ю отъѣхать.
Протесіла́й ихъ видитъ уже́ на-Кора́бль-свой восшедшихъ.
Взоръ его на нихъ пребывалъ пригвожде́нъ неподвижно.
Очи слѣдуютъ за Кораблемъ, разсѣкающимъ во́лны,
Вѣтромъ который всегда уносился далѣй и-да́лѣй:
Онъ, когда того и-не-мо́гъ ужъ болѣе видѣть,
Изобража́лъ пловуща съ ними его въ помышлени.
Но наконецъ смущенъ, изумленъ, и яро отчаянъ,
Самъ на-себѣ терзаетъ власы́, валяется долу,
Всѣмъ изблеваетъ Бога́мъ укоризны, за-о́ныхъ жестокость,
Всуе зоветъ на по́мощь себѣ смерть лютую крикомъ,
Коя, не-слы́ша прошеній его, не удостоя́етъ
Быть свобожденну ему отъ золъ и-муче́ній толикихъ,
И которую са́мъ-дать себѣ, не-имѣетъ отваги.
Поспѣшеству́емый же Корабль Посідо́номъ и-Вѣтры
Приплылъ скоро въ Сала́нтъ, и приплылъ туда благосчастно.
Возвѣщено́ Царю, что тотъ въ Пристанище входитъ.
То́тчасъ, съ Менторомъ, Царь пошелъ усрѣтать Філоклі́я;
Се ухватилъ его въ объятія пресердолю́бно,
Всю оказалъ чувствительность, что гналъ-его́ по-Непра́вдѣ.
Есть таковое въ Царѣ признаніе конче не-сла́бость

Да то и почтено́ тогда Салантіяны всѣми,
За усильствіе крайно Души́ великія точно,
Коя возносится всѣхъ своихъ Согрѣшеній превышше,
Бодрственно въ нихъ признаваясь, да-о́ны можетъ очистить.
Съ радости плакали всѣ, что-зрятъ-па́ки Добраго Мужа,
Кой любилъ Народъ, и-Наро́домъ люби́мъ-былъ чрезмѣрно;
Да что-и-слышали всѣжъ Царя благоумно толико,
И милосердо толико, вѣщавша тогда Філоклію.
Та́къ-то когда Добродѣтель страждетъ, она́ побѣждаетъ;
И побѣдивши терпѣніемъ Зло, торжествуетъ преславно:
А въ Злоключеніяхъ тажъ растетъ, никогда умирая!
Въ видѣ весьма Філоклій покорномъ и-скро́мномъ, всѣ-Ла́ски
Воспріималъ отъ-Царя́, и жела́лъ онъ не терпѣливно,
Отъ Восклицаній Людства уйти, сего и-Привѣтствій.
Слѣдовалъ онъ за-Царе́мъ по долгу въ Палатны Чертоги.
Вскорѣ Менторъ и-о́нъ межъ-собо́ю такъ подружились,
Будто какъ-въ-жи́знь свою́ пребывали всегда совокупно,
Прежде хотя никогда другъ дру́га они не-вида́ли.
Боги, не-да́вшіи Злымъ очей на-видѣніе Добрыхъ,
Добрымъ дали то, чемъ-себя́ познава́ть-имъ взаимно.
Любящи всѣ Добродѣтель, такъ быть вкупѣ не-мо́гутъ,

Чтобъ имъ не союзиться чрезъ-ту́жъ Добродѣтель любиму.
Вскорѣжъ весьма Філоклі́й просилъ Царя, да-попу́стить
Близъ Сала́нта ему отлучиться на-мѣсто особно,
Гдѣ продолжа́лъ-онъ въ убожествѣ жить, какъ жилъ и-въ-Само́нѣ.
Царь къ нему ходилъ почитай ежедневно въ Пустыню,
А ходилъ всегда возслѣдуемъ Менторомъ токмо.
Ту́тъ-то они о всѣхъ разсуждали средствіяхъ вкупѣ,
Какъ утвердить Законы, и-да́ть видъ-Прави́тельству прочный,
Для всеобща Блаженства подъ-вла́стію Царскою сущимъ.
Главные были двѣ-ве́щи, о-ко́ихъ они разсуждали:
О Воспитаніи перва Дѣте́й; а-о-спо́собѣ Жизни,
Разсмотрѣва́ли вторую, въ мирное время Подручнымъ.
Менторъ о-Ча́дахъ умствовалъ такъ, имъ-Двои́мъ доказуя:
Дѣти родительски меньше суть, коль Общества цѣ́ла;
Сила они всего Народа, егожъ и-Наде́жда;
Нѣ́тъ-ужъ поры́ ихъ-испра́вить однажды когда [1]) исказя́тся:
Мало сего, что-къ-Дѣла́мъ они допускаться не-бу́дутъ,
Если уже́ совсѣмъ усмо́трятся Дѣлъ недостойны;
Лу́чше-Зло предупрежда́ть, а нежель казнить за-Злотво́рство.

[1] Испортятся.

Царь, прибавлялъ онъ-ещё, Отецъ всеобщій Народу,
Есть особливѣй Юности всей Отецъ въ Государствѣ,
Коя Самый Цвѣтокъ изъ-всего Народа подчинна :
Въ самомъ-же Цвѣтѣ и-долгъ Плоды готовить конечно.
Царь, посему, да тщится самъ назирать всерадно,
И да онъ повелитъ другимъ стараться прилѣжно,
О воспитаніи всемъ, подаемомъ Дѣтямъ учимымъ.
Твердый да-выдастъ Указъ, наблюдать законы Мінóя,
Кой всѣмъ Дѣтямъ велитъ презирáть-скорбь, и-смéрть необходну ;
Ставить въ честь отъ-Сластéй бѣжаніе, и отъ-Богáтства ;
Всяку Ложь, Неправду, Нѣгу, Неблагодáрство,
Имъ за-Грѣхи почитать и-за-мéрзски сáмы Порóки ;
Всѣмъ-имъ умѣть воспѣвать хвалу отъ-младéнства Ироямъ,
Были которы любезны Богáмъ, и-Дѣлнія славны
И вседушны содѣлали, въ пользу Отечеству милу,
Да и храбрость свою за-него оказали на-Бúтвахъ ;
Ихъ душамъ услажденнымъ быть Мусікіей въ тотъ-рáзумъ,
Чтобъ ихъ нравы являлись тихи, скромны, и-чúсты ;
Былибъ они усердны Другамъ, Союзникамъ вѣрны,
Всѣмъ Человѣкамъ вобщé Правоту и Правду хранящи,
Тожъ и сáмымъ своúмъ Супостатамъ, коль ни-жестóкимъ ;
Мéньшебъ-имъ Смерти бояться и-лютыхъ всякихъ мученій,

Нежели мнѣйшихъ внутрь Угрызеній отъ-Со́вѣсти бо́дры.
Если заранѣй великими сими Пра́вилы Дѣти
Всѣ напоятся, и-въ-се́рдце вліе́тъ-ихъ-тѣ Пѣнія Сладость;
То быть-имѣетъ мало, которыибъ не распалились
Въ пламенну всю Любовь къ Добродѣтели, также и-къ-Сла́вѣ.
Менторъ еще прибавлялъ, что Главное са́мое Дѣло
Есть, учредить всенародны Училища, тѣ и-размно́жить,
Чтобъ пріучиться въ нихъ - Юности къ подвигамъ тѣла претруднымъ,
А чрезъ тобъ убѣга́ть-ей отъ-Пра́здности, купно и - Нѣги,
Кои Природу, и преизрядную, всю повреждаютъ.
Разнымъ Потѣхамъ совѣтовалъ быть, и Зрѣлищамъ разнымъ,
Да ободряютъ тѣ побужденіемъ внутреннимъ Людство;
А особливѣй, да-мо́гутъ чрезъ-ни́хъ тѣла́ пріобыкнуть,
Какъ и-къ-Прово́рству, такъ и къ Гибкости, къ Крѣпости также.
Опредѣля́лъ Награжденія онъ воздаяній различныхъ,
Симибъ сердца́ къ ревнованію всѣхъ поощрять благородну.
Но сего желалъ наипаче нравовъ для-До́брыхъ,
Юнымъ-бы всѣмъ Счетаваться брачнымъ Супружествомъ ранѣй;
А чтобъ-Роди́тели ихъ, не-смотря́ на всякій прибытокъ,

Имъ попускали Невѣстъ выбирать и-приго́жихъ по-тѣ́лу,
И предостойныхъ по-ра́зуму, си́хъ-бы люби́ть-тѣхъ сердечно.
Но такъ-гото́вившимъ средства имъ на-хране́ніе Юныхъ
Чистыхъ, й Непорочныхъ, и-тѣхъ Трудолюбныхъ, Послушныхъ,
Также Тщаливыхъ, Прилѣ́жныхъ, и-Лю́бящихъ Славу пристрастно,
Се Фі́локлі́й, какъ-Любитель войны, рекъ Ментору тако:
Тщетно млады́хъ Людей упразнишь ты Подвиги сими,
Ежели тѣхъ ветшать въ непрерывномъ Мирѣ оставишь,
Въ косм ъ имѣть не-возмо́гутъ они ратоборна Искусства,
Купно ни-ну́жды уже́ къ испытанію Мужества [1]) до́бля.
Симъ весь-Наро́дъ приведешь нечувствительно въ вялую Слабость;
Хра́брость-ихъ смякнетъ вся; Сластьми́жъ весь Нравъ повредится.
Иноплеме́нникъ Бойчи́вый родъ-на́шъ безъ-труда́ одолѣетъ:
А убѣгая отъ-Зо́лъ, Война которы привноситъ,
Онъ упадетъ коль въ гнусное, толь и въ жалкое рабство.

---

[1] Хра́бра.

Ментор'ъ ему отвѣщалъ: отъ Бра́ни бываема Злая,
Суть еще ужаснѣе, нежели Ты помышляешь.
Брань истощаетъ Державу, и - къ - ги́бели ону приводитъ,
Тожъ и-тогда́, какъ-одержаны суть пребольшіе Побѣ́ды.
Съ нѣкими хоть преимуществы ту предпріятую спе́рва,
Но неизвѣстно отнюдъ окончать безъ-превра́тностей крайнихъ.
Коль ни съ бо́льшимъ числомъ Силъ вступишь въ Битву нарядну;
Малая са́ма ошибка, робость внезапна, пустое
Нѣкакъ Ничто, у-тебя́ изъ рукъ отнимаетъ Побѣ́ду,
И переноситъ вполнѣ ея къ твоимъ Супостатамъ.
Ктобъ хоть Ни́ку [1]) держалъ такъ, какъ прико́ванну въ Станѣ;
Но истреби́лъ-бы себя тотъ Самъ, враговъ истребляя.
Землю онъ свою́, Людей убавляя, безсилитъ;
Нивы впустѣ лежатъ у-него́ безъ-ора́тайства ну́жна;
Торгъ и-Купе́чество все упадши въ скудость приходитъ:
Но что хуже, молчатъ при-ору́жій звукѣ Законы;
А попускаются всѣ въ [2]) искаже́ніе Нравы благіи
Юность ктому не-рачи́тъ уже́ о-Слове́сныхъ Наукахъ.
Крайняя нужда творитъ, что-терпи́мо всѣми бываетъ,
Не изреченно пагубно коль, въ Полка́хъ Своеволъство:
Судна Расправа, Гра́довъ Благостройность, бесчи́нство-тожъ страждутъ.

[1]) Викторія. — [2]) Поврежденіе.

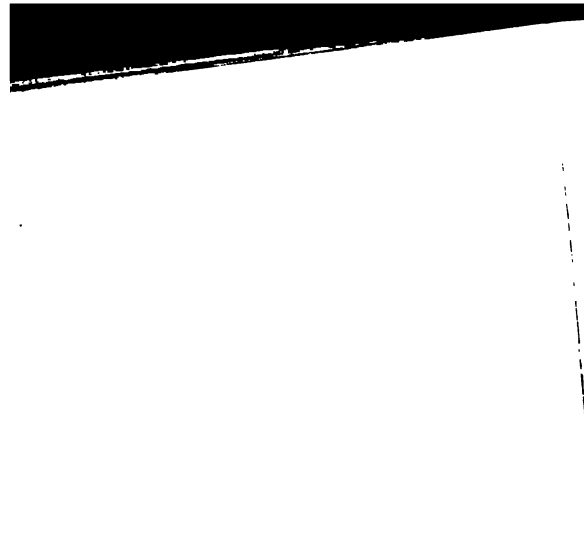
Ца́рь, проливая кровь, Человѣковъ, многихъ толик
И бываяй причиной Несчастіямъ толь неисчетным
Чтобъ ему пріобрѣсть себѣ тѣмъ нѣсколько Славы
Иль чтобъ распространи́ть Предѣлы собственна Ца
ства,
Есть недостоинъ тоя искомыя Славы конечно,
А достоинъ лишиться всего, что-Зако́нно имѣетъ,
Ибо восхитить хотѣлъ Добро насильствомъ чужое.
Но вотъ средство, да-въ-Му́жествѣ возукрѣпля́ют
Люди,
И да-того́ всѣ не забываютъ въ Мирное время.
Слышалъ, о-Ца́рь, уже́ ты Подвиги оны тѣлесны,
Мы, въ обученіе всѣмъ, которыи здѣсь уставляемъ
Видѣлъ издовоздая́нія препоощря́ющи ревность;
Пра́вила Славы, всея Добродѣтели Пра́вила также
Кои вліются въ сердца́ Дѣтей, почитай въ Колыбел
Пѣніемъ Веліихъ Дѣлъ отъ-Иро́евъ содѣянныхъ мн
гихъ:
Къ по́мощамъ симъ прида́й-же и - Тре́звость и Тр
долюбность.
Но не только того. Какъ скоро Племя Союзно
И дружелюбно всему твоему одноземному Роду,
Будетъ нѣкую Брань имѣть; такъ то́тчасъ и-до́лж
Къ оному весь твоея посылать цвѣтъ Юности бо́др
А особливѣй тѣхъ, въ которыхъ примѣчена будет
Склонность къ Войнѣ, и - спосо́бность къ понят
бра́нна Искусства.
Симъ пріобрящешь высокую Славу себѣ отъ-Сой
ныхъ:
Будутъ Дружбы искать съ Тобой, потеря́ть - т
взбоятся.

Ты, не-имѣяй Войны у-себя́, на-твоихъ и-расхо́-
дахъ,
Станешь имѣть всегда Браноносную Юность и-
силу.
Пользуясь Миромъ внутрь, награждать ты Честію
будешь,
Тою́жъ высокою, стяжущихъ всѣхъ Таланты военны.
Истинный способъ есть, къ отвращенію Бра́ни да-
лече,
А къ сохраненію Мира всегда, ниль-на-до́лгое время.
Такъ упражняться, съ великимъ раченіемъ, въ дѣлѣ
оружномъ;
Такъ чествова́ть Людей превосходныхъ, и-свѣду-
щихъ Рати;
Такъ ихъ-имѣть всегда у-себя́, научившихся нидѣ,
Знающихъ Силы Чужихъ, и-Строи́тельность, Спо-
собъ и-Би́твы:
Та́къ и не воевать Честолюбіемъ движиму сущу,
И не-бои́ться Войны по ра́ву отъ-мя́гкія Нѣги.
Та́къ-то готовый всегда воевать неминуемой нуждой,
Ужъ бываетъ почти безъ нужды къ Войнѣ и-на-
вѣки!
Чтожъ до-Сою́зниковъ, сіи когда востаютъ другъ-
на-дру́га;
То твое есть, быть у нихъ Примирителемъ вѣрнымъ.
Симъ о-Тебѣ́ вострубитъ зычнѣйше Слава прекрасна,
Нежели та, котора гремитъ за-велі́ки Побѣды:
Бу́детъ-то явно всѣмъ, и-въ-Степе́нныхъ напишется
Книгахъ.
Ты получаешь Любовь и-Почти́тельность отъ Ино-
славныхъ:

Всѣмъ имъ на́все ты всегда потребенъ бываешь.
Царствуешь самъ надъ ними такъ, на-тебя́ по-На-
де́ждѣ;
Какъ предержавствуешь всѣхъ у-твои́хъ Подчинен-
ныхъ по-Вла́сти.
Ты пребываешь Хранитель Таинъ, Властитель Сою-
зовъ,
А сердецъ всѣхъ и Господинъ, и-Верьхо́вный Вла-
дыка.
Славится честь и-хвала́ твоя въ Странахъ удален-
ныхъ:
Имя твое, какъ масть благовонна, свой-ду́хъ разви-
ваетъ
Отъ Конецъ Вселенны въ Концы, отъ-Наро́довъ въ
Народы.
Въ семъ состояніи, буде Сосѣдъ на-тебя́ напада́етъ,
А напада́етъ онъ въ противность Пра́вилъ Прав-
ды;
То находитъ си́льна тебя, и-находитъ готова:
Но, что больше, и-по́мощь пріявша, и-всѣ́ми лю-
бима.
Всѣ окрестныи роды, всѣ, по-тебѣ́ побораютъ,
Мня, что-Тебя́ сохранить, есть то Безопасность все-
обща.
Се Забра́ло, крѣпчайшее паче Градскихъ-Стѣнъ по-
всюдныхъ,
Всѣхъ и-Твердыня, рачительно коль ни преукрѣп-
ле́нныхъ.
Се и Слава твоя; а Слава истинна са́ма.
Но коль мало Царе́й, умѣющихъ снискивать ону,

И отъ-неѝ быстротой не-бѣгущихъ въ Страну далечайшу!
Рѣзво текутъ они за тѣнію Лжи всепрелестны,
А оставляютъ Истинну Честь хребтомъ застѣнённу,
Тѣмъ что Силы въ ней всеконечно знать не-умѣютъ.
Послѣ какъ-Ме́нторъ пересталъ вѣщать, Филокли́й удивленный
И на-Него́ смотрѣлъ, на-Царя́ возвергалъ-же и-о́чи,
И былъ радъ превесьма, что самъ дѣйствительно видѣлъ,
Идоменѣй коль внятно слу́шалъ-всѣ онаго рѣчи,
Проистека́ющи, какъ Рѣка Премудрости живы,
Отъ языка и-у́стъ того Чужестраннаго Мужа.
Такъ Паллада, подъ-о́бразомъ Ментора ветхаго лѣты,
Пропзлага́ла въ Сала́нтѣ лучшіи всяко Законы,
И уставляла Державства Пра́вила полныя пользы;
Тожъ не столь, да-цвѣте́тъ все Идомене́во Царство,
Сколь для-того́, да-пока́жетъ, когда Телемахъ возвратится,
Я́сный примѣръ ему, и тотъ-же чувствительный прямо,
Какъ и Что, Правительство мудрое можетъ содѣлать,
Жизнь да-въ-Блаже́нствѣ свою́ провожда́ютъ всѣ-Лю́ди Подда́нны,
И да-Царя́ Предобраго, тѣмъ и-Велі́каго въ Смертныхъ,
Въ вѣ́чный-день Имя, и-Че́сть, и-Хвала́ достославны пребудутъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТЫЯНАДЕСЯТЬ КНИГИ.



3 6105 006 489 251

T7
1949
v.2
pt.1
cop.2

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305